

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Письмо донскаго помещика Степана Владимировича Н. къ ученому сосѣду д-ру Фридриху. — Мои жены (письмо въ редакцію Рауля Спей Бороды). — Праздничная повинность. — Извлеченіе изъ нутелого журнала. — Въ вагонѣ (разговорная перестрѣлка). — Жизнь въ вопросахъ и восклицаніяхъ. — Сборникъ для дѣтей. — Французскій балъ. — Летающіе острова. — Тысяча одна страсть, или страшная ночь (романъ въ одной части съ эпилогомъ). — Жены артистовъ. — Грѣшникъ изъ Толедо. — Письмо. — Путевой разсказъ. — Первые шаги „Антоши Чехонте“. Критико-біографическіи очеркъ А. А. Измайлова. — Вспоминавпія объ А. П. Чеховѣ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-210 Warszawa, ul. Nowy Świat 79
Tel. 26-6876

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
<http://rcin.org.pl>

Artystическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измал. просп., № 29.

24.113/22

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ
И МЕЛОЧИ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ „АНТОШИ ЧЕХОНТЕ“

критико-біографическій очеркъ А. А. Измайлова.

ВОСПОМИНАНІЯ обЪ А. П. ЧЕХОВЪ.

Письмо донского помѣщика Степана Владимировича Н. къ ученому сосѣду д-ру Фридриху*).

Дорогой Сосѣдушко!

Фридрихъ (забылъ какъ по батюшкѣ, извените великодушно). Извените и простите меня стараго старикашку и нелѣпую душу человѣческую за то, что осмѣливаюсь Васъ беспокоить своимъ жалкимъ письменнымъ лѣптомъ. Вотъ ужъ цѣлый годъ прошелъ, т.-е. погрузился въ волны вѣчности, какъ Вы изволили поселиться въ нашей части свѣта по сосѣдству со мной мелкимъ человѣчкомъ, а я все еще не знаю Васъ, а Вы меня тоже не знаете. Позвольте жъ драгоценный сосѣдушко хотя посредствомъ сихъ старческихъ гіероглифовъ познакомиться съ Вами, позать мысленно Вашу ученую руку и поздравить Васъ съ прїѣздомъ изъ Салетъ-Петербурга въ нашъ недостойный материкъ, населенный мужиками и крестьянскимъ народомъ т.-е. плебейскимъ элементомъ. Давно искалъ я случая познакомиться съ Вами, жаждалъ, потому что наука въ нѣкоторомъ родѣ мать наша родная, все одно какъ и цивилизація и потому что сердечно уважаю тѣхъ людей, знаменитое имя и званіа которыхъ увѣнчанное ореоломъ популярной славы лаврами, кимвалами, орденами, лентами и аттестатами съ дипломомъ, гремитъ какъ громъ и молнія по всѣмъ частямъ вселеннаго міра сего видимаго и невидимаго т.-е. подлуннаго. Я пламенно люблю астрономовъ, поэтовъ, метафизиковъ, приватъ-доцентовъ, химиковъ и другихъ жре-

*) Редакція помѣщаетъ въ полномъ видѣ это «Письмо» въ виду того, что оно является первымъ печатнымъ произведеніемъ Чехова (1880 г. «Стрекоза», № 10).

цовъ науки, къ которымъ Вы себя причисляете чрезъ свои умные факты и отрасли наукъ т.-е. продукты и плоды. Говорять, что вы много книгъ напечатали во время умственного сидѣнія съ трубами, градусниками и кучей заграничныхъ книгъ съ заманчивыми рисунками. Недавно заѣзжалъ въ мои жалкія владѣнія, въ мои руины и развалины мѣстный максимумъ понтифексъ отецъ Герасимъ и со свойственнымъ ему фанатизмомъ бранилъ и порицалъ Ваши мысли и идеи касательно человѣческаго происхожденія и другихъ явленій міра видимаго и возставалъ и горячился противъ Вашей умственной сферы и мыслительнаго горизонта покрытаго свѣтилами и аэроглитами.

Я не согласенъ съ о. Герасимомъ касательно Вашихъ умственныхъ идей, потому что живу и питаюсь одной только наукой, которую Провиденіе дало роду человѣческому для вырытія изъ недръ міра видимаго и невидимаго драгоценныхъ металовъ, металлоидовъ и брилліантовъ, но все-таки простите меня, батюшка, насекомого еле видимаго, если я осмѣлюсь опровергнуть по-стариковски нѣкоторыя Ваши идеи касательно естества природы. О. Герасимъ сообщилъ мнѣ, что будто Вы сочинили сочиненіе, въ которомъ изволили изложить не весьма существенныя идеи на щотъ людей и ихъ первороднаго состоянія и допотопнаго бытія. Вы изволили сочинить что человѣкъ произошелъ отъ обезьянскихъ племенъ мартышекъ, орангуташекъ и т. п. Простите меня старичка, но я съ Вами касательно этого важнаго пункта не согласенъ и могу Вамъ запятую поставить. Ибо, если бы человѣкъ, властитель міра, умнѣйшее изъ дыхательныхъ существъ, происходилъ отъ глупой и невѣжественной обезьяны то у него былъ бы хвостъ и дикий голосъ.

Если бы мы происходили отъ обезьянъ, то насъ теперь водили бы по городамъ Цыганы на показъ и мы платили бы деньги за показъ другъ друга, танцуя по приказу Цыгана или сидя за рѣшеткой въ звѣринцѣ. Развѣ мы покрыты кругомъ шерстью? Развѣ мы не носимъ одѣяній, коихъ лишены обезьяны? Развѣ мы любили бы и не презирали бы женщину, если бы отъ нея хоть немножко пахло бы обезьяной, которую мы каждый вторникъ видимъ у предводителя дворянства. Если бы наши прародители происходили отъ обезьянъ, то ихъ не похоронили бы на христіанскомъ кладбищѣ; мой прапрадѣдъ на примѣръ Амвросій, жившій во время оно въ царствѣ

Польскомъ былъ погребенъ не какъ обезьяна, а рядомъ съ абатомъ католическимъ Іоакимомъ Шостакомъ, записки коего объ умѣренномъ климатѣ и горячихъ напиткахъ хранятся еще доселѣ у брата моего Ивана. Абатъ значить католическій попъ.

Извешите меня неука за то, что мѣшаюсь въ Ваши ученые дѣла и толкую по-своему по-старчески и навязываю вамъ свои дикообразныя и какія-то аляпогатыя идеи, которыя у ученыхъ и цивилизованныхъ людей скорѣй помѣщаются въ животѣ, чѣмъ въ головѣ. Не могу умолчать и не терплю когда ученые неправильно мыслятъ въ умѣ своемъ и не могу не возразить Вамъ. О. Герасимъ сообщилъ мнѣ, что вы неправильно мыслите объ лунѣ т.-е. объ мѣсяцѣ, который замѣняетъ намъ солнце въ часы мрака и темноты, когда люди спятъ, а Вы проводите электричество съ мѣста на мѣсто и фантазируете.

Не смѣйтесь надъ старикомъ, за то что такъ глупо пишу. Вы пишете, что на лунѣ т.-е. на мѣсяцѣ живутъ и обитаютъ люди и племена. Этого не можетъ быть никогда потому что если бы люди жили на лунѣ то заслоняли бы для насъ магическій и волшебный свѣтъ ее своими домами и тучными пастбищами. Безъ дождика люди не могутъ жить, а дождь идетъ внизъ на землю, а не вверхъ на луну. Люди живя на лунѣ падали бы внизъ на землю, а этого не бывать. Нечистоты и помои сынались бы на нашъ материкъ съ населенной луны. Могутъ ли люди жить на лунѣ, если она существуетъ только ночью, а днемъ исчезаетъ? И правительства не могутъ дозволить жить на лунѣ, потому что на ней по причинѣ далекаго разстоянія и недослгаемости ея можно укрываться отъ повинностей очень легко. Вы немножко ошиблись. Вы сочинили и напечатали въ своемъ умномъ сочиненіи, какъ сказалъ мнѣ о. Герасимъ, что будто бы на самомъ величайшемъ свѣтилѣ, на солнцѣ, есть черныя пятнушки.

Этого не можетъ быть, потому что этого не можетъ быть никогда. Какъ Вы могли видѣть на солнцѣ пятны, если на солнце нельзя глядѣть простыми человѣческими глазами, и для чего на немъ пятны, если и безъ нихъ можно обойтись? Изъ какого мокраго тѣла сдѣланы эти самыя пятны, если они не сгораютъ? Можетъ-быть, по-вашему и рыбы живутъ на солнцѣ? Извешите меня дурмана ядовитаго, что такъ глупо съестришь! Ужасно и предашь наукѣ!

Рубль сей парусъ девятнадцатаго столѣтія для меня не имѣеть никакой цѣны, наука его затемнила у моихъ глазъ своими дальнѣйшими крылами. Всякое открытіе терзаетъ меня какъ гвоздикъ въ спивѣ. Хотя я невѣжда и старо-свѣтскій помѣщикъ, а все же таки негодникъ старый занимаюсь наукой и открытіями, которыя собственными руками произвожу и наполняю свою нелѣпую головешку, свой дикій черепъ мыслями и комплектомъ величайшихъ знаній.

Матушка природа есть книга, которую надо читать и видѣть. Я много произвелъ открытій своимъ собственнымъ умомъ, такихъ открытій, какихъ еще ни одинъ реформаторъ не изобрѣталъ. Скажу безъ хвастовства, что я не изъ послѣднихъ касательно образованности, добытой мозолями, а не богатствомъ родителей т.-е. отца и матери или опекуновъ, которые часто губятъ дѣтей своихъ посредствомъ богатства, роскошью и шеститажныхъ жилищъ съ невольниками и электрическими позвонками.

Вотъ что мой грошовый умъ открылъ. Я открылъ, что наша великая огненная лучистая хламида солнце въ день Св. Пасхи рано утромъ занимательно и живописно играетъ разноцвѣтными цвѣтами и производитъ своимъ чуднымъ мерцаніемъ игривое впечатлѣніе. Другое открытіе. Отчего зимою день короткий, а ночь длинная, а лѣтомъ наоборотъ? День зимою оттого короткий, что подобно всѣмъ прочимъ предметамъ видимымъ и невидимымъ отъ холода сжимается и оттого, что солнце рано заходитъ, а ночь отъ возженія свѣтильниковъ и фонарей расширяется, ибо согрѣвается. Потомъ я открылъ еще, что собаки весной траву кушаютъ подобно овцамъ и что кофеи для полнокровныхъ людей вреденъ, потому что производитъ въ головѣ головокруженіе, а въ глазахъ мутный видъ и тому подобное и тому подобное прочее. Много я сдѣлалъ открытій и кромѣ этого хотя и не имѣю аттестатовъ и свидѣтельствъ.

Пріѣзжайте ко мнѣ дорогой сосѣдушко, ей-Богу. Откроемъ что-нибудь ~~вместѣ~~, литературой займемся и Вы меня поганенькаго вычисленіямъ различнымъ поучите. Пріѣзжайте пожалуйста. сдѣлайте милость, удружите не разумному сосѣду. Пріѣзжайте хоть завтра напимѣръ. Мы теперь постное ѣдимъ, но дня Васъ будемъ готовить ~~огромное~~. Дочь моя Наташенька

просила Васъ, чтобы Вы съ собой какія-нибудь умныя книги привезли... Она у меня эманципе, всё у ней дураки, только одна она умная. Молодежь теперь, я Вамъ скажу, даетъ себя знать. Дай имъ Богъ! Черезъ недѣлю прибудетъ ко мнѣ братъ мой Иванъ человѣкъ хорошій, но, между нами сказать, Бурбонъ и науки не любитъ. Это письмо долженъ доставить Вамъ мой ключникъ ровно въ 8 часовъ вечера. Если привезетъ его позже, то побейте его по щекамъ, по-профессорски, нечего съ этимъ племенемъ церемониться. Если позже доставить, то значить, въ кабакъ анафема заходилъ. Обычай ѣздить къ сосѣдямъ не нами вздуманъ же нами окончится, а потому всепремѣнно пріѣзжайте къ намъ съ инструментами и книжками. Моя жена не любитъ цѣмцевъ, но я ей сказала, что Вы не Фридрихъ, а Максимъ русскоподданный, Извините за беспокойство и простите. Ожидаемъ Васъ съ нетерпѣніемъ. Остаюсь любящій Васъ Войска Донского отставной урядникъ изъ дворянъ,

Степанъ Владиміра сынъвъ.

1880.

МОИ ЖЕНЫ.

(Письмо въ редакцію—Рауля Синей Бороды).

Милостивый Государь!

Оперетка «Синяя Борода», возбуждающая въ вашихъ читателяхъ смѣхъ и созидающая лавры гг. Лодю, Чернову и проч., не вызываетъ во мнѣ ничего, кромѣ горькаго чувства. Чувство это не обида, нѣтъ, а сожалѣніе... Искренно жаль, что печать и сцена стали за послѣдніе десятии лѣтъ подвергиваться плѣсеню Адамова грѣха, лжи. Не касаясь сущности оперетки, не трогая даже того обстоятельства, что авторъ не имѣлъ никакого права вторгаться въ мою частную жизнь и разоблачать мои семейныя тайны, я коснусь только частныхъ, на которыхъ публика строить свои сужденія обо мнѣ, Раулѣ Синей Бородѣ. Всѣ эти частности — возмутительная ложь, которую и считаю нужнымъ, м. г., опровергнуть черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала, прежде чѣмъ возбужденное мною судебное преслѣдованіе дастъ мнѣ возможность изобличить автора въ наглой лжи, а г. Лентовскаго въ потворствѣ этому постыдному пороку и въ укрывательствѣ. Прежде всего, м. г., я отнюдь не женолюбецъ, какимъ автору угодно было выставить меня въ своей опереткѣ. Я не люблю женщинъ. Я радъ бы вовсе не знатья съ ними, но виновать ли я, что homo sum et nihil humani a me alienum puto*)? Кромѣ права выбора, надъ человѣкомъ тяготѣетъ еще «законъ необходимости». Я долженъ былъ выбирать одно изъ двухъ: или поступать въ разрядъ сорви-головъ, которыхъ такъ любятъ медики, печатающіе свои объявленія на первыхъ страни-

*) Замѣчу кстати, что, учась въ гимназій, я имѣлъ по-латыни всегда пятерки.

цахъ газетъ, или же сочетаться бракомъ. Середины между этими двумя нелѣпостями нѣтъ. Какъ человѣкъ практической, я остановился на второй. Я женился. Да, я женился и во все время моей женатой жизни денно и поочно завидовалъ тому слияннику, который въ себѣ самомъ содержитъ мужа, жену, а стало-быть, и тещу, тестя, свекровь... и которому нѣтъ необходимости искать женскаго общества. Согласитесь, что все это не похоже на женолюбіе. Далѣе авторъ повѣствуетъ, что я отравлялъ своихъ женъ на другой же день послѣ свадьбы — *post primam noctem*. Чтобы не взводить на меня такой чудовищной небылицы, автору стоило только заглянуть въ метрическія книги, или въ мой послужной списокъ, но онъ этого не сдѣлалъ и очутился въ положеніи человѣка, говорящаго ложь. Я отравлялъ своихъ женъ не на вторыя сутки медоваго мѣсяца, не *pour plaisir*, какъ хотѣлось бы автору, и не экспромтомъ. Видитъ Богъ, сколько нравственныхъ мукъ, тяжелыхъ сомнѣній, мучительныхъ дней и недѣль мнѣ приходилось переживать прежде, чѣмъ я рѣшался угостить одно изъ этихъ маленькыхъ, щедрыхъ созданій морфіемъ или фосфорными спичками! Не блажь, не плотоядность облѣнившагося и объѣвшагося рыцаря, не жестокосердіе, а цѣлый комплексъ кричащихъ причинъ и слѣдствій заставлялъ меня обращаться къ любезности моего доктора. Не оперетка, а цѣлая драматическая, раздирательная опера разыгрывалась въ моей душѣ, когда я послѣ мучительнѣйшей совместной жизни и послѣ долгихъ жгучихъ размышленій посылаю въ лавочку за спичками. (Да простятъ мнѣ женщины! Револьверъ я считаю для нихъ оружіемъ слишкомъ не по дѣлу. Крысъ и женщинъ принято отравлять фосфоромъ). Изъ нижеприведенной характеристики всѣхъ семи мною отравленныхъ женъ читателю и вамъ, м. г., станетъ очевиднымъ, насколько не опереточны были причины, заставлявшія меня хвататься за послѣдній козырь семейнаго благополучія. Описываю моихъ женъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ значатся у меня въ записной книжкѣ подъ рубрикой: «расходъ на бани, сигары, свадьбы и цырюльню».

№ 1. Маленькая брюнетка съ длинными, кудрявыми волосами и большими, какъ у жеребенка, глазами. Стройна, гибка, какъ пружина, и красива. Я былъ тронутъ эмиреніемъ и кротостью, которыми были налиты ея глаза, и

умѣньемъ постоянно молчать — рѣдкій талантъ, который я ставлю въ женщинѣ выше всѣхъ артистическихъ талантовъ! Это было недалекое, ограниченное, но полное правды и искренности существо. Она смѣшивала Пушкина съ Пугачевымъ, Европу съ Америкой, рѣдко читала, ничего никогда не знала, всему всегда удивлялась, но зато за все время своего существованія она не сказала сознательно ни одного слова лжи, не сдѣлала ни одного фальшиваго движенія: когда нужно было плакать — она плакала, когда нужно было смѣяться — она смѣялась, не стѣняясь ни мѣстомъ ни временемъ. Была естественна, какъ глупый молодой барашекъ. Сила кошачьей любви вошла въ поговорку, но, держу пари на чтò хотите, ни одна кошка не любила такъ своего кота, какъ любила меня эта крошечная женщина. Цѣлые дни, отъ утра до вечера, она неотступно ходила за мной и, не отрывая глазъ, глядѣла мнѣ въ лицо, словно на моемъ лбу были написаны ноты, по которымъ она дышала, двигалась, говорила... Дни и часы, въ которые ея большіе глаза не видали меня, считались безвозвратно потерянными, вычеркнутыми изъ книги жизни. Глядѣла она на меня молча, восторгаясь, изумляясь... Ночью, когда я храпѣлъ, какъ послѣдній лѣнтяй, она, если спала, то видѣла меня во снѣ, если же ей удавалось отогнать отъ себя сонъ, стояла въ углу и молилась. Если бы я былъ романистомъ, то непременно постарался бы узнать, изъ какихъ словъ и выраженій состоятъ молитвы, которыя любящія жены въ часы мрака шлютъ къ небу за своихъ мужей. Чего онѣ хотятъ и чего просятъ? Воображаю, сколько логики въ этихъ молитвахъ!

Ни у Тѣстова ни въ Ново-Московскомъ никогда не ѣдалъ я того, чтò умѣли готовить ея пальчики. Пересоленный супъ она ставила на высоту смертнаго грѣха, а въ пережаренномъ бифтекстѣ видѣла деморализацію своихъ маленькихъ нравовъ. Подозрѣніе, что я голоденъ, или недоволенъ кушаньемъ, было для нея однимъ изъ ужасныхъ страданій... Но ничто не повергало ее въ такое горе, какъ мои недуги. Когда я кашлялъ, или дѣлалъ видъ, что у меня разстроены желудокъ, она, блѣдная, съ холоднымъ потомъ на лбу, ходила изъ угла въ уголь и ломала пальцы... Мое самое недолгое отсутствіе заставляло ее думать, что я задавленъ конкой, свалился съ моста въ рѣку, умеръ отъ удара... и сколько мучи-

тельныхъ секундъ сидитъ въ ея памяти! Когда послѣ пріятельской попойки я возвращался домой «подъ шефе» и, благодушествуя, располагался на диванѣ съ романомъ Габорию, никакія ругательства и даже пинки не избавляли меня отъ глупаго компресса на голову, теплаго ватнаго одѣяла и стакана липоваго чая!

Золотая муха только тогда ласкаетъ взоръ и пріятна, когда она летаетъ передъ вашими глазами минуту, другую и... потомъ улетаетъ въ пространство, но если же она начнетъ гулять по вашему лбу, щекотать лапками ваши щеки, залѣзаетъ въ носъ и все это неотступно, не обращая вниманія на ваши отмахиванія, то вы, въ концѣ концовъ, стараетесь поймать ее и лишитъ способности надѣдать. Жена моя была именно такой мухой. Это вѣчное заглядываніе въ мои глаза, этотъ постоянный надзоръ за моимъ аппетитомъ, неуклонное преслѣдованіе моихъ насморковъ, кашля, головной боли, завѣдили меня. Въ концѣ концовъ я не вынесъ... Да и къ тому же ея любовь ко мнѣ была ея страданіемъ. Вѣчное молчаніе и голубиная кротость ея глазъ говорили за ея беззащитность. Я отравилъ ее...

№ 2. Женщина съ вѣчно смѣющимся лицомъ, ямочками на щекахъ и прищуренными глазами. Симпатичная фигурка, одѣтая чрезвычайно дорого и съ громаднымъ вкусомъ. Насколько первая моя жена была тихоней и домохозяйкой, настолько эта была непосѣда, шумна и подвижна. Романистъ назвалъ бы ее женщиной, состоящей изъ однихъ нервовъ, я же нимало не ошибался, когда называлъ ее тѣломъ, состоящимъ изъ равныхъ частей соды и кислоты. Это была бутылка добрыхъ кислыхъ щей въ моментъ откупориванія. Физиологи не знаютъ организмъ, которые спѣшатъ жить, а между тѣмъ кровообращеніе моей жены спѣшило, какъ экстренный поѣздъ, нанятый американскимъ оригиналомъ, и пульсъ ея билъ 120 даже тогда, когда она спала. Она не дышала, а задыхалась, не плала, а захлебывалась. Спѣшила дышать, говорить, любить... Жизнь ея сплошь состояла изъ спѣшной погони за ощущеніями. Она любила пикули, горчицу, перецъ, великановъ-мужчинъ, холодные души, бѣшенный вальсъ... Отъ меня требовала она безпрестанной пушечной пальбы, фейерверковъ, дуэлей, походовъ на бѣднягу Бобеша. Увидавъ меня въ халатѣ, въ туфляхъ и съ трубкой въ зубахъ, она выходила изъ себя и проклинала день и часъ,

когда вышла за «медвѣдя» Рауля. Втолковать ей, что я давно уже пережилъ то, что составляетъ теперь соль ея жизни, что мнѣ теперь болѣе къ лицу фуфайка, нежели вальсъ, не было никакой возможности. На всѣ мои аргументы она отвѣчала маханіемъ рукъ и истерическими штуками. Volens-nolens, чтобы избѣжать визговъ и попрековъ, приходилось вальсировать, палить изъ пушекъ, драться. Скоро такая жизнь утомила меня, и я послалъ за докторомъ.

№ 3. Высокая, стройная блондинка съ голубыми глазами. На лицѣ выраженіе покорности и въ то же время собственнаго достоинства. Всегда мечтательно глядѣла на небо и каждую минуту испускала страдальческій вздохъ. Вела регулярную жизнь, имѣла своего «собственнаго Бога» и вѣчно говорила о принципахъ. Во всемъ, что касалось ея принциповъ, она старалась быть безошибочною...

— Нечестно, — говорила она мнѣ: — носить бороду, когда изъ нея можно сдѣлать подушку для бѣднаго!

— Боже, отчего она страдаетъ? Что за причина? — спрашивалъ я себя, прислушиваясь къ ея вздохамъ... — О, эти мнѣ гражданскія скорби!

Человѣкъ любить загадки — вотъ почему полюбилъ я блондинку. Но скоро загадка была разрѣшена. Какъ-то случайно попался мнѣ на глаза дневникъ блондинки, и я наскочилъ въ немъ на слѣдующій перлъ: «Желаніе спасти бѣднаго рара, запутавшагося въ интендантскомъ процессѣ, заставило меня принести жертву и внять голосу разсудка: я вышла за богатаго Рауля. Прости меня, мой Поль!» Поль, какъ потомъ оказалось, служилъ въ межевой канцеляріи и писалъ очень плохіе стихи. Дульцинеи своей онъ больше ужъ не видѣлъ... Въмѣстѣ со своими принципами она отправилась *ad patres*.

№ 4. Дѣвица съ правильнымъ, но вѣчно испуганнымъ и удивленнымъ лицомъ. Купеческая дочка... Въмѣстѣ съ 200 тыс. приданаго внесла въ мой домъ и свою убійственную привычку играть гаммы и пѣть романсъ «Я вновь передъ тобою»... Когда она не спала и не ѣла, она играла, когда не играла, то пѣла. Гаммы вытянули изъ меня всѣ мои бѣдныя жилы (я теперь безъ жилъ), а слова любимаго романса «стою очарованъ» нѣлись съ такимъ возмутительнымъ визгомъ, что у меня въ ушахъ облупилась вся штукатурка и развинтился слуховой аппаратъ. Я долго терпѣлъ, но рано или поздно состраданіе къ

самому себѣ должно было взять верхъ: пришелъ докторъ, и гаммы кончились...

№ 5. Длинноносая гладковолосая женщина съ строгимъ, никогда не улыбающимся лицомъ. Была близорука и носила очки. За неимѣніемъ вкуса и суетной потребности нравиться, одѣвалась просто и странно: черное платье съ узкими рукавами, широкій поясъ... во всей одеждѣ какая-то плоскость, уютность—ни одного рельефа, ни одной небрежной складки! Понравилась она мнѣ своею оригинальностью: была не дура. Училась она за границей, гдѣ-то у нѣмцевъ, проглотила всѣхъ Боклей и Миллей и мечтала объ ученой карьерѣ. Говорила она только объ «умномъ»... Спиритуалисты, позитивисты, материалисты такъ и сыпались съ ея языка... Бесѣдуя съ ней въ первый разъ, я мигалъ глазами и чувствовалъ себя дуракомъ. По лицу моему догадалась она, что я глупъ, но не стала смотрѣть на меня свысока, а, напротивъ, наивно стала учить меня, какъ мнѣ перестать быть дуракомъ... Умные люди, когда они снисходительны къ невѣждамъ, чрезвычайно симпатичны!

Когда мы возвращались изъ церкви въ вѣнчальной каретѣ, она задумчиво глядѣла въ каретное окно и рассказывала мнѣ о свадебныхъ обычаяхъ въ Китаѣ. Въ первую же ночь она сдѣлала открытіе, что мой черенъ напоминаетъ монгольскій; тутъ же кстати научила меня измѣрять черепа и доказала, что френологія, какъ наука, никуда не годится. Я слушалъ, слушалъ... Дальнѣйшая наша жизнь состояла изъ слушанья... Она говорила, а я мигалъ глазами, боясь показать, что ничего не понимаю... Если приходилось мнѣ ночью проснуться, то я видѣлъ два глаза, сосредоточенные на потолокъ или на моему черепу...

— Не мѣшай мнѣ... Я думаю... — говорила она, когда я начиналъ приставать къ ней съ нѣжностями...

Черезъ недѣлю же послѣ свадьбы въ моей башкѣ сидѣло убѣжденіе: умныя женщины тяжелы для нашего брата, ужасно тяжелы! Вѣчно чувствовать себя какъ на экзаменѣ, видѣть передъ собою серьезное лицо, бояться сказать глупое слово, согласитесь — ужасно тяжело! Какъ воръ, подкрался я къ ней однажды и сунулъ ей въ кофе кусочекъ ціанистаго кали. Спички недостойны такой женщины!

№ 6. Дѣвочка, предъстившая меня своей наивностью и петронутостью натуры. Это было милое, безхитрое

дята, черезъ мѣсяць же послѣ свадьбы оказавшееся вертушкой, помѣшанной на модахъ, великосвѣтскихъ сплетняхъ, манерахъ и визитахъ. Маленькая дрянъ, сорившая напропалую моими деньгами и въ то же время строго слѣдившая за лавочными книжками. Тратила у модистокъ сотни и тысячи и распекала кухарку за копейки, перетраченные на щавелѣ. Частыя истерики, томныя мигрени и битые горничныхъ по щекамъ считала грандъ-шикомъ. Вышла за меня только потому, что я знатенъ, и измѣнила мнѣ за два дня до свадьбы. Какъ-то, травя въ своей кладовой крысъ, я кстати ужъ отравилъ и ее...

№ 7. Эта умерла по ошибкѣ: выпила нечаянно ядъ, приготовленный мною для тещи (тещъ отравляю я нашатырнымъ спиртомъ). Не случись такого казуса, она, быть-можетъ, была бы жива и доселѣ...

Я кончилъ... Думаю, м. г., что всего вышенисаннаго достаточно для того, чтобы передъ читателемъ открылась вся педобросовѣстность автора оперетки г. Лентовскаго, попавшаго въ просакъ, вѣроятно, по невѣдѣнію. Во всякомъ случаѣ жду отъ г. Лентовскаго печатнаго разъясненія. Примите и пр.

Рауль, Синяя Борода.

1885.

ПРАЗДНИЧНАЯ ПОВИННОСТЬ.

...Лукавыхъ простаковъ,
Старухъ зловѣщихъ стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, водо-
ромъ.

Грибодовъ.

Быль новогодній полдень. Вдова бывшаго черногоубскаго вице-губернатора Лягаваго-Грызлова, Людмила Семёновна, маленькая, шестидесятилѣтняя старушка, сидѣла у себя въ гостиной и принимала визитеровъ. Судя по количеству закусокъ и питій, приготовленныхъ въ залѣ, число визитеровъ ожидалось громадное, но пока явился поздравить съ Новымъ годомъ только одинъ — старшій совѣтникъ губернскаго правленія Окуркинъ, дряхлый человѣчекъ, съ лицомъ желто-лимоннаго цвѣта и съ кривымъ ртомъ. Онъ сидѣлъ въ углу около бочонка съ олеандромъ и, осторожно нюхая табакъ, рассказывалъ «благодѣтельныя» городскія новости.

— Вчера, матушка, съ каланчи чуть-было не свалился пьяный солдатъ, — рассказывалъ онъ. — Перевѣсился, знаете ли, черезъ перилу, а перила—хрусь! Хрустнула, знаете ли... Къ счастью, въ ту пору жена ему на каланчу обѣдъ принесла и за фалду удержала. Коли бъ не жепы, свалился бы, шельмецъ... Ну-съ... А третьяго-дня, матушка, ваше превосходительство, у контролера банка Перцева сборище было... Всѣ чиновники собрались и насчетъ сегодняшнихъ визитовъ разсуждали. Въ одинъ голосъ порѣшили, шуты этакіе, не дѣлать сегодня визитовъ:

— Ну, ужъ это ты, батюшка, завираешься, — усмѣхнулась старуха. — Какъ же это безъ визитовъ обойтись?

— Ей-Богу-съ, ваше превосходительство. Удивительно, но вѣрно... Согласились все замѣсто визитовъ собраться сегодня въ клубъ, поздравить другъ дружку и взнести по рублю въ пользу бѣдныхъ.

— Не понимаю...—пожала плечами хозяйка.—Диковиное что-то рассказываешь...

— Такъ, матушка, теперь во многихъ городахъ дѣлается. Не ходятъ съ поздравленіями. Дадутъ по рублю и шабашъ! Хе-хе-хе. Не нужно ни ѣздить ни поздравлять, не нужно на извозчика тратиться... Сходилъ въ клубъ и сиди себѣ дома.

— Оно и лучше, — вздохнула старуха. — Пусть не ѣздютъ. Намъ же покойнѣе...

Окуркинъ испустилъ громкій, трескущій вздохъ, покачалъ головой и продолжалъ:

— За предразсудокъ почитаютъ... Лишь старшаго почитать, съ праздникомъ его поздравить, вотъ и предразсудокъ. Нынче вѣдь старшихъ за людей не считаютъ... Не то, что прежде было.

— Что жъ?—вздохнула еще разъ хозяйка.—Пусть не ѣздютъ! Не хотятъ—и не нужно.

— Прежде, матушка, когда либерализмы этой не было, визиты не считались за предразсудокъ. Ѣздили съ визитами не то что съ принужденіемъ, а съ чувствомъ, съ удовольствіемъ... Бывало, исходишь все дома, останешься на тротуарѣ и думаешь: «кого бы это еще почитать?» Любили мы, матушка, старшихъ... Страсть какъ любили! Помню, покойникъ Пантелей Степанычъ, дай Богъ ему царство небесное, любилъ, чтобъ мы почтительны были... Храни Богъ, бывало, ежели кто визита не сдѣлаетъ—скрежетъ зубовой! Въ одни святки, помню, боленъ я былъ тифомъ. И что жъ вы думаете, матушка? Всталъ съ постели, собралъ силы свои разслабленные и пошелъ къ Пантелею Степанычу... Прихожу. Отъ меня такъ и пышетъ, такъ и пышетъ! Хочу сказать: «Съ Новымъ годомъ», а у меня выходитъ: «флюсть бей козыремъ!» Хе, хе... Бредъ-съ... А то, помню, у Змищева оспа была. Доктора, конечно, запретили ходить къ нему, а намъ начхать на докторовъ: пошли къ нему и поздравили. Не считали за предразсудокъ. Я выпью, матушка, ваше превосходительство...

— Выпей, выпей... Все одно никто не придетъ, некому пить... Чай, твои-то правленскіе придутъ?

Окуркинъ безнадежно махнулъ рукой и искривилъ ротъ въ презрительную усмѣшку.

— Хамы... Всѣ однимъ миромъ мазаши.

— То-есть какъ же это, Ефимъ Ефимычъ?—удивилась старуха.—И Верхушкинъ, стало-быть, не придетъ?

— Не придетъ... Въ клубъ-съ...

— Въдъ я же ему, разбойнику этакому, крестной матерью прихожусь! Я его къ мѣсту пристроила

— Не чувствуетъ-съ... Вчера къ Перцеву первымъ явился.

— Ну тѣ, такъ и быть ужъ... Забыли старуху и пусть ихъ, а твоимъ правленскимъ грѣхъ. А Ванька Трухинъ? Неужто и онъ не придетъ?

Окуркинъ безнадежно махнулъ рукой.

— И Подсилкинъ? Тоже? Въдъ я же его, подлеца этакого, изъ грязи за уши вытянули! А Прорѣхинъ?

Старуха назвала еще десятокъ именъ, и всякое имя вызывало на губахъ Окуркина горькую улыбку.

— Всѣ, матушка! Не чувствуютъ!

— Спасибо...—вздохнула Лягавая-Грызлова, первно заходивъ по гостинной. — Спасибо... Ежели имъ опротивѣла благодѣтельница... старуха... ежели я такая скверная, противная, то пусть...

Старуха опустила въ кресло. Морщинистые глазки ея замигали.

— Я вижу, что я уже больше не нужна имъ. И не надо... Уйди и ты, Ефимъ Ефимычъ... Я не держу. Всѣ уходите.

Хозяйка прижала къ лицу платокъ и захныкала. Окуркинъ поглядѣлъ на нее, испуганно почесалъ затылокъ и робко подошелъ къ ней...

— Матушка... — сказалъ онъ плачущимъ голосомъ. — Ваше превосходительство! Благодѣтельница!

— Уйди и ты... Ступай... Всѣ ступайте...

— Матушка, ангельчикъ мой... Не плачьте-съ... Голубунка! Я пошутилъ... Ей-Богу, пошутилъ! Наллюйте мнѣ въ лицо, старой мордѣ, если я не шутилъ... Всѣ придуть-съ! Матушка!

Окуркинъ сталъ передъ старухой на колѣни, взялъ ея жилистую руку и ударилъ ею себя по лыси.

— Бейте, матушка, ангель мой! Не шути, образина! Не шути! По щекъ! По щекъ! Такъ тебѣ, брехуну окаинному!

— Нѣтъ, не шутилъ ты, Ефимъ Ефимычъ! Чувствуетъ мое сердце!

— Разразись... тресни подо мной земля! Чтобъ мнѣ дня не прожить, ежели... Вотъ увидите-съ! А пока прощайте, матушка... Не достоинъ за свои злыя шутки продолжать ласку вашу. Скроюсь... Уйду, а вы воображайте, что прогнали меня, махамета зловреднаго. Ручечку... поцѣлую...

Окуркинъ поцѣловалъ къ засосъ старухину руку и быстро вышелъ.

Черезъ пять минутъ онъ былъ около клуба. Чиновники уже поздравили другъ друга, внесли по рублю и выходили изъ клуба.

— Стойте! Вы!—замахалъ имъ руками Окуркинъ. — Чтò это вы вздумали, умники? Отчего не идете къ Людмилѣ Семеновнѣ?

— Нешто вы не знаете? Визитовъ мы нынче не дѣлаемъ!..

— Знаю, знаю... Мерси вамъ... Ну вотъ чтò, цивилизованные... Ежели сейчасъ не пойдете къ вѣдьмѣ, то горе вамъ... Ревмя реветъ! Такое на васъ молить, что и татарину не пожелаю.

Чиновники переглянулись и почесали затылки...

— Гм... Да вѣдь ежели къ ней итти, такъ придется итти ко всѣмъ...

— Чтò жъ дѣлать, миленькіе! И ко всѣмъ сходите... Не отвалятся ноги... Впрочемъ, по-мнѣ какъ знаете, хоть и не ходите... Только вамъ же хуже будетъ!

— Чортъ знаетъ чтò! Вѣдь мы ужъ и по рублю заплатили!—простоналъ Яшкинъ, учитель уѣзднаго училища...

— Рубль... А мѣста еще не потерялъ?

Чиновники еще разъ почесались и, ропща, направились къ дому Лягавой-Грызловой.

1885.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕВОГО ЖУРНАЛА,

Самая лучшая Поляковская желѣзная дорога.

Почтовый поѣздъ нумеръ такой-то мчится на всѣхъ парахъ отъ станціи «Веселый трахъ-тарарахъ» до станціи «Спасайся, кто можетъ!». Локомотивъ свиститъ, шипитъ, пыхтитъ, сопитъ... Вагоны дрожать и своими неподмазанными колесами воютъ волками и кричатъ совами! На небѣ, на землѣ и въ вагонахъ тьма. «Что-то будетъ, что-то будетъ!»—стучать дрожащія отъ старости лѣтъ вагоны... «Огого-гого-о-о!» — подхватываетъ локомотивъ... По вагонамъ вмѣстѣ съ карманолюбцами гуляютъ сквозные вѣтры. Страшно... Я высовываю свою голову въ окно и безцѣльно смотрю въ безконечную даль. Всѣ огни зеленые: скандалъ, надо полагать, еще не скоро. Диска и станціонныхъ огней не видно... Тьма, тоска, мысль о смерти, воспоминанія дѣтства... Боже мой!

«Грѣшенъ!.. — шепчу я. — Охъ, какъ грѣшенъ!.. Жену въ прошломъ году у друга отнял... Въ газетки по глупости пишу... Тещу ненавижу... Прости меня, о, моя теща! Не разъ желалъ тебѣ погибели, не разъ сыпалъ въ твой кофе жженой пробки!..»

Кто-то лѣзетъ въ мой задній карманъ. Въ карманѣ нѣтъ ничего, но все-таки ужасно... Я оборачиваюсь. Предо мной незнакомецъ. На немъ соломенная шляпа и темно-сѣрая блуза.

— Что вамъ угодно?—спрашиваю я его, ощущивая свои карманы.

— Ничего-съ! Я въ окно смотрю-съ!—отвѣчаетъ онъ, отдергивая руку и налегая мигъ на спину.

Слышенъ сильный пронзительный свистъ... Поѣздъ начинаеть идти все тише и тише и наконецъ останавли-

вается. Выхожу из вагона и иду къ буфету выпить для храбрости. У буфета тѣснится публика и поѣздная бригада.

— Гм.. Водка, а не горько!—говоритъ солидный оберъ-кондукторъ, обращаясь къ толстому господину.

Толстый господинъ хочетъ что-то сказать и не можетъ: поперекъ горла остановился у него годовалый бутербродъ.

— Жндаррръ!!! Жндаррръ!!! — кричитъ кто-то на платформѣ такимъ голосомъ, какимъ во время оно, до потона, кричали голодные мастодонты, ихтиозавры, и плезиозавры...

Иду посмотрѣть, въ чемъ дѣло... У одного изъ вагоновъ перваго класса стоитъ господинъ съ кокардой и указываетъ публикѣ на свои ноги. Съ несчастнаго въ то время, когда онъ спалъ, стащили сапоги и чулки...

— Въ чемъ же я поѣду теперь?—кричитъ онъ.—Миѣ до Ррревеля ѣхать! Вы должны смотрѣть!

Передъ нимъ стоитъ жандармъ и увѣряетъ его, что «здѣсь кричать не приходится».. Бьетъ звонокъ... Иду въ свой вагонъ № 224. Въ моемъ вагонѣ все то же: тьма, храпъ, табачный и сивушный залахи, пахнетъ русскимъ духомъ. Возлѣ меня храпять рыженый судебный слѣдователь, ѣдущій въ Кіевъ изъ Рязани... Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ слѣдователя дремлетъ хорошенькая... Дьяконъ, въ соломенной шляпѣ, сопить, пыхтитъ, переворачивается на всѣ бока и не знаетъ, куда положить свои длинныя ноги... Кто-то въ углу закусываетъ и чамкаетъ во всеуслышаніе... Подъ скамьями спитъ богатырскимъ сномъ народъ. Скрипитъ дверь. Входятъ двѣ сморщенные старушонки съ котомками на спинахъ..

— Сядемъ сюда, мать моя!—говоритъ одна.—Темень-то какая! Искушеніе да и только.. Никакъ наступила на кого... А гдѣ Пахомъ?

— Пахомъ? Ахъ, батюшты! Гдѣ жъ это онъ? Ахъ, батюшты!

Старушонка суетится, отворяетъ окно и осматриваетъ платформу.

— Пахо-омъ!—дребезжить она:—гдѣ ты? Пахомъ! Мы тутотко!

— У меня бѣда-а!—кричитъ голосъ за окномъ.

— Что такое?

— Съ лошадей што миѣ дѣлать? Въ машину не пускаютъ!

— Не пускаютъ? Ты ее того... Который это не пускаетъ? Плюнь! Не можетъ тебя никто не пустить, ежели у тебя настоящій билетъ есть!

— Съ кобылой-то што? Въ карманъ, што ли?

— Веди! Ты веди сюда! Найдутъ мѣсто! Не оставаться же ей тутъ-ко!

По платформѣ кто-то ведетъ лошадь. Топотъ и фыркаше.

— Сдай назадъ!—кричитъ жандармъ.—Куда лѣзешь? Чего скандалишь?

— Петровна! — стонетъ Пахомъ. — Не пускаютъ!

Петровна сбрасываетъ съ себя узелъ, хватаетъ въ руки большой жестяной чайникъ и выбѣгаетъ изъ вагона. Бьетъ второй звонокъ. Входитъ маленькій кондукторъ съ черными усиками.

— Вы бы взяли билетъ!—обращается онъ къ старцу, сидящему противъ меня.—Контролеръ здѣсь!

— Да? Гм... Это нехорошо... Какой?.. Князь?

— Ну... Князя сюда и палками не загонишь...

— Такъ кто же? Съ бородой?

— Да, съ бородой... Л.

— Ну, коли этотъ то ничего. Онъ добрый человекъ

— Какъ хотите.

— А много зайцевъ ѣдетъ?

— Душъ сорокъ будетъ.

— Пинно? Моллодцы! Ай да коммерсанты!

Сердце у меня сжимается. Я тоже зайцемъ ѣду. Я всегда ѣзжу зайцемъ. На Поляковскихъ дорогахъ зайцами называются гг. пассажиры, затрудняющіе размѣномъ денегъ не кассировъ, а кондукторовъ. Хорошо, читатель, ѣздить зайцемъ! Зайцамъ полагается, по нигдѣ еще не напечатанному тарифу, 75 % уступки, имъ не нужно толпиться около кассы, вынимать ежеминутно изъ кармана билетъ, съ ними кондуктора вѣжливѣе и... все, что хотите, однимъ словомъ!

— Чтобъ я заплатилъ когда-нибудь и что-нибудь Полякову!—бормочетъ старецъ.—Да никогда! Я плачу кондуктору. У кондуктора меньше денегъ, чѣмъ у Полякова!

Дребезжитъ третій звонокъ.

— Ахъ, матушки!—хлопочетъ старушонка:—гдѣ жъ это Петровна? Вѣдь вотъ ужъ и третій звонокъ! Наказаніе Божіе... Осталась! Осталась бѣдная... А вещи ея тутъ...

Што съ вещами подѣлать, съ сумочкой? Родимые мои, вѣдь она осталась!—Старушонка на минуту задумывается.— Пуцдай съ вещами остается,—говорить она и бросает сумочку Петровны въ окно.

Ѣдемъ къ станціи «Халдѣво», а по путеводителю «Фрумъ»—«Общая могила». Входятъ контролеръ и оберъ-кондукторъ со свѣчой.

— Вашшш... билеты!—кричитъ оберъ-кондукторъ.

— Вашъ билетъ!—обращается контролеръ ко мнѣ и къ старцу.

Мы ёжимся, сжимаемся, прячемъ руки и впиваемся глазами въ ободряющее лицо оберъ-кондуктора.

— Получите!—говоритъ контролеръ своему спутнику и отходить.

Мы спасены.

— Вашъ билетъ! Ты! Вашъ билетъ! — толкаетъ оберъ-кондукторъ снявшаго парня.

Парень просыпается и вынимаетъ изъ шапки желтый билетикъ.

— Куда же ты ѣдешь?—говоритъ контролеръ, вертя между пальцами билетъ. — Ты не туда ѣдешь!

— Ты, дубъ, не туда ѣдешь! — говоритъ оберъ-кондукторъ. — Ты не на тотъ поѣздъ сѣлъ, голова! Тебѣ нужно на Живодерово, а мы ѣдемъ на Общую могилу! Вааазьми! Вотъ не нужно быть никогда дуракомъ!

Парень усиленно моргаетъ глазами, туло смотреть на улыбающуюся публику и начинаетъ тереть рукавомъ глаза.

— Ты не плачь!—совѣтуетъ публика. — Ты лучше попроси! Такой здоровый болванъ, а ревешь! Женать небось, дѣтей имѣешь.

— Вашшш... билетъ!..—обращается оберъ-кондукторъ къ косарю въ цилиндрѣ

— Га?

— Вашшш... билеты! Поворачивайся!

— Билетъ? Нешто нужно?

— Билетъ!!!

— Понимаемъ... Отчего не дать, коли нужно? Дадимъ!

Косарь въ цилиндрѣ лѣзетъ за пазуху и со скоростью двухъ съ половиною вершковъ въ часъ вытаскиваетъ оттуда засаленную бумагу и подаетъ ее контролеру.

— Кого даешь? Это паспортъ! Ты давай билетъ!

— Другого у меня билета нѣту! — говоритъ косарь, видимо встревоженный.

— Какъ же ты ѣдешь, когда у тебя нѣтъ билета?

— Да я заплатилъ.

— Кому ты заплатилъ? Чтò врешь?

— Кондуктырю.

— Какому?

— А шутъ его знаетъ, какому! Кондуктырю, вотъ и все... «Не бери, говоритъ, билета, мы тебя и такъ провеземъ...» Ну, я и не взялъ...

— А вотъ мы съ тобой на станціи поговоримъ! Мамъ, вашъ билетъ!

Дверь скрипитъ, отворяется, и, ко всеобщему нашему удивленію, входитъ Петровна.

— Насилу, мать моя, наша свой вагонъ... Кто ихъ разберетъ, всѣ одинаковые... А Нахома такъ и не пропустили, асинды... Гдѣ моя сумочка?

— Гм... Искушеніе... Я тебѣ ее въ окошко выбросила! Я думала, что ты осталась!

— Куда бросила?

— Въ окно... Кто жъ тебя знаетъ?

— Спасибо... Кто тебя просилъ? Ну да и вѣдьма, прости Госноди! Чтò теперь дѣлать? Своей не бросила, поскуда... Морду бы свою ты лучше выбросила! Пьяная! Аааа, штобъ ты сдохла, лютая!

— Нужно будетъ со слѣдующей станціи телеграфировать!—совѣтуетъ смѣющаяся публика.

Петровна начинаетъ голосить и нечестиво браниться. Ея подруга держится за свою суму и также плачетъ. Входитъ кондукторъ.

— Чьи веш-ш-ш...чи!—выкрикиваетъ онъ, держа въ рукахъ вещи Петровны.

— Хорошенькая!—шепчетъ мнѣ мой vis-à-vis старецъ, кивая на хорошенькую...—Г-м-м... хоррошенькая... Чортъ подери, хлороформу нѣтъ! Даль бы ей понохать да и цѣлуй во всѣ лонатки! Благо всѣ снятъ...

Дьякошъ ворочается и во всеуслышаніе сердится на свои непослушныя ноги.

— Ученые...—бормочетъ онъ.—Ученые... Небось, противъ естества вещей и предметовъ не пойдешь... Ученые... гм... Небось не сдѣлаютъ такъ, чтобъ ноги можно было отвинчивать и привинчивать по произволенію!

— Я тутъ не при чемъ... Спросите товарища прокурора!—бредить мой сосѣдъ-слѣдователь.

Въ дальнемъ углу два гимназиста, унтеръ-офицеръ и

молодой человекъ въ синихъ очкахъ при свѣтѣ четырехъ папиросъ жарять въ картежъ...

Направо отъ меня сидитъ высокая барыня изъ породы само собою разумѣется. Отъ нея разить пудрой и пачулями.

— Ахъ, что за прелесть эта дорога! — шепчетъ надъ ея ухомъ какой-то гусь, шепчетъ приторно до... до отвращенія, какъ-то французисто выговаривая буквы г, н и р. — Нигдѣ такъ быстро и пріятно не бываетъ сближеніе, какъ въ дорогѣ! Люблю тебя, дорогая!

Поцѣлуй... Другой... Чортъ знаетъ что! Хорошенькая просыпается, обводитъ глазами публику и... безсознательно кладетъ голову на плечо сосѣда, жреца Ѡмиды... а онъ, дуракъ, спитъ!! Не я ея сосѣдъ!!!

Поѣздъ останавливается. Полустанокъ.

— Поѣздъ стоитъ двѣ минуты... — бормочетъ сиплый, падтреснутый басъ внѣ вагона.

Проходить двѣ минуты, проходятъ еще двѣ... Проходить пять, десять, двадцать, а поѣздъ все еще стоитъ. Что за чортъ? Выхожу изъ вагона и направляюсь къ локомотиву.

— Иванъ Матвѣичъ! Скоро жъ ты наконецъ? Чортъ! — кричитъ оберъ-кондукторъ подъ локомотивъ.

Изъ-подъ локомотива выползаетъ на брюхѣ машинистъ, красный, мокрый, съ кускомъ сажи на носу...

— У тебя есть Богъ, или нѣтъ? — обращается онъ къ оберъ-кондуктору. — Ты человекъ или нѣтъ? Что подготавлиешь? Не видишь, что ли? Ааа... чтобъ вамъ всѣмъ новылазило!.. Развѣ это локомотивъ? Это не локомотивъ, а тряпка! Не могу я везти на немъ!

— Что же дѣлать?

— Дѣлай, что хочешь! Давай другой, а на этомъ не поѣду! Да ты войди въ положеніе...

Помощники машиниста бѣгаютъ вокругъ неисправнаго локомотива, стучать, кричать... Начальникъ станціи въ красной фуражкѣ стоитъ возлѣ и рассказываетъ своему помощнику анекдоты изъ превеселаго еврейскаго быта... Идетъ дождь... направляюсь въ вагонъ... Мимо мчится незнакомецъ въ соломенной шляпѣ и темно-сѣрой блузѣ... Въ его рукахъ чемоданъ. Чемоданъ этотъ мой... Боже мой!

1881.

ВЪ ВАГОНѢ.

(РАЗГОВОРНАЯ ПЕРЕСТРѢЛКА).

— Сосѣдь, сигарочку не угодно ли?

— Мерси!.. Великолѣпная сигара! Почему такія за десятокъ?

— Право, не знаю, но думаю, что изъ дорогихъ... гаванна вѣдь! Послѣ бутылочки Эль-де-Пердри, которую я только-что выпилъ на вокзалѣ, и послѣ анчоусовъ недурно выкурить такую сигару. Пфф!

— Какая у васъ массивная брелока!

— Мда... Триста рубликовъ-съ! Теперь, знаете ли, недурно бы послѣ этой сигары рейнскаго выпить... Шлось-Юганисберга, что ли, № 85¹/₂, десятирублевый... А? Или краснаго... Изъ красныхъ я пью Кло-де-Вужо-вье-секъ, или, пожалуй, Кло-де-Руа-Картонъ... Впрочемъ, если ужъ пить бургонское, то не иначе какъ Шамбертенъ № 38³/₄. Изъ бургонскихъ оно самое здоровое..

— Извините, пожалуйста, за нескромный вопросъ: вы, вѣроятно, принадлежите къ здѣшнимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, или вы... банкиръ?

— Нѣ-ѣтъ, какой банкиръ! Я пакгаузный надзиратель W-й таможни...

* * *

— Жена моя читаетъ «Новости» и «Новое Время», самъ же я предпочитаю московскія газеты. По утрамъ читаю газеты, а вечеромъ приказываю которой-нибудь изъ дочерей читать вслухъ «Русскую Старину» или «Вѣстникъ Европы». Признаться, я не охотникъ до толстыхъ журналовъ, отдаю ихъ знакомымъ чи-

татъ, самъ же угощаюсь больше иллюстраціями... Читаю «Ниву», «Всемирную»... ну, конечно, и юмористическія...

— Неужели вы выписываете все эти газеты и журналы? Вѣроятно, вы содержите бібліотеку?

— Нѣтъ-съ, я пріемщикъ въ почтовомъ отдѣленіи...

* * *

— Конечно, лошадиному способу путей сообщенія никогда не сравнятся съ желѣзной дорогой, но и лошади, батенька, хорошая штука... Запряжешь этакъ пять-шесть троекъ, насажаешь туда бабенокъ и—ахъ, вы, кони, мои кони, мчитесь сокола быстрѣй! Ыдешь, и только искры сыплются! Верстъ тридцать промчишься и назадъ... Лучшаго удовольствія и выдумать нельзя, особливо зимой... Былъ, знаете ли, такой случай... Приказываю я однажды людямъ запрячь десять троекъ... гости у меня были...

— Виновать... вѣроятно, у васъ свой конскій заводъ?

— Нѣтъ-съ, я брандмейстеръ...

* * *

— Я не корыстолюбивъ, не люблю денегъ... тѣфу на нихъ!.. Много я изъ-за нихъ, поганныхъ, выстрадалъ, по все-таки говорилъ и буду говорить: деньги хорошая штука! Ну, что можетъ быть пріятнѣе, когда стоишь этакъ съ глазу на глазъ съ обывателемъ и вдругъ чувствуешь на ладони нѣкоторое бумажное, такъ сказать, соприкосновеніе... Такъ и бѣгаютъ по жиламъ искры, когда въ кулакѣ бумаженцію чувствуешь...

— Вы, вѣроятно, докторъ?

— Храпи Богъ! Я становой...

* * *

— Кондукторъ! Гдѣ я нахожусь?! Въ какомъ я обществѣ?! Въ какомъ я вѣкѣ живу?!

— Да вы сами кто такой?

— Сапожныхъ дѣлъ мастеръ Егоровъ...

* * *

— Что ни говорите, а тяжелъ нашъ писательскій трудъ! (величественный вздохъ). Не даромъ collega Некрасовъ сказалъ, что въ нашей судьбѣ что-то лежитъ роковое... Правда, мы получаемъ большія деньги, насъ всюду знаютъ... нашъ удѣлъ слава, но... все это суета...

Слава, по выраженію одного изъ моихъ коллегъ, есть яркая заплата на грязномъ рубищѣ слѣпца... Такъ тяжело и трудно, что, вѣрите ли, иной разъ взять бы и промѣнять славу, деньги и все на долю пахаря...

— А вы гдѣ изволите писать?

— Пишу въ «Лучѣ» статьи по еврейскому вопросу...

* * *

— Мой мужъ уходилъ каждую субботу къ министру, и я оставалась одна... Вдругъ въ одну изъ субботъ привзжаютъ отъ графа Фикина и спрашиваютъ мужа. «Нуженъ во что бы то ни стало! Хоть изъ земли выкопайте, а дайте намъ вашего мужа!» Такіе, ей-Богу... Гдѣ же, говорю, я возьму вамъ мужа? Сейчасъ онъ у министра, оттуда же, чего добраго, заѣдетъ къ княгинѣ Хронской-Запятой...

— А-а-а... Сударыня, вашъ супругъ по какому министерству изволить служить?

— Онъ по парикмахерской части... Въ парикмахерахъ...

1885.

ЖИЗНЬ ВЪ ВОПРОСАХЪ И ВОСКЛИЦАНІЯХЪ.

Дѣтство. Кого Богъ далъ, сына или дочь? Крестить скоро? Крупный мальчикъ! Не урони, мамка! Ахъ, ахъ! Упадетъ!! Зубки прорѣзались? Это у него золотуха? Возьмите у него кошку, а то она его оцарапаетъ! Потяни дядю за усъ! Такъ! Не плачь! Домовой идетъ! Онъ уже и ходить умѣетъ! Унесите его отсюда, — онъ невѣжливъ! Чтѣ онъ вамъ надѣлалъ?! Бѣдный сюртукъ! Ну, ничего, мы высушимъ! Чернила опрокинулъ! Спи, пузырь! Онъ уже говоритъ! Ахъ, какая радость! А ну-ка, скажи что-нибудь! Чуть извозчики не задавили!! Прогнать няньку! Не стой на сквозномъ вѣтрѣ! Постыдитесь, можно ли бить такого маленькаго? Не плачь! Дайте ему пряника!

Отрочество. Иди-ка сюда, я тебя выскѣ! Гдѣ это ты себѣ носъ разбилъ? Не безпокой мамашу! Ты не маленькій! Не подходи къ столу, тебѣ послѣ! Читай! Не знаешь? Пошелъ въ уголъ! Единица! Не клади въ карманъ гвоздей! Почему ты мамаша не слушаешься? Ышь какъ слѣдуетъ! Не ковырай въ носу! Это ты ударилъ Митю? Пострѣлъ! Читай мнѣ «Демьянову уху»! Какъ будетъ именительный падежъ множественнаго числа? Сложи и вычти! Вонъ изъ класса! Безъ обѣда! Спать пора! Уже девять часовъ! Онъ только при гостяхъ шалить! Врешь! Причешься! Вонъ изъ-за стола! А ну-ка, покажи свои отмѣтки! Уже порвалъ сапоги?! Стыдно ревѣть такому большому! Гдѣ это ты мундиръ запачкалъ? На васъ не даласешься! Опять единица? Когда наконецъ я перестану тебя пороть? Если ты будешь курить, то я тебя изъ дома выгоню! Какъ будетъ превосходная степень онъ *facilis*? *Facilissimus*? Врете! Кто это

вино вышилъ? Дѣти, обезьяну на дворъ привели! За что вы моего сына на второй годъ оставили?

Ю пошество. Тебѣ еще рано водку пить! Скажите о послѣдовательности временъ! Рано, рано, молодой человекъ! Въ ваши лѣта я еще ничего такого не зналъ! Ты еще боишься при отцѣ курить? Ахъ, какой срамъ! Тебѣ кланялась Пиночка! Возьмите Юлія Цезаря! Здѣсь *ut consecutivum*? Ахъ, душка! Оставьте, баришъ, а то я... папенькѣ скажу! Ну, ну... шельма! Bravo, у меня уже усы растутъ! Гдѣ? Это ты нарисовалъ, а не растутъ! У Nadine прелестный подбородокъ! Вы въ какомъ теперь классѣ? Согласитесь же, папа, что мнѣ нельзя не имѣть карманныхъ денегъ! Наташа? Знаю! Я былъ у нея! Такъ это ты? Ахъ, ты, скромникъ! Дайте покурить! О, если бъ ты зналъ, какъ я ее люблю! Она божество! Кончу курсъ въ гимназiи и женюсь на ней! Не ваше дѣло, тамап! Посвящаю вамъ свои стихи! Оставьте покурить! Я пьянѣю уже послѣ трехъ рюмокъ! Bis! bis! Браааво! Неужели ты не читалъ Борна? Не косинусъ, а синусъ! Гдѣ тангенсъ? У Соньки плохія ноги! Можно поцѣловать? Выпьемъ? Ураааа, кончилъ курсъ! Запишите за мной! Займите четвертную! Я женюсь, отецъ! Но я далъ слово! Ты гдѣ ночевалъ?

Между 20 и 30 годами. Займите мнѣ сто рублей! Какой факультетъ? Мнѣ все одно! Почему лекція? Дешево однако! Въ «Стрѣльбу» и обратно! Бисъ, бисъ! Сколько я вамъ долженъ? Завтра придете! Что сегодня въ театрѣ? О, если бы вы знали, какъ я васъ люблю! Да или нѣтъ? Да? О, моя прелесть! Въ шею! Челозкъ! Вы хересь пьете? Марья, дай-ка огуречнаго разеольцу! Редакторъ дома? У меня нѣтъ таланта? Странно! Чѣмъ же я жить буду? Займите пять рублей! Въ Salon! Господа, свѣтаеть! Я ее бросилъ! Займите фракъ! Желтаго въ уголь! Я и такъ уже пьянъ! Умираю, докторъ! Займи на лѣкарство! Чуть не умеръ! Я похудѣлъ? Къ Яру, что ли? Стоитъ того! Дайте же работы! Пожалуйста! Эээ... да вы лѣптяй! Можно ли такъ опаздывать? Суть не въ деньгахъ! Нѣтъ-съ, въ деньгахъ! Стрѣляюсь!! Шабашъ! Чортъ съ нимъ, со всѣмъ! Прощай, поскудная жизнь! Впрочемъ... нѣтъ! Это ты, Лиза? Пѣснь моя уже слѣта, тамап! Я уже отжилъ свое! Дайте мнѣ мѣсто, дядя! Ma tante, карета подаа! Merci, mon oncle! Не правда ли, я измѣнился, mon oncle? Пересобачился?

Ха-ха! Папшите эту бумагу! Жениться? Никогда! Она—увы!—замужем! Ваше превосходительство! Представь меня своей бабушкѣ, Сержъ! Вы очаровательны, княжна! Полноте! Вы напрашиваетесь на комплименты! Позвольте мнѣ кресло во второй рядъ!

Между 30—50 годами. Сорвалось! Есть вакансія? Девять безъ козырей! Семь червей! Вамъ сдавать, дядюшка! Вы ужасны, докторъ! У меня ожирѣніе печени? Чуть! Какъ много берутъ эти доктора! А сколько за ней приданого? Теперь не любите, со временемъ полюбите! Съ законнымъ бракомъ! Не могу я, душа моя, не играть! Катарръ желудка? Сына или дочь? Весь въ отца! Хе-хе-хе... не зналъ-съ! Выигралъ, душа моя! Опять, чортъ возьми, проигралъ! Сына или дочь? Весь въ... отца! Увѣрю тебя, что я ее не знаю! Перестань ревновать! Ёдемъ, Фани! Браслетъ? Шампанскаго! Съ чиномъ! Мерсі! Чтѣ нужно дѣлать, чтобы похудѣть? Я лысъ?! Не зудите, теца! Сына или дочь? Я пьянъ, Каролинхенъ! Дай я тебя поцѣлую, нѣмочка! Опять этотъ каналья у жены! Сколько у васъ дѣтей? Помогите бѣдному человѣку! Какая у васъ дочь миленькая! Въ газетахъ, дьяволы, пропечатали!! Иди, я тебя выскку, скверный мальчишка! Это ты измялъ мой парикъ?

Старость. Ёдемъ на воды? Выходи за него, дочь моя! Глупъ? Полно! Плохо пляшетъ, но ноги прелестны! Сто рублей за... поцѣлуй?! Ахъ, ты, чертенокъ! Хе-хе-хе! Рябчика хочешь, дѣвочка? Ты, сынъ, того... безирравственъ! Вы забываетесь, молодой человѣкъ! Пет! пет! пет! Ллюблю музыку! Шям... Шям... панскаго! «Шута» читаешь? Хе-хе-хе! Внучатамъ конфетокъ несу! Сыпъ мой хорошъ, но я былъ лучше! Гдѣ ты, то время? Я и тебя, Эмочка, въ завѣщаніи не забылъ! Ишь я какой! Папанка, дай часы! Водянка? Неужели? Царство небесное! Родня плачетъ? А къ ней идетъ трауръ! Отъ него пахнетъ! Миръ праху твоему, честный труженикъ!

1882.

СБОРНИКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Предисловіе. Милыя и дорогія дѣти! Только тотъ счастливъ въ этой жизни, кто честенъ и справедливъ. Мерзавцы и подлецы не могутъ быть счастливы, а потому будьте честны и справедливы. Не мошенничайте въ картахъ не потому, что за это могутъ сѣздить подсѣчникомъ, а потому, что это нечестно; почитайте старшихъ не потому, что за непочтеніе угощаютъ березовой кашей, а потому, что этого требуетъ справедливость. Привожу вамъ въ назиданіе нѣсколько сказокъ и повѣстей...

1. Наказанная скупость. Три пріятели, Ивановъ, Петровъ и Смирновъ, зашли въ трактиръ пообѣдать. Ивановъ и Петровъ были не скупы, а потому тотчасъ же потребовали себѣ по шестидесяतिकопеечному обѣду. Смирновъ же, будучи скупъ, отказался отъ обѣда. Его спросили о причинѣ отказа.

— Я не люблю трактирныхъ щей,—сказалъ онъ.— Да и къ тому же у меня въ карманѣ всего-навсего шесть гривенъ. Надо же и на палиросы себѣ оставить. Вотъ что: я скушаю яблоко.

Сказавъ это, Смирновъ потребовалъ яблоко и сталъ ѣсть его, съ завистью поглядывая на друзей, ѣвшихъ щи и вкусныхъ рябчиковъ. Но мысль, что онъ мало потратился, утѣшала его. Каково же было его удивленіе, когда на поданномъ счетѣ прочелъ онъ слѣдующее: «2 обѣда 1 р. 20 коп.». Съ этихъ поръ онъ никогда не скупится и не покупаетъ фруктовъ въ трактирныхъ буфетахъ.

2. Дурной примѣръ заразителенъ. Червонецъ подружился съ тѣстовскимъ рублевымъ обѣдомъ и сталъ совращать его съ пути истины.

— Другъ мой!—говорилъ онъ рублевому обѣду.—По-

гляди на меня! Я много меньше, но сколь я лучше тебя! Не говоря уже о томъ сіяніи, которое я испускаю изъ себя, какъ я дорогъ! Номинальная моя стоимость равна 5 руб. 15 коп., а между тѣмъ люди даютъ за меня восемь съ хвостикомъ!

И долго такимъ образомъ смущалъ онъ рублевой обѣдъ. Обѣдъ слушалъ-слушалъ и наконецъ совратился. Черезъ нѣсколько времени онъ говорилъ русскому кредитному рублю:

— Какъ жаль мнѣ тебя, несчастный цѣлковый! И какъ ты смѣшонъ! Моя номинальная стоимость равна рублю, между тѣмъ за меня платятъ теперь въ трактирахъ рубль съ четвертакомъ, ты же... ты! о, стыдъ! Ты дешевле своей стоимости! Ха-ха...

— Другъ мой!—кратко замѣтилъ ему рубль.—Ты и другъ твой, червонецъ, построили свое величіе на моемъ униженіи, и я радъ, что могъ служить вамъ!

Рублевому обѣду стало стыдно.

3. Примѣрная и неблагодарность. Одинъ благочестивый человѣкъ, въ день своихъ именинъ, созвалъ къ себѣ во дворъ со всего города хромыхъ, слѣпыхъ, гнойныхъ и убогихъ, и сталъ угощать ихъ обѣдомъ. Угощалъ онъ ихъ постными щами, горохомъ и пирогами съ изюмомъ. «Кушайте, во славу Божию, братья мои!»—говорилъ онъ пицимъ, упрашивая ихъ ѣсть. Тѣ ѣли и не благодарили. Пообѣдавъ, убогіе, хромые, слѣпые и гнойные наскоро помолились Богу и вышли на улицу.

— Ну, что? Какъ угостилъ васъ благочестивый человѣкъ?—обратился къ одному изъ хромыхъ стоявшій неподалеку городской.

Хромой махнулъ рукой и ничего не отвѣтилъ. Тогда городской съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ одному изъ гнойныхъ.

— Appetitъ только испортилъ!—отвѣтилъ гнойный, съ досадою махнувъ рукой.—Сегодня намъ предстоитъ еще обѣдать на похоронахъ кунчихи Ярлыковой!

4. Достойное возмездіе. Одинъ злой мальчикъ имѣлъ дурную привычку писать на заборахъ неприличные слова. Онъ писалъ и думалъ, что не будетъ за это наказанъ. Но, дѣти, ни одинъ злой поступокъ не проходитъ безъ наказанія. Однажды, идя мимо забора, злой мальчикъ взялъ мѣлъ и на самомъ видномъ мѣстѣ написалъ: «Дуракъ! Дуракъ! Дуракъ!». Проходили мимо

забора люди и читали. Прошелъ Умный, прочелъ и пошелъ далѣе. Прошелъ Дуракъ, прочелъ и отдалъ злого мальчика подъ судъ за диффамацию.

— Отдаю его подъ судъ не потому, что мнѣ обидно это писанье, а изъ принципа!

5. Излишнее усердіе. Въ одной газетѣ завелись черви. Тогда редакторъ призвалъ болотныхъ птицъ и сказалъ имъ: «Клюйте червей!» Птицы стали клевать и склевали не только червей, но и газету и самого редактора.

6. Ложь до правды стоитъ. Персидскій царь Дарій, умирая, призвалъ къ себѣ сына своего Артаксеркса и сказалъ ему:

— Сынъ мой, я умираю! Послѣ моей смерти созови со всей земли мудрецовъ и предложи имъ на разрѣшеніе эту задачу. Рѣшившихъ сдѣлай своими министрами.

И, нагнувшись къ уху сына, Дарій прошепталъ ему тайну задачи.

Послѣ смерти отца, Артаксерксъ созвалъ со всей земли мудрецовъ и, обратясь къ нимъ, сказалъ:

— Мудрецы! Отецъ поручилъ мнѣ дать вамъ вотъ эту задачу на разрѣшеніе. Кто рѣшитъ ее, тотъ будетъ моимъ министромъ.

И Артаксерксъ задалъ мудрецамъ задачу. Всѣхъ мудрецовъ было пять.

— Но кто же, государь, будетъ контролировать наши рѣшенія?—спросилъ царя одинъ изъ мудрецовъ.

— Никто,—отвѣчалъ царь.—Я повѣрю вашему честному слову. Если вы скажете, что вы рѣшили, я повѣрю, не повѣряя васъ.

Мудрецы сѣли за столъ и стали рѣшать задачу. Въ тотъ же день вечеромъ одинъ изъ мудрецовъ явился къ царю и сказалъ:

— Я рѣшилъ задачу.

— Отлично. Будь моимъ министромъ.

На другой день задача была рѣшена еще тремя мудрецами. Остался за столомъ одинъ только мудрецъ именемъ Артозостръ. Онъ не могъ рѣшить задачи. Прошла недѣля, прошелъ мѣсяцъ, а онъ все сидѣлъ за задачей и потѣлъ надъ ея разрѣшеніемъ. Прошелъ годъ, прошло два года. Онъ поблѣднѣлъ, похудѣлъ, осунулся, перепачкалъ сто стошъ бумаги, но до рѣшенія было далеко.

— Вели его казнить, царь!—говорили четыре министра,

рѣшившіе задачу.—Онъ, выдавая себя за мудреца, обманывалъ тебя.

Но царь не казнилъ Артозостра, а терпѣливо ждалъ. Черезъ пять лѣтъ пришелъ къ царю Артозостръ, палъ предъ нимъ на колѣни и сказалъ:

— Государь! Эта задача неразрѣшима!

Тогда царь поднялъ мудреца, поцѣловалъ его и сказалъ:

— Ты правъ, мудрый! Эта задача дѣйствительно неразрѣшима. Но, рѣшая ее, ты разрѣшилъ главную задачу, написанную на моемъ сердцѣ: ты доказалъ мнѣ, что на землѣ есть еще честные люди. А вы, — обратился онъ къ четыремъ министрамъ:— жулики!

Тѣ сконфузились и спросили:

— Теперь намъ, стало-быть, убираться отсюда?

— Нѣтъ, оставайтесь!—сказалъ Артаксерксъ. — Вы хоть и жулики, но мнѣ тяжело съ вами разстаться. Оставайтесь.

И они, слава Богу, остались.

7. И за зло нужно быть благодарнымъ. «О, Зевсъ великій! О, сильный громовержець! — молился одинъ поэтъ Зевсу. — Пошли мнѣ для вдохновенія музу! Молю тебя!»

Зевсъ не училъ древней исторіи. Немудрено, поэтому, что онъ ошибся и, вмѣсто Мельпомены, послалъ къ поэту Терпсихору. Терпсихора явилась къ поэту, и послѣдній вмѣсто того, чтобы работать въ журналахъ и получать за это гонораръ, поступилъ въ танцклассъ. Танцевалъ онъ сто дней и сто ночей напролетъ, пока не подумалъ:

«Меня не послушалъ Зевсъ. Онъ досмѣялся надо мной. Я просилъ у него вдохновенія, а онъ научилъ меня выкидывать колѣнце...»

И дерзкій написалъ на Зевса ѣдкую эпиграмму. Громовержець разгнѣвался и швырнулъ въ него одну изъ своихъ молній. Такъ погибъ поэтъ.

Заключеніе. Итакъ, дѣти, добродѣтель торжествуетъ.

1882.

ФРАНЦУЗСКІЙ БАЛЪ.

(СОННАЯ ФАНТАЗІЯ).

«Настоятельно прошу быть сегодня на французскомъ балу. Кромѣ васъ итти некому. Дадите замѣтку и, если можно, рассказъ. Можно поподробнѣе. Если же почему-либо не можете быть на балу, то немедленно увѣдомьте—попрошу кого-нибудь другого. При семъ прилагаю билетъ Вашъ... (слѣдуетъ подпись редактора).

«P. S. Ужъ такъ и быть, возьмите въ счетъ редакціи одинъ билетъ аллегри. Желаю вамъ выиграть даръ президента французской республики. Правда, что вы женитесь?»

Прочитавъ это письмо, Петръ Семенычъ, репортеръ, хроникеръ и юмористъ, легъ на диванъ, закурилъ папиросу и самодовольно погладилъ себя по животу (онъ только-что пообѣдалъ и чувствовалъ въ области желудка нѣчто похожее на безкорыстную платоническую любовь).

— «Возьмите въ счетъ редакціи билетъ-аллегри»... — передразнилъ опъ письмо редактора.—Распедрился. Теперь года два будетъ попрекать этимъ билетомъ. Скатина... Скупъ, какъ Плюшкинъ... Взялъ бы онъ примѣръ съ заграничныхъ редакцій.... Тамъ умѣютъ цѣнить людей и не знаютъ скупости... Ты, положимъ, Стенли, ѣдешь отыскивать Ливингстона? На тебѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Ты, Джонъ Буль, ѣдешь отыскивать «Жаннету»? На тебѣ десять тысячъ! Ты идешь описывать французскій балъ? Бери... тысячъ пятьдесятъ... Вотъ какъ за границей! А онъ мнѣ прислалъ

одинъ билетъ... заплатитъ по пятаку за строчку и во-
ображаетъ... Ска-атина!..

Петръ Семенычъ закрылъ глаза и задумался. Множе-
ство мыслей, маленькихъ и большихъ, закопошилось въ
его головѣ. Но скоро всё эти мысли покрылись какимъ-
то пріятнымъ розовымъ туманомъ... Изъ всѣхъ щелей,
дыръ, оконъ медленно поползло во всѣ стороны желе,
полупрозрачное, мягкое... Потолокъ сталъ опускаться...
Забѣгали человѣчки, маленькія лошадки съ утиными го-
ловками, замахало чье-то большое, мягкое крыло, по-
текла рѣка... Прошелъ мимо маленький наборщикъ съ очень
большими буквами и улыбнулся... Все утонуло въ его
улыбкѣ и... Петру Семенычу начало сниться.

Онъ надѣлъ фракъ, бѣлыя перчатки и вышелъ на
улицу. У подъѣзда давно уже ожидаетъ его карета съ
редакціоннымъ вензелемъ. Съ козелъ соскакиваетъ ла-
кей въ ливреѣ и сажаетъ его на мягкое бархатное си-
дѣнье.

— Чортъ знаетъ, какія неудобства!—думаетъ онъ.—
Некуда ноги протянуть.

Черезъ какую-нибудь минуту карета останавливается
у подъѣзда Благороднаго Собранія. Онъ, нахмуривъ лобъ,
сдаетъ свое платье и медленно, важно, какъ подобаетъ
его репортерскому сану, идетъ вверхъ по богато убран-
ной, освѣщенной лѣстницѣ. Роскошь ужасная... Все, какъ
на афишѣ написано, даже больше... Тропическія расте-
нія, цвѣты изъ Ниццы, тысячные костюмы...

— Корреспондентъ...—пробѣгаетъ шопотъ въ многоты-
сячной толпѣ.—Это онъ.

Къ нему подбѣгаетъ маленькій старичокъ съ оза-
боченнымъ лицомъ и орденомъ Почетнаго Легіона.

— Извините, пожалуйста!—говоритъ онъ Петру Се-
менычу.—Ахъ, извините, пожалуйста! Если бы мы знали,
что вы будете, то не поставили бы этой пальмы... Эта
пальма слишкомъ мала и не роскошна для того, чтобы
имѣть право стоять здѣсь въ присутствіи корреспондента
такой газеты, какъ ваша...

— Ахъ, полноте! Вы меня конфузите, право...

И онъ вдругъ, къ великому своему удивленію, начи-
наетъ трещать по-французски. Ранѣе зналъ одно только
«merci», а теперь — нѣ поди! Этакъ, чего добраго, и по-
китайски заговоришь! Знакомыхъ ужасно много... И все
газетчики. Проходитъ Липскеровъ. Тутъ же и Мясниц-

кій, и баронъ Галкинъ... И даже Нальминъ тутъ... Проходятъ Яронъ, Герсонъ, Кичеевъ...

Шехтель и художникъ Чеховъ тащатъ его покупать цвѣты.

— Неужели ваша редакція такъ бѣдна, что не можетъ купить цвѣтка?—удивляется баронъ Галкинъ.

Петръ Семенычъ выдаетъ за цвѣтокъ сто рублей и въ это время получаетъ отъ редактора телеграмму: «Выиграйте даръ президента французской республики и опишите ваши впечатлѣнія. Отвѣтъ на тысячу словъ уплаченъ. Не жалѣйте денегъ». Онъ идетъ къ лотереѣ и начинаетъ брать билеты... Беретъ одинъ... два... десять... Беретъ сто, наконецъ тысячу и получаетъ вазу изъ севрскаго фарфора... Обнявъ обѣими руками вазу, онъ идетъ дальше.

Навстрѣчу ему идетъ дамочка съ роскошными льняными волосами и голубыми глазами. Костюмъ ея, понятно, выше всякой критики. За ней толпа.

— Кто это?—спрашиваетъ Мясницкаго восхищенный Петръ Семенычъ.

— А это одна знатная французенка. Выписана изъ Ниццы вмѣстѣ съ цвѣтами.

Петръ Семенычъ подходитъ къ ней и рекомендуется. Черезъ минуту онъ беретъ ее подъ руку и ходитъ, ходитъ... Ему многое нужно разузнать отъ французенки, очень многое... Она такъ прелестна!

«А гдѣ я у себя въ комнатѣ поставлю вазу?» — думаетъ онъ, любуясь французенкой.

Комната его мала, а ваза все растетъ, растетъ и такъ разрослась, что не помѣщается даже въ комнатѣ. Онъ начинаетъ плакать... Плачетъ горько, какъ женщина, внезапно потерявшая мужа.

— А-а-а-а... — такъ вы вазу любите больше, чѣмъ меня?—говоритъ вдругъ ни съ того ни съ сего французенка и — трахъ кулакомъ по вазѣ!

Драгоценный сосудъ громко звякаетъ и разлетается въ дребезги. Французенка хохочетъ и бѣжитъ куда-то въ туманъ, въ облако. Всѣ газетчики стоятъ и хохочутъ... Петръ Семенычъ, разсерженный, съ пѣной у рта, бѣжитъ за ними и вдругъ, очутившись въ Большомъ театрѣ, падаетъ внизъ головой съ шестого яруса.

Петръ Семенычъ открываетъ глаза и видитъ себя на полу, около своего дивана...

— Слава Богу, нѣтъ французенки,—думаетъ онъ, протирая глаза.—Ваза, значить, цѣла... Не женюсь, а то пойдутъ дѣти, будутъ шалить и разобьютъ вазу...

Протеревъ же глаза, какъ слѣдуетъ, онъ не видитъ и вазы...

— Все это сонъ,—думаетъ онъ.—Однако уже первый часъ ночи... Валь давно начался, пора ѣхать... Полежу еще немного и маршъ!

Полежавъ еще немного, онъ потянулся и... заснулъ.

— Ну, что?—спросилъ его на другой день редакторъ.— Были на балу? Понравилось?

— Такъ себѣ... Ничего особеннаго...—сказалъ онъ, подавая замѣтку.—Скучалъ все время... Ахъ, да! Взялъ я въ счетъ редакціи билетъ-аллегри... Не забудьте... За вами рубль.

Замѣтка вышла нѣсколько суховата, но все-таки хороша.

1884.

ЛЕТАЮЩІЕ ОСТРОВА*).

Соч. Жюль Верна.

ГЛАВА I.

Рѣчь.

— ...Я кончилъ, джентльмены! — сказалъ мистеръ Джонъ Лундъ, молодой членъ королевскаго географическаго общества, и утомленный опустился въ кресло.

Зала засѣданія огласилась яростнѣйшими аплодисментами, криками «браво» и дрогнула. Джентльмены начали одинъ за другимъ подходить къ Джону Лунду и пожимать его руку. Семнадцать джентльменовъ въ знакъ своего изумленія сломали семнадцать стульевъ и свихнули восемь длинныхъ шей, принадлежавшихъ восьми джентльменамъ, изъ которыхъ одинъ былъ капитаномъ «Катавасіи», яхты въ 100.000 тоннъ.

— Джентльмены! — проговорилъ тронутый мистеръ Лундъ. — Считаю священнѣйшимъ долгомъ благодарить васъ за то адское терпѣніе, съ которымъ вы прослушали мою рѣчь, продолжавшуюся 40 часовъ, 32 минуты и 14 секундъ! Томъ Бекасъ, — обратился онъ къ своему старому слугѣ: — разбудите меня черезъ пять минутъ. Я буду спать въ то время, когда джентльмены будутъ извинять меня за то, что я осмѣливаюсь спать въ ихъ присутствіи!

— Слушаю, сэръ! — сказалъ старый Томъ Бекасъ.

*) Вмѣстѣ съ «Ненужной побѣдой», представляющей пародію на романъ Мавра Юкая, «Летающіе острова» (пародія на Жюль-Верна), «Жены артистовъ» и «Грѣшникъ изъ Толедо» (пародія на романъ испанскій) и «Тысяча одна страсть» (карикатура на В. Гюго) перепечатаются редакціей, какъ образцы того совершенства и гнѣбности, съ какими молодой Чеховъ умѣлъ схватывать стиль, тонъ и манеру совершенно ему несродныхъ авторовъ.

Джонъ Лундъ закинулъ назадъ голову и тотчасъ же заснулъ.

Джонъ Лундъ былъ родомъ шотландецъ. Онъ нигдѣ не воспитывался, ничему никогда не учился, но зналъ все. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя до познанія всего прекраснаго и великаго доходятъ своимъ умомъ. Восторгъ, который онъ произвелъ своею рѣчью, былъ имъ вполне заслуженъ. Въ продолженіи 40 часовъ онъ предлагалъ на разсмотрѣніе гг. джентльменамъ великій проектъ, исполненіе котораго стяжало впоследствии великую славу для Англіи и показало, какъ далеко иногда можетъ хватать умъ человѣческій! «Просверленіе луны колоссальнымъ буравомъ» — вотъ что служило предметомъ рѣчи мистера Лунда!

ГЛАВА II.

Таинственный незнакомецъ.

Сэръ Лундъ не проспалъ и трехъ минутъ. Чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо, и онъ проснулся. Предъ нимъ стоялъ джентльменъ 48¹/₂ вершковъ роста, тонкій, какъ пика, и худой, какъ засушенная змѣя. Онъ былъ совершенно лысъ. Одѣтый во все черное, онъ имѣлъ на носу четыре пары очковъ, а на груди и на спинѣ по термометру.

— Идите за мной! — гробовымъ голосомъ произнесъ лысый джентльменъ.

— Куда?

— Идите за мной, Джонъ Лундъ!

— А если я не пойду?

— Тогда я буду вынужденъ просверлить луну раньше васъ!

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, я къ вашимъ услугамъ.

— Вашъ слуга послѣдуетъ за нами!

Мистеръ Лундъ, лысый джентльменъ и Томъ Бекасъ оставили залу засѣданія и всѣ трое зашагали по освѣщеннымъ улицамъ Лондона. Шли они очень долго.

— Сэръ, — обратился Бекасъ къ мистеру Лунду: — если нашъ путь такъ же длиненъ, какъ и этотъ джентльменъ, то, на основаніи законовъ тренія, мы лишимся своихъ подошвъ!

Джентльмены подумали и, черезъ десять минутъ, найдя, что слова Бекаса остроумны, громко засмѣялись.

— Съ кѣмъ имѣю честь смѣяться, сэръ? — спросилъ Лундъ лысаго джентльмена.

— Вы имѣете честь итти, смѣяться и говорить еъ членомъ всѣхъ географическихъ, археологическихъ и этнографическихъ обществъ, магіетромъ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ наукъ, членомъ московскаго Артистическаго кружка, почетнымъ попечителемъ школы коровьихъ акушеровъ въ Саутгемптонѣ, подписчикомъ «Иллюстрированнаго Бѣса», профессоромъ желто-зеленой магіи и начальной гастрономіи въ будущемъ Новозеландскомъ университетѣ, директоромъ Безыменной обсерваторіи, Вильямомъ Болванусомъ. Я веду васъ, сэръ, въ...

Джонъ Лундъ и Томъ Бекасъ преклонили свои колѣни передъ великимъ человекомъ, о которомъ они такъ много слышали, и почтительно опустили головы...

— Я веду васъ, сэръ, въ свою обсерваторію, находящуюся въ 20 миляхъ отсюда. Сэръ! Миѣ нуженъ товарищъ въ моемъ предпріятіи, значеніе котораго вы въ состояніи постигнуть только обоими полушаріями вашего головного мозга. Мой выборъ палъ на васъ... Вы послѣ сорокачасовой рѣчи наврядъ ли захотите вступать со мной въ какіе бы то ни было разговоры, а я, сэръ, ничего такъ не люблю, какъ свой телескопъ и продолжительное молчаніе. Языкъ вашего слуги, я надѣюсь, свяжется вашимъ, сэръ, приказаніемъ. Да здравствуетъ пауза!!! Я веду васъ... Вы ничего не имѣете противъ этого?

— Ничего, сэръ! Миѣ остается пожалѣть только о томъ, что мы не скороходы и что мы имѣемъ подъ ступнями подошвы, которыя стѣять денегъ и...

— Я вамъ куплю новые сапоги.

— Благодарю васъ, сэръ.

Кто изъ читателей восплаааетъ желаніемъ ближе познакомиться съ мистеромъ Вильямомъ Болванусомъ, тотъ пусть прочтетъ его замѣчательное сочиненіе «Существовала ли луна до потолка? Если существовала, то почему же и она не утонула?» При этомъ сочиненіи приложена и запрещенная брошюра, написанная имъ за годъ передъ смертью: «Способъ стереть вселенную въ порошокъ и не погибнуть въ то же время». Въ этихъ сочиненіяхъ какъ нельзя лучше характеризуется личность этого замѣчательнѣйшаго изъ людей.

Между прочимъ, тамъ описывается, какъ онъ прожилъ два года въ австраійскихъ камышахъ, гдѣ питался ра-

ками, тиной и яйцами крокодиловъ, и въ эти два года не видѣлъ ни разу огня. Будучи въ камышахъ, онъ изобрѣлъ микроскопъ, совершенно сходный съ нашимъ обыкновеннымъ микроскопомъ, и нашелъ спинной хребетъ у рыбъ вида «Riba». Воротившись изъ своего долгаго путешествія, онъ поселился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона и всецѣло посвятилъ себя астрономіи. Будучи порядочнымъ женоненавистникомъ (онъ былъ три раза женатъ, а потому и имѣлъ три пары прекраснѣйшихъ вѣтвистыхъ роговъ) и не желая до поры до времени быть открытымъ, онъ жилъ аскетомъ. Обладая тонкимъ, дипломатическимъ умомъ, онъ ухитрился сдѣлать такъ, что обсерваторія и труды его по астрономіи были извѣстны только ему одному. Къ сожалѣнію и несчастью всѣхъ благомыслящихъ людей, этотъ великій человѣкъ не дожилъ до нашего времени. Въ прошломъ году онъ тихо скончался: купаясь въ Нилѣ, онъ былъ проглоченъ тремя крокодилами.

ГЛАВА III.

Таинственные пятна.

Обсерваторія, въ которую ввелъ онъ Лунда и стараго Тома Бекаса... (слѣдуетъ длиннѣйшее и скучнѣйшее описаніе обсерваторіи, которое переводчикъ въ видахъ экономіи мѣста и времени нашелъ нужнымъ не переводить)... стоялъ телескопъ, усовершенствованный Болваніусомъ. Мистеръ Лундъ подошелъ къ телескопу и началъ смотрѣть на луну.

— Чтò вы тамъ видите, сэръ?

— Луну, сэръ.

— А возлѣ луны чтò вы видите, мистеръ Лундъ?

— Я имѣю честь видѣть одну только луну.

— А не видите ли вы блѣдныхъ пятенъ, движущихся около луны?

— Чортъ возьми, сэръ! Называйте меня осломъ, если я не вижу этихъ пятенъ! Чтò это за пятна?

— Это пятна, которыя видны въ одинъ только мой телескопъ. Довольно! Оставьте телескопъ! Мистеръ Лундъ и Томъ Бекасъ! Я долженъ, я хочу узнать, чтò это за пятна! Я буду скоро тамъ! Я иду къ этимъ пятнамъ. Вы слѣдуете за мной!

— Ура! Да здравствуютъ пятна!—крикнули Джонъ Лундъ и Томъ Бекасъ.

ГЛАВА IV.

Скандалъ на небѣ.

Черезъ полчаса мистеръ Вильямъ Болваніусъ, Джонъ Лундъ и шотландецъ Томъ Бекасъ летѣли уже къ таинственнымъ пятнамъ на восемнадцати аэростатахъ. Они сидѣли въ герметически закупоренномъ кубѣ, въ которомъ находился сгущенный воздухъ и препараты для изготвленія кислорода *). Начало этого грандіознаго, доселѣ небывалаго полета было совершено въ ночь подъ 13-е марта 1870 года. Дуль юго-западный вѣтеръ. Магнитная стрѣлка показываетъ *NW*... (слѣдуетъ скучнѣйшее описаніе куба и 18 аэростатовъ)... Въ кубѣ царило глубокое молчаніе. Джентльмены кутались въ плащи и курили сигары. Томъ Бекасъ, растянувшись на полу, спалъ, какъ у себя дома. Термометръ **) показывалъ ниже 0. Въ продолженіе первыхъ 20 часовъ не было сказано ни одного слова, и ничего особеннаго не произошло. Шары проникли въ область облаковъ. Нѣсколько молній погнались за шарами, но ихъ не догнали, потому что они принадлежали англичанину. На третій день Джонъ Лундъ заболѣлъ дифтеритомъ, а Тома Бекаса обуялъ сплинъ. Кубъ, столкнувшись съ аэролитомъ, получилъ страшный толчокъ. Термометръ показывалъ — 76.

— Какъ ваше здоровье, сэръ? — прервалъ наконецъ молчаніе Болваніусъ, обратясь на пятый день къ сэру Лунду.

— Благодарю васъ, сэръ! — отвѣчала тронутый Лундъ. — Ваше вниманіе трогаетъ меня. Я ужасно страдаю! А гдѣ мой вѣрный Томъ?

— Онъ сидитъ теперь въ углу, жуеетъ табакъ и старается походить на человѣка, женившася сразу на десятирехъ.

— Ха, ха, ха, сэръ Болваніусъ!

— Благодарю васъ, сэръ!

Не успѣлъ мистеръ Болваніусъ пожать руку молодому Лунду, какъ произошло нѣчто ужасное. Раздался страшный трескъ. Что-то треснуло, раздалась тысяча пушечныхъ вы-

*) Химиками выдуманый духъ. Говорятъ, что безъ него жить невозможно. Пустяки. Безъ денегъ только жить невозможно.

**) Такой инструментъ есть. *Примѣч. переводчика.*

стрѣловъ; пронесся гулъ, неистовый свистъ. Мѣдный кубъ, попавъ въ среду разрѣженную, не вынесъ внутренняго давленія, треснулъ, и клочья его понеслись въ безконечное пространство.

Это была ужасная, единственная въ исторіи вселенной минута!!

Мистеръ Болванусъ ухватился за ноги Тома Бекаса, этотъ послѣдній ухватился за ноги Джона Лунда, и всѣ трое съ быстротою молніи понеслись въ невѣдомую бездну. Шары отдѣлились отъ нихъ и, освобожденные отъ тяжести, закружились и съ трескомъ полопались.

— Гдѣ мы, сэръ?

— Въ ээирѣ.

— Гм... Если мы въ ээирѣ, то чѣмъ же мы дышать будемъ?

— Мистеры! — крикнулъ Бекасъ. — Честь имѣю объявить вамъ, что мы почему-то летимъ не внизъ, а вверхъ!

— Гм... Сто чертей! Значить, мы уже не находимся въ области притяженія земли... Насъ тянетъ къ себѣ наша цѣль! Ураа! Сэръ Лундъ, какъ ваше здоровье?

— Благодарю васъ, сэръ! Я вижу наверху землю, сэръ!

— Это не земля, а одно изъ нашихъ пятенъ: мы сейчасъ разобьемся о него!

Трррахъ!!!

ГЛАВА V.

Островъ ннзя Мещерскаго.

Первый пришелъ въ чувство Томъ Бекасъ. Онъ протеръ глаза и началъ обозрѣвать мѣстность, на которой лежали онъ, Болванусъ и Лундъ. Онъ снялъ чулокъ и принялся тереть имъ джентльменовъ. Джентльмены не замедлили очнуться.

— Гдѣ мы? — спросилъ Лундъ.

— Вы на островѣ, принадлежащемъ къ группѣ летающихъ! Ураа!

— Ураа! Посмотрите, сэръ, вверхъ! Мы затмили Колумба!

Надъ островомъ летало еще нѣсколько острововъ... (слѣдуетъ описаніе картины, понятной однимъ только англичанамъ)... Пошли осматривать островъ. Онъ былъ шириной... длиной... (нифры и цифы. Богъ съ ними!). Тому

Бекасу удалось найти дерево, сокомъ своимъ напоминающее русскую водку. Странно, что деревья были ниже травы (?). Островъ былъ необитаемъ. Ни одно живое существо не касалось доселѣ его почвы...

— Сэръ, посмотрите, что это такое? — обратился мистеръ Лундъ къ сэру Болваніусу, поднимая какой-то свертокъ.

— Странно... Удивительно... Поразительно... — забормоталъ Болваніусъ.

Свертокъ оказался сочиненіями какого-то князя Мещерскаго, писанными на одномъ изъ варварскихъ языковъ, кажется, русскомъ.

Какъ попали сюда эти сочиненія?

— Пррооклятіе! — закричалъ мистеръ Болваніусъ. — Здѣсь были раньше насъ?! Кто могъ быть здѣсь?! Скажите—кто, кто? Пррооклятіе! Оооо! Размозжите, громы небесные, мои великіе мозги! Дайте мнѣ сюда его! Дайте мнѣ его! Я проглочу его, съ его сочиненіями!

И мистеръ Болваніусъ, поднявъ вверхъ руки, страшно захохоталъ. Въ глазахъ его сверкнулъ подозрительный огонекъ. Онъ сошелъ съ ума.

ГЛАВА VI.

Возвращеніе.

— Урааа! — кричали жители Гавра, наполняя собою всё гаврскія набережныя.

Воздухъ оглашался радостными криками, звономъ и музыкой. Черная масса, грозившая всѣмъ смертью, опускалась не на городъ, а въ заливъ... Корабли послѣдили убраться въ открытое море. Черная масса, столько дней закрывавшая собою солнце, при торжественныхъ кликахъ народа и при громѣ музыки, важно (pesamment) шлепнулась въ заливъ и обрызгала всю набережную. Упавъ въ заливъ, она утонула. Черезъ минуту заливъ былъ уже открытымъ. Волны бороздили его по всѣмъ направленіямъ... На серединѣ залива барахтались три человекъ. То были безумный Болваніусъ, Джонъ Лундъ и Томъ Бекасъ. Ихъ послѣдили принять въ лодки.

— Мы пятьдесятъ семь дней не ѣли! — пробормоталъ худой, какъ голодный художникъ, мистеръ Лундъ и рассказалъ, въ чемъ дѣло.

Островъ князя Мещерскаго уже не существуетъ. Онъ,

принявъ на себя трехъ отважныхъ людей, сталъ тяжелѣй и, вышедши изъ нейтральной полосы, былъ притянутъ землей и утонулъ въ Гаврскомъ заливѣ.

Заключение.

Джонъ Лундъ занять теперь вопросомъ о просверленіи луны. Близко уже то время, когда луна украсится дырой. Дыра будетъ принадлежать англичанамъ. Томъ Бекасъ живетъ теперь въ Ирландіи и занимается сельскимъ хозяйствомъ. Онъ разводитъ куръ и сѣчетъ свою единственную дочь, которую воспитываетъ по-спартански. Ему не чужды и вопросы науки: онъ страшно сердится на себя за то, что забылъ взять съ летающаго острова сѣмянь отъ дерева, сокомъ напоминающаго русскую водку.

1883.

ТЫСЯЧА ОДНА СТРАСТЬ, ИЛИ СТРАШНАЯ НОЧЬ.

(Романъ въ одной части съ эпилогомъ).

(Посвящаю Виктору Гюго).

На башнѣ св. Ста сорока шести мучениковъ пробила полночь. Я задрожалъ. Настало время. Я судорожно схватилъ Теодора за руку и вышелъ съ нимъ на улицу. Небо было темно, какъ типографская тушь. Было темно, какъ въ шляпѣ, надѣтой на голову. Темная ночь — это день въ орѣховой скорлупѣ. Мы закутались въ плащи и отправились. Сильный вѣтеръ продувалъ насъ насквозь. Дождь и снѣгъ — эти мокрые братья — страшно били въ наши физиономіи. Молнія, несмотря на зимнее время, бороздила небо по всѣмъ направленіямъ. Громъ, грозный, величественный спутникъ прелестной, какъ миганье голубыхъ глазъ, быстрой, какъ мысль, молнии, ужасающе потрясалъ воздухъ. Уши Теодора засвѣтились электричествомъ. Огни св. Эльма съ трескомъ пролетали надъ нашими головами. Я взглянулъ наверхъ. Я затрепеталъ. Кто не трепещетъ предъ величіемъ природы? По небу пролетѣло яѣсколькo блестящихъ метеоровъ. Я началъ считать ихъ и насчиталъ 28. Я указалъ на нихъ Теодору.

— Нехорошее предзнаменованіе! — пробормоталъ онъ, блѣдный, какъ изваяніе изъ каррарскаго мрамора.

Вѣтеръ стоналъ, вылъ, рыдалъ... Стонъ вѣтра — стонъ совѣсти, утопущей въ страшныхъ преступленіяхъ. Возлѣ насъ громомъ разрушило и зажгло восьмизатяжный домъ. Я слышалъ вопли, вылетавшіе изъ него. Мы прошли мимо. До горѣвшаго ли дома мнѣ было, когда у меня въ груди горѣло полтора ста домовъ? Гдѣ-то въ пространствѣ заунывно, медленно, монотонно звонилъ колоколъ. Была

борьба стихій. Какія-то невѣдомыя силы, казалось, трудились надъ ужасающею гармоніею стихій. Кто эти силы? Узнаеть ли ихъ когда-нибудь человѣкъ?

Пугливая, но дерзкая мечта!!!

Мы крикнули кошэ. Мы сѣли въ карету и помчались. Кошэ — братъ вѣтра. Мы мчались, какъ смѣлая мысль мчится въ таинственныхъ извилинахъ мозга. Я всунулъ въ руку кошэ кошелекъ съ золотомъ. Золото помогло бичу удвоить быстроту лошадиныхъ ногъ.

— Антонию, куда ты меня везешь? — простоналъ Теодоръ. — Ты смотришь злымъ гениемъ... Въ твоихъ черныхъ глазахъ свѣтится адъ... Я начинаю бояться...

Жалкій трусъ!! Я промолчалъ. Онъ любилъ ее. Она любила страстно его... Я долженъ былъ убить его, потому что любилъ больше жизни ее. Я любилъ ее и ненавидѣлъ его. Онъ долженъ былъ умереть въ эту страшную ночь и заплатить смертью за свою любовь. Во мнѣ кипѣли любовь и ненависть. Онѣ были вторымъ моимъ бытіемъ. Эти двѣ сестры, живя въ одной оболочкѣ, производятъ опустошеніе: онѣ — духовные вандалы.

— Стой! — сказалъ я кошэ, когда карета подкатила къ цѣли.

Я и Теодоръ выскочили. Изъ-за тучъ холодно взглянула на насъ луна. Луна — непристрастный, молчаливый свидѣтель сладостныхъ мгновений любви и мщенія. Она должна была быть свидѣтелемъ смерти одного изъ насъ. Предъ нами была пропасть, бездна безъ дна, какъ бочка преступныхъ дочерей Даная. Мы стояли у края жерла потухшаго вулкана. Объ этомъ вулканѣ ходятъ въ народѣ страшныя легенды. Я сдѣлалъ движеніе колѣномъ, и Теодоръ полетѣлъ внизъ, въ страшную пропасть. Жерло вулкана — пасть земли.

— Проклятіе!!! — закричалъ онъ въ отвѣтъ на мое проклятіе.

Сильный мужъ, ниспровергающій своего врага въ кратеръ вулкана изъ-за прекрасныхъ глазъ женщины — величественная, грандіозная и поучительная картина! Недоставало только лавы.

Кошэ. Кошэ — статуя, поставленная рокомъ невѣжеству. Прочь рутина! Кошэ послѣдовалъ за Теодоромъ. Я почувствовалъ, что въ груди у меня осталась одна только любовь. Я палъ лицомъ на землю и заплакалъ отъ восторга. Слезы восторга — результатъ божественной реак-

ціи, производимой въ нѣдрахъ любящаго сердца. Лошади весело заржали. Какъ тягостно быть не человекомъ! Я освободилъ ихъ отъ животной, страдальческой жизни. Я убилъ ихъ. Смерть есть и оковы и освобожденіе отъ оковъ.

Я зашелъ въ гостиницу «Фиолетоваго Гишопотама» и выпилъ пять стакановъ добраго вина.

Черезъ три часа послѣ мщенія я былъ у дверей ея квартиры. Кинусалъ, другъ смерти, помогъ мнѣ по трупамъ добраться до ея дверей. Я сталъ прислушиваться. Она не спала. Она мечтала. Я слушалъ. Она молчала. Молчаніе длилось часа четыре. Четыре часа для влюбленнаго — четыре девятнадцатыхъ столѣтій! Наконецъ она позвала горничную. Горничная прошла мимо меня. Я демонически взглянулъ на нее. Она уловила мой взглядъ. Разсудокъ оставилъ ее. Я убилъ ее. Лучше умереть, чѣмъ жить безъ разсудка.

— Анета! — крикнула она. — Чтò это Теодоръ нейдетъ? Тоска грызетъ мое сердце. Меня душитъ какое-то тяжелое предчувствіе. О, Анета! Сходи за нимъ. Онъ навѣрно кунитъ теперь вмѣстѣ съ безбожнымъ, ужаснымъ Антонію!. Боже, кого я вижу?! Антонію!

Я вошелъ къ ней. Она поблѣднѣла...

— Подите прочь! — закричала она, и ужасъ исказилъ ея благородныя, прекрасныя черты.

Я взглянулъ на нее. Взглядъ есть мечъ души. Она пошатнулась. Въ моемъ взглядѣ она увидѣла все: и смерть Теодора, и демоническую страсть, и тысячу человѣческихъ желаній... Поза моя — было величіе. Въ глазахъ моихъ свѣтилось электричество. Волосы мои шевелились и стояли дыбомъ. Она видѣла предъ собою демона въ земной оболочкѣ. Я видѣлъ, что она залюбовалась мной. Часа четыре продолжалось гробовое молчаніе и созерцаніе другъ друга. Загремѣлъ громъ, и она пала мнѣ на грудь. Грудь мужчины — крѣпость женщины. Я сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Оба мы крикнули. Кости ея затрепщали. Гальваническій токъ пробѣжалъ по нашимъ тѣламъ. Горячій поцѣлуй...

Она полюбила во мнѣ демона. Я хотѣлъ, чтобы она полюбила во мнѣ ангела.

— Полтора милліона франковъ отдаю бѣднымъ! — сказалъ я.

Она полюбила во мнѣ ангела и заплакала. Я тоже за-

плакалъ. Чтò это были за слезы!!! Черезъ мѣсяцъ въ церкви св. Тита и Гортензіи происходило торжественное вѣнчаніе. Я вѣнчался съ ней. Она вѣнчалась со мной. Бѣдные насъ благословляли! Она упросила меня простить враговъ моихъ, которыхъ я ранѣе убилъ. Я простилъ. Съ молодою женой я уѣхалъ въ Америку. Молодая, любящая жена была ангеломъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, ангеломъ, предъ которымъ склонялись львы и тигры. Я былъ молодымъ тигромъ. Черезъ три года послѣ нашей свадьбы старый Самъ носился уже съ курчавымъ мальчишкой. Мальчишка былъ болѣе похожъ на мать, чѣмъ на меня. Это меня злило. Вчера у меня родился второй сынъ... и самъ я отъ радости повѣсился... Второй мой мальчишка протягиваетъ ручки къ читателямъ и просить ихъ не вѣрить его папашѣ, потому что у его папаши не было не только дѣтей, но даже и жены. Папаша его боится женитьбы, какъ огня. Мальчишка мой не лжетъ. Онъ младенецъ. Ему вѣрьте. Дѣтскій возрастъ — святой возрастъ. Ничего этого никогда не было... Спокойной ночи!

1880.

ЖЕНЫ АРТИСТОВЪ.

Переводъ... съ португальскаго.

Свободнѣйшій гражданинъ столичнаго города Лиссабона, Альфонсо Зинзага, молодой романистъ, столь извѣстный... только самому себѣ и подающей великія надежды... тоже самому себѣ, утомленный цѣлодневнымъ хожденіемъ по бульварамъ и редакціямъ и голодный, какъ самая голодная собака, пришелъ къ себѣ домой. Обиталь онъ въ 147 номерѣ гостиницы, извѣстной въ одномъ изъ его романовъ подъ именемъ гостиницы «Ядовитаго Лебедя». Вошедши въ 147 номеръ, онъ окинулъ взглядомъ свое коротенькое, узенькое и невысокое жилище, покрутилъ носомъ и зажегъ свѣчу, послѣ чего взорамъ его представилась умильная картина. Среди массы бумагъ, книгъ, прошлогоднихъ газетъ, ветхихъ стульевъ, сапогъ, халатовъ, кинжаловъ и колпаковъ, на маленькой, обитой сизымъ коленкоромъ кушеткѣ, спала его хорошенькая жена, Амаранта. Умиленный Зинзага подошелъ къ ней и послѣ нѣкотораго размышленія дернулъ ее за руку. Она не просыпалась. Онъ дернулъ ее за другую руку. Она глубоко вздохнула, но не проснулась. Онъ хлопоталъ ее по плечу, постукалъ пальцемъ по ея мраморному лбу, потрогалъ за башмакъ, рванулъ за платье, чхнулъ на всю гостиницу, а она... даже и не пошевелилась.

«Вотъ спать-то! — подумалъ Зинзага. — Что за чортъ? Не приняла ли она яду? Моя неудача съ послѣднимъ романомъ могла сильно повліять на нее...»

И Зинзага, сдѣлавъ большіе глаза, потрясъ кушетку. Съ Амаранты медленно сползла какая-то книга и, шелестя, шлепнулась о полъ. Романистъ поднялъ книгу, раскрылъ

ее, взглянуть и поблѣднѣть. Это была не какая-то и отнюдь не какая-нибудь книга, а его предпоследній романъ, романъ, напечатанный на средства графа донъ-Барабанта Алимонда, — романъ «Колесованіе въ Санктъ-Московскѣ сорока четырехъ двадцатиженцевъ», романъ, какъ видите, изъ русской, значить — самой интересной жизни, — и вдругъ...

— Она уснула, читая мой романъ!?! — прошипѣлъ Зинзага. — Какое неуваженіе къ изданію графа Барабанта Алимонда и къ трудамъ Альфонса Зинзаги, давшего ей славное имя Зинзаги!

— Женщина! — гаркнулъ Зинзага во все свое португальское горло и стукнулъ кулакомъ о край кушетки.

Амаранта глубоко вздохнула, открыла свои черные глаза и улыбнулась.

— Это ты, Альфонсо? — сказала она, протягивая руки.

— Да, это я!.. Ты спишь? Ты... спишь... — забормотала Альфонсо, садясь на дрябло-хилый стулъ. — Что ты дѣлала передъ тѣмъ, какъ уснула?

— Ходила къ матери просить денегъ.

— А потомъ?

— Читала твой романъ.

— И уснула? Говори! И уснула?

— И уснула... Ну, чего сердиться, Альфонсо?

— Я не сержусь, но мнѣ кажется оскорбительнымъ, что ты такъ легкомысленно относишься къ тому, что, если еще и не дало, то дастъ мнѣ славу! Ты уснула, потому что читала мой романъ! Я такъ понимаю этотъ сонъ!

— Полно, Альфонсо! Твой романъ читала я съ большимъ наслажденіемъ... Я приковалась къ твоему роману. Я... я... Меня особенно поразила сцена, гдѣ молодой писатель, Альфонсо Зинзага, застрѣливается изъ пистолета...

— Эта сцена не изъ этого романа, а изъ «Тысячи огней»!

— Да? Такъ какая же сцена поразила меня въ этомъ романѣ? Ахъ, да... Я плакала на томъ мѣстѣ, гдѣ русскій маркизь Иванъ Ивановичъ бросается изъ ея окна въ рѣку... въ рѣку... Волгу.

— Ааааа... Гм!

— И утоааетъ, благословляя виконтессу Ксенію Петровну... Я была поражена...

— Почему же ты уснула, если ты была поражена?

— Мнѣ такъ хотѣлось спать! Я вѣдь всю ночь прошлую не спала. Всю ночь напролетъ ты былъ такъ милъ, что читалъ мнѣ свой новый хорошій романъ, а удовольствіе слушать тебя я не могла промѣнять на сонъ...

— Аааа... Гм! Понимаю. Дай мнѣ ѣсть!

— А развѣ ты еще не обѣдалъ?

— Нѣтъ.

— Ты же, уходя утромъ, сказалъ мнѣ, что будешь сегодня обѣдать у редактора «Лиссабонскихъ Губернскихъ Вѣдомостей?»

— Да, я полагалъ, что мое стихотвореніе будетъ помѣщено въ этихъ «Вѣдомостяхъ», чтобы чортъ ихъ взялъ!

— Неужели же не помѣщено?

— Нѣтъ...

— Это несчастіе! Съ тѣхъ поръ, какъ я стала твоей, я всей душой ненавижу редакторовъ! И ты голодень?

— Голодень.

— Бѣдняжка Альфонсо! И денегъ у тебя нѣтъ?

— Гм... Чтò за вопросъ?! Ничего нѣтъ поѣсть?

— Нѣтъ, мой другъ! Мать меня только покормила, а денегъ мнѣ не дала.

— Гм...

Стулъ затрещалъ. Зинзага поднялся и зашагалъ... Пошагавъ немного и подумавъ, онъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе во что бы то ни стало убѣдить себя въ томъ, что голодь есть малодушіе, что человѣкъ созданъ для борьбы съ природою, что не единымъ хлѣбомъ сытъ будетъ человѣкъ, что тотъ не артистъ, кто не голодень, и т. п., и, навѣрное, убѣдилъ бы себя, если бы, размышляя, не вспомнилъ, что рядомъ съ нимъ, въ 148 номерѣ «Ядовитаго Лебеда», обитаетъ художникъ-жанристъ, итальянецъ Франческо Бутронца, человѣкъ талантливый, коекому извѣстный и, чтò такъ не маловажно подъ луной, обладающій умѣньемъ, котораго никогда не зналъ за собой Зинзага, — ежедневно обѣдать.

— Пойду къ нему! — рѣшилъ Зинзага и отправился къ сосѣду. Вошедши въ 148 номеръ, Зинзага увидѣлъ сцену, которая привела его въ восторгъ, какъ романиста, и ущемила за сердце, какъ голоднаго. Надежда пообѣдать въ обществѣ Франческо Бутронца канула въ воду, когда романистъ среди рамокъ, подрамниковъ, безрукихъ манекеновъ, мольбертовъ и стульевъ, увѣнчанныхъ полипялыми костюмами всѣхъ родовъ и вѣковъ, усмотрѣлъ своего

друга, Франческо Бутронца... Бутронца, въ шляпѣ à la Van-Dic и въ костюмѣ Петра Альвепскаго, стоятъ на табуретѣ, махалъ неистово муштабелемъ и гремѣлъ. Онъ былъ болѣе чѣмъ ужасенъ. Одна нога его стояла на табуретѣ, другая на столѣ... Лицо его горѣло, глаза блестѣли, испаньолка дрожала, волосы его стояли дыбомъ и каждую минуту, казалось, готовы были поднять его шляпу на воздухъ. Въ углу, прижавшись къ статуѣ, изображающей безрукаго, безносаго, съ большимъ угловатымъ отверстиемъ на груди Аполлона, стояла жена горячаго Франческо Бутронца, нѣмочка Каролина, и съ ужасомъ смотрѣла на лампу. Она была блѣдна и дрожала всемъ тѣломъ.

— Варвары! — гремѣлъ Бутронца. — Вы не любите, а душище искусство, чтобы чортъ васъ взялъ! И я могъ жениться на тебѣ, нѣмецкая, холодная кровь?! И я могъ, глупецъ, свободаго, какъ вѣтеръ, человекъ, орла, серну, однимъ словомъ, артиста привязать къ этому куску льда, сотканному изъ предразсудковъ, мелочей... Diabolo!!! Ты ледъ! Ты деревянная, каменная говядина! Ты... ты дура! Плачь, несчастная, переваренная нѣмецкая колбаса! Мужъ твой артистъ, а не торгашъ! Плачь, пивная бутылка! Это вы, Зинзага? Не уходите! Подождите! Я радъ, что вы пришли... Посмотрите на эту женщину! — И Бутронца лѣвой ногой указалъ на Каролину. Каролина заплакала.

— Полноте! — началъ Зинзага. — Чего вы ссоритесь, донъ-Бутронца? Чтò сдѣлала вамъ донна-Бутронца? За чѣмъ вы доводите ее до слезъ? Вспомните вашу великую родину, донъ-Бутронца, вашу родину, страну, въ которой поклоненіе красотѣ тѣсно связано съ поклоненіемъ женщинѣ! Вспомните!

— Я возмущенъ! — закричалъ Франческо. — Вы войдите въ мое положеніе! Я, какъ вамъ извѣстно, принялся, по предложенію графа Барабанта Алимонда, за грандіозную картину... Графъ просилъ меня изобразить ветхозавѣтную Сусанну... Я прошу ее, вотъ эту толстую нѣмку, раздѣться и стать мнѣ на натуру, прошу съ самаго утра, ползаю на колѣняхъ, выхожу изъ себя, а она не хочетъ! Вы войдите въ мое положеніе! Могу ли я писать безъ натуры?

— Я не могу! — зарыдала Каролина. — Вѣдь это неприлично!

— Видите? Видите? Это оправданіе, чортъ возьми?

— Я не могу! Честное слово, не могу! Велишь мнѣ раздѣться да еще стать у окошка...

— Мнѣ такъ нужно! Я хочу изобразить при лунномъ свѣтѣ! Лунный свѣтъ падаетъ ей на грудь... Свѣтъ отъ факеловъ сбѣжавшихся фарисеевъ бьетъ ей въ спину... Игра цвѣтовъ! Я не могу иначе!

— Ради искусства, донна, — сказалъ Зинзага: — вы должны забыть не только стыдливость, но и всѣ... чувства!

— Не могу же я пересилить себя, донья-Зинзага! Не могу же я стать у окна на показъ!

— На показъ... Право, можно подумать, донна-Бутронца, что вы боитесь глазъ толпы, которая... которая, такъ сказать, если смотрѣть на нее... Точка зрѣнія искусства и разума, донна... такова, что...

И Зинзага сказалъ что-то такое, чего умному человеку нельзя ни въ сказкахъ сказать ни перомъ написать, — что-то весьма приличное, но крайне непонятное. Каролина замахала руками и забѣгала по комнатѣ, какъ бы боясь, чтобы ее насильно не раздѣли.

— Я мою его кисти, палитры и тряпки, я пачкаю свои платья о его картины, я хожу на уроки, чтобъ прокормить его, я шью для него костюмы, я выношу запахъ коноплянаго масла, стою по цѣлымъ днямъ на натурѣ, все дѣлаю, но... голой? голой? — не могу!!!

— Я разведусь съ тобой, рыжеволосая гарпія! — крикнулъ Бутронца.

— Куда же мнѣ дѣваться? — ахнула Каролина. — Дай мнѣ денегъ, чтобъ я могла доѣхать до Берлина, откуда ты увезъ меня, тогда и разведись!

— Хорошо! Кончу Сусанну и отправлю тебя въ твою Пруссію, страну таракановъ, испорченныхъ колбасъ и трихины! — крикнулъ Бутронца, незамѣтно для самого себя толкая локтемъ въ грудь Зинзагу. — Ты не можешь быть моей женой, если не можешь жертвовать собой для искусства! Ввввв... Ррр... Діаболо!

Каролина зарыдала, ухватила за голову и опустила на стулъ.

— Что ты дѣлаешь?! — заоралъ Бутронца. — Ты сѣла на мою палитру!!

Каролина поднялась. Подъ ней дѣйствительно была палитра съ свѣже-разведенными красками... О, боги! Зачѣмъ я не художникъ? Будь я художникъ, я далъ бы

Португаліи великую картину!.. Зинзага махнулъ рукой и выскочилъ изъ 148 номера, радуясь, что онъ не художникъ, и скорбя всѣмъ сердцемъ, что онъ романистъ, которому не удалось пообѣдать у художника... У дверей 147 номера встрѣтила его блѣдная, встревоженная, дрожащая жилица 113 номера, жена будущаго артиста королевскихъ театровъ, Петра Петрученца Петруріо.

— Чтò съ вами? — спросилъ ее Зинзага.

— Ахъ, донъ-Зинзага! У насъ несчастье! Чтò мнѣ дѣлать? Мой Петръ ушибся!

— Какъ ушибся?

— Учился падать и ударился вискомъ о сундукъ.

— Несчастный!

— Онъ умираетъ! Чтò мнѣ дѣлать?

— Къ доктору, донна!

— Но онъ не хочетъ доктора! Онъ не вѣритъ въ медицину и къ тому же... онъ всѣмъ докторамъ долженъ.

— Въ такомъ случаѣ сходите въ аптеку и купите тамъ свинцовой примочки. Эта примочка очень помогаетъ при ушибахъ.

— А сколько стоитъ эта примочка?

— Дешево, очень дешево, донна.

— Благодарю васъ. Вы всегда были хорошимъ другомъ моего Петра! У насъ осталось еще немного денегъ, которыя выручилъ онъ на любительскомъ спектаклѣ у графа Барабанта Алимонда... Не знаю, хватитъ ли?.. Вы... не можете дать немного взаймы на эту оловянную примочку?

— Свинцовую, донна.

— Мы вамъ скоро отдадимъ.

— Не могу, донна. Я истратилъ сегодня свои послѣднія деньги на покупку трехъ стопъ бумаги.

— Прощайте!

— Будьте здоровы! — сказалъ Зинзага и поклонился.

Не успѣла отойти отъ него жена будущаго артиста королевскихъ театровъ, какъ онъ увидѣлъ предъ собой женщину 101 номера, супругу опереточнаго пѣвца, будущаго португальскаго Оффенбаха, виолончелиста и флейтиста Фердинанда Лай.

— Чтò вамъ угодно? — спросилъ онъ ее.

— Донъ-Зинзага, — сказала супруга пѣвца и музыканта, домая руки: — будьте такъ добры, будьте такъ любезны, уймите моего буяна! Вы другъ его... Можетъ-быть, вамъ

удастся остановить его. Съ самаго утра безсовѣстный человѣкъ деретъ горло и своимъ пѣвнѣмъ жить мнѣ не даетъ! Ребенку спать нельзя, а меня онъ просто на клочки рветъ своимъ баритономъ! Ради Бога, донъ-Зинзага! Мнѣ сосѣдей даже стыдно за него... Вѣрите ли, и сосѣдскія дѣти не спятъ во его милости. Пойдемте, пожалуйста. Можетъ-быть, вамъ удастся унять его какъ-нибудь!

— Къ вашимъ услугамъ, доина!

Зинзага подаль женѣ пѣвца и музыканта руку и отправился въ 101 номеръ. Въ 101-мъ номерѣ, между кроватю, занимающею половину, и колыбелью, занимающею четверть номера, стоялъ пюпитръ. На пюпитрѣ лежали пожелтѣвшія ноты, а въ ноты глядѣль будущій португальскій Оффенбахъ и пѣль. Трудно было сразу понять, чтò и какъ онъ пѣль. Только по вспотѣвшему, красному лицу его и по впечатлѣнню, которое производилъ онъ на свои и чужія уши, можно было догадаться, что онъ пѣль и ужасно, и мучительно, и съ остервенѣннѣмъ. Видно было, что онъ и пѣль и въ то же время страдалъ. Онъ отбивалъ правой ногой и кулакомъ тактъ, при чемъ поднималъ высоко руку и ногу, постоянно сбивалъ съ пюпитра ноты, вытягивалъ шею, щурился глаза, кривилъ ротъ, билъ кулакомъ себя по животу... Въ колыбели лежалъ маленькій человѣчекъ, который крикомъ, визгомъ и пискомъ сопровождалъ своему расхочившемуся папашѣ.

— Донъ Лай, не пора ли вамъ отдохнуть? — спросилъ Лая вошедшій Зинзага. Лай не слышалъ.

— Донъ Лай, не пора ли вамъ отдохнуть? — повторилъ Зинзага.

— Уберите его отсюда! — пропѣлъ Лай и указалъ подбородкомъ на колыбель.

— Чтò это вы разучиваете? — спросилъ Зинзага, стараясь перекричать Лая. — Чтò вы разучиваете?

Лай поперхнулся, замолкъ и уставилъ глаза на Зинзагу.

— Вамъ что угодно? — спросилъ онъ.

— Мнѣ? Гм... Я... то-есть... Не пора ли вамъ отдохнуть?

— А вамъ какое дѣло?

— Но вы утомились, донъ Лай! Чтò это вы разучиваете?

— Кантату, посвященную ея сіятельству графинѣ Барбанта Алимонда. Впрочемъ, вамъ какое дѣло?

— Но уже ночь... Пора нѣкоторымъ образомъ спать...

— Я долженъ пѣть до 10 часовъ завтрашняго утра. Сонъ намъ ничего не даетъ. Пусть спятъ тѣ, кому угодно, а я для блага Португаліи, а можетъ-быть, и всего свѣта не долженъ спать.

— Но, мой другъ, — вмѣшалась жена: — мнѣ и ребенку нашему хочется спать. Ты такъ громко кричишь, что нѣтъ возможности не только спать, но даже и сидѣть въ комнатѣ.

— Коли захочешь, такъ заснешь! — Сказавши это, Лай ударилъ ногой тактъ и вновь залѣлъ.

Зинзага заткнулъ уши и какъ сумасшедшій выскочилъ изъ 101 номера. Пришедши въ свой номеръ, онъ увидѣлъ умилительную фигуру-картину. Его Амаранта сидѣла за столомъ и переписывала начисто одну изъ его повѣстей. Изъ ея большихъ глазъ капали на черную тетрадку крупныя слезы...

— Амаранта! — крикнулъ онъ, хватая жену за руку. — Неужели жалкій герой моей жалкой повѣсти могъ тронуть тебя до слезъ? Неужели, Амаранта?

— Нѣтъ, я плачу не надъ твоимъ героемъ...

— Чего же? — спросилъ разочарованный Зинзага.

— Моя подруга, жена твоего друга-скульптора, Софья Фердрабантеро-Неракрузь-Розга, разбила статую, которую готовилъ ея мужъ для поднесенія графу Барабанта Алимонда, и... не перенесла горя мужа... отравилась спичками!

— Несчастная... статуя! О, жены, чтобы чортъ васъ взялъ, вмѣстѣ съ вашими все зацѣпляющими шлейфами! Она отравилась? Чортъ возьми, тема для романа!!! Впрочемъ, мелка... Все смертно на этомъ свѣтѣ, мой другъ... Не сегодня, такъ завтра, такъ послѣзавтра, твоя подруга, все одно, должна была умереть... Утри свои слезы и лучше, чѣмъ плакать, выслушай меня...

— Тема для новаго романа? — спросила тихо Амаранта.

— Да...

— Не лучше ли будетъ, мой другъ, если я выслушаю тебя завтра утромъ? Утромъ мозги свѣжѣй какъ-то...

— Нѣтъ, сегодня выслушай. Завтра мнѣ будетъ некогда. Приѣхалъ въ Лиссабонъ русскій писатель Державинъ, и мнѣ нужно будетъ завтра утромъ сдѣлать ему визитъ. Онъ приѣхалъ вмѣстѣ съ твоимъ любимымъ, къ сожалѣнію, любимымъ, Викторомъ Гюго.

— Да?

— Да... Выслушай же меня!

Зинзага сѣлъ противъ Амаранты, откинулъ назадъ голову и началъ:

— Мѣсто дѣйствія весь свѣтъ... Португалія, Испанія, Франція, Россія, Бразилія и т. д. Герой въ Лиссабонѣ узнаётъ изъ газетъ о несчастіи съ героиней въ Нью-Йоркѣ. Ёдетъ. Его хватаютъ пираты, подкупленные агентами Бисмарка. Героиня—агентъ Франціи. Въ газетахъ намеки... Рѣчь русскаго посланника. Англичане. Секта поляковъ въ Австріи и цыганъ въ Индіи. Интриги. Герой въ тюрьмѣ. Его хотятъ подкупить и за отказъ присуждаютъ къ смертной казни. Понимаешь? Далѣе... Его освобождаетъ горсть студентовъ. Онъ на турецко-русской войнѣ въ русско-черногорскомъ полку...

Зинзага говорилъ увлекательно, горячо, махая руками, сверкая глазами... говорилъ долго, долго... ужасно долго! Амаранта два раза засыпала и два раза просыпалась, на улицахъ потушили фонари и взошло солнце, а онъ все говорилъ... Пробыло шесть часовъ, желудокъ Амаранты ущемила тоска по утреннемъ чаѣ, а онъ все говорилъ...

— Бисмаркъ подаетъ въ отставку, и герой, не желая долѣе скрывать своего имени, называетъ себя Альфонсо Зинзага и умираетъ въ страшныхъ мукахъ. Тихій ангелъ уноситъ въ голубое небо его тихую душу...

Такъ кончилъ Зинзага, когда пробыло семь часовъ.

— Ну? — спросилъ онъ Амаранту. — Чтò скажешь? Не находишь ли ты, что сцену между Альфонсо и Маріей не пропустить цензура? А?

— Нѣтъ, сценка мила!

— Вообще хорошо? Ты говори откровенно. Ты женщина, а большинство моихъ читателей женщины, поэтому мнѣ необходимо знать твое мнѣніе.

— Какъ тебѣ сказать? Мнѣ кажется, что я твоего героя гдѣ-то уже встрѣчала, не помню только гдѣ именно...

— Не можетъ быть!

— Право. Съ твоимъ героемъ я встрѣчалась въ одномъ романѣ и, надо тебѣ сказать, въ глупѣйшемъ романѣ! Когда я читала этотъ романъ, я удивлялась, какъ могутъ печатать подобную чушь, а когда прочла его, то рѣшила, что авторъ долженъ быть, по меньшей мѣрѣ, глупъ, какъ пробка... Чушь печатаютъ, а тебя мало печатаютъ... Удивительно!

— Не припомнишь ли хоть названіе этого романа?

— Названія не помню, но имя героя помню. Это имя врѣзалось мнѣ въ память, потому что имѣеть въ себѣ четыре «р» подь рядъ... Глупое имя... Карррро!

— Не въ романѣ ли «Сомнамбула среди океана»?

— Да, да, да, въ этомъ самомъ. Какъ хорошо ты помнишь нашу литературу! Въ этомъ самомъ... Твой герой похожъ на Карррро, но твой, разумѣется, умнѣй. Чтѣ съ тобой, Альфонсо?

Альфонсо вскочилъ.

— «Сомнамбула среди океана» — мой романъ!!! — крикнулъ онъ.

Амаранта покраснѣла.

— Значить, это мой романъ глупѣйшій, мой? — крикнулъ онъ такъ громко, что у Амаранты даже заболѣло горло. — Ахъ, ты, дура! Ахъ, ты, безмозглая утка! Такъ-то вы, сударыня, смотрите на мои произведенія? Такъ-то, ослица? Проговорились? Больше меня ужъ не увидите! Прощайте! Гм... бррр... идиотка! Мой романъ — глупѣйшій?! Графъ Барабанта Алимонда зналъ, чтѣ издавалъ!

Бросивъ презрительнѣйшій взглядъ на жену, Зизанга нахлобучилъ на глаза шляпу, хлопнулъ дверью и вышелъ изъ 147-го номера.

Амаранта вздохнула, но не заплакала и въ обморокъ не упала. Она знала, что Альфонсо Зизага воротится въ 147-й номеръ, какъ бы сильно ни былъ сердить... Оставить навсегда 147-й номеръ для романиста значить то же самое, что начать жить, а слѣдовательно и писать и имѣть даровую переносчицу на лиссабонскихъ бульварахъ, подь голубымъ португальскимъ небомъ... Это знала Амаранта и не сильно волновалась по уходѣ супруга. Она только вздохнула и принялась утѣшать себя. Обыкновенно, послѣ частыхъ ссоръ съ мужемъ, она утѣшала себя чтеніемъ стараго газетнаго листка, который хранился у нея въ жестяной коробочкѣ изъ-подь монпансье, рядомъ съ крошечной бутылочкой изъ-подь духовъ. Старый газетный листокъ между объявленіями, телеграммами, политикой, хроникой и другими рукъ человѣческихъ дѣлами заключалъ въ себѣ перлъ, извѣстный въ газетахъ подь именемъ смѣси. Въ этой смѣси, подь рассказомъ о томъ, какъ американецъ перехитрилъ американца, и какъ извѣстная пѣвица миссъ Дубаддола Свистъ съѣла бочку устрицъ и прошла, не замочивъ ботинокъ, Анды, по-

мѣщался разсказецъ, весьма годный для утѣшенія Амаранты и другихъ женъ артистовъ. Привожу дословно этотъ разсказъ :

«Вниманію португальцевъ и ихъ дочерей. Въ одномъ изъ городовъ Америки, открытой Христофоромъ Колумбомъ, человѣкомъ крайне энергичнымъ и отважнымъ, жилъ-былъ себѣ докторъ Таннеръ. Этотъ Таннеръ былъ болѣе артистомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ ученымъ, а потому и извѣстенъ земному шару и Португаліи не какъ ученый, а какъ артистъ въ своемъ родѣ. Будучи американцемъ, онъ въ то же самое время былъ и человѣкомъ, а если онъ былъ человѣкомъ, то рано или поздно онъ долженъ былъ влюбиться, что и сдѣлалъ онъ однажды. Влюбился онъ въ прекрасную американку, влюбился до безумія, какъ артистъ, влюбился до того, что однажды вмѣсто aquae distillatae прописалъ argentum nitricum, влюбился, предложилъ руку и женился. Жилъ онъ съ прекрасной американкой на первыхъ порахъ весьма счастливо, такъ счастливо, что медовый мѣсяцъ*) тянулся, вопреки естеству этого мѣсяца, не мѣсяцъ, а шесть мѣсяцевъ**). Нѣтъ сомнѣній, что Таннеръ, будучи человѣкомъ ученымъ, а слѣдовательно и самымъ уживчивымъ, прожилъ бы съ женой счастливо до самой могилы, если бы не усмотрѣлъ за ней страшнаго порока. Порокъ m-me Таннеръ заключался въ томъ, что она ѣла по-человѣчески. Этотъ порокъ жены кольнулъ Таннера въ самое сердце. «Я перевоспитаю ее!» — задалъ онъ себѣ задачу и началъ развивать m-me Таннеръ. Сперва отучилъ онъ ее завтракать и ужинать, а потомъ чай пить. Черезъ годъ послѣ свадьбы m-me Таннеръ приготавлила къ обѣду уже не четыре, а только одно блюдо, черезъ два же года послѣ подписанія свадебнаго контракта она умѣла уже довольствоваться баснословнымъ количествомъ пищи. А именно, въ однѣ сутки поѣдала и выпивала она слѣдующее количество питательныхъ веществъ :

- 1,3 солей.
- 5,3 бѣлковыхъ веществъ.
- 2,3 жира.

*) Медовый мѣсяцъ меньше луннаго. Содержитъ онъ въ себѣ отъ 1/2 до 20 дюймовъ.

**) Невѣроятно! Примеч. переводчика.

7,3 воды (дистиллированной).

$\frac{1}{23}$ венгерскаго вина.

Итого—15 $\frac{1}{2}$ золотниковъ.

Газовъ мы не считаемъ, потому что наука еще не въ состояннн точно опредѣлить количества потребляемыхъ нами газовъ. Таннеръ торжествовалъ, но не долго. На четвертый годъ его брачной жизни, его начала терзать мысль, что m-me Таннеръ поѣдаетъ много бѣлковыхъ веществъ... Онъ еще съ большей энергіей принялся за дрессировку и, пожалуй, достигъ бы сокращенія 5 золотн. до одного или нуля, если бы не почувствовалъ, что онъ разлюбилъ свою жену. Будучи эстетикомъ, онъ не могъ не разлюбить своей жены. M-me Таннеръ вмѣсто того, чтобъ до глубокой старости быть американской красавицей, вздумала ни съ того ни съ сего обратиться въ подобіе американской щелки, лишиться своихъ прекрасныхъ формъ и умственныхъ способностей, чѣмъ и показала, что она хотя и годится еще для дальнѣйшихъ дрессировокъ, но стала совершенно негодной для супружеской жизни. D-r Таннеръ потребовалъ развода. Явились въ его домъ ученые эксперты, осмотрѣли со всѣхъ сторонъ m-me Таннеръ, посоветовали ей ѣхать на воды, дѣлать гимнастику, прописали ей діету и нашли требованіе своего уважаемаго коллеги вполнѣ законнымъ: d-r Таннеръ далъ своимъ коллегамъ-экспертамъ по доллару, угостилъ ихъ хорошимъ завтракомъ и... съ этихъ поръ Таннеръ живетъ въ одномъ мѣстѣ, а жена его въ другомъ. Печальная исторія! Женщины, какъ часто вы бываете причиною несчастій великихъ людей! Женщины, вы были виновницы того, что великіе люди очень часто не оставляютъ послѣ себя потомства! Португальцы, на вашей совѣсти лежитъ воспитаніе вашихъ дочерей! Португальцы! Не дѣлайте изъ вашихъ дочерей разорительницъ домашнихъ очаговъ и гнѣздъ!! Мы кончили. Завтрашній нумеръ по случаю дня рожденія редактора не выйдетъ. Португальцы! Кто изъ васъ не внесъ подписныхъ денегъ сполна, тотъ пусть поспѣшитъ доплатить!»

— Бѣдная m-me Таннеръ!—прошептала Амаранта, пробѣжавъ этотъ разказецъ. — Бѣдная! Какъ она несчастлива! О, какъ я счастлива сравнительно съ нею! Какъ я счастлива!

Амаранта, обрадованная тѣмъ, что есть на этомъ свѣтѣ

люди несчастіѣе ея, старательно сложила газетный листъ, положила его въ коробочку и, радуясь, что она не м-ше Таннеръ, раздѣлась и легла спать.

Спала она до тѣхъ поръ, пока не разбудилъ ее ужаснѣйшій голодъ въ лицѣ Альфонсо Зинзага.

— Я хочу ѣсть! — сказалъ Зинзага. — Одѣнься, моя дорогая, и ступай къ своей madre за деньгами. А procos: я извиняюсь передъ тобой. Я былъ не правъ. Я сейчасъ только узналъ отъ русскаго писателя Державина, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ Лермантоффъ, другимъ русскимъ писателемъ, что есть два романа, совершенно не похожіе другъ на друга и носящіе одно и тоже имя: «Сомнамбула среди океана». Иди, мой другъ!

И Зинзага разсказалъ Амарантѣ, пока она одѣвалась, одинъ случай, который онъ намѣренъ описать, сказавъ, между прочимъ, мимоходомъ, что описаніе этого трогательнаго за душу и тѣло случая потребуетъ у нея нѣкоторой жертвы.

— Жертва, мой другъ, будетъ не велика! — сказалъ онъ. — Ты должна будешь писать это описаніе подъ мою диктовку, что отниметъ у тебя не болѣе семи-восьми часовъ, и переписать его начисто, а между прочимъ, такъ мимоходомъ, изложить на бумагѣ и свое мнѣніе относительно всѣхъ моихъ произведеній... Ты женщина, а большинство моихъ читателей составляютъ женщины...

Зинзага немножко солгалъ. Не большинство, а всѣхъ его читателей составляла одна только женщина, потому что Амаранта была не «женщины», а только всего «женщина».

— Согласна?

— Да, — сказала тихо Амаранта, поблѣднѣла и упала безъ чувствъ на растрепанный, вѣчно валяющійся, пыльный энциклопедическій словарь...

— Удивительный народъ, эти женщины! — воскликнулъ Зинзага. — Правъ былъ я, когда назвалъ женщину въ «Тысячѣ огней» существомъ, которое вѣчно будетъ загадкой и удивленіемъ для рода человѣческаго! Малѣйшая радость способна повалить ее на полъ! О, женскіе нервы...

И счастливый Зинзага опустился на колѣно передъ несчастной Амарантой и цоцѣловалъ ее въ лобъ...

Такія-то дѣла, читательницы!

Знаете что, дѣвицы и вдовы? Не выходите вы замужъ за этихъ артистовъ! «Цуръ имъ и пекъ этимъ артистамъ»,

какъ говорятъ хохлы.. Лучше, дѣвицы и вдовы, жить гдѣ-нибудь въ табачной лавочкѣ или продавать гусей на базарѣ, чѣмъ жить въ самомъ лучшемъ номерѣ «Ядовитаго Лебедя» съ самымъ лучшимъ протезе графа Барбанта Алимонда.

Право, лучше!

10-го марта 1881 года.

Сантъ-Яго-де-Компостелла.

1882.

ГРѢШНИКЪ ИЗЪ ТОЛЕДО.

(Переводъ съ испанскаго).

«Кто укажетъ мѣсто, въ которомъ находится теперь вѣдьма, именующая себя Маріей Спаланцо, или кто доставить ее въ засѣданіе судей живой или мертвой, тотъ получитъ отпущеніе грѣховъ».

Это объявленіе было подписано епископомъ Барцелоны и четырьмя судьями въ одинъ изъ тѣхъ давно минувшихъ дней, которые навсегда останутся неизгладимыми пятнами въ исторіи Испаніи и, пожалуй, человѣчества.

Объявленіе прочла вся Барцелона. Начались поиски. Было задержано шестьдесятъ женщинъ, походившихъ на искомую вѣдьму, были пытаемы ея родственники... Существовало смѣшное и въ то же время глубокое убѣжденіе, что вѣдьмы обладаютъ способностью обращаться въ кошекъ, собакъ или другихъ животныхъ и непременно въ черныхъ; разсказывали, что очень часто охотникъ, отрѣзавъ лапу у нападашаго животнаго, уносилъ ее какъ трофей, но, открывая свою сумку, находилъ въ ней только окровавленную руку, въ которой узнавалъ руку своей жены. Жители Барцелоны убили всѣхъ черныхъ кошекъ и собакъ, но не узнали въ этихъ ненужныхъ жертвахъ Маріи Спаланцо.

Марія Спаланцо была дочерью одного крупнаго барцелонскаго торговца. Отецъ ея былъ французомъ, мать испанкой. Отъ отца получила она въ наслѣдство галльскую безпечность и ту безграничную веселость, которая такъ привлекательна во француженкахъ, отъ матери же чисто испанское тѣло. Прекрасная, вѣчно веселая, умная, посвятившая свою жизнь веселому испанскому ничегонедланію и искусствамъ, она до двадцати лѣтъ не пролила

ни одной слезы... Она была счастлива, какъ ребенокъ... Въ тотъ день, когда ей исполнилось ровно двадцать лѣтъ, она выходила замужъ за извѣстнаго всей Барселонѣ моряка Спаланцо, очень красиваго и, какъ говорили, ученѣйшаго испанца. Выходила она замужъ по любви. Мужъ поклялся ей, что онъ убьетъ себя, если она не будетъ съ нимъ счастлива. Онъ любилъ ее безъ памяти.

На второй день свадьбы участь ея была рѣшена.

Подъ вечеръ отправилась она изъ дома мужа къ матери и заблудилась. Барселона велика, и не всякая испанка сумѣетъ указать вамъ кратчайшую дорогу отъ одного конца города до другого. Ей встрѣтился молодой монахъ.

— Какъ пройти на улицу св. Марка?—обратилась она къ монаху.

Монахъ остановился и, о чемъ-то думая, началъ смотрѣть на нее... Солнце уже успѣло зайти. Возшла луна и бросала свои холодные лучи на прекрасное лицо Маріи. Недаромъ поэты, воспѣвая женщинъ, упоминаютъ о лунѣ! При лунѣ женщина во сто кратъ прекраснѣе. Прекрасные, черные волосы Маріи, благодаря быстрой походкѣ, рассыпались по плечамъ и по глубоко дышавшей, вздымавшейся груди. Поддерживая на шеѣ косынку, она обнажила руки до локтей...

— Клянусь кровью св. Януарія, что ты вѣдьма!—сказалъ вдругъ ни съ того ни съ сего молодой монахъ.

— Если бы ты не былъ монахомъ, то я подумала бы, что ты пьянь!—сказала она.

— Ты вѣдьма!!

Монахъ сквозь зубы пробормоталъ какое-то заклинаніе.

— Гдѣ собака, которая бѣжала сейчасъ впереди меня? Собака эта обратилась въ тебя! Я видѣлъ!.. Я знаю... Я не прожилъ еще и двадцати пяти лѣтъ, а уже уличилъ пятьдесятъ вѣдьмъ! Ты пятьдесятъ первая! Я—Августинъ...

Сказавши это, монахъ перекрестился, повернулъ назадъ и скрылся.

Марія знала Августина... Она многое слышала о немъ отъ родителей... Она знала его, какъ ревностиѣйшаго истребителя вѣдьмъ и какъ автора одной ученой книги. Въ этой книгѣ онъ проклиналъ женщинъ, ненавидѣлъ мужчину за то, что тотъ родился отъ женщины, и хвалился любовью ко Христу. «Но можетъ ли,—не разъ думала

Марія:—любить тотъ Христа, кто не любитъ человѣка?»
Прошедши полверсты, Марія еще разъ встрѣтилась съ Августинномъ. Изъ воротъ одного большого дома съ длинной латинской надписью вышли четыре черныя фигуры. Эти четыре фигуры пропустили ее мимо себя и послѣдовали за ней. Въ одной изъ нихъ она узнала того же Августина. Они проводили ее до самаго дома.

Черезъ три дня послѣ встрѣчи съ Августинномъ къ Спаланцо явился человѣкъ въ черномъ, съ опухшимъ, бритымъ лицомъ, по вѣснмъ признакамъ судья. Этотъ человѣкъ приказалъ Спаланцо итти немедленно къ епископу.

— Твоя жена—вѣдьма!—объявилъ епископъ Спаланцо.

Спаланцо поблѣднѣлъ.

— Поблагодари Бога!—продолжалъ епископъ. — Человѣкъ, имѣющій отъ Бога драгоценный даръ открывать въ людяхъ нечистаго духа, открылъ намъ и тебѣ глаза. Видѣли, какъ она обратилась въ черную собаку, и какъ черная собака обратилась въ твою жену...

— Она не вѣдьма, а... моя жена,—пробормоталъ ошеломленный Спаланцо.

— Она не можетъ быть женою католика! Она жена сатаны. Неужели ты до сихъ поръ не замѣчалъ, несчастный, что она не разъ уже измѣняла тебѣ для нечистаго духа? Иди домой и приведи ее сейчасъ сюда...

Епископъ былъ очень ученый человѣкъ. Слово «femina» производилъ онъ отъ двухъ словъ: «fe» и «minus», на томъ якобы законномъ основаніи, что женщина имѣетъ меньше вѣры...

Спаланцо сталъ блѣднѣе мертвеца. Онъ вышелъ изъ епископскихъ покоевъ и схватилъ себя за голову. Гдѣ и кому сказать теперь, что Марія не вѣдьма? Кто не повѣритъ тому, во что вѣрятъ монахи? Теперь вся Барселона убѣждена въ томъ, что его жена вѣдьма! Вся! Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдить въ какой-нибудь небывальщинѣ глупаго человѣка, а испанцы все глупы!

— Нѣтъ народа глупѣе испанцевъ!—сказалъ когда-то Спаланцо его умирающій отецъ-лѣкарь.—Презирай испанцевъ и не вѣрь въ то, во что вѣрятъ они!

Спаланцо вѣрилъ въ то, во что вѣрятъ испанцы, но не повѣрилъ словамъ епископа. Онъ хорошо зналъ свою жену и былъ убѣжденъ въ томъ, что женщины дѣлаются вѣдьмами только подъ старость...

— Тебя хотятъ монахи съжечь, Марія!—сказалъ онъ

женѣ, пришедши домой отъ епископа.—Они говорятъ, что ты вѣдьма, и приказали мнѣ привести тебя туда... Послушай, жена! Если ты на самомъ дѣлѣ вѣдьма, то Богъ съ тобой!—обратись въ черную кошку и убѣги куда-нибудь; если же въ тебѣ нѣтъ нечистаго духа, то я не отдамъ тебя монахамъ... Они надѣнутъ на тебя ошейникъ и не дадутъ тебѣ спать до тѣхъ поръ, пока ты не наврешь на себя. Убѣгай же, если ты вѣдьма!

Марія въ черную кошку не обратилась и не убѣжала... Она только заплакала и стала молиться Богу.

— Послушай!—сказалъ Спаланцо плачущей женѣ.— Мой покойный отецъ говорилъ мнѣ, что скоро настанетъ время, когда будутъ смѣяться надъ тѣми, которые вѣрують въ существованіе вѣдьмъ. Мой отецъ былъ безбожникъ, но всегда говорилъ правду. Нужно, значитъ, спрятаться куда-нибудь и выждать то время... Очень просто! Въ гавани починяется корабль моего брата Христофора. Я спрячу тебя въ этотъ корабль, и ты не выйдешь изъ него до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время, о которомъ говорилъ мой отецъ... Время это, по его словамъ, настанетъ скоро...

Вечеромъ Марія сидѣла уже на самомъ днѣ корабля и, дрожа отъ холода и страха, прислушивалась къ шуму волнъ и съ нетерпѣніемъ ожидала того невозможнаго времени, о которомъ говорилъ отецъ Спаланцо.

— Гдѣ твоя жена?—спросилъ Спаланцо епископъ.

— Она обратилась въ черную кошку и убѣжала отъ меня!—соврала Спаланцо.

— Я ожидалъ, предвидѣлъ это! Но ничего... Мы найдемъ ее... Великій даръ у Августина! О, чудный даръ! Иди съ миромъ и другой разъ не женись на вѣдьмахъ! Были примѣры, что нечистые духи переселялись изъ женъ въ мужей... Въ прошломъ году я сжегъ одного благочестиваго католика, который черезъ прикосновеніе къ нечистой женщинѣ противъ воли отдалъ душу свою сатанѣ... Ступай!

Марія долго просидѣла въ кораблѣ. Спаланцо посѣщалъ ее каждую ночь и приносилъ ей все необходимое. Просидѣла она мѣсяць, другой, просидѣла третій, но не наступало желаемое время. Правъ былъ отецъ Спаланцо, но мѣсяцевъ мало для предразсудковъ. Они живучи, какъ рыбы, и имъ нужны цѣлыя столѣтія... Марія привыкла къ своему новому житью-бытью и уже начала посмѣиваться

надъ монахами, которыхъ называла воронами... Она прожила бы еще долго и, пожалуй, уплыла бы вмѣстѣ съ починеннымъ кораблемъ, какъ говорилъ Христофоръ, въ далекія страны, подальше отъ этой глупой Испаніи, если бы не случилось одного страшнаго, непоправимаго несчастья.

Объявленіе епископа, ходившее по рукамъ барселонцевъ и наклеенное на всѣхъ площадяхъ и рынкахъ, попало и въ руки Спаланцо. Спаланцо прочелъ это объявленіе и задумался. Его заняло отпущеніе грѣховъ, обѣщанное въ концѣ объявленія.

— Хорошо бы получить отпущеніе грѣховъ!—вздыхнулъ Спаланцо.

Спаланцо считалъ себя страшнымъ грѣшникомъ! На его совѣсти лежала масса такихъ грѣховъ, за которые пошло на костеръ и умерло на пыткѣ много католиковъ. Въ юности Спаланцо жилъ въ Толедо. Толедо въ то время былъ сборнымъ пунктомъ мажиковъ и волшебниковъ... Въ XII и XIII столѣтіяхъ тамъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ, процвѣтала математика. Отъ математики въ испанскихъ городахъ до магіи одинъ только шагъ... Спаланцо подъ руководствомъ отца тоже занимался магіей. Онъ вскрывалъ внутренности животныхъ и собиралъ необыкновенныя травы... Его научилъ отецъ хохотать надъ ученіемъ о «succubi» и «incubi». Однажды онъ толочъ что-то въ желѣзной ступѣ, и изъ ступы съ страшнымъ трескомъ вышелъ нечистый духъ въ видѣ синеватаго пламени. Жизнь въ Толедо состояла сплошную изъ подобныхъ грѣховъ. Оставивъ Толедо послѣ смерти отца, Спаланцо почувствовалъ вскорѣ страшныя угрызения совѣсти. Одинъ старый, очень ученый монахъ-докторъ сказалъ ему, что его грѣхи не простятся ему, если онъ не получитъ отпущенія грѣховъ за какой-нибудь недюжинный подвигъ... За отпущеніе грѣховъ Спаланцо готовъ былъ отдать все, лишь бы только освободить свою душу отъ воспоминаній о позорномъ толедскомъ житьѣи избѣжать ада. Онъ отдалъ бы половину своего состоянія, если бы тогда продавались въ Испаніи индугенціи... Онъ отправился бы пѣшкомъ въ св. мѣста, если бы его не удерживали его дѣла...

«Не будь я ея мужемъ, я выдалъ бы ее...»—подумалъ онъ, прочитавъ объявленіе епископа.

Мысль, что ему стѣбитъ только сказать одно слово, чтобы получить отпущеніе, застряла въ его головѣ и не да-

вала ему покоя ни днемъ ни ночью... Онъ любилъ свою жену, сильно любилъ... Не будь этой любви, этой слабости, которую такъ презирають монахи и даже толедскіе доктора, пожалуй, можно было бы... Онъ показаль объявленіе брату Христофору...

— Я выдалъ бы ее,—сказаль братъ:—если бы она была вѣдьма и не была такой красивой... Отпущеніе вещь хорошая... Впрочемъ, мы не будемъ въ убыткѣ, если подождемъ смерти Маріи и выдадимъ ее тѣмъ воронамъ мертвую... Пусть сожгутъ мертвую... Мертвымъ не больно. Она умретъ, когда мы будемъ стары, а въ старости-то намъ и понадобится отпущеніе...

Сказавши это, Христофоръ захохоталь и ударилъ брата по плечу.

— Я могу умереть раньше ея,—замѣтилъ Спаланцо.— Но, клянусь Богомъ, я выдать бы ее, если бы не былъ ея мужемъ!

Черезъ недѣлю послѣ этой бесѣды Спаланцо ходилъ по палубѣ корабля и бормоталь:

— О, если бы она была мертвой! Живую я ее не выдамъ, пѣтъ! Но я выдалъ бы ее мертвой! Я обманулъ бы тѣхъ старыхъ проклятыхъ воронъ и получилъ бы отъ нихъ отпущеніе!

И глупый Спаланцо отравилъ свою бѣдную жену...

Трупъ Маріи былъ отнесенъ Спаланцо въ засѣданіе судей и преданъ сожженію.

Спаланцо получилъ отпущеніе толедскихъ грѣховъ... Его простили за то, что онъ учился лѣчить людей и занимался наукой, которая впоследствии стала называться химіей... Епископъ похвалилъ его и подарилъ ему книгу собственнаго сочиненія... Въ этой книгѣ ученый епископъ писалъ, что бѣсы чаще всего вселяются въ женщинъ съ черными волосами... Бѣсы вселяются въ эти волосы...

1881.

ПИСЬМО *).

«Многоуважаемая Марія Сергѣевна! Посылаю вамъ книгу, о которой писалъ въ среду. Прочтите. Обращаю Ваше вниманіе на страницы 17 — 42, 92, 93 и 112, особенно на тѣ мѣста, которыя я подчеркнулъ карандашомъ. Какая сила! Форма, повидимому, неуклюжа, но зато какая широкая свобода, какой страшный, необъятный художникъ чувствуетея въ этой неуклюжести! Въ одной фразѣ три раза «который» и два раза «видимо», фраза сдѣлана дурно, не кистью, а точно мочалкой, но какой фонтанъ бьетъ изъ-подъ этихъ «которыхъ», какая прячется подъ нимъ гибкая, стройная, глубокая мысль, какая кричащая правда! Вы читаете и видите между строкъ, какъ въ поднебесьѣ парить орелъ, и какъ мало онъ въ это время заботится о красотѣ своихъ перьевъ. Мысль и красота, подобно урагану и волнамъ, не должны знать привычныхъ, опредѣленныхъ формъ. Ихъ форма — свобода, не стѣсняемая никакими соображеніями о «которыхъ» и «видимо». Когда я пишу къ вамъ, меня всякій разъ стѣсняють и раздражаютъ мои малѣйшія погрѣшности въ слогѣ, а это значить, что я не художникъ, что во мнѣ слово преобладаетъ надъ образами и настроеніемъ.

«Пожалуйста, прочтите книгу. Я читалъ ее вчера весь день, у меня захватывало духъ, и я чувствовалъ, какъ новые элементы жизни, какихъ я раньше не зналъ, входили въ существо моего сердца. Съ каждой новой страницей я становился богаче, сильнѣе, выше! Я изумлялся, плакалъ отъ восторга, гордился, и въ это время глубоко, мистически вѣровалъ въ божественное происхождение истиннаго таланта, и мнѣ казалось, что каждая изъ этихъ

*) Изъ посмертныхъ бумагъ и набросковъ. <http://rcin.org.pl>

могучихъ, стихійныхъ страницъ создана не даромъ, что своимъ происхожденіемъ и существованіемъ она должна вызвать въ природѣ что-нибудь, соотвѣтствующее своей силѣ, что-нибудь въ родѣ подземнаго гула, перемѣны климата, бури на морѣ... Не вѣрю, тысячу разъ не вѣрю, чтобъ природа, въ которой все цѣлесообразно, относилась безучастно къ тому, что составляетъ самую прекрасную и самую разумную, сильную, непобѣдимую часть ея, именно ту часть, которая создается помимо ея волн геніемъ человѣка. Я чувствую, что, кажется, пишу чепуху; смѣйтесь, но не мѣшайте мнѣ бредить, мечтать, говорить сказки. Вы не можете представить, какъ радостно и весело писать даже пустой бредъ, когда знаешь, что на эти строчки будутъ глядѣть ваши добрые глаза.

«Вчера я такъ увлекся книгой, что даже не обрадовался приѣзду Травникова, котораго я люблю. Онъ приѣхалъ ко мнѣ съ головной болью и не въ духѣ. Послѣ большихъ операций у него всегда болитъ голова — отравляется парами карболовой кислоты. Онъ сталъ разспрашивать меня о моей ногѣ, а я въ отвѣтъ прочелъ ему тѣ 20 строкъ, которыя я подчеркнулъ на 92 страницѣ, и у насъ завязался литературный споръ. Травниковъ скалъ:

«— Время, которое я потратилъ на чтеніе философіи, поэзіи и беллетристики, я считаю потеряннымъ. У нихъ много претензій, но онѣ не объяснили и не освѣтили мнѣ ни одного явленія, и за это я ихъ не люблю. Все въ нихъ субъективно, а потому наполовину онѣ — ложь, а наполовину — ни то ни се, середка между ложью и правдой. Мягніе, что безъ нихъ нельзя обойтись, предразсудокъ; онѣ, какъ театръ и циркъ, служатъ только для развлеченія, и я читаю ихъ теперь только для развлеченія. Отдаю я предпочтеніе тѣмъ авторамъ, у которыхъ меньше претензій, а въ этомъ отношеніи самыя удобныя книги — французскіе романы.

«— А кто насъ учитъ мыслить, позвольте васъ спросить? — скалъ я.

«— Тотъ, кто говоритъ правду, а поэзія и романы не говорятъ правды.

«И такъ далѣе, все въ такомъ родѣ. Извольте тутъ спорить! Упрямый, предубѣжденный человѣкъ. Заговорили о красотѣ.

«— Красота пріятна! — скалъ онъ! — и служить только

для удовольствія, потому-то безъ нея трудно обходиться. Кто же ищетъ въ ней не удовольствія, а правды или знанія, того она подкупаетъ, обманываетъ и сбиваетъ съ толку, какъ миражъ. Когда я имѣлъ неосторожность учиться у красоты мыслить, то она дѣлала изъ меня пьянаго и слѣпотаго. Такъ, читая «Фауста», я не замѣчалъ, что Маргарита—убійца своего ребенка; въ байроновскомъ «Кайнѣ» для меня были безконечно симпатичны и самъ Кайнъ и чортъ... Да мало ли?

«Онъ сдавилъ свою больную голову руками, прислонился ею къ столу и проговорилъ вяло:

«— Красота, талантъ, высокое, прекрасное, художественное—все это очень мило, но условно, не поддается логическому опредѣленію, и изъ всего этого не извлечешь ни одного непреложнаго закона. Какъ сказалъ кто-то до потѣха, что соловей—любовникъ розы, что дубъ могучъ, а повилика нѣжна, ну, мы и вѣримъ... А почему вѣримъ?

«Я сталъ по обыкновенію горячиться и говорить не то, что нужно.

«— Не понимаю, что вы сердитесь?—сказалъ онъ, поднимая голову. — Что оскорбительнаго въ томъ, что искусства служатъ только для развлеченія? Милый мой, я хотѣлъ бы быть даже плохимъ писателемъ, чтобы только умѣть развлекать своими книжками больныхъ и заключенныхъ. Развѣ мала заслуга писателя въ томъ, что вы сегодня цѣлый день веселы? Впрочемъ, душа моя, у меня невыносимо голова болитъ, можетъ-быть, вы и правы. Ничего не знаю.

«Поэзія и беллетристика не объяснили ни одного явленія! Да развѣ молнія, когда блеститъ, объясняетъ что-нибудь? Не она должна объяснить намъ, а мы должны объяснять ее. Хороши бы мы были, если бы вмѣсто того, чтобы объяснять электричество, стали отрицать его только на томъ основаніи, что оно намъ многого не объясняетъ. А вѣдь поэзія и всѣ такъ называемыя изящныя искусства—это тѣ же грозныя, чудесныя явленія природы, которыя мы должны научиться объяснять, не дожидаясь, когда они сами станутъ объяснять намъ что-нибудь. Какъ жаль и обидно, что даже умные, хорошіе люди на каждое явленіе смотрятъ съ спеціальной, предвзятой, слишкомъ личной точки зрѣнія. Травникова, на примѣръ, мучитъ спеціальнй вопросъ о Богѣ и дѣляхъ жизни; искусства не рѣшаютъ этого вопроса, не объ-

ясняютъ, что будетъ за гробомъ, и Травниковъ считаетъ ихъ за это предразсудкомъ, низводитъ ихъ на степень простого развлеченія, безъ котораго нетрудно обойтись, и разъ даже въ присутствіи вашей матушки сказалъ какъ бы въ шутку, что они составляютъ одинъ изъ видовъ «наслѣдственнаго грѣха». Въ этомъ отношеніи не напоминаетъ ли онъ вамъ одну нашу общую знакомую, которая отрицаетъ медицину и науки вообще только потому, что доктора плохо пляшутъ мазурку? Вино сладко, вкусно и веселитъ сердце, но этого недостаточно: навѣрное, найдется такой портной, который станетъ отрицать его на томъ основаніи, что оно не выводитъ пятенъ и не можетъ служить вмѣсто скипидара.

«Но довольно философствовать. Моя нога находится въ прежнемъ положеніи. Травниковъ настаиваетъ на операціи, но я не соглашаюсь. Природа сама стремится къ исцѣленію, и я сильно рассчитываю на это ея свойство. Авось дѣло обойдется и безъ операціи. Скука ужасная, и если бы не книги, то я бы, кажется, по цѣлымъ днямъ плакалъ отъ скуки. Жить въ восьми верстахъ отъ васъ и не имѣть права поѣхать къ вамъ—вѣдь это инквизиція!

«Вчера у Зелениныхъ была ваша матушка и заѣзжала къ намъ. Распекала меня вмѣстѣ съ отцомъ за то, что я ушелъ изъ духовной академіи. Всѣ въ одинъ голосъ увѣряютъ меня, что я поступилъ не умно. Можетъ-быть, это и такъ. Я и самъ не знаю, зачѣмъ я ушелъ изъ академіи, но не знаю также, зачѣмъ бы я и продолжалъ оставаться тамъ. Меня томитъ жажда жизни, и я бѣгу оттуда, гдѣ ея нѣтъ, или гдѣ она скроена не на мой вкусъ. Жизнь моя—это вы всѣ, которыхъ я такъ безгранично люблю. Я не могу, чтобы не видѣть вашего прекраснаго, кроткаго, сіяющаго добротой лица и чтобы хотя разъ въ мѣсяцъ не слышать вашего голоса; я не могу, чтобы не видѣть вашей великодушной матери и всей вашей жизнерадостной, милосердной, Богомъ благословенной семьи, которая такъ же близка моей душѣ, какъ мои братья и отецъ. Миѣ нужно каждый день видѣть около себя моего стараго отца-страдальца и слышать каждую ночь, какъ онъ не спитъ и думаетъ вслухъ о моемъ братѣ-калоржникѣ. Миѣ нужно, чтобы разъ въ два или три мѣсяца приходилъ къ намъ изъ монастыря мой сумасшедшій братъ-монахъ только затѣмъ, чтобы, сверкая глазами, проклясть въ моемъ присутствіи цивилизацію и

уйти назадъ. Жизнь моя не полна, если я хотя разъ въ недѣлю не вижу Травникова, котораго я люблю тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже засасывается онъ въ тину, куда влечетъ его жадная, неумолимая, мучительная мысль. Онъ во что бы то ни стало хочетъ вѣры. Онъ хочетъ и ищетъ Бога, ищетъ день и ночь и находитъ одну только пропасть, въ которую чѣмъ дольше смотришь, тѣмъ кажется она глубже и темнѣе. А какое высокое наслажденіе для меня гулять по деревнѣ и заходить въ избы къ людямъ и говорить съ ними. Какое разнообразіе лицъ, голосовъ, умовъ, вкусовъ, вѣрованій! А какая прелесть нашъ старый дьяконъ Павелъ Денисовичъ, который вотъ уже два года умираетъ ежедневно и никакъ не можетъ умереть, и самъ же смѣется надъ своею живучестью: «умираю, умираю и никакъ не помру!». Хороша жизнь, Марія Сергѣевна! Правда, она тяжела, скоротечна, но зато какъ богата, умна, разнообразна, интересна, какъ изумительна! Травниковъ отравляетъ себя тоской по безсмертію и вѣчному блаженству; но я не такъ жаденъ, и для меня совершенно достаточно этой короткой, маленькой, но прекрасной жизни.

«Какъ только начну ходить, тотчасъ же примусь за дѣло. Займусь хозяйствомъ и животъ свой положу за искусство. Буду писать. Но что писать? Повѣсть у меня не вытанцовывается. Дурно справляюсь съ техникой, слишкомъ зализываю. Въ головѣ у меня тѣсно отъ образовъ и картинъ — этимъ добромъ я богатъ, но почему-то герои мои не выливаются въ характеры и всё похожи другъ на друга, какъ капли воды. Они у меня мало двигаются и много разсуждаютъ, а нужно наоборотъ. Я принялся теперь за критику. Буду самъ изучать и, какъ умѣю, объяснять людямъ то, что я такъ люблю и въ чемъ вижу единственное вѣрное средство противъ предрассудковъ, невѣжества и рабства.

«Вчера отецъ спотыкнулся на улицѣ и упалъ. Объясняютъ это утомленіемъ: Страстная недѣля, почти весь день служить. Слава Богу, обошлось благополучно.

«Мой сердечный привѣтъ всёмъ вашимъ. Цоклонъ всёмъ, всёмъ! Я слышу, что за окномъ уже настоящая весна, но не вижу ея. Хорошо бы теперь къ вамъ! Мнѣ бы только одинъ разочекъ пройтись съ вами на гору, и больше бы я ничего не хотѣлъ. Цвѣтутъ вишни? Впрочемъ, рано. Прощайте, будьте счастливы, здоровы, веселы

и не забывайте сердечно любящего и искренно преданного Вам калѣку Игнатія Баштанова».

Кончивъ это письмо, Игнаша вложилъ его въ конвертъ и написалъ такой адресъ: «Ея Высокоблагородію Маріи Сергѣевнѣ Волчаниковой». Въ это время въ его комнату вошелъ о. Алексѣй съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ чаю. Игнаша сконфузился и сунулъ письмо подъ подушку.

(Напечатано въ журналѣ „Трудовой Путь“, 1907 г.)

ПУТЕВОЙ РАЗСКАЗЪ.

(Изъ письма къ М. П. Чехову).

Паршивенькій грузовой пароходъ «Диръ» мчится на всѣхъ парусахъ (8 узловъ въ 1 часъ) отъ Сухума до Поти. Двѣнадцатый часъ ночи. Въ маленькой каюткѣ, единственной на пароходѣ и похожей на в.-к., нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ. Слышно, какъ работаетъ машина: «бумъ, бумъ, бумъ...». Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила... Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается... Все вниманіе желудка устремлено на кровать, и онъ, словно нивеллируя, то подкачиваетъ вынутую сельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ... Чтобы не обливать въ потемкахъ одежды, быстро одѣваюсь и выхожу. Темно... Ноги мои спотыкаются о какія-то невидимыя желѣзныя шпалы, о канатъ; куда ни ступнешь, всюду бочки, мѣшки, тряпье... Подъ подошвами угольный мусоръ... Наталкиваюсь въ потемкахъ на что-то рѣшетчатое: это клѣтка съ козулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ... Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ... Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку... Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку... Качается... Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ; стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется. Море и небо темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ... Ни огонька.

Сзади меня окно. Гляжу въ него и вижу человѣка съ лицомъ Павла Михайловича. Онъ внимательно глядитъ на что-то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію... Рядомъ со мной стоитъ маленькій, толстенькій капитанъ въ желтыхъ башмакахъ. Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ буряхъ и въ то же время напряженно вглядывается въ темную даль и въ сторону берега...

— А ты, кажется, опять забираешь влѣво! — говоритъ онъ, между прочимъ, кому-то; или: — Тутъ должны быть видны огоньки... Видишь?

— Никакъ нѣтъ! — отвѣчаетъ кто-то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

Темная фигура вырастаетъ на рубкѣ и, не спѣша, лѣзетъ куда-то вверхъ. Черезъ минуту слышно:

— Есть!

Всматриваюсь влѣво, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу... Проходить полчаса, часъ... Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку... Тошноты нѣтъ, но жутко...

Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами: — «Чоррртова кукла!» — бѣжитъ куда-то назадъ.

— Влѣво! — кричитъ онъ съ тревогой во все горло. — Влѣво..вправо! Аря...ва...а-а!..

Слышится непонятная команда; пароходъ вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... «А-ва-а-ва!» — кричитъ капитанъ. У самага носа звонятъ въ колоколь, на черной налубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики... «Дирь» еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пыхтитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ.

— Что такое? — спрашиваю я и чувствую что-то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочеть, чоррртова кукла! — слышится рѣзкій крикъ капитана. — Влѣ-ѣ-ва-а!

У носа показываются какіе-то красные огни, и вдругъ раздается среди шума свистъ не «Дира», а какого-то другого парохода... Теперь понятно: мы столкнемся! «Дирь» пыхтитъ, дрожитъ и какъ будто не движется, ожидая, когда ему итти ко дну... (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полу-минуты, но доставившее мнѣ немало мученій... Подмигнуты

я былъ убѣжденъ въ томъ, что я погубилъ пароходъ. О недоразумѣннн разскажу при свиданнн, писать же о немъ длинно, нѣтъ мочи).

Но вотъ, когда, по моему мнѣнню, все уже погнбло, слѣва показываються красные огни и начинается вырисовываться силуэтъ парохода... Длинное, черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ.

— Уфъ! Какой это пароходъ? — спрашиваю я капитана.

Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говоритъ: — Это «Твиди».

Послѣ нѣкотораго молчаннн заводимъ рѣчь о «Вестѣ», которая столкнулась съ двумя пароходами и погнбла. Подъ влияннемъ этого разговора море, ночь, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на погнбель человѣка, и, глядя на толстенькаго капитана, я чувствую жалость. Мнѣ что-то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой...

Иду къ себѣ въ каюту... Душно и воняетъ кухней. Раздѣваюсь донага и ложусь... Темнота колеблется, кровать словно дышитъ... Бумъ, бумъ, бумъ... Обливаюсь потомъ; задыхаясь и чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя: «Зачѣмъ я здѣсь?»

Просыпаюсь... Уже не темно.. Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу... Все покрыто росой... Козули глядятъ по-человѣчески сквозь рѣшетку и, кажется, хотнтъ спросить: «Зачѣмъ мы здѣсь?» Капитанъ попрежнему сидитъ неподвижно и всматривается вдаль.

Налѣво тянется гористый берегъ... Виденъ Эльборусъ изъ-за горъ. Восходитъ мутное солнце... Видна зеленая Рюнская долина, а возлѣ нея Потійская бухта...

1888.

ПЕРВЫЕ ШАГИ „АНТОШИ ЧЕХОНТЕ“.

(Статья А. Измайлова).

I.

Когда въ 1886 году вышли „Пестрые рассказы“ Чехова, а въ слѣдующемъ году „Въ сумеркахъ“ и „Невинныя рѣчи“,—читатель и критика сознали, что явился новый и интересный писатель. У Чехова сразу оказалось имя, признанное, любимое, искомое. Удивлялись быстрому восходу этой звѣзды. Въ какіе-нибудь два года писатель нашелъ себѣ полное признаніе.

Такъ говорили не только въ обществѣ, но и въ печати. Ни читатель ни рецензенты не знали, что этому моменту предшествовали цѣлыя шесть лѣтъ упорнаго и систематическаго труда, что молодой докторъ съ фамиліей Чехова,—какъ это уже тогда разоблачала одна московская газета,—еще съ 19-ти лѣтъ запрягся въ ямку постояннаго газетнаго сотрудника и исписалъ уже горы бумаги на свои романы, повѣсти, рассказы, юморески и шутки.

Строгій къ себѣ, Чеховъ при жизни старался замалчивать этотъ періодъ своей подготовки къ настоящему писательству. Положительно никто не думалъ, что этотъ періодъ былъ ознаменованъ такимъ большимъ трудомъ. Огромное наслѣдство „начинающаго“ Чехова обнаружилось только послѣ его смерти. Спустя два года послѣ нея И. Ф. Масановъ предпринялъ нелегкій трудъ пересмотра всѣхъ юмористическихъ журналовъ и всѣхъ московскихъ иллюстрацій поры чеховской молодости и подвелъ итогъ даже всѣмъ мелочамъ, вышедшимъ изъ-подъ его пера („Библиографія сочиненій А. П. Чехова, „Русск. Архивъ“, 1906 годъ). Это было поистинѣ цѣлое открытіе.

Журналы и газеты по крохамъ перепечатали добрую половину этихъ забытыхъ матеріаловъ. Большую и лучшую часть ихъ русскій читатель получилъ въ дополнительныхъ томахъ сочиненій Чехова, изданія „Нивы“.

Чью дѣятельность вызываетъ въ памяти равная работа Чехова,— это дѣятельность Некрасова. Въ 19 лѣтъ, оказавшійся безъ денегъ и хлѣба въ огромномъ и чужомъ Петербургѣ, Некрасовъ точно такъ же былъ вынужденъ писать безъ конца, чтобы обезпечить себѣ существованіе.

Сходство идетъ и далѣе—до самаго рода этихъ раннихъ произведеній. Совершенно такъ же, какъ Чеховъ, Некрасовъ начиналъ съ юмористики, писалъ комическіе куплеты, сочинялъ самъ и изъ пятаго въ десятое переводилъ съ французскаго водевили, выдумывалъ рассказы, между прочимъ изъ испанской и сардинской жизни, не только не бывши на мѣстѣ, но и не имѣя въ тогдашней скудной литературѣ сколько-нибудь сносной книги объ Испаніи или Сардиніи.

Между Некрасовымъ и Чеховымъ — полная параллель. Разница только въ томъ, что такой острой, сокрушительной, гнетущей нужды, какая водила перомъ Некрасова, Чеховъ, къ счастью, не испытывалъ. Онъ не былъ богатъ. Для своей семьи онъ долженъ былъ быть до извѣстной степени кормильцемъ, хотя только-что еще вступилъ на первый курсъ московскаго университета (1879). Но если онъ своимъ писательствомъ обезпечивалъ отцу и матери, семьѣ и себѣ воскресный пирогъ, то Некрасову безъ этой работы грозила бы голодная смерть.

Когда идетъ рѣчь о великанахъ искусства, такихъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь,—всякая строка ихъ, даже набросанная дѣтскою рукой, есть уже сокровище. У редакторовъ установился обычай печатать ихъ юношескій, слабѣйшій матеріалъ болѣе мелкимъ шрифтомъ въ „приложеніяхъ“.

Когда дѣло идетъ не о генияхъ, а только о талантахъ, всѣ эти ранніе опыты имѣютъ значеніе лишь для біографа писателя. Тамъ и здѣсь онъ найдетъ блески будущаго таланта, намеки на личныя переживанія, подробности личной жизни писателя въ ранней юности. Но біографу возможно во всякое время стряхнуть пыль со старыхъ изданій и тамъ найти эти ранніе опыты.

Плохую услугу и Чехову оказалъ бы тотъ, кто перепечаталъ бы *всю* его маленькія шутки изъ „Стрекозъ“ и „Осколковъ“, „Развлеченій“ и „Будильника“, всѣхъ этихъ, какъ онъ выражался, „Комаровъ и мухъ“. Вотъ почему въ дополнительныхъ томахъ Чехова читатель не найдетъ значительнаго числа несомнѣнно принадлежащихъ ему страницъ, разбросанныхъ имъ еще въ бытность студентомъ по разнымъ юмористическимъ изданіямъ начала восьмидесятихъ годовъ.

Не хуже Некрасова, молодой Чеховъ разбрасывался и дѣлалъ изъ своего пера разнообразнѣйшія примѣненія. Достаточно сказать, что въ матеріалахъ, съ великимъ трудомъ собранныхъ извѣстнымъ

библіографомъ П. В. Быковымъ, благодаря которому мы и имѣли возможность обстоятельно прослѣдить первые шаги Антоши Чехонте,—оказались и подписи Чехова къ рисункамъ разныхъ журналовъ (!), очевидно, сдѣланныя по просьбѣ редактора, и злободневные памфлеты съ частымъ упоминаніемъ героевъ того времени, знаменитаго Левтовскаго, Окрейца, Родона и т. п., даже театральныя рецензіи о Сарѣ Вернарь, посѣтившей Москву, объ Ивановѣ-Козельскомъ, выступившемъ въ „Гамлетѣ“, въ московскомъ Пушкинскомъ театрѣ, и т. д., и т. д.

Тонкій и острый умъ, прекрасная наблюдательность, искры юмора, еще вовсе молодого и не отравленнаго никакой житейской горечью, конечно, ясно отражены и въ этихъ первыхъ наброскахъ и статейкахъ Чехова. Пройти вовсе мимо этихъ опытовъ расцвѣтающаго таланта было бы несправедливо.

II.

Въ 1879 году Чеховъ окончилъ курсъ таганрогской гимназіи и поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Слѣдующій 1880 годъ и нужно считать первымъ годомъ его литературной дѣятельности. Впервые, въ литературѣ, имя Чехова упоминается не подъ статьей, а... въ почтовомъ ящикѣ юмористическаго журнала „Стрекоза“.

Въ номерѣ второмъ за 1880-й годъ, среди другихъ отвѣтовъ, имѣется отвѣтъ—„Москва, Драчевка, г. А. Ч—ву. Совѣзмъ недурно. Присланное помѣстимъ. Благословляемъ на дальнѣйшее подвижничество“.

Тамъ же, въ седьмомъ номерѣ, по тому же адресу новый отвѣтъ, уже менѣе утѣшительный:—„Прошеніе“ длинно и натянуто. Мелочью мы воспользовались“.

Въ № 10 „Стрекозы“, за подписью „...въ“, помѣщена первая работа Антона Павловича: „Письмо донскаго помѣщика Степана Владимировича Н. къ ученому сосѣду д-ру Фридриху“ (см. соч. Чехова т. XXII-й, стр. 5).

Съ этого момента на цѣлыя семь лѣтъ начинается работа Чехова-юмориста—въ „Стрекозѣ“ (1880 г.), „Будильникѣ“ (съ 1881 г. по 1887 г.), „Зритель“ (1881—1883 гг.), „Мірскомъ Толкѣ“ (1882 г.), „Москвѣ“ (1882 г.), „Осколкахъ“ (съ 1882—1887 гг.), „Свѣтѣ и Тѣняхъ“ (1882 г.), „Спутникѣ“ (1882 г.), „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ“ (1884 г.), „Развлеченіи“ (1884—1885 гг.), „Сверчкѣ“ (1886 г.) и альманахахъ „Будильника“ (1882 г.) и „Стрекозы“ (1884 г.).

Всѣ эти вещи подписаны псевдонимами: „Антоша Чехонте“, или

въ сокращеніи „Чехонте“, „Антоша“, „Антоша Ч.“, „Ан. Ч.“, „А-н—Чте“, „Ан. Ч-е“, „Анче“, „Человѣкъ безъ селезенки“ *), „Врачъ безъ пациентовъ“, „Веспыльчивый человѣкъ“, „Антонсонъ“, „Валдастовъ“, „Руверъ“, „Братъ моего брата“. Послѣдній псевдонимъ находилъ объясненіе, очевидно, въ томъ, что старшій братъ Антона Павловича, Александръ, еще раньше его вышелъ на литературное поприще и подвизался подъ именемъ „Агапопода Единицына“ въ тѣхъ же журналахъ, въ какіе пришелъ и А. П.

Насколько тернистъ былъ ранній путь Чехова, видно изъ тѣхъ отвѣтовъ почтоваго ящика „Стрекозы“, какіе выпали на его долю даже послѣ перваго маленькаго успѣха. Присяжный юмористъ, сидѣвшій въ „Стрекозѣ“ на креслѣ высшаго оцѣнщика поставщиковъ юмора, не церемонился съ Чеховымъ совершенно такъ же, какъ не церемонятся въ „Почтовыхъ ящикахъ“ со всѣми. Вотъ, въ порядкѣ послѣдовательности, нѣсколько отвѣтовъ Чехову, — ранившихъ самолюбіе молодого автора тѣмъ болѣе, что здѣсь обозначалось по-прежнему и мѣсто его жительства и фамилія съ прозрачнымъ сокращеніемъ.

— „Ужасный сонъ“ только тѣмъ и ужасенъ, что невозможно повторять всѣмъ надоѣвшія темы“.

— „Избитость эпистолярной формы не искупается новизною или юморомъ содержанія. Вторая статья естественно должна подождать лѣта“.

— „Опытъ изложенія“ злоупотребляетъ очень старымъ мотивомъ. „Разсказъ“ поидеть. — Ничего, — не дуренъ“.

— „Нѣсколько строкъ не искупаютъ непроходимо-пустого словотолченія (!). Мы говоримъ о „Ничего не начинай“. То же о „Легендѣ“. Кстати, что это за имя такое „Фуня“?“.

— „Очеркъ подождетъ до лѣта“.

— „Портретъ“ не помѣстимъ. Онъ до насъ не касается. Вы, очевидно, писали его для другого журнала“.

— „Очень длинно и безцвѣтно. Нѣчто въ родѣ бѣлой бумажной ленты, китайцемъ изо рта вытянутой“.

— „Не расцвѣвъ, увядаете (!). Очень жаль. Нельзя вѣдь писать безъ критическаго отношенія къ дѣлу“.

Послѣдній приговоръ, очевидно, переполнилъ чашу терпѣнія Чехова. Онъ кончилъ со „Стрекозой“, и въ слѣдующемъ году въ этомъ журнальчикѣ уже нѣтъ ни одной его вещицы.

*) Въ статьѣ одного изъ авторовъ, изучавшихъ юношескія работы Чехова, этотъ псевдонимъ, по очевидной ошибкѣ наборщика, былъ означенъ такъ — «Человѣкъ безъ слезинки». Характерно, что ошибка эта, прошедшая черезъ всю статью, была охотно повторена нѣсколькими авторами, трогавшими ту же тему, и посейчасъ повторяется.

III.

Чтобы понять и оправдать первые литературные опыты Чехова, нужно постоянно имѣть въ виду времена, какія тогда переживалъ юмористическій журналъ. О томъ дерзновенномъ взлетѣ смѣха, какой ознаменовалъ у насъ 1905—1906 годы, когда наша сатира не останавливалась рѣшительно ни передъ чѣмъ,—со времени возникновенія у насъ юмористическаго листка не смѣлъ мечтать самый необузданный юмористъ въ самой необузданной рождественской или новогодней фантазіи. Нынѣшнее время, когда юмористъ все-таки можетъ до извѣстной степени трогать политическія темы, и когда явилась самая политическая жизнь, политическія партіи и т. д., — есть относительно лучшее время. Комическій писатель 80-хъ годовъ могъ уже съ великой завистью оглядываться даже на 60-е годы, на время „Искры“, „Маляра“, „Гудка“ и „Свистка“.

Во дни, когда начиналъ Чеховъ, русскій юморъ былъ въ совершенномъ заговѣ. Относительная свобода была только въ области шутки чисто-литературной,—тутъ можно было шутить надъ писателемъ, пародировать его произведенія, слегка уходить въ область легкаго скандала, окружающаго его имя. Вся область административныхъ злоупотребленій, не говоря уже о злоупотребленіяхъ бюрократическихъ, была изъята изъ области насмѣшки. Шутить можно было надъ тещами и дачными мужьями, старыми дѣвами и кокотками, рождественскимъ гусемъ и новогодними визитами, пасхальными поцѣлуями и свадьбами на Красную горку, купцами въ Великой ностъ и ихъ масленичнымъ чревоугодіемъ. Шаблонно, вяло, прѣсно располагался годъ по календарю, и въ 1890 году въ масленичномъ номерѣ почти въ тѣхъ же словахъ повторялись шутки, какія можно было найти въ 1880-мъ.

Въ перепискѣ съ Чеховымъ Лейкина, руководившаго „Осколками“, можно найти десятки заявленій о тѣхъ невѣроятныхъ стѣсненіяхъ, какія переживали Лейкинъ, какъ типичный того времени редакторъ, и Чеховъ, какъ типичный сотрудникъ по отдѣлу юмористики. То и дѣло вы наткнетесь тамъ на сообщенія о цензурныхъ циклонахъ, пронесившихся надъ журнальными корректурами.

„Сегодня на „Осколки“ обрушился сильный цензурскій погромъ,—пишетъ Лейкинъ.—Погибъ большой мой рассказъ, погибли два стихотворенія Трефолева, половина стихотвореній Пальмина, поль-обозрѣнія „Петербургской жизни“ Билибина и нѣсколько строкъ изъ вашихъ послѣднихъ мелочишекъ,—словно Мамай прошелъ!“

„Сегодня падъ номеромъ 10-мъ опять разразилась цензурская гроза. Пострадала Трефелевъ и отчасти Пальминъ. Пропала

прелестнѣйшая баллада Трефолева, у меня до неузнаваемости искаженъ разсказецъ...“

„Вы спрашиваете о судьбѣ вашего „Трагика“. Разсказъ набранъ, пропущенъ цензурой и пойдетъ въ № 33, если вы къ тому времени пришлете еще какой-нибудь разсказецъ. Дѣло въ томъ, что, при ужасныхъ цензурныхъ условіяхъ, я всегда долженъ имѣть у себя запасной наборъ. Вотъ я и берегу „Трагика“. Иначе можетъ случиться, что и номеръ не выйдетъ. Бываетъ такъ, что цензоръ херитъ одну треть посылаемаго къ нему (!). Да вотъ какъ хоть бы нынѣшній номеръ „Осколковъ“. Захерены статья Пальмина, три стихотворенія Граве, два стихотворенія Гиляровскаго, двѣ статейки Вертрама, двѣ Игрека и маленькая моя статейка. Вѣрите ли, когда получилъ корректурный листъ обратно отъ цензора, — зубами я заскрежеталъ, до того напала на меня безсильная злоба! Постоянный цензоръ, цензирующій „Осколки“, уѣхалъ въ отпускъ на 28 дней, и на мѣсто его назначенъ временный цензоръ. Этотъ-то временный цензоръ (Юферовъ) является для меня настоящимъ палачомъ-инквизиторомъ. Чтѣ онъ дѣлаетъ, такъ просто уму помраченіе! Съ нетерпѣніемъ жду 15 августа, около котораго долженъ явиться мой цензоръ. Съ тѣмъ я въ пріятельскихъ отношеніяхъ, пріѣзжаю къ нему самъ, пью чай, упршиваю, уговариваю, бываетъ иногда такъ, что что и нельзя, то можно, кое-что выхерить, а кое-что и оставить“.

„Случплась бѣда. Цѣлый погромъ! Цензоръ все захерплъ — и вашихъ „Звѣрей“, и стихи Трефолева, и стихи Гиляровскаго, и поль-обозрѣнія Билибина, и мой фельетонный разсказъ, и анекдоты, и „Копилку курьезовъ“, и „Московскую жизнь“. Последнюю, я думаю, просто изъ озорничества...“

Это было поистинѣ существованіе въ какомъ-то подпольѣ. Можно думать, до какой степени невинно и безцвѣтно было все въ тогдашнемъ юмористическомъ журналѣ (а „Осколки“ среди нихъ ничуть не представляли исключенія), когда такіе искусившіеся въ эзоповскомъ языкѣ авторы, какъ Лейкинъ, Трефолевъ, Гиляровскій, Пальминъ, могли составлять буквально цѣлые альбомы изъ своихъ вещей, перечеркнутыхъ краснымъ крестомъ.

И всего смѣшнѣе было то, что такъ оборудованный журналъ все-таки еще казался цензурному комитету какимъ-то жупеломъ, чѣмъ-то необычайно вреднымъ, чтѣ еще надо было всѣми силами ограничивать и прееѣкать. Въ этомъ смыслѣ чистый курьезъ слѣдующія строки, писанныя Лейкинымъ Чехову въ октябрѣ 1885 года:

„Цензору былъ нагоняй за то, что онъ пропускаетъ слишкомъ рѣзкія статьи въ „Осколкахъ“, и именно за № 39. Но это еще не все: самъ журналъ едва упѣлѣлъ. На утро я былъ вызванъ въ цензурный комитетъ, и предѣдатель Кожуховъ (онъ изъ Москвы) объ-

явиль мнѣ, что журналъ будетъ запрещенъ, если я не перемѣню направления, что цензоръ вымарываетъ статьи, но противъ общаго направления, противъ подбора статей онъ ничего не можетъ сдѣлать, и что тутъ виноватъ редакторъ. Объявилъ мнѣ также, что начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати вообще противъ сатирическихъ журналовъ и не выходитъ, чтобы они были необходимы для публики“(!).

Изъ примѣра Лейкина, который отразилъ свои мытарства въ цѣломъ рядѣ своихъ писемъ, видно, что это была за эпопея страданій— жизнь тогдашняго редактора юмористическаго листка! То была эпоха безконечныхъ циркуляровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ безъ передышки и каждый разъ окружавшихъ колючей проволокой все новыя, новыя и новыя явленія современности, которыхъ запрещалось касаться. Смѣшно вспомнить,—а для Лейкина это было когда-то совѣмъ не смѣшно,—„Осколкамъ“ хотѣли... запретить розничную продажу! Въ то время чисто-опереточной трусливости „Осколки“ могли казаться расшатывающими основы! „Что я безъ розничной продажи!—трагикомически восклицалъ Лейкинъ.—Она все! Безъ нея однѣми подписными деньгами я не могъ бы и половины того платить сотрудникамъ, что теперь плачѣ!“

Сотрудники изворачивались. Редакторы хитрили. Хорошо вылежавшійся и забытый цензоромъ матеріалъ снова посылался цензору, попадалъ подъ болѣе счастливый часъ и—разрѣшался. Искусство компромисса, мастерство „освѣженія“ и „подогрѣванія“ давно простывшихъ блюдъ, талантъ намековъ, умолчаній, многоточій—вырабатывался и уточнялся до геніальности.

IV.

Изъ тѣхъ же писемъ Лейкина ясеяъ не только общій фактъ огорченій Чехова отъ цензуры, но и отдѣльные случаи запрещеній его вещей, прямо называемыхъ по заголовкамъ. Разыскать теперь эти наброски, рассказы, „мелочишки“, конечно, нѣтъ уже никакой возможности, хотя и можно думать, что они, особенно оскорбившія цензора своей остротой, мѣткостью и смѣлостью,—были, по всей вѣроятности, лучше многого изъ того, что сохранилось съ именемъ Чехова на этихъ страницахъ.

Что иногда систематическія наложенія краснаго карандаша на писанія А. П. настраивали его совѣмъ безнадежно, можно видѣть изъ того, что отдѣлъ „Московскаго обозрѣнія“, какой онъ велъ изъ номера въ номеръ, онъ не разъ хотѣлъ бросить. Все острое и колючее отсюда систематически выпадало. Остающимися сѣренькими безразличными строками самъ Чеховъ не хотѣлъ удовлетвориться. Лейкинъ долженъ былъ его утѣшать!

„Вы пишете относительно „Московского обозрѣнія“—„не похерить ли вамъ Рувера (подъ такимъ всевдонимомъ Чеховъ обозрѣвалъ московскую жизнь). О ерундѣ писать не хочется, да и не слѣдуетъ. Вообще не клеится мой фельетонъ“. Съ этимъ я не согласенъ и скажу вамъ прямо: какъ бы ни былъ плохъ Руверь, онъ все-таки лучше пишетъ, чѣмъ вся московская братія, до сихъ поръ писавшая у меня въ „Осколкахъ“. Да я и не нахожу, чтобы ваши фельетоны были плохи. Самъ себѣ никто не судья, а я вашимъ писаньемъ доволенъ. Высказавъ это, я усердно прошу васъ продолжать обозрѣнія московской жизни и въ будущемъ году приготовить обозрѣніе къ № 1... Я не сомнѣваюсь, что вы мнѣ въ этомъ не откажете, и смѣло жду отъ васъ удовлетворительнаго отвѣта...“

Мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе на характеристикѣ нравовъ и положенія юмористическаго журнала того времени, чтобы читатель, привыкшій соединять совершенно опредѣленное и высокое представленіе съ творчествомъ Чехова, нашель здѣсь объясненіе, почему огромная часть первыхъ вещей Чехова стоитъ безъ всякаго сомнѣнія ниже его достоинства, его ума, его писательской чуткости,—просто наконецъ его юмора.

Съ волками жить—по-волчьи выть, и, запрягаясь въ ярмо юмориста-восьмидесятника, Чеховъ завѣдомо долженъ былъ принять на себя всѣ тяготы подневольнаго, почти рабскаго положенія юмориста, которому, въ сущности, хочется плакать отъ безконечныхъ стѣсненій, наложенныхъ на его слово.

Бездна молодого веселья чувствуется въ юномъ Антошѣ Чехонте, но можно только мысленно предполагать, какъ могъ бы забить ключомъ и заиграть игрою шампанскаго этотъ рѣдкостный даръ. Условія русской дѣятельности оставили этотъ даръ въ рамки, накрыли колпакомъ, ограничили, свели юмористическій захватъ къ смѣху подъ сурдинку.

И, какъ всѣ товарищи его—по несчастію, только, можетъ-быть, задорнѣе и талантливѣе нѣкоторыхъ изъ нихъ, Чеховъ смѣется въ своихъ юморескахъ надъ смѣшными фигурами литературнаго міра, надъ княземъ Мецкерскимъ и Окрейцемъ, Викторомъ Крыловымъ и Нотовичемъ, надъ мелкой взяткой, надъ театральнымъ магомъ Лентовскимъ и старѣющими балеринами, надъ хищностью аптекарей, надъ курьезами городской переписи, надъ адвокатомъ, прибѣгнувшимъ къ кулачной расправѣ,—надъ всѣмъ вообще великимъ и пространнымъ моремъ обывательщины, злободневной и незлободневной.

Вмѣсто того, чтобы идти по прямому направленію, дѣлать завоеванія, съ каждымъ шагомъ совершенствоваться все больше и больше, Чеховъ вырабатываетъ въ себѣ гибкость приспособленія, искусство

острить такъ, чтобы и уколоть врага и не огорчить цензора, — и подаять розницу и не возбудить косога взгляда на журналъ.

Молодое чеховское вдохновеніе въ такихъ вещахъ почти замираетъ. Муза его стоитъ съ печально опущенными крыльями. Случайно нѣкоторые изъ этихъ набросковъ попадали въ печать. Всякая бездѣлушка, связанная съ именемъ Чехова, заинтересовываетъ. Эти шалости усердно перепечатывались газетами. Но въ общемъ юмористическомъ багажѣ Чехова имъ приходится занять очень отдаленное мѣсто.

V.

Богатую дань отдалъ молодой Чеховъ безпретенціозному анекдоту. Большею частью одухотворенные мыслью или шуткой, эти анекдоты сжато даютъ сюжетъ, котораго разговорчивому беллетристу, пожалуй, хватило бы на цѣлый рассказецъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

НАДУЛЬ.

(Очень древній анекдотъ).

Во время оно въ Англіи преступники, присужденные къ смертной казни, пользовались правомъ при жизни продавать свои трупы анатомамъ и физиологамъ. Вырученныя такимъ образомъ деньги они отдавали своимъ семьямъ или же пропивали. Одинъ изъ нихъ, уличенный въ ужасномъ преступленіи, позвалъ къ себѣ ученаго медика и, вдоволь поторговавшись съ нимъ, продалъ ему собственную особу за двѣ гинеи. Но, получивши деньги, онъ вдругъ принялся хохотать...

— Чего вы смѣетесь?!—удивился медикъ.

— Вы купили меня, какъ человѣка, который долженъ быть повѣшенъ,—сказалъ, хохоча, преступникъ:—но я надулъ васъ! Я буду сожженъ! Ха-ха!

(„Осколки“, 1885, № 25).

RARA AVIS.

Сочинитель уголовныхъ романовъ бесѣдуетъ съ полицейскимъ сыщикомомъ:

— Вы потрудитесь сводить меня въ притонъ мошенниковъ и бродягъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Познакомите меня съ двумя-тремя типами убійць...

— И это можно.

— Необходимо мнѣ побывать въ тайныхъ притонахъ разврата.

Далѣе сочинитель просить познакомить его съ фальшивыми монетчиками, шантажистами, шулерами, червонными дамами, альфонсами, и на все сыщикъ отвѣчаетъ!

— И это можно... Сколько хотите.

— Еще одна просьба,—просить въ концѣ концовъ сочинитель. — Такъ какъ въ своемъ романѣ я долженъ для контраста вывести двѣ-три свѣтлыхъ личности, то вы потрудитесь также указать мнѣ двухъ-трехъ идеально-честныхъ людей...

Сыщикъ поднимаетъ глаза къ потолку и думаетъ:

— Гм...—мычить онъ.—Хорошо, поищемъ!

(„Осколки“, 1886, № 29).

* *

Актеръ пристаётъ къ своему антрепренеру, моля о выдѣлѣ жалованья и грозя въ противномъ случаѣ умереть съ голодухи.

— Полноте, батенька, врать-то... — говоритъ антрепренеръ. — По вашимъ розовымъ пухлымъ щекамъ не видать, чтобъ вы съ голоду дошли.

— Да, что вы на лицо-то глядите! Лицо-то вѣдь не мое, а хозяйкино! Хозяйка кормитъ меня въ кредитъ!

* *

Одному офицеру подъ Севастополемъ лопнувшей гранатой оторвало ногу. Онъ не палъ духомъ и сталъ носить искусственную конечность. Въ минувшую русско-турецкую кампанію во время взятія Плевны ему оторвало другую ногу. Бросившіеся къ нему на помощь солдаты и офицеры были крайне озадачены его спокойнымъ видомъ...

— Вотъ дураки-то!—смѣялся онъ.—Только зарядъ потеряли даромъ... Того не знаютъ, что у меня въ обозѣ есть еще пара хорошихъ ногъ!

Разъ или два среди этихъ вещей можно уловить и такія, которыя остроумны и находчивы, но право собственности на эти темки едва ли безусловно можетъ быть закрѣплено за Чеховымъ. Можетъ-быть, не однажды читатель вспомнитъ нѣчто знакомое, правда, въ иномъ вариантѣ, при чтеніи хотя бы, напримеръ, такого анекдота:

УГРОЗА.

У одного барина украли лошадь. На другой же день во всѣхъ газетахъ было напечатано слѣдующее объявленіе: «Если лошадь не будетъ мнѣ возвращена, то необходимость заставитъ меня прибѣгнуть къ тѣмъ крайнимъ мѣрамъ, къ которымъ когда-то въ подобномъ же случаѣ прибѣгъ мой отецъ». Угроза подѣйствовала. Воръ, не зная, чего бояться, но предполагая иѣчто необыкновенно страшное, испугался и тайкомъ возвратилъ лошадь. Баринъ, обрадованный такимъ исходомъ дѣла, признавался своимъ пріятелямъ, что онъ очень счастливъ тѣмъ, что ему не понадобилось послѣдовать примѣру своего отца.

— Что же однако сдѣлалъ вашъ отецъ? — спросили его.

— Вы спрашиваете, что сдѣлалъ мой отецъ? Извольте, я вамъ скажу... Когда на постояломъ дворѣ у него украли лошадь, онъ надѣлъ сѣдло себѣ на спину и вернулся домой пѣшкомъ. Клянусь, я сдѣлалъ бы то же самое, если бы воръ не былъ такъ добръ и обязателенъ!

А такая, напримѣръ, шутка традиціонно перепечатывается во многихъ „Энциклопедіяхъ остроумія“, хотя, конечно, и разсказывается другими словами:

Одинъ помѣщикъ, зазвавъ къ себѣ своего стараго друга, велѣлъ подать себѣ полубутылку стараго цымлянскаго.

— Ну, какъ ты находишь вино? — спросилъ онъ друга, когда вино было выпито. — Каковъ букетъ, какова крѣпость! Сейчасъ видно, что ему пятьдесятъ лѣтъ...

— Да, — согласился пріятель, косясь на полубутылку: — только оно слишкомъ мало для своихъ лѣтъ...

Подчасъ въ качествѣ матеріала для юмористическаго наброска А. П. бралъ ходячій мѣстный анекдотъ, едва ли не записанный въ спеціальныхъ сборникахъ собирателей пѣсенъ, сказаній и присловій. Таковъ разсказъ о „Самомъ большомъ городѣ“ — Тимѣ:

Въ памяти обывателей города Тима, Курской губ., хранится слѣдующая, лестная для ихъ самолюбія легенда. Однажды какими-то судьбами нелегкая занесла въ г. Тимъ англійскаго корреспондента. Попалъ онъ въ него проѣздомъ.

— Это какой городъ? — спросилъ онъ возницу, вѣзжая на улицу.

— Тимъ!—отвѣчалъ возница, старательно лавируя между глубокими лужами и буераками.

Англичанинъ, въ ожиданіи, пока возница выберется изъ грязи, прикорнулъ къ облучку и уснулъ. Проснувшись черезъ часъ, онъ увидѣлъ большую, грязную площадь съ лавочками, свиньями и съ пожарной каланчой.

— А это какой городъ?—спросилъ онъ.

— Ти..Тимъ! Да ну же, проклятая!—отвѣчалъ возница, соскакивая съ телѣги и помогая лошаденкѣ выбраться изъ ямы.

Корреспондентъ зѣвнулъ, закрылъ глаза и опять уснулъ. Часа черезъ два, разбуженный сильнымъ толчкомъ, онъ протеръ глаза и увидѣлъ улицу съ бѣлыми домиками. Возница, стоя по колѣни въ грязи, изо всѣхъ силъ тянулъ лошадь за узду и бранился.

— А это какой городъ?—спросилъ англичанинъ, глядя на дома.

— Тимъ!

Оставовившись немного погода въ гостиницѣ, корреспондентъ сѣлъ и написалъ: «Въ Россіи самый большой городъ не Москва и не Петербургъ, а Тимъ».

(„Осколки“, 1885, № 4).

Совершенно ясно, что часто шель въ ходъ и подлинный житейскій анекдотъ, подхваченный Чеховымъ въ самой жизни, преимущественно жизни мелкой литературной богемы, маленькихъ драматурговъ и т. д.—той среды, въ которой вращался и самъ онъ, поставщикъ этой очередной юмористики. Такого рода анекдотъ, пожалуй, болѣе солонъ и красоченъ. Мирокъ хищныхъ репортеровъ, смѣшныхъ неудачниковъ, былъ самъ по себѣ колоритенъ. Вотъ образчики этого жанра:

Примѣрная находчивость.

Петербургскій репортеръ N. Z., обозрѣвая прошлогоднюю мануфактурную выставку, остановилъ, между прочимъ, свое вниманіе на одномъ павильонѣ и началъ что-то записывать.

— Это не вы обронули четвертную?—обратился къ нему хозяинъ павильона, подавая ему бумажку.

— Я уронилъ двѣ четвертныя!—нашелся репортеръ.

Экспонентъ изумился такой находчивости и подаль ему другую четвертную.

«Это не анекдотъ, а былъ»,—ставитъ подъ этимъ курьезомъ послѣднюю строкою самъ Чеховъ.

* * *

Одна изъ пьесъ московскаго драматурга М-да потерпѣла фіаско на первомъ же представленіи. Прогуливаясь по театральному фойе и сумрачно поглядывая по стонамъ, авторъ спросилъ встрѣтившагося ему пріятеля:

— Что вы думаете о моей пьесѣ?

— Я думаю, — отвѣчалъ пріятель: — что вы гораздо лучше чувствовали бы теперь себя, если бы эта пьеса была написана не вами, а мною.

VI.

Литературный мірокъ и его интересы вообще вызывали, можетъ-быть, чуть-чуть повышенное вниманіе Чехова, такъ какъ, при всемъ умѣннн хватать впечатлѣннн жизни отовсюду, А. П.—чу приходилось все-таки наиболѣе вращаться въ этой средѣ. Вотъ страничка, не блещущая исключительнымъ остроуміемъ, но очень характерная для молодого Чехова — это „Правила для начинающихъ авторовъ“ — „юбилейный подарокъ, вмѣсто почтоваго ящика“.

Страничка эта знаменательна въ томъ отношеніи, что Чеховъ здѣсь, подобно Полонію, мѣшаетъ съ шуткой и зубоскальствомъ самыя горькія истины о тяжести писательской судьбы, каковыя, при всей своей молодости, онъ уже самъ основательно созналъ, странствуя по нѣскольку разъ за трехрублевкой къ Липскерову или въ „Будильникъ“:

Всякаго только-что родившагося младенца слѣдуетъ старательно омыть и, давши ему отдохнуть отъ первыхъ впечатлѣннн, сильно высѣчь со словами: «Не пиши! Не пиши! Не будь писателемъ!» Если же, несмотря на такую экзекуцію, оннй младенецъ станетъ проявлять писательскія наклонности, то слѣдуетъ попробовать ласку. Если же и ласка не поможетъ, то махните на младенца рукой и пишите «пропало». Писательскій зудъ неизлѣчимъ.

Путь пишущаго отъ начала до конца усыпанъ терніемъ, гвоздями и крапивой, а потому здравомыслящій человекъ всячески долженъ отстранять себя отъ писательства. Если же неумолимый рокъ, несмотря на всѣ предостереженія, толкнетъ кого-нибудь на путь авторства, то для смягченія своей участи такой несчастный долженъ руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Слѣдуетъ помнить, что случайное авторство и

авторство à-propos лучше постоянного писательства. Кондуктору, пишущему стихи, живется лучше, чѣмъ стихотворцу, не служащему въ кондукторахъ.

2) Слѣдуетъ также зарубить себѣ на носу, что неудача на литературномъ поприщѣ въ тысячу разъ лучше удачи. Первая наказуется только разочарованіемъ да обидною откровенностью почтового ящика, вторая же влечетъ за собою томительное хожденіе за гонораромъ, полученіе гонорара купонами 1899 года, «послѣдствія» и новыя попытки.

3) Писанье, какъ «искусство для искусства», выгоднѣе, чѣмъ творчество за презрѣнный металл. Пишущіе домовъ не покупаютъ, въ купе перваго класса не ѣздятъ, въ рулетку не играютъ и стерляжьей ухи не ѣдятъ. Пища ихъ — медъ и акриды приготовленія Саврасенкова, жилище — меблированныя комнаты, способъ передвиженія — пѣшее хожденіе.

4) Слава есть яркая заплатка на ветхомъ рубищѣ пѣвца, литературная же извѣстность мыслима только въ тѣхъ странахъ, гдѣ за уразумѣніемъ слова «литераторъ» не лѣзутъ въ «Словарь 30.000 иностранныхъ словъ».

5) Пытаться писать могутъ всѣ безъ различія званій, вѣроисповѣданій, возрастовъ, половъ, образовательныхъ ценовъ и семейныхъ положеній. Не запрещается писать даже безумнымъ, любителямъ сценическаго искусства и лишеннымъ всѣхъ правъ. Желательно, впрочемъ, чтобы карабкающіеся на Парнасъ были по возможности люди зрѣлые, знающіе, что слова «ѣхать» и «хлѣбъ» пишутся черезъ «ять».

6) Желательно, чтобы они по возможности были не юнкера и не гимназисты.

7) Предполагается, что пишущій, кромѣ обыкновенныхъ умственныхъ способностей, долженъ имѣть за собою опытъ. Самый высшій гонораръ получаютъ люди, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы, самый же низшій — природы нетронутыя и неиспорченныя. Къ первымъ относятся женившіеся въ третій разъ, неудавшіеся самоубійцы, проигравшіеся въ пухъ и прахъ, дравшіеся на дуэли, бѣжавшіе отъ долговъ и проч. Ко вторымъ: неимѣющіе долговъ, женихи, непьющіе, институтки и проч.

8) Стать писателемъ очень нетрудно. Нѣтъ того урода, который не нашелъ бы себѣ пары, и нѣтъ той чепухи, которая не нашла бы себѣ подходящаго читателя. А по-

сему не робѣй... Клади передъ собой бумагу, бери въ руки перо и, раздраживъ плѣнную мысль, строчи. Строчи о чемъ хочешь: о черносливѣ, погодѣ, говорковомъ квасѣ, Великомъ океанѣ, часовой стрѣлкѣ, прошлогоднемъ снѣгѣ... Настрочивши, бери въ руки рукопись и, чувствуя въ жилахъ священный трепеть, иди въ редакцію. Снявши въ передней калоши и справившись: «тутъ ли г. редакторъ?», входи въ святилище и, полный надеждъ, отдавай свое твореніе. Послѣ этого недѣлю лежи дома на диванѣ, плюй въ потолокъ и усаждай себя мечтами, черезъ недѣлю же иди въ редакцію и получай свою рукопись обратно. За симъ слѣдуетъ обиваніе пороговъ въ другихъ редакціяхъ... Когда всѣ редакціи обойдены и нигдѣ рукопись не принята, печатай свое произведеніе отдѣльнымъ изданіемъ. Читатели найдутся.

9) Стать же писателемъ, котораго печатаютъ и читаютъ, очень трудно. Для этого будь безусловно грамотенъ и имѣй талантъ, величиною хотя бы съ чечевичное зерно. За отсутствіемъ большихъ талантовъ дороги и маленькіе.

10) Будь порядоченъ. Не выдавай краденаго за свое, не печатай одного и того же въ двухъ изданіяхъ за разъ, не выдавай себя за Курочкина и Курочкина за себя, иностранное не называй оригинальнымъ и т. д. Вообще помни десять заповѣдей.

11) Въ печатномъ мірѣ существуютъ приличія. Здѣсь такъ же, какъ и въ жизни, не рекомендуется наступать на любимыя мозоли, сморкаться въ чужой платокъ, запускать пятерню въ чужую тарелку и т. д.

12) Если хочешь писать, то поступай такъ. Избери сначала тему. Тутъ дана тебѣ полная свобода. Можешь употребить произволъ и даже самоуправство. Но, дабы не открыть во второй разъ Америки и не изобрѣсти вторичнаго пороха, избѣгай темъ, которыя давнымъ-давно уже заѣзжены.

13) Избравъ тему, бери въ руки незаржавленное перо и разборчивымъ, некаракулистымъ почеркомъ пиши желаемое на одной сторонѣ листа, оставляя нетронутой другую. Послѣднее желательно не столько ради увеличенія доходовъ бумажныхъ фабрикантовъ, сколько въ виду иныхъ, высшихъ соображеній.

14) Давая волю фантази, приудержи руку. Не давай ей гнаться за количествомъ строкъ. Чѣмъ короче и рѣже

ты пишешь, тѣмъ больше и чаще тебя печатають. Краткость вообще не портить дѣла. Растянутая резинка стираетъ карандашъ нисколько не лучше нерастянутой.

15) Написавши, подписывайся. Если не гонишься за извѣстностью и боишься, чтобы тебя не побили, употреби псевдонимъ. Но помятуй, что, какое бы забрало ни скрывало тебя отъ публики, твоя фамилія и твой адресъ должны быть извѣстны редакціи. Это необходимо на случай, ежели редакторъ захочетъ тебя съ Новымъ годомъ поздравить.

16) Гонораръ получай тотчасъ же по напечатаніи. Авансовъ избѣгай. Авансъ — это заѣданіе будущаго.

17) Получивши гонораръ, дѣлай съ нимъ, что хочешь: купи себѣ пароходъ, осуши болото, снимись въ фотографіи, закажи Финляндскому колоколь, увеличь женинь турнюръ въ три раза... однимъ словомъ, что хочешь. Редакція, давая гонораръ, даетъ и полную свободу дѣйствій. Впрочемъ, ежели сотрудникъ пожелаетъ доставить редакціи счетъ, изъ котораго будетъ видно, какъ и куда истратилъ онъ свой гонораръ, то редакція ничего не будетъ имѣть противъ.

18) Въ заключеніе прочти еще разъ первыя строки этихъ «Правиль».

VII.

Быть мелкой газетной богемы подсказываль Антошѣ Чехонте такія шутки:

ПИСЬМО КЪ РЕПОРТЕРУ.

Милостивый государь Иванъ Данилычъ!

На этой недѣлѣ, какъ мнѣ извѣстно изъ газеты, было шесть большихъ и четыре маленькихъ пожара. Застрѣлился молодой человекъ отъ пламенной любви къ одной дѣвицѣ, эта же дѣвица, узнавъ о его смерти, помѣшалась въ разсудкѣ. Повѣсился дворникъ Гускинъ отъ неумѣреннаго употребленія, потонула вчерашняго числа лодка съ двумя пассажирами и маленькимъ дитемъ; въ «Аркадіи» какому-то купцу прожгли на спинѣ дыру и чуть ему шеи не сломали, поймали четырехъ прилично одѣтыхъ жуликовъ, и произошло кораблекрушеніе товарнаго поѣзда. Все мнѣ извѣстно, милостивый государь! Столько разныхъ благопріятныхъ для васъ случаевъ, столько вы

теперь заработали денегъ и мнѣ не платите ни копейки!..
— Такъ хорошіе господа не дѣлаютъ!

Вашъ портной Змирловъ.

(„Осколки“, 1884 г. № 23).

— Можетъ-быть, уголокъ личной жизни Чехова выступать въ такой,
напримѣръ, картинкѣ:

КРЕСТЬ.

Въ гостиную, наполненную народомъ, входитъ поэтъ.

— Ну что, какъ ваша миленькая поэма?—обращается
къ нему хозяйка.—Напечатали? Гонораръ получили?

— И не спрашивайте... Крестъ получилъ.

— Вы получили крестъ? Вы, поэтъ?! Развѣ поэты по-
лучаютъ кресты?

— Отъ души поздравляю!—жметъ ему руку хозяйинъ.—
Станиславъ или Анна? Очень радъ... радъ очень... Станиславъ?

— Нѣтъ, красный крестъ...

— Стало-быть, вы гонораръ пожертвовали въ пользу
Общества Краснаго Креста?

— Ничего не пожертвовалъ.

— А вамъ къ лицу будетъ орденъ... А ну-ка, пока-
жите!

Поэтъ лѣзетъ въ боковой карманъ и достаетъ оттуда
рукопись...

— Вотъ онъ...

Публика глядитъ въ рукопись и видитъ красный
крестъ... но такой крестъ, который не прицѣпишь къ сюр-
туку.

Тутъ иногда слышалось и нечто очень личное, пожалуй, какой-то
намфлетическій намекъ, ключъ къ которому теперь уже потерянь.
Едва ли, напримѣръ, такая шутка не мѣтила кому-то прямо не въ
бровь, а въ глазъ:

СКАЗКА.

(Посвящается балбесу, хвастающемуся своимъ сотрудничествомъ въ
газетахъ).

Нѣкая муха летала по всѣмъ комнатамъ и громко хва-
стала тѣмъ, что сотрудничаетъ въ газетахъ.

— Я писательница! Я публицистка!—жужжала она.—
Разстучитесь, невѣжи!

Слыша это, веѣ комары, тараканы, клопы и блохи прониклись уваженіемъ къ ея особѣ, и многіе даже пригласили ее къ себѣ обѣдать и дали взаимы денегъ, а паукъ, боящійся гласности, забился въ уголь и рѣшилъ не попадаться на глаза мухѣ...

— А въ какихъ газетахъ вы сотрудничаете, Муха Ивановна?—спросилъ ее комаръ, который посмѣлѣе.

— Почти во всѣхъ! Есть даже газеты, которымъ я своимъ личнымъ участіемъ придаю окраску, тонъ и даже направление!.. Безъ меня многія газеты были бы лишены своего характера!

— Что же вы въ газетахъ пишете, Муха Ивановна?

— Я веду тамъ особый отдѣлъ...

— Какой?

— А вотъ какой!

И публицистка-муха указала на безчисленныя точки, которыми былъ покрытъ засиженный мухами газетный листъ.
(„Осколки“, 1886 г., № 18).

Къ этимъ литературнымъ темкамъ біографу Чехова, можетъ-быть, слѣдуетъ особенно внимательно присмотрѣться. Сквозь шутку и глумленіе здѣсь иногда можно съ несомнѣнностью уловить отраженіе собственныхъ взглядовъ на литературу Чехова того времени.

Такъ, едва ли можно сомнѣваться, что въ „Литературной табели о рангахъ“ Чеховъ возможно точнѣе старался сгруппировать литературныя имена по степени изъ дѣйствительной офѣйки на его тогдашній взглядъ:

Если всѣхъ живыхъ русскихъ литераторовъ, соответственно ихъ талантамъ и заслугамъ, произвести въ чины, то:

Дѣйствительные тайные совѣтники (вакансія).

Тайные совѣтники: Левъ Толстой, Гончаровъ.

Дѣйствительные статскіе совѣтники: Салтыковъ-Щедринъ, Григоровичъ.

Статскіе совѣтники: Островскій, Лѣсковъ, Полонскій.

Коллежскіе совѣтники: Майковъ, Суворинъ, Гаршинъ, Буренинъ, Сергѣй Максимовъ, Глѣбъ Успенскій, Катковъ, Пыпинъ, Плещеевъ.

Надворные совѣтники: Короленко, Скабичевскій, Аверкіевъ, Боборыкинъ, Горбуновъ, Гр. Саміасъ, Данилевскій, Муравлинъ, Василевскій, Надсонъ, Н. Михайловскій.

Коллежскіе ассессоры: Минаевъ, Мордовцевъ, Авсѣенко, Незлобинъ, А. Михайловъ, Пальминъ, Трефолевъ, Петръ Вейнбергъ, Саловъ.

Титулярные совѣтники: Альбовъ, Баранцевичъ, Михневичъ, Златовратскій, Шпажинскій, Сергѣй Атава, Чуйко, Мещерскій, Ивановъ-Классикъ, Вас. Немировичъ-Данченко.

Коллежскіе секретари: Фругъ, Апухтинъ, Вс. Соловьевъ, В. Крыловъ, Юрьевъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Эртель, К. Случевскій.

Губернскіе секретари: Нотовичъ, Максимъ Бѣлинскій, Невѣжинъ, Каразинъ, Венгеровъ, Нефедовъ.

Коллежскіе регистраторы: Минскій, Трофимовъ, О. Бергъ, Мясницкій, Линевъ, Засодимскій, Бажинъ.

Неимѣющій чина: Окрейцъ.

(„Осколки“, 1886 г., № 19).

Въ самомъ дѣлѣ эта лѣстница именъ наша бы одобреніе въ большей своей части у человѣка здоровыхъ и реальныхъ предъявленій къ литературѣ. Личность Окрейца—обычная мишень тогдашнихъ юмористовъ. Чеховъ не оставался при особомъ мнѣніи на этотъ счетъ,—озлобленная инородческая травля, которую Окрейцъ (Юдофобъ Юдофобовичъ Окрейцъ, какъ его въ одномъ мѣстѣ обзываетъ А. П.) велъ точно по обѣту, не могла быть симпатичной его широкому и гуманному сердцу.

Какъ ясно еще начинающій Чеховъ чувствовалъ ужасъ банальщины, которую впоследствии великолѣпно заклеимилъ въ „Чайкѣ“ устами Треплева,—это можно видѣть хотя бы по такой его литературной шалости:

Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п?

Графъ, графиня со слѣдами когда-то бывшей красоты, сосѣдь-баронъ, литераторъ-либераль, обѣднявшій дворянинъ, музыкантъ-иностранецъ, тупоумные лакеи, няни, гувернантки, нѣмецъ-управляющій, эсквайръ и наслѣдникъ изъ Америки. Лица некрасивыя, но симпатичныя и привлекательныя. Герой—спасающій героиню отъ взбѣшенной лошади, сильный духомъ и могущій при всякомъ удобномъ случаѣ показать силу своихъ кулаковъ.

Высь поднебесная, даль непроглядная, необъятная... непонятная, однимъ словомъ: природа!!!

Бѣдокурые друзья и рыжие враги!

Богатый дядя, либераль или консерваторъ, смотря по обстоятельствамъ. Не такъ полезны для героя его паставленія, какъ смерть.

Тетка въ Тамбовѣ.

Докторъ съ озабоченнымъ лицомъ, подающій надежду на кризисъ; часто имѣетъ палку съ набалдачникомъ и лысину. А гдѣ докторъ, тамъ ревматизмъ отъ трудовъ праведныхъ, мигрень, воспаленіе мозга, уходъ за раненымъ на дуэли и неизбѣжный совѣтъ ѣхать на воды.

Слуга, — служившій еще старымъ господамъ, готовый за господъ лѣзть куда угодно, хоть въ огонь. Острякъ замѣчательный.

Собака, не умѣющая только говорить, понка и соловей.

Подмосковная дача и заложенное имѣніе на югѣ.

Электричество, въ большинствѣ случаевъ ни къ селу ни къ городу приплетаемое.

Портфель изъ русской кожи, китайскій фарфоръ, англійское сѣдло, револьверъ, не дающій осѣчки, орденъ въ петличкѣ, ананасы, шампанское, трюфели и устрицы.

Нечаянное подслушиванье, какъ причина великихъ открытій.

Безчисленное множество междометій и попытокъ употребить кстати техническое словцо.

Тонкіе намеки на довольно толстыя обстоятельства.

Очень часто отсутствіе конца.

Семь смертныхъ грѣховъ въ началѣ и свадьба въ концѣ.

Конецъ.

(„Стрекоза“, 1880, № 10).

Въ нѣкоторыхъ наброскахъ, вѣроятно, справедливо искать запечатлѣній собственныхъ психологическихъ настроеній и выводовъ Чехова. Едва ли не его настроеніе протеста противъ лѣни, столь естественной въ положеніи человѣка, подневольно острицаго, отразилось въ наброскѣ:

МОЯ „ОНА“.

Она, какъ авторитетно утверждаютъ мои родители и начальники, родилась раньше меня. Правы они или нѣтъ, но я знаю только, что я не помню ни одного дня въ моей жизни, когда бы я не принадлежалъ ей и не чувствовалъ надъ собой ея власти. Она не покидаетъ меня день и ночь; я тоже не выказываю поползновенія удрать отъ нея, — связь, стало-быть, крѣпкая, прочная... Но не завидуйте, юная читательница!. Эта трогательная связь не приноситъ мнѣ ничего, кромѣ несчастій. Во-первыхъ, моя

«она», не отступая от меня день и ночь, не дастъ мнѣ заниматься дѣломъ. Она мѣшаетъ мнѣ читать, писать, гулять, наслаждаться природой... Я пишу эти строки, а она толкаетъ меня подъ локоть и ежесекундно, какъ древняя Клеопатра не менѣе древняго Антонія, манитъ меня къ ложу. Во-вторыхъ, она разоряетъ меня, какъ французская кокотка. За ея привязанность я пожертвовалъ ей всѣмъ: карьерой, славой, комфортомъ... По ея милости я хожу раздѣтъ, живу въ дешевомъ номерѣ, питаюсь ерундой, пишу блѣдными чернилами. Все, все пожираетъ она, ненасытная! Я ненавижу ее, презираю... Давно бы пора развестись съ ней, но не развелся я до сихъ поръ не потому, что московскіе адвокаты берутъ за разводъ четыре тысячи... Дѣтей у насъ пока нѣтъ... Хотите знать ея имя? Извольте... Оно поэтично и напоминаетъ Лялю, Лелю и Нелли...

Ее зовутъ Лѣнъ.

(„Будильникъ“, 1885 г., № 22).

УІІІ.

Естественно, что особенно рельефно отражались въ писаніяхъ Чехонте и тѣ маленькія литературныя событія, къ которымъ онъ ставился поневолѣ прикосновеннымъ.

Въ 1885 году „Будильникъ“ праздновалъ свой 20-лѣтній юбилей. Для журнала и его сотрудниковъ, питающихся отъ смѣха, это было настоящее событіе. Чеховъ былъ тогда уже почти „старымъ“ (пятилѣтнимъ) сотрудникомъ этого журнальца, и за нимъ былъ цѣлый романъ („Драма на охотѣ“), напечатанный въ „Новостяхъ Дня“. Сейчасъ еще здравствуютъ люди, какъ, напримѣръ, А. Амфиатовъ, П. Сергѣенко, Александръ Чеховъ, В. Гиляровскій, бывшіе свидѣтелями этого торжества. „Будильникъ“ запечатлѣлъ его на своихъ страницахъ и перомъ своихъ прозаиковъ и стихотворцевъ и карандашомъ художниковъ.

Между прочимъ, въ одномъ изъ юбилейныхъ номеровъ „Будильника“ есть большой рисунокъ на обѣ страницы, изображающій всѣхъ сотрудниковъ журнальца, въ томъ числѣ Чехова,—совсѣмъ юнаго, полного, съ веселыми глазами, на этомъ торжествѣ. Въ самомъ текствѣ приведены рѣчи, сказанныя на вечерѣ.

Вотъ, между прочимъ, „Тостъ прозаиковъ“, произнесенный Антошей Чехонте въ этотъ вечеръ. Если читатель ждетъ юмористической рѣчи, то онъ очень ошибается, какъ, вѣроятно, ошиблись и тогдашніе слушатели молодого писателя. Тостъ этотъ прорѣзанъ положительно трагическими нотами, объясненія которыхъ надо искать въ горькихъ

впечатлѣніяхъ нашнающаго литератора-богема. уже слишкомъ знакомыхъ Антону Павловичу:

— Проза остается прозой даже тогда, когда кружится голова и вальсируютъ чувства. Какъ бы ни накалили вы кремень, а изъ него не сдѣлать вамъ кружевъ; какимъ бы веселящимъ нектаромъ вы ни напоили прозанка, а изъ него не выжать вамъ легкаго, веселящаго экспромта! Не моя вина, если требуемый отъ меня тостъ заставитъ васъ нахмуриться, и если мой веселый совѣдъ потянетъ меня за рукавъ и призоветъ къ порядку! Я смущенъ, коллеги, и не весело мнѣ. Если бы не было обычая на юбилейныхъ обѣдахъ смѣяться, то я пригласилъ бы васъ плакать...

Если человекъ прожилъ двадцать лѣтъ, то онъ еще такъ молодъ, что ему запрещаютъ жениться; если же журналъ перевалилъ черезъ двадцать, то его ставятъ въ примѣръ долговѣчности. Это разъ... Во-вторыхъ, журналъ прожилъ двадцать лѣтъ, а среди нашей обѣдающей братіи нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы право назвать себя ветераномъ «Будильника», нѣтъ, кажется, ни одного, который могъ бы сказать, что онъ работаетъ въ нашемъ журналѣ болѣе десяти лѣтъ. Я лично числюсь въ штатѣ прозаиковъ пять-шесть лѣтъ, не больше, а между тѣмъ три четверти изъ васъ—мои младшіе коллеги, и все вы величаете меня старымъ сотрудникомъ. Хорошъ старикъ, у котораго нѣтъ еще порядочныхъ усовъ и изъ котораго бьетъ такимъ ключомъ самая настоящая молодость! Журналы недолговѣчны, пишущіе же еще недолговѣчнѣе... Прожилъ «Будильникъ» только двадцать лѣтъ, а попалъ уже въ старики и пережилъ чуть ли не двадцать поколѣній сотрудниковъ. Словно индійскія племена исчезали одно за другимъ эти поколѣнія... Родится и, не расцвѣвъ, увядаетъ... Смѣшно: по «Будильнику» мы имѣемъ предковъ!

Гдѣ же они? Одни умерли... Каждый годъ и почему-то непременно осенью намъ приходится хоронить кого-либо изъ коллегъ... Сбѣжишь не только въ частные похоронные или нотаріусы, но и подальше: въ кондуктора, въ почтальоны, въ литографы! Я видѣлъ третьихъ, которые просто сознавались мнѣ, что они отупѣли... И все эти смерти, дезертирства, отупѣнія и прочія метаморфозы происходятъ въ удивительно короткій срокъ. Право,

можно подумать, что судьба принимает толпу пишущих за коробку спичекъ! Не стану я объяснять этой недолговѣчности, но ею берусь объяснить многое. Объясняю я ею такое печальное явленіе, какъ отсутствіе окрѣпшихъ, сформировавшихся и опредѣлившихся талантовъ. Объясняю отсутствіе школъ и руководящихъ традицій. Въ ней же вижу причину мрачнаго взгляда, установившагося въ нѣкоторыхъ на журнальныя судьбы. Но что наиболѣе всего смущаетъ меня, такъ это то, что та же самая недолговѣчность является симптомомъ жизни тяжелой, нездоровой.

Если, коллеги, этотъ порядокъ, тянувшійся въ теченіе двадцати лѣтъ, естествененъ и имѣетъ своимъ конечнымъ пунктомъ благо, то пусть онъ и остается. Если же онъ явленіе болѣзненное и указываетъ только на нашу слабость и неумѣнье выходить изъ борьбы цѣлымъ, то пусть онъ уступить свое мѣсто другому порядку.

За новый порядокъ, за нашу цѣльность!

(„Будильникъ“, 1885, № 12).

Нѣсколько мягче и уже дѣйствительно впадаетъ въ юмористическій тонъ другой, „Женскій тостъ“, произнесенный Чеховымъ въ тотъ же вечеръ:

— Господа! Послѣ тоста иностраннаго не трудно перейти къ тостамъ страннымъ, но я уберегусь отъ этой опасности и провозглашу — женскій тостъ!

Жалѣю, что, идя сюда на обѣдъ, я не захватилъ съ собою крупновской пушки, чтобы салютовать въ честь женщинъ. Женщина по Шекспиру ничтожество, а по-моему она — все! (Крики: довольно! садитесь!) Безъ нея міръ былъ бы то же, что скрипачъ безъ скрипки, что безъ пистолета прицѣлъ и безъ кларнета клапанъ. (Не остро! садитесь!) Лично же для насъ женщину не можетъ замѣнить никакой авансъ. Скажите вы мнѣ, поэты, кто вдохновлялъ васъ и вливалъ въ ваши холодныя жилы огонь, когда вы въ прекрасныя лунныя ночи, возвратившись изъ rendez-vous, садились за столъ и писали стихотворенія, которыя частью вамъ возвращались редакціей, частью же, за недостаткомъ матеріала, печатались, претерпѣвъ значительное сокращеніе? А вы, юмористы-прозаики, неужели не согласитесь съ тѣмъ, что ваши рассказы утеряли бы девять десятыхъ своей смѣхотворности, если бы въ нихъ отсутствовала женщина? Не са-

мые ли лучшіе тѣ анекдоты, соль которыхъ причется въ длинныхъ шлейфахъ и турнюрахъ? Вамъ, художникамъ, нѣтъ надобности напоминать, что многіе изъ васъ сидятъ здѣсь только потому, что умѣютъ изображать женщинъ. Научившись рисовать женщину съ ея хаосомъ лиффовъ, оборокъ, тюниковъ, фестончиковъ, переживя карандашомъ всѣ капризы ея юродствующей моды, вы прошли такую тяжелую школу, послѣ которой изобразить вамъ какую-нибудь «Вальпургіеву ночь» или «Послѣдній день Помпеи» — разъ плюнуть! Господа, кто разрѣшаетъ отъ бремени наши карманы, кто насъ любитъ, пилить, прощаетъ, обираетъ? Кто услаждаетъ и отравляетъ наше существованіе? (Старо! будетъ!) Кто украшаетъ своимъ присутствіемъ нашу сегодняшнюю трапезу? Ахъ! Немного спустя и выйдя отсюда, мы будемъ слабы, беззащитны... Расплатанные сядемъ мы на извозчиковъ и, клюя носомъ, забывъ адреса нашихъ квартиръ, поѣдемъ странствовать во тьмѣ. И кто же, какая свѣтлая звѣзда встрѣтитъ насъ въ конечномъ пунктѣ нашего странствованія? Все та же женщина! Уррррааа!

(Тамъ же).

IX.

Сатирическіе выпады А. П.—ча противъ современности большею частью расплывались въ общихъ упрекахъ и обличеніяхъ. Вотъ, на примѣръ, слушается „Дѣло о 1884 годѣ“:

Подсудимый плачетъ и то и дѣло шепчется со своимъ защитникомъ. Когда, по требованію прокурора, въ судѣ читается «Гражданинъ» и показывается номеръ «Луча» съ портретомъ Окрейца, публики выводится изъ залы засѣданія, дабы упомянутые предметы не могли произвести соблазна.

Обвиняемый старый годъ, между прочимъ, оправдывается:

— Прокуроръ обвиняетъ меня въ томъ, что время мое растрчено на пустяки, на переливаніе изъ пустого въ порожнее... Правда, въ бытность мою на землѣ, не было сдѣлано ничего путнаго. Выпускали ярлыки новаго образца для бутылокъ, клали латки на лохмотья, заставляли дураковъ Богу молиться, а они лбы разбивали... Говорятъ, что всѣ журналы были пусты, безсодержательны, что въ печати преобладалъ кукишъ въ карманѣ, что таланты словно въ воду канули... Что же я могъ подѣлать, если...

Председатель велитъ вывести подсудимаго изъ залы. Судъ приговариваетъ: «неимѣющаго чина 1884 года, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Лету на поселеніе навсегда».

Въ безобидномъ пустячкѣ иногда сквозила нотка сатиры на русскіе нравы. Въ „Моей бесѣдѣ съ Эдиссономъ“ „нашъ собственный корреспондентъ“ любитъ изобрѣтенной гениальнымъ американцемъ пластинкой для чтенія въ умахъ.

— Это что за мантифолія?

— Это пластинка для разслѣдованія мыслей. Стоитъ только приложить ее ко лбу испытуемаго, пусть токъ— и тайны разоблачены...

— Аааа... Впрочемъ, у насъ это проще дѣлается... Залѣзешь въ письменный столъ, распечатаешь письмо, два, три — и все какъ на ладони! У насъ бшпоизмъ въ сильномъ ходу!

И такимъ образомъ я осмотрѣлъ всѣ новыя изобрѣтенія. Мои похвалы такъ понравились Эдиссону, что, прощаясь со мной, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Ну, такъ и быть ужъ, Богъ съ вами! Нате вамъ (взаимы!) („Осколки“, 1885 г., № 18).

Острее этой сатиры иногда мѣтило въ зло протекціи, въ благополучныхъ балбесовъ, которымъ отъ колыбели ворожатъ всякія бабушки и тетуски. Таковъ набросокъ—

РѢПКА.

(Переводъ съ дѣтскаго).

Жили-были себѣ дѣдъ да баба. Жили-были и породили Сержа. У Сержа уши длинныя и вмѣсто головы рѣпка. Выросъ Сержъ большой-пребольшой... Потянулъ дѣдъ за уши; тянетъ-потянетъ, вытянуть въ люди не можетъ. Кликнулъ дѣдъ бабку.

Бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ. Кликнула бабка тетку-княгиню.

Тетка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ. Кликнула княгиня кума-генерала.

Кумъ за тетку, тетка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ. Не вытерпѣлъ дѣдъ. Выдалъ онъ дочку за богатаго купца. Кликнулъ онъ купца съ сторублевками.

Купецъ за кума, кумъ за тетку, тетка за бабуку, бабука за дѣдку, дѣдка за рѣпку, тянуть-потянуть и вытянули голову-рѣпку въ люди.

И Сержъ сталъ статскимъ совѣтникомъ.

(„Осколки“, 1883 г., № 8).

Сквозь беззаботную сатирическую шутку просвѣчивала и грусть за человѣческое достоинство.

ЧЕЛОВѢКЪ.

(Немножко философіи).

Высокій, стройный брюнетъ, молодой, но уже достаточно пожившій, въ черномъ фракѣ и бѣлоснѣжномъ галстукѣ, стоялъ у двери и не безъ грусти смотрѣлъ на залу, полную ослѣпительныхъ огней и вальсирующихъ паръ.

«Тяжело и скучно быть человѣкомъ! — думалъ онъ. — Человѣкъ — это рабъ не только страстей, но и своихъ ближнихъ. Да, рабъ! Я рабъ этой пестрой, веселящейся толпы, которая платитъ мнѣ тѣмъ, что не замѣчаетъ меня. Ея воля, ея ничтожныя прихоти сковываютъ меня по рукамъ и ногамъ, какъ удавъ своимъ взлядомъ сковываетъ кролика. Труда я не боюсь, служить радъ, но прислуживаться тошно! И, собственно, зачѣмъ я здѣсь? Чему служу? Эта вѣчная возня съ цвѣтами, съ шампанскимъ, которая сбиваетъ меня съ ногъ, съ дамами и ихъ мороженымъ... невыносимо! Нѣтъ, ужасна ты, доля человѣка! О, какъ я буду счастливъ, когда перестану быть человѣкомъ!»

Не знаю, до чего бы еще додумался молодой песимистъ, если бы къ нему не подошла дѣвушка замѣчательной красоты. Лицо молодой красавицы горѣло румянцемъ и дышало рѣшимостью. Она провела перчаткой по своему мраморному лбу и сказала голосомъ, который прозвучалъ, какъ мелодія:

— Человѣкъ, дайте мнѣ воды!

Человѣкъ сдѣлалъ почтительное лицо, рванулся съ мѣста и побѣжалъ.

(„Осколки“, 1886 г., № 52).

Вѣчная мишень русской сатиры — взятка, конечно, часто фигурируетъ въ шуткахъ Чехова. Вотъ, напримѣръ, праздничное „Предписаніе“ провляціального Держиморды:

Въ виду наступленія высокаторжественнаго праздника Рождества Христова и принимая во вниманіе, что въ праздничные дни въ пріемной бываетъ большое стеченіе поздравителей, вмѣняю вамъ, милостивый государь, въ обязанность строжайше наблюдать, чтобы поздравители, ожидая въ пріемной, не толпились, не курили табаку и не производили шума, каковой могъ бы помѣшать надлежащему ходу порядка, а также чтобы они не разсыпали крупы, гороха, муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ ни на лѣстницѣ ни въ пріемной, а также вмѣняю вамъ въ обязанность внушать поздравителямъ по возможности вѣжливо и учтиво, чтобы имѣющаяся при нихъ живность имѣла мертвый видъ. Дабы свиниными, гусиными и прочими животными криками поздравители не нарушали надлежащей тишины и спокойствія. Нарушители же сего будутъ привлекаемы къ строгой отвѣтственности по установленному порядку.

Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ: М. Пауковъ.

Секретарь: Ехидовъ.

(«Осколки», 1884, № 52).

Не могъ брезговать Чеховъ и всегдашнею пищей юмористическихъ журналовъ—россійскимъ объяденіемъ и пьянствомъ. Масленичное чревоугодіе, ярмарочный купеческій загулъ занимаютъ извѣстное мѣсто и въ его наброскахъ. Онъ подбираетъ смѣшныя записочки и счета отъ адвокатовъ, побитыхъ актеровъ, фельдшеровъ, приводившихъ загулявшаго купца въ чувство, отъ фея Анжелики, Мары Синягиной тожь, якобы найденныя въ карманѣ купца, вернувшись съ нижегородской ярмарки („Ярмарочное итога“,—„Развлечение“, 1884, № 36) и т. д.

Отмѣчаются еще у Чехова желѣзнодорожныя злоупотребленія, безплатный проѣздъ всевозможной родни служащихъ до третьяго колѣна („Списокъ лицъ, имѣющихъ право на безплатный проѣздъ“,—„Осколки“, 1886, № 23), безтолковость телефонныхъ барышень, у которыхъ „Славянскій Вазаръ“ можно получить только тогда, когда намѣренно спросить что-нибудь другое, въ родѣ „Эрмитажа“ („У телефона“,—„Осколки“, 1886, № 17) и т. д.

Задорный Антоша Чехонте охотно вылавливалъ и поддѣлывалъ на свою булавку и курьезы провинціальной печати, за которыми всегда—недалеко ходить. „Америка въ Ростовѣ-на-Дону“ — озаглавливалъ онъ и далѣе писалъ:

Послѣдніе нумера «Донской Пчелы» украшены слѣдующимъ курьезнымъ объявленіемъ.

ена моя, Ефросинія Александровна, сбѣжала, «гдѣ ея жизнь и ея счастье»—съ однимъ прапорщикомъ, а какъ мнѣ и безъ нея хорошо, то прошу: во 1-хъ, никогда ко мнѣ не возвращаться, во 2-хъ, кто разыщетъ ее—также не доставлять ко мнѣ, и въ 3-хъ, дальнѣйшаго прибавленія къ моему роду—не признаю, за исключеніемъ двухъ нашихъ дѣтей: Александра 4 лѣтъ и Евгеніи 4-хъ мѣсяцевъ.

Яковъ Сельвестровичъ Рыбалкинъ.

Это объявленіе навело насъ на слѣдующія благочестивыя размышленія:

1) А что, если кто-нибудь разыщетъ вѣроломную и не послушается, доставить ее почтенному Якову Сильвестровичу? Что тогда будетъ?

2) Сколько получилъ за строчку почтенный Яковъ Сильвестровичъ? «Анекдотъ изъ его жизни» такъ интересенъ, что число читателей «Донской Пчелы», по его милости, въ эти послѣдніе дни по меньшей мѣрѣ утроилось... Но вѣрнѣе всего, что гонораръ за это объявленіе получилъ самъ г. Теръ-Абрамянъ, «издатѣль и редактуръ». Этотъ редакторъ считаетъ вышеписанную статью только объявленіемъ. Онъ не признаетъ юмористомъ никого, кромѣ себя...

3) Слогъ объявленія слишкомъ напоминаетъ слогъ г. Теръ-Абрамянъ...

Не подшутилъ ли надъ публикой самъ маститый «издатель»? („Зритель“, 1883 г., № 21).

А въ такой замѣткѣ въ три строки несомнѣнно былъ запечатлѣнъ подлинный житейскій курьезъ, выловленный изъ провинціальной газеты или услышанный отъ бывалаго человѣка:

ВЫВѢСКА

Въ Ростовѣ-на-Дону, на Садовой улицѣ, надъ лавкою одного торговца могильными памятниками виситъ такая вывѣска:

«Памятныхъ дѣлъ мастеръ».

X.

Жанръ мелкихъ блестоукъ, требующихъ на прочтеніе минуты и дающихъ мимолетную улыбку,—одинъ изъ тѣхъ, какіе наиболѣе въ ходу въ юмористическихъ журналахъ. Чеховъ долженъ былъ усердствовать и по части сочиненія такихъ мелочей, которыя шли подъ общимъ заголовкомъ „Финтифлюшекъ“, „Майонеза“, „Мухъ и комаровъ“, „О томъ, о семь“, „Не тлетворныхъ мыслей“, „Плодовъ долгаго раздумья“, „Моихъ остроумъ и изреченій“ и т. д. Вотъ нѣкоторые образцы этого жанра молодого Чехова:

Одинъ російскій самодуръ, нѣкій графъ Рубецъ-Откачаловъ, ужасно кичился древностью своего рода и доказывалъ, что родъ его принадлежитъ къ самымъ древнимъ... Не довольствуясь историческими данными и всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ о своихъ предкахъ, онъ откопалъ гдѣ-то два старыхъ, завалящихъ портрета, изображавшихъ мужчину и женщину, и подъ однимъ велѣлъ подписать «Адамъ Рубецъ-Откачаловъ», подъ другимъ — «Ева Рубецъ-Откачалова»...

* * *

Другого графа, возведеннаго въ графское достоинство за свои личныя заслуги, спросили, почему на его каретѣ нѣтъ герба.

— А потому,—отвѣчалъ онъ:—что моя карета гораздо старѣе моего графства...

* * *

Управляющій имѣніями одного помѣщика доложилъ своему барину, что на его земляхъ охотятся сосѣди, и просилъ разрѣшенія не дозволять больше подобнаго своевольства...

— Оставь, братецъ!—махнулъ рукой помѣщикъ.—Мнѣ много пріятнѣе имѣть друзей, нежели зайцевъ.

* * *

Очевъ разсѣянный, но любившій давать отеческіе совѣты, мировой судья спросилъ однажды у судившагося у него вора:

— Какъ это вы рѣшились на воровство?

— Съ голода, ваше высокородіе! Голодь, вѣдь и волка изъ лѣсу гонить!

— Напрасно, онъ долженъ работать!— строго замѣтилъ судья.

* *
*

Прокуроръ окружнаго суда, узнавъ въ одномъ изъ подсудимыхъ своего товарища по школѣ, спросилъ его между прочимъ, не знаетъ ли онъ, что случилось и съ остальными его товарищами?

— Исключая васъ и меня, всѣ въ арестантскихъ ротахъ,— отвѣчалъ подсудимый.

Или:

Въ кабаки могутъ ходить взрослые и дѣти, а въ школу только дѣти.

Акцизные дивиденды даетъ отнюдь не школа.

Польза просвѣщенія находится еще подъ сомнѣнемъ, вредъ же, имъ приносимый, очевиденъ.

Для возбужденія аппетита употребляютъ отнюдь не грамоту, а рюмку водки.

Кабакъ вездѣ есть, а школа далеко не вездѣ.

Всей грамоты отрицать нельзя. Отрицаніе это было бы безумствомъ. Ибо полезно, если человѣкъ умѣетъ прочитать: «Питейный домъ».
(«Что лучше»).

Или еще:

Хотите, чтобы на сѣверномъ полюсѣ произрастали финики и ананасы? Пошлите туда секретарей духовныхъ консисторій и писмоводителей врачебныхъ управъ. Лучше ихъ никто не сумѣетъ нагрѣть мѣсто.

Все въ природѣ цѣлесообразно. Преображая человѣка подъ конецъ его жизни въ несочинцу, природа тѣмъ самымъ засыпаетъ чернильные кляксы, произведенныя имъ въ продолженіе всей его жизни...

И дальніе родственники суть наши ближніе. Люби ихъ.

Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто. Посему не театръ красить городского, стоящаго у театральнаго подъѣзда, а городской красить театръ.

Лучше развратная канарейка, чѣмъ благочестивый волкъ.

Если жена твоя часто плачетъ, то употребляй промокательную бумагу. Не остроумно, но зато практично.

(«Не тлетворныя мысли»).

Старшіе тѣ же мертвецы: о нихъ «aut bene, aut nihil».

* *
*

Мы живемъ не для того, чтобы ѣсть, а для того, чтобы не знать, что намъ ѣсть.

* *
*

Женщинѣ легче найти много мужей, чѣмъ одного...

* *
*

Водка бѣла, но красить носъ и чернить репутацію.

* *
*

Можно сказать: «я другъ этого дома», но нельзя сказать: «я другъ этого деревяннаго дома». Изъ этого слѣдуетъ, что, говоря о предметахъ, иногда бываетъ нужно скрывать ихъ качества...

* *
*

Поостерегись выписывать въ постъ «Иллюстрированный Миръ», иначе рискуешь оскоромиться кукишомъ съ масломъ.

* *
*

Если я побилъ, положимъ, живущаго со мной въ одномъ кварталѣ г. Крокодилова въ то время, когда онъ бралъ съ моего домохозяина взятку, то не значить ли это, что я побилъ его при исполненіи имъ его служебныхъ обязанностей?

* *
*

У мужика Петра было 5 гусей, 6 утокъ и 10 куръ. На свои именины онъ зарѣзалъ одного гуся и двухъ куръ. Спрашивается, что у него осталось, если известно, что во время обѣда заходила къ нему одна личность, и что это за личность? Отвѣтъ: остались одни только перья.

* *
*

Принцъ Гамлетъ сказалъ: «Если обращаться съ каждымъ по заслугамъ, кто же избавится отъ пощечины?» Неужели это можетъ относиться и къ театральнымъ рецензентамъ?

* *
*

Превышеніе власти и административный произволъ дантиста заключаются въ вырываніи здороваго зуба рядомъ съ больнымъ. Это сказалъ одинъ околоточный, читая логику Милля.

* *
*

Астрономы сильно обрадовались, когда открыли на солнцѣ пятна. Случай безпримѣрнаго злорадства!

* *
*

Чиновникъ бралъ взятку. Въ самый моментъ грѣхонаденія вошелъ его начальникъ и подозрительно впился глазами въ его кулакъ, въ которомъ лежала благодарственная кредитка. Чиновникъ ужасно смутился.

— Послушайте! — обратился онъ къ просителю, разжимая кулакъ. — Вы позабыли что-то у меня въ кулакѣ!

* *
*

Когда козелъ бываетъ свиньей?

— Повадился къ нашимъ козамъ чей-то козелъ ходить, — рассказывалъ одинъ помѣщикъ. — Мы взяли и побили его. Онъ продолжалъ все-таки ходить. Мы его выporоли и къ хвосту его палку привязали. Но и это не помогло. Подлецъ все еще продолжалъ лазить къ нашимъ козамъ. Хорошо же! Мы его поймали, насыпали ему въ носъ табакъ и вымазали скипидаромъ. Послѣ этой экзекуціи онъ не ходилъ три дня, а потомъ опять началъ ходить. Ну, не свинья ли онъ послѣ этого?

Подчасъ эти афоризмы группировались около какой-нибудь одной темки, въ такомъ родѣ:

ФИЛОСОФСКІЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ЖИЗНИ.

Жизнь нашу можно уподобить лежанію въ банѣ на верхней полочкѣ. Жарко, душно и туманно. Вѣникъ дѣлаетъ свое дѣло, банный листъ липнетъ и глазамъ больно отъ мыла. Отовсюду слышны возгласы: поддай нару! Тебѣ мылятъ голову и перебираютъ всѣ твои косточки. Хорошо! (Сара Бернаръ).

Жизнь нашу можно уподобить князю Мещерскому, который вѣчно толчется, вѣчно снуетъ, восклицаетъ, сто-

нетъ и машеть руками, вѣчно рождается и умираетъ, но никогда не видитъ плодовъ отъ дѣлъ своихъ. Вѣчно родить, но все рожаемое — мертворожденно. (Бокль).

Жизнь нашу можно уподобить безумцу, ведущему самого себя въ кварталъ и пищущему на себя кляузу. (Коклэнъ).

Жизнь наша подобна газетѣ, которой уже объявлено второе предостереженіе. (Кантъ).

Жизнь наша подобна ящику въ наборной, наполненному знаками препинаія. (Конфуцій).

Жизнь наша подобна старой дѣвѣ, не теряющей надежды выйти замужъ, и мордѣ, покрытой прыщами и морщинами: некрасивая морда, но обижается, когда бьютъ ее. (Араби-паша).

Жизнь нашу, наконецъ, можно уподобить уху отмороженному, которое не отрѣзываютъ только потому, что надѣются на его, уха, выздоровленіе. (Шарко).

Или:

ОБЕРЪ-ВЕРХИ.

Верхъ легковѣрія.

На-дняхъ въ Т. застрѣлился землевладѣлецъ К., мѣстный воротила, человекъ богатый и семейный. Пуля была пущена въ ротъ и засѣла въ мозгъ. Въ боковомъ карманѣ несчастнаго было найдено письмо слѣдующаго содержания:

«Сейчасъ я прочелъ въ календарѣ, что въ этомъ году не будетъ урожая. Неурожай принесетъ мнѣ банкротство. Не желая доживать до такого позора, я заранѣе лишаю себя жизни и прошу никого не винить въ моей смерти».

Верхъ разсѣянности.

Намъ передаютъ за достовѣрное, что на-дняхъ въ одной изъ лѣчебницъ имѣлъ мѣсто слѣдующій прискорбный случай. Извѣстный хирургъ М., ампутируя обѣ ноги у желѣзнодорожнаго стрѣлочника, по разсѣянности одну ногу отрѣзалъ у себя, а другую — у помогавшаго ему фельдшера. Обоимъ подана медицинская помощь.

Верхъ гражданственности.

Я сынъ почетнаго потомственнаго гражданина, читаю «Гражданинъ», хожу въ гражданскомъ платьѣ и пребываю со своею Анютой въ гражданскомъ бракѣ...

Верхъ благонамѣренности.

Намъ пишутъ, что на-дняхъ одинъ изъ сотрудниковъ «Кіевлянина», нѣкій Т., начитавшись московскихъ газетъ, въ припадкѣ сомнѣнія, сдѣлалъ у самого себя обыскъ. Не нашедши ничего предосудительнаго, онъ все-таки сводилъ себя въ кварталъ.

XI.

Собственно работа юмориста-шутника очень мало способствовала сама по себѣ развитію въ молодомъ писателѣ реальной хватки жизни, мѣткой наблюдательности, тонкой впечатлительности. Нужны были только шаржъ, только карикатура, только смѣшное. Вѣроятно, Чеховъ получалъ извѣстное нравственное удовлетвореніе, когда на долю его выпадало дать просто реальную, безъ обязательнаго юморизировація, картинку современныхъ нравовъ. Молодой талантъ могъ тогда спокойно наблюдать дѣйствительность и зарисовывать ее. Вотъ характерная въ этомъ смыслѣ картинка одного изъ тогдашнихъ значныхъ мѣстъ—

САЛОНЪ ДЕ ВАРЬЕТЕ.

— Извозчикъ! Спишь, чортъ! Въ Салонъ де Варьете!

— Въ Солёный вертеть? Тридцать копеекъ!

Подъѣздъ и одинокій городской, торчащій у подъѣзда, освѣщены фонарями. Рубль двадцать за входъ и двадцать копеекъ за храненіе платья (последнее, впрочемъ, не обязательно). Вы заносите ногу на первую ступень, и васъ обдаётъ уже сильнѣйшими запахами грошоваго будуара и предбанника. Слегка подпившіе посѣтители... А propos: не ходите въ Salon, если вы не того... Быть немножко «подшефе»—болѣе чѣмъ обязательно. Это принципъ. Если входящій посѣтитель улыбается и мигаетъ маслянистыми глазками, то это хорошій признакъ: онъ не умреть отъ тоски и даже вкуситъ нѣкоторое блаженство. Горе же ему, ежели онъ трезвъ! Ему не понравится Salon des Varietés, и онъ, пришедши домой, высѣчетъ своихъ дѣтей, чтобы они, выросши, не ходили въ Salon... Слегка подпившіе посѣтители ковыляють вверхъ по лѣстницѣ, вручаютъ привратнику свои билеты, входятъ въ комнату, увѣшанную изображеніями великихъ, потягиваются и храбро

устремляются въ круговоротъ. По всеѣмъ комнатамъ снуютъ взадъ и впередъ, изъ двери въ дверь, жаждущіе сильныхъ впечатлѣній, — снуютъ, мнутъ, слоняются изъ угла въ уголъ, какъ будто бы чего-то ищутъ... Что за смѣсь племень, лицъ, красокъ и запаховъ! Дамы красныя, синія, зеленыя, черныя, разноцвѣтныя, пестрыя, точно трехкопеечныя лубочныя картинки...

Этихъ дамъ вы видѣли здѣсь и въ прошломъ году и въ позапрошломъ. Вы увидите ихъ здѣсь и въ будущемъ году. Декольте ни одной: и платья нѣтъ и... груди нѣтъ. А какія чудныя имена: Бланшъ, Мими, Фанни, Эмма, Изабелла и... ни одной Матрены, Мавры, Палаши! Пыль ужаснѣйшая! Частицы румянъ и пудры, пары алкоголя взвѣшены въ воздухѣ... Тяжело дышать, и хочется чихнуть...

— Какъ вы невѣжливы, мужчина!

— Я-съ? А... гм... такъ-съ! Позвольте вамъ выразиться прозой, что мы очень хорошо понимаемъ ваши женственныя идеи! Позвольте вамъ предложить ручку-съ!

— Это съ какой стати? Вы сперва познакомьтесь... Угостите сперва чѣмъ-нибудь!!

Подлетаетъ офицеръ, беретъ даму за плечи и поворачиваетъ ее спиной къ молодому человѣку... Последнему это не нравится... Немножко подумавъ, онъ вламывается въ амбицію, беретъ даму за плечи и поворачиваетъ ее въ свою сторону...

Сквозь толпу пробирается громаднѣйшій нѣмецъ съ тупой, пьяной физіей и во всеуслышаніе страдаетъ отрывкой; за нимъ сѣменить маленькій, рябой человѣчекъ и пожимаетъ его руку...

— Э...экъ! Гекъ!

— Покорнѣйше благодарю за благородную отрывку! — говоритъ человѣчекъ.

— Ничаво... Э...экъ!

Возлѣ входа въ залу толпа... Въ толпѣ два молодыхъ куличика усердно жестикулируютъ руками и ненавидятъ другъ друга. Одинъ красенъ, какъ ракъ, другой блѣденъ. Оба, разумѣется, пьяны, какъ стельки.

— А ежели въ морррду?

— Асель!!

— А ежели... Ты самъ, асель! Филантропъ!!

— Сволочь! Чего руками махаешь? Вдарь! Да ты вдарь!

— Господа!—слышится изъ толпы женскій голосъ.— Можно ли такъ браниться при дамахъ?

— И дамъ къ свиньямъ! Чорта лысаго мяѣ въ твоихъ дамахъ! Тыщу такихъ кормлю! Ты, Катька, не того... не мѣшайся! Зачѣмъ онъ меня обидѣлъ? Вѣдь я его не трогалъ!

Къ блѣдному купчику подлетаетъ франтъ съ огромнѣйшимъ галстухомъ и хватаетъ его за руку.

— Митя! Тятенька здѣсь!

— Ннно?..

— Ей-Богу! Съ Сонькой за столомъ сидить! Чуть-было ему на глаза не попался! Старый чортъ... Уходить надо. Скорѣй!!

Митя пускаетъ послѣдній пронзительный взглядъ на врага, грозить ему кулакомъ и ступшевывается...

— Цвиринтелкинъ! Ступай туда! Тамъ тебѣ Раиса ищеть!

— Чортъ съ ней! Не желаю! Она на щеколду похожа... Я себѣ другую мадаму выбралъ... Луизу!

— Что ты? Эту пушку?

— Въ томъ-то и вся, братъ, суть, что пушка... По крайности, баба! Не обхватишь!

Фрейлейнъ Луиза сидитъ за столомъ. Она высока, толста, потна и неповоротлива, какъ улитка... Передъ ней на столѣ бутылка пива и шапка Цвиринтелкина... Контуръ корсета грубо вырисовываются на ея большущей спинѣ. Какъ хорошо она дѣлаетъ, что прячетъ свои ноги и руки! Руки ея велики, красны и мозолисты. Еще въ прошломъ году она жила въ Пруссiи, гдѣ мыла полы, варила герру пастору Biersuppe и нянчила маленькихъ Шмидтовъ, Миллеровъ и Шульцовъ... Но судьбѣ угодно было нарушить ея покой: она полюбила Фрица, Фрицъ полюбилъ ее... Но Фрицъ не можетъ жениться на бѣдной! Луиза поклялась Фрицу въ вѣчной любви и поѣхала изъ милаго фатерланда въ русскiя холодныя степи заработать приданое... И теперь она каждый вечеръ ходитъ въ Salon. Днемъ она дѣлаетъ коробочки и вяжетъ скатерть. Когда соберется извѣстная сумма, она уѣдетъ въ Пруссiю и выйдетъ за Фрица...

«Si vous n'avez rien à me dire»,—несется изъ залы!..

Въ залѣ гвалтъ... Аплодируютъ всякому, кто бы ни появился на сценѣ... Канкачикъ бѣдненькій, плохонькій, но въ первыхъ рядахъ слюнотеченіе отъ удовольствія... Взгляните на публику въ то время, когда голоса: «Долой мужчинъ!». Дайте въ это время публикѣ рычагъ—и она перевернетъ землю! Орутъ, голоса, визжать...

— Шш...ш...ш...—шикаетъ въ первыхъ рядахъ офицерикъ какой-то дѣвицѣ...

Публика неистово протестуетъ шиканью, и отъ аплодисментовъ содрогается вся Большая Дмитровка. Офицерикъ поднимается, поднимаетъ вверхъ голову и важно, съ шумомъ и звономъ, выходитъ изъ залы... Достоинство, значить, поддержалъ!..

Гремитъ венгерскій оркестръ. Какіе всё эти венгерцы карапузики, и какъ они плохо играютъ! Конфузятъ они свою Венгрію!

За буфетомъ стоятъ самъ г. Кузнецовъ и мадамъ съ черными бровями; г. Кузнецовъ виночерпствуетъ, мадамъ получаетъ деньги. Рюмки берутся приступомъ.

— Рррюмку водки! Послушайте! Вводки!

— Царашнемъ, Коля? Пей, Мухтаръ!

Человѣкъ со стриженной головой тупо смотритъ на рюмку, пожимаетъ плечами и съ остервенѣніемъ глотаешь водку.

— Не могу, Иванъ Ивановичъ! У меня порокъ сердца!

— Плюнь! Ничего твоему пороку не подѣляется, ежели выпьешь!

Юноша съ порокомъ сердца выпиваетъ.

— Еще рюмку!

— Нѣтъ... У меня порокъ сердца. Я и такъ ужъ семь выпилъ.

— Плюнь!

Юноша выпиваетъ...

— Мужчина!—умоляетъ дѣвочка съ острымъ подбородкомъ и кроличьими глазками:—угостите ужиномъ!

Мужчина ломается...

— Ъсть хочу! Одну только порцію...

— Пристаала... Челаэкъ!

Подается кусокъ мяса... Дѣвочка ѣсть, и... какъ ѣсть! Ъсть ртомъ, глазами, носомъ...

У стрѣльбы въ цѣль идетъ ожесточенная стрѣльба... Тирольки, не оддыхая, заряжаютъ ружья... А двѣ ти-

рольки недурны немножко... Въ сторонѣ стоитъ художникъ и рисуетъ на обшлагѣ тирольку.

— До свиданія... Будьте здоровы!—кричатъ тирольки.

Бьетъ два часа... Въ залѣ танцы. Шумъ, гвалтъ, духота страшная... Зарядившіеся вповь заряжаются у бужета, и къ тремъ часамъ готовъ уже кавардакъ.

Въ отдѣльныхъ кабинетахъ...

Впрочемъ, уйдемте! Какъ приятель выходъ! Будь я содержателемъ Salon des Varietés, я бралъ бы не за входъ, а за выходъ...

(„Зритель“ 1888 г., № 11).

XII.

Мимолетныя впечатлѣнія, набросанныя Чеховымъ въ его эскизахъ, закрѣплялись въ его памяти, иногда воскресая въ болѣе позднихъ и совершенныхъ его произведеніяхъ. Въ наброскѣ „Свадебный сезонъ“ слышатся первыя нотки будущей „Свадьбы“—и въ обрисовкѣ типовъ и въ діалогѣ лицъ. Есть здѣсь между прочими —

Женихъ. Телеграфистъ въ отставкѣ. Восхитительно граціозенъ, граціозно восхитителенъ и глупъ, какъ пробка. Пахнетъ помадой и фиксажуромъ. Женится изъ-за приданого.

Папа невесты. Пьетъ запоемъ... Влюбленъ въ сосѣдскую кухарку. Пророчить войну съ нѣмцами и взятіе въ плѣнъ генерала. Ужасный политикъ «чиновникъ».

Шаферъ жениха. Губернскій секретарь, всеобщій шаферъ и сердцеѣдъ. Отлично играетъ на гитарѣ.

Въ такомъ обрывкѣ разговора такъ и слышится рѣчь грека-кондитера Дымбы изъ „Свадьбы“ и, пожалуй, философствующаго Жигалова:

Настройщикъ Куртъ. И какъ мы всѣ живемъ въ Россія и мы имѣемъ русски языки, то я желаю выпивать за здоровье дамъ...

Николай Стамадричъ. Господа! насъ убиваетъ индиферентизмъ! Будемъ же, пока молоды, нашептывать баллады женскому полонезу и глотать метральезы любви. Поднимаю фіаль за здоровье молодыхъ.

Женихъ. Я па-ла-гаю, что любовь есть самое чувствительное чувство. Я чувствую такія чувства, какихъ вы никогда не чувствовали.

Всѣ. Ураа!...

(„Зритель“, 1881, № 18).

Какой-нибудь жизненный намекъ закруглялся подъ привычной мыслью Чехова въ сюжетъ крошечнаго рассказа, порой исключи-

гельно причудливаго, но умѣнье создавать *характеръ* по мелочи, выдвигать случайную черту въ типическую, сказывалось здѣсь ясно. Въ „Коллекціи“ передъ Чеховымъ чудакъ-мыслитель, хвастающей составленіемъ вотъ какой коллекціи:

— Видишь эту обгорѣвшую спичку?—спрашиваетъ онъ пріятеля, показывая обыкновенную, слегка обуглившуюся спичку.—Это интересная спичка. Въ прошломъ году я нашелъ ее въ баранкѣ, купленной въ булочной Севастьянова. Чуть-было не подавился. Жена, спасибо, была дома и постучала мнѣ по спинѣ, а то бы такъ и осталась въ горлѣ эта спичка. Видишь этотъ ноготь? Три года тому назадъ онъ былъ найденъ въ бисквитѣ, купленномъ въ булочной Филиппова. Бисквитъ, какъ видишь, былъ безъ рукъ, безъ ногъ, но съ ногтями. Игра природы! Эта зеленая тряпочка пять лѣтъ тому назадъ обитала въ колбасѣ, купленной въ одномъ изъ наилучшихъ московскихъ магазиновъ. Сей засушенный тараканъ купался когда-то въ щахъ, которыя я ѣлъ въ буфетѣ одной желѣзнодорожной станціи, а этотъ гвоздь — въ котлетѣ, на той же станціи. Этотъ крысиный хвостикъ и кусочекъ сафьяна были оба найдены въ одномъ и томъ же филипповскомъ хлѣбѣ. Кильку, отъ которой остались теперь однѣ только косточки, жена нашла въ тортѣ, который былъ поднесенъ ей въ день ангела. Этотъ звѣрь, именуемый сороконожкой, былъ поднесенъ мнѣ въ кружкѣ пива въ одной нѣмецкой биргалкѣ... А вотъ этотъ кусочекъ гуано я чуть было не проглотилъ, уписывая въ одномъ трактирѣ растегай... И такъ далѣе, любезный.

— Дивная коллекція!

— Да. Вѣситъ она полтора фунта, не считая всего того, что я по невниманію успѣлъ проглотить и переварить. А проглотилъ я, навѣрное, фунтовъ пять-шесть.

(„Зритель“, 1883 г., № 13).

Реальный наклонъ былъ такъ ясенъ въ Чеховѣ, что и въ юмористикѣ онъ иногда умѣлъ блеснуть настоящимъ знаніемъ природы, вынесеннымъ исключительно изъ живого общенія съ ней. Среди шутокъ о „Рыбьемъ дѣлѣ“ онъ обнаруживаетъ хорошую наблюдательность рыболова, для котораго каждая мелкая рыбешка живетъ своимъ нравомъ и обычаемъ, вызывающимъ въ умѣ житейскія уподобленія, („Вудильникъ“, 1885 г., № 23 и 25):

1) Рыбу ловятъ въ океанахъ, моряхъ, озерахъ, рѣкахъ, прудахъ, а подь Москвою также въ лужицахъ и канавахъ.

Примѣчаніе. Самая крупная рыба ловится въ живорыбныхъ лавкахъ.

2) Ловить нужно вдали отъ населенныхъ мѣстъ, иначе рискуешь поймать за ногу купающуюся дачницу, или же услышать фразу: «Какую вы имѣете полную праву ловить здѣсь рыбу? Или, можетъ, по шеѣ захотѣлось?»

3) Прежде чѣмъ закидывать удочку, нужно надѣть на крючокъ приманку, какую угодно, судя по роду рыбы... Можешь ловить и безъ приманки, такъ какъ все равно ничего не поймаешь.

Примѣчаніе. Хорошенькія дачницы, сидяція на берегу съ удочкой для того только, чтобы привлечь вниманіе жениховъ, могутъ удить и безъ приманки. Нехорошенькія же дачницы должны пускать въ ходъ приманку: сто-двѣсти тысячь, или что-нибудь въ родѣ...

4) Сидя съ удочкой, не махай руками, не дрыгай ногами и не кричи караулъ, такъ какъ рыба не любитъ шума. Ужение не требуетъ особеннаго искусства: если поплавокъ неподвиженъ, то это значить, что рыба еще не клюетъ; если онъ шевелится, то торжествуй: твою приманку начинаютъ пробовать; если же онъ пошелъ ко дну, то не трудись тащить, такъ какъ все равно ничего не вытащишь.

Эту сторону нашего трактата мы находимъ достаточно вычерпанной (на днѣ ничего не осталось). Въ слѣдующій разъ мы подробно уяснимъ животрепещущій вопросъ о томъ, какія породы рыбъ можно изловить животрепещущими въ мутной московской водѣ.

Выше мы съ непостижимымъ глубокомысліемъ и невѣроятной ученостью «третировали» вопросъ о способахъ ловить рыбу. Переходимъ теперь къ той части нашего трактата, гдѣ говорится о рыбьихъ породахъ.

Въ окрестностяхъ Москвы ловятся слѣдующія породы рыбъ:

а) Щука. Рыба не красивая, не вкусная, но разсудительная, положительная, убѣжденная въ своихъ щучьихъ правахъ. Глощаетъ все, что только попадаетъ ей на пути: рыбъ, раковъ, лягушекъ, утокъ, ребятокъ. Каждая щука въ отдѣльности съѣдаетъ гораздо больше рыбы, чѣмъ всѣ посѣтители Егоровскаго трактира. Сыта никогда не бываетъ и постоянно жалуется на упадокъ дѣль. Когда

ей указывают на ея жадность и на несчастное положение мелкой рыбешки, она говоритъ: «Поговори мнѣ еще, такъ живо въ моемъ желудкѣ очутишься!» Когда же подобное указаніе ей дѣлають старшіе чинномъ, она заявляетъ: «И-и, батюшка, да кто жъ таперича рыбешку не ѣсть? Такъ ужъ споконъ вѣка положено, чтобъ мы, щуки, всегда сыты были». Когда ее пугаютъ пропечатаніемъ въ газетѣ, она говоритъ: «А мнѣ плевать!»

б) Головлъ. Рыбій интеллигентъ. Галантенъ, ловокъ, красивъ и имѣеть большой лобъ. Состоить членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ, читаетъ съ чувствомъ Некрасова, бранить щукъ, но тѣмъ не менѣе поѣдаетъ рыбешекъ съ такимъ же аппетитомъ, какъ и щука. Впрочемъ, истребленіе пескарей и уклейекъ считаетъ горькою необходимостью, потребностью времени... Когда въ интимныхъ бесѣдахъ его попрекають расхожденіемъ слова съ дѣломъ, онъ вздыхаетъ и говоритъ:

— Ничего не подѣлаешь, батенька! Не созрѣли еще пескари для безопасной жизни, и къ тому же, согласитесь, если мы не станемъ ихъ ѣсть, то что же мы имъ дадимъ взамѣнъ?

в) Налимъ. Тяжелъ, неповоротливъ и флегматиченъ, какъ театральннй-кассиръ. Славится своей громадной печенкой, изъ чего явствуетъ, что онъ пьетъ горькую. Живетъ подъ корягами и питается всякой всячиной. По натурѣ хищенъ, но умѣетъ довольствоваться падалью, червяками и травой. «Гдѣ ужъ намъ со щуками да головлями ровняться? Что есть, то и ѣдимъ. И на томъ спасибо». Пойманный на крючокъ, вытаскивается изъ воды, какъ бревно, не изъясняя никакого протеста... Ему на все плевать...

д) Окунь. Красивая рыбка съ достаточно острыми зубами. Хищенъ. Самцы состоятъ антрепренерами, а самки даютъ концерты.

е) Ершъ. Бойкій и шустрый индивидуу, воображающій, что онъ защищенъ отъ щукъ и головлей «льготами», данными ему природой, но тѣмъ не менѣе преисправно попадающій въ уху.

ф) Карась. Сидитъ въ тинѣ, дремлетъ и ждетъ, когда его съѣстъ щука. Сызмальства приучается къ мысли, что онъ хорошъ только въ жареномъ видѣ. Поговорку: «на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ» понимаетъ въ смыслѣ благопріятномъ для щуки...

— Денно и пощно должны мы быть готовы, чтобъ угодить господамъ шукѣ... Безъ ихнихъ благодѣяній...

g) Пескарь. Преисправный пощитель ссудныхъ кассъ, плохихъ лѣтнихъ увеселеній и переднихъ. Служить на Московско-Курской дорогѣ, подносить благодарственные адреса шукамъ и день и ночь работаетъ, чтобы головы ходили въ енотахъ.

h) Плотва. Маленькая, получахоточная рыбка, прозябающая въ статистахъ, или доставляющая плохіе переводы въ толстые журналы. Въ изобиліи поѣдается щукой и окунемъ. Самки живутъ на содержаніи у налимовъ и линей.

i) Линь. Лѣнивая, слюнявая и вялая рыба въ черно-зеленомъ вицмундирѣ, дослуживающая до пенсіона. Нюхаетъ табакъ въ одну ноздрю, обѣгориваетъ каразей и лѣчится отъ заваловъ.

к) Уклейка. Ловится на муху. Нищенка.

l) Лещъ. Держитъ трактиры на большой дорогѣ и занимается подрядами. Дѣлаетъ видъ, что питается постной пищей. Съѣвши рыбку, быстро вытираетъ губы, чтобы «господа» не замѣтили...

XIII.

„Женскому вопросу“, — темъ, которой повинѣ посвящается девять десятыхъ юмористическаго журнала, Чеховъ долженъ былъ послужить по мѣрѣ силъ. Среди пустячковъ и шутокъ онъ умѣлъ порой проявить здѣсь и живую наблюдательность и язвительность, бьющую въ дѣйствительно слабыя стороны „дарицы природы“. Вотъ вѣсколко образчиковъ этого жанра:

О ЖЕНЩИНАХЪ.

Женщина съ самаго сотворенія міра считается существомъ вреднымъ и злокачественнымъ. Она стоитъ на такомъ низкомъ уровнѣ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія, что судить объ ея недостаткахъ считаетъ себя въ правѣ всякій, даже лишенный всѣхъ правъ мошенникъ и негодяй.

Анатомическое строеніе ея стоитъ ниже всякой критики. Когда какойнибудь солидный отецъ семейства видитъ изображеніе женщины «о-натюрель», то всегда безразлично морщится и сплевываетъ въ сторону. Имѣть подобныя изображенія на виду, а не въ столѣ и не въ карманѣ, считается неприличіемъ. Мужчина гораздо красивѣе женщины. Какъ бы онъ ни былъ жилистъ, волосатъ и угре-

вать, какъ бы ни былъ красенъ его носъ и узокъ лобъ, онъ женится не иначе, какъ послѣ строгаго выбора, и во всякомъ случаѣ онъ глубоко убѣжденъ, что парой ему можетъ быть только очень красивая женщина.

Одинъ отставной дюрюшкъ, обокравшій тещу и щеголявшій въ жениныхъ полусаложкахъ, увѣрялъ, что если человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, то сначала отъ этого животнаго произошла женщина, а потомъ ужъ мужчина. Титулярный совѣтникъ Слюнкинъ, отъ котораго жена запирала водку, часто говаривалъ: «Самое ехидное насѣкомое въ свѣтѣ есть женскій полъ».

У женщины волосъ дологъ, умъ коротокъ; у мужчины же наоборотъ. Съ женщиной нельзя потолковать ни о политикѣ, ни о состояніи курса, ни о движеніи по службѣ. Въ то время, какъ гимназистъ III-го класса рѣшаетъ уже міровыя задачи, а коллежскіе регистраторы изучаютъ книгу «30.000 иностранныхъ словъ», умныя и взрослые женщины толкуютъ только о модахъ и военныхъ.

Логика женщины вошла въ поговорку. Когда какой-нибудь надворный совѣтникъ Анаемскій или департаментскій сторожъ Доровей заводятъ рѣчь о Бисмаркѣ или о пользѣ наукъ, то любо послушать ихъ: пріятно и умилительно; когда же чья-нибудь супруга, за неимѣніемъ другихъ темъ, начинаетъ говорить о дѣтяхъ или пьянствѣ мужа, то какой супругъ воздержится, чтобы не воскликнуть: «Ну, да и логика же, Господи, прости ты меня грѣшнаго!» Изучать науки женщина неспособна. Это явствуетъ уже изъ одного того, что для нея не заводятъ учебныхъ заведеній. Мужчины, даже неразвитые и недалекіе, изучаютъ науки, по окончаніи курса наукъ получаютъ чинъ, и нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ каѳедры, но женщина—ничтожество ей имя! Она не сочиняетъ для продажи учебниковъ, не читаетъ рефератовъ и длинныхъ академическихъ рѣчей, не ѣздитъ на казенный счетъ въ командировки и не утилизируетъ заграничныхъ диссертаций. Творческихъ талантовъ у нея—ни капли. Ей дана отъ природы только способность заворачивать въ творенія мужчинъ пирожки и дѣлать изъ нихъ папильотки.

Она порочна и безирравственна. Отъ нея идетъ начало всѣхъ золъ. Въ одной старинной книгѣ сказано: «Mulier est malleus, per quem diabolus mollit et malleat universum mundum». Когда дьяволу приходитъ охота учинить ка-

кую-нибудь пакость, или каверзу, то онъ всегда норовитъ дѣйствовать черезъ женщинъ. Вспомните, что изъ-за Бель Элень вспыхнула Троянская война, Мессалина совратила съ пути истины не одного пайныку... Гоголь говоритъ, что чиновники берутъ взятки только потому, что на это толкаютъ ихъ жены. Это совершенно вѣрно. Имущества антрепренеровъ, казенныхъ подрядчиковъ и секретарей теплыхъ учрежденій всегда записаны на имя жены. Распущена женщина до-нельзя. Каждая богатая барыня всегда окружена десятками молодыхъ людей, жаждущихъ попасть къ ней въ альфонсы. Бѣдные молодые люди!

Отечеству женщина не приноситъ никакой пользы. Она не ходитъ на войну, не переписываетъ бумагъ, не строитъ желѣзныхъ дорогъ, а, запирая отъ мужа графинчикъ съ водкой, способствуетъ уменьшенію акцизныхъ сборовъ.

Короче, она лукава, болтлива, суетна, лжива, лицемерна, корыстолюбива, бездарна, легкомысленна, зла... Только одно и симпатично въ ней, а именно то, что она производитъ на свѣтъ такихъ милыхъ, граціозныхъ и ужасно умныхъ душекъ, какъ мужчины... За эту добродѣтель простимъ ей всѣ ея грѣхи. Будемъ къ ней великодушны всѣ, даже кокетки въ пиджакахъ и тѣ господа, которыхъ бьютъ въ клубяхъ подсвѣчниками по мордасамъ.

По письмамъ Рауля Синей Бороды, вошедшимъ въ „дополнительные томы“, читатель могъ видѣть, какъ иногда коротко, но мѣтко Чеховъ могъ зарисовывать различные женскіе типы. Много блѣднѣе, но тоже не лишено блескокъ слѣдующее его „Руководство для желающихъ жениться“:

Такъ какъ предметъ этой статьи составляетъ мужскую тайну и требуетъ серьезнаго умственнаго напряженія, на которое весьма многія дамы неспособны, то прошу отцовъ, мужей, околоточныхъ надзирателей и пр. наблюдать, чтобы дамы и дѣвицы этой статьи не читали. Это руководство не есть плодъ единичнаго ума, но составляетъ квинтъ-эссенцію изъ всѣхъ существующихъ оракуловъ, фізіономикъ, кабалистикъ и долголѣтнихъ бесѣдъ съ опытными мужьями и компетентнѣйшими содержательницами модныхъ мастерскихъ.

Введеніе. Семейная жизнь имѣетъ много хорошихъ сторонъ. Не будь ея, дочери всю жизнь жили бы на шеѣ отцовъ, и многіе музыканты сидѣли бы безъ хлѣба, такъ какъ тогда не было бы свадебъ. Медицина учитъ,

что холостяки обыкновенно умирають сумасшедшими, женатые же умирають, не успѣвъ сойти съ ума. Холостому завязываетъ галстукъ горничная, а женатому жена. Бракъ хорошъ также своею доступностью. Жениться можно богатымъ, бѣднымъ, слѣпымъ, юнымъ, старымъ, здоровымъ, больнымъ, русскимъ, китайцамъ... Исключеніе составляютъ только безумные и сумасшедшіе, дураки же, болваны и скоты могутъ жениться сколько имъ угодно.

Руководство I-е. Ухаживая за дѣвицей, обращай вниманіе прежде всего на наружность, ибо по наружности узнается характеръ особы. Въ наружности различай: цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ, походку и особыя примѣты. По цвѣту волосъ женщины дѣлятся на блондинокъ, брюнетокъ, шатенокъ и проч. Блондинки обыкновенно благоправны, скромны, сентиментальны, любятъ папашу и мамашу, плачутъ надъ романами и жалѣютъ животныхъ. Характеромъ онѣ прямолинейны, въ убѣжденіяхъ строго-консервативны, съ буквой «ѣ» не въ ладу. Къ чужимъ любвямъ онѣ относятся чутко, въ своей же собственной любви онѣ холодны, какъ рыбы. Въ самую патетическую минуту блондинка можетъ зѣвнуть и сказать: «Не забыть бы послать завтра за коленкоромъ!» Выйдя замужъ, онѣ скоро киснуть, толстѣютъ и вянутъ. Плодовиты, чадолюбивы и плаксивы. Мужьямъ невѣрности не прощаютъ, сами же измѣняютъ охотно. Жены-блондинки обыкновенно мистичны, подозрительны и считаютъ себя страдалицами. Брюнетки не такъ разсудительны, какъ блондинки. Онѣ подвижны, непостоянны, капризны, вспыльчивы, часто ссорятся съ мамами и бьютъ по щекамъ горничныхъ. Начинаютъ «не обращать вниманія» на гадкихъ мужчинъ уже съ 12 лѣтъ, учатся плохо, ненавидятъ классныхъ дамъ, любятъ романы, при чемъ пропускаютъ описанія природы и прочитываютъ объясненія въ любви по пяти разъ. Онѣ пылки, страстны и любятъ съ азартомъ, сломя голову, задыхаясь... Жена-брюнетка — это цѣлая инквизиція. Съ одной стороны такая страсть, что чертямъ тошно, съ другой — капризы, наряды, безшабашная логика, визгъ, пискъ... Съ измѣною мужей мирятся скоро, платя имъ тою же монетою. Шатенки отъ блондинокъ не ушли и къ брюнеткамъ не пришли. Составляютъ нѣчто среднее между тѣми и другими. Считаютъ себя брюнетками. Рыжія лукавы, лживы, злы, коварны. Любви безъ коварства не понимаютъ. Обыкновенно бы-

вають очень хорошо сложены и имѣють на всемъ тѣлѣ великолѣпную, розовую кожу. Говорятъ, что черти и лѣшіе обязательно женятся на рыжихъ. Гдѣ лживость, тамъ трусость и малодушіе. Достаточно хорошенько прикрикнуть на рыжую («Я тебѣ!»), чтобы она свернулась въ колачикъ и полѣзла цѣловаться. Не забывай, что Мессалина и Нана были рыжія. Прическа при выборѣ жены имѣетъ тоже немалое значеніе. Волоса гладко причесанные, прилизанные, съ бѣлымъ проборомъ означаютъ простоватость, ограниченность желаній... Такая прическа чаще бываетъ у швеекъ, лавочницъ и купеческихъ дочекъ. Подстриженная прядь волосъ, спущенная на лобъ, означаетъ суетную мелочность, ограниченность ума и похотливость. Этою прядью стараются обыкновенно скрыть узкій лобъ... Шиньонъ и вообще орнаменты изъ чужихъ волосъ говорятъ за безвкусіе, отсутствіе фантазіи и о томъ, что въ прическу вмѣшивалась мамаша. Волоса, зачесанные сзади напередъ, предполагаютъ въ женщинѣ желаніе нравиться не только спереди, но и сзади. Такая прическа, если она не вершится тяжелой вавилонской башней, означаетъ вкусъ и легкость нрава. Вьющіеся волосы говорятъ за игривость и художественность натуры. Прическа небрежная, исключенная предполагаетъ сомнѣніе или душевную лѣнность. Подъ стриженными волосами скрывается образъ мыслей. Если женщина сѣда или лыса и въ то же время желаетъ выйти замужъ, то, значить, у нея много денегъ. Чѣмъ меньше въ прическѣ шпилекъ, тѣмъ женщина избрѣтательнѣе и тѣмъ вѣрнѣе, что у нея не чужіе волосы. Теперь о цвѣтѣ глазъ. Голубые глаза съ новолокой означаютъ вѣрность, покорность и кротость. Голубые выпученные бываютъ чаще у женщинъ-шулеровъ и продажныхъ. Черные глаза означаютъ страстность, вспыльчивость и коварство. Замѣть, что у умныхъ женщинъ рѣдко бываютъ черные глаза. Сѣрые бываютъ у шеголихъ, хохотуній и дурочекъ. Каріе предполагаютъ любовь къ сплетнямъ и зависть къ чужимъ нарядамъ. Ростъ выбирай средній. Высокія женщины грубоваты и больно бьютъ, маленькія же въ большинствѣ случаевъ бываютъ эгозы и любятъ визжать, царапаться и подпускать шпильки. Горбатыхъ избѣгай: эти злы и ехидны. П о х о д к а торопливая, съ оглядками, говоритъ о вѣтрености и легкомысліи. Походка лѣнивая бываетъ у женщинъ, сердце которыхъ уже занято — тутъ ты не пообѣдаешь. Походка утичья, съ пере-

вальцемъ и виляньемъ турниора, есть признакъ добродушія, податливости и иногда тупости. Походка горделивая, лебединая бываетъ у этихъ дамъ и содержанокъ. Чьясь спесивѣе походка, тѣмъ, значить, старѣе и богаче содержатель. Такая походка у дѣвиць означаетъ самолюбіе и ограниченность. Если барыня не идетъ, а ильветъ, какъ пава, то поворачивай оглобли: она накормитъ, утѣшитъ, но непремѣнно возьметъ подъ башмакъ. Особыя примѣты не многочисленны. Ямочки на щекахъ означаютъ кокетство, тайныя грѣшки и добродушіе. Ямочки на щекахъ и прищуренные глаза обѣщаютъ многое, но не для платониста. Усики говорятъ о безплодіи. Длинные ногти бываютъ у бѣлоручекъ. Слившіяся брови означаютъ, что данная особь будетъ строгой матерью и бѣшеной тещей. Веснушки наичаще замѣчаются у рыжихъ чертовокъ, рабынь и дурочекъ. Пухленькія и сдобненькія барышни съ отдутлыми щеками и красными руками наивны, въ словѣ еще дѣлаютъ четыре ошибки, но зато онѣ скоро выучиваются печь вкусныя пироги и шить мужу бархатныя жилетки.

Руководство II-е. Не могли жениться безъ приданого. Женитьба безъ приданого все равно, что медь безъ ложки, Шмуль безъ пейсовъ, сапоги безъ подошвъ. Любовь сама по себѣ, приданое само по себѣ. Запрашивай сразу 200.000. Ошеломивъ цифрой, начинай торговаться, ломаться, канителить. Приданое бери обязательно до свадьбы. Не принимай векселей, купоновъ, акцій и каждую сторублевку ощупай, обнюхай и осмотри на свѣтъ, ибо не рѣдки случаи, когда родители даютъ за своими дочерьми фальшивыя деньги. Кромѣ денегъ, выторгуй себѣ побольше вещей. Жена, даже плохая, должна принести съ собою: а) побольше мебели и рояль; б) одну лерину на лебяжемъ пуху и три одѣяла: шелковое, шерстяное и бумажное; в) два мѣховыхъ салона, одинъ для праздниковъ, другой для будней; д) побольше чайной, кухонной и обѣденной посуды; е) 18 сорочекъ изъ лучшаго голландскаго полотна, съ отдѣлкой; 6 кофтъ изъ такого же полотна съ кружевной отдѣлкой; 6 кофтъ изъ нансу; 6 паръ панталонъ изъ того же полотна и столько же паръ изъ англійскаго шифона; 6 юбокъ изъ мадаполама съ прошивками и обшивками; пенюаръ изъ лучшей батистъ-викторіи; 4 полупенюара изъ батистъ-викторіи; 6 паръ панталонъ канифасовыхъ. Простынь, наволочекъ, чепчи-

ковъ, чулковъ, бумазейныхъ юбокъ, подвязокъ, скатертей, платковъ и проч. должно быть въ достаточномъ количествѣ. Все это самъ осмотри, сочти и, чего не достанетъ, немедленно потребуй. Дѣтскаго бѣлья не бери, такъ какъ существуетъ примѣта: есть бѣлье — дѣтей нѣтъ, дѣти есть — бѣлья нѣтъ. f) Въмѣсто платьевъ, фасонъ коихъ скоро мѣняется, требуй матеріи въ штукахъ. g) Безъ столоваго серебра не женись.

Женившись, будь съ женою строгъ и справедливъ, не давай ей забываться и при каждомъ недоразумѣніи говори ей: «не забывай, что я тебя осчастливилъ!»

XIV.

Еще очень юный, Чеховъ былъ уже мастеромъ по части уловленія „злѣбъ“ и, напримѣръ, пріѣздъ Сары Бернаръ въ Москву не одну недѣлю кормилъ его. Онъ и писалъ ея біографическіе очерки и оцѣнивалъ ея игру. Любопытно, что А. П. проявилъ здѣсь самый несомнѣнный художественный вкусъ въ пониманіи элемента выучки во французской актрисѣ, чѣмъ никогда и никакому актеру не замѣнить темперамента и вдохновенія. Подчеркнутыя нами строки были положительно новы для тогдашней нашей театральной рецензіи, и по тонкости пониманія эта рецензія въ болѣе соответственномъ томѣ сдѣлала бы честь не „Зрителю“, гдѣ была напечатана (1881. № 23—24), а и болѣе серьезному органу. Повидавшій французскую артистку на сценѣ, А. П. писалъ:

«Мы далеки отъ поклоненія Сарѣ Бернаръ, какъ таланту. Въ ней нѣтъ того, за что наша почтеннѣйшая публика любитъ Одетову: въ ней нѣтъ огонька, который одинъ въ состояніи трогать до горячихъ слезъ, до обморока. Каждый вздохъ Сары Бернаръ, ея слезы, ея предсмертныя конвульсіи, вся ея игра — есть не что иное, какъ безукоризненно и умно заученный урокъ. Урокъ, читатель, и больше ничего! Будучи дамой очень умной, знающей, что эффектно и что не эффектно, дамой съ грандіознѣйшимъ вкусомъ, сердце-вѣдкой и всемъ, чѣмъ хотите, она очень вѣрно передаетъ все тѣ фокусы, которые иногда, по волѣ судьбы, совершаются въ душѣ человѣческой. Каждый шагъ ея — глубоко обдуманый, сто разъ подчеркнутый фокусъ... Изъ своихъ героинь она дѣлаетъ такихъ же необыкновенныхъ женщинъ, какъ и она сама... Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновен-

венностью. Цѣль ея—поразить, удивить, ослѣпить... Вы смотрите на Andrienne Lecouvreur, и вы видите въ ней не Andrienne Lecouvreur, а умнѣйшую, эффектнѣйшую Сару Бернарь... Во всей игрѣ ея просвѣчиваетъ не талантъ, а гигантскій, могучій трудъ... Въ этомъ-то трудѣ и вся разгадка загадочной артистки. Нѣтъ того пустячка въ ея малыхъ и большихъ роляхъ, который не прошелъ бы разъ сто сквозь чистилище этого труда. Трудъ необыкновенный. Будь мы трудолюбивы такъ, какъ она, чего бы мы только ни написали! Мы исписали бы всѣ стѣны и потолки въ нашей редакціи самымъ мелкимъ почеркомъ. Мы завидуемъ и почтительнѣйше преклоняемся предъ ея трудолюбіемъ. Мы не прочь посоветовать нашимъ перво- и второстепеннымъ господамъ артистамъ поучиться у гостя работать. Наши артисты, не въ обиду будь имъ сказано, страшные лѣнтяи! Ученье для нихъ хуже горькой рѣдьки. Что они, т.-е. большинство нашихъ артистовъ, мало дѣла дѣлаютъ, мы заключаемъ по одному тому, что они сидятъ на точкѣ замерзанія: ни впередъ, ни... куда! Поработай они такъ, какъ работаетъ Сара Бернарь, знай столько, сколько она знаетъ, они далеко бы пошли! Къ нашему великому горю, наши великіе и малые служители музъ сильно хромаютъ по части знаній, а знанія даются, если вѣрять старымъ истинамъ, однимъ только трудомъ.

«Мы смотрѣли на Сару Бернарь и приходили отъ ея трудолюбія въ неописанный восторгъ. Были мѣстечки въ ея игрѣ, которыя трогали насъ почти до слезъ. Слезы не потекли только потому, что вся прелесть ступеньки вывалилась искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамѣреннаго фокусничества, подчеркиванія, мы, честное слово, заплакали бы, и театръ содрогнулся бы отъ рукоплесканій... О, талантъ! Кювье сказалъ, что ты не въ ладу съ гибкостью! А Сара Бернарь страсть какъ гибка!»

Чтобы кончить съ дѣятельностью Чехова-рецензента, остановимся кстати и еще на одной рецензіи, принадлежность которой А. П.—чу безспорна. Въ статьѣ „Гамлетъ на Пушкинской сценѣ“ чеховскимъ перомъ увѣковѣчено исполненіе Гамлета начинавшимъ тогда Ивановымъ-Козельскимъ:

Ивановъ-Козельскій, — пишетъ А. П., — не силенъ для Гамлета. Онъ понимаетъ Гамлета по-своему. Понимать по-

своему не грѣхъ, но нужно понимать такъ, чтобы авторъ не былъ въ обидѣ. Все первое дѣйствіе г. Ивановъ-Козельскій прохныкалъ. Гамлетъ не умѣлъ хныкать. Слезы мужчины дороги, а Гамлета—и подавно: и на сценѣ нужно дорожить ими, не проливать попусту. Г. Ивановъ-Козельскій сильно испугался тѣни, такъ сильно, что даже его жалко стало. Онъ сжевалъ и скомкалъ во рту все обращеніе къ отцу. Гамлетъ былъ перѣшительнымъ человѣкомъ, но не былъ трусомъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже готовъ былъ къ встрѣчѣ съ тѣнью. Сцена, гдѣ Гамлетъ приглашаетъ своихъ друзей поклясться на мечѣ, не удалась. Ивановъ-Козельскій не говоритъ, а шипѣлъ, точно гусакъ, за которымъ гонятся мальчишки. Въ бесѣдахъ съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ отсутствовало достоинство. Передъ ними Ивановъ-Козельскій ломался. И т. д. и т. д.

Мы могли бы исписать очень много бумаги, если бы стали изображать всѣ промахи Иванова-Козельскаго. Много чувства, много щемлящей за сердце задушевности, но мало самаго главнаго. Это самое главное далеко отстоитъ отъ г. Иванова-Козельскаго. Мало чувствовать и умѣть правильно передавать свое чувство, мало быть художникомъ, надо еще быть всесторонне знающимъ. Образованность необходима для берущагося изображать Гамлета.

Сцена съ матерью проведена прекрасно. То же можно сказать и о сценѣ на кладбищѣ. Много было прелести въ игрѣ Иванова-Козельскаго, и всю эту прелесть можно записать на счетъ его умѣнья чувствовать... только! Онъ подчеркивалъ каждое слово, слѣдилъ за каждымъ своимъ движеніемъ, рассчитывалъ шаги... Этотъ недостатокъ есть удѣлъ всѣхъ начинающихъ. Смерть съ ужаснымъ голосомъ и съ судорогами можно было бы замѣнить естественною смертию.

Театральной злобой вообще не приходилось по тѣмъ временамъ пренебрегать, въ виду крайняго ограниченія цензурой круга юмористическихъ сюжетовъ.

Въ „Нечистыхъ трагикахъ и прокаженныхъ драматургахъ“,— „ужасно-страшно-возмутительно-отчаянной трагедіи“,—Чеховъ въ драматической формѣ вышучиваетъ шаблонъ пьесъ съ ужасами и феерическими эффектами, которыми авторепренеры, въ родѣ Лентовскаго, и драматурги, въ родѣ Тарновскаго, завимали почтеннѣйшую публику.

Въ драматическомъ шаржѣ, набросанномъ рукой Чехова, Тарновскій смущенъ тѣмъ, что не можетъ придумать ничего болѣе потрясающаго, чѣмъ уже придумалъ. Лентовскій его утѣшаетъ.

— Плустиаки, чортъ возьми! Побольше пороху, бенгальскаго огня, трескучихъ монологовъ—вотъ и все! Въ интересахъ костюмировки возьмите, чорртъ возьми, высшій кругъ... Измѣна... Тюрьма... Влюбленная заключеннаго насиліемъ выдается замужъ за злодѣя... Роль злодѣя дадимъ Писареву... Далѣе бѣгство изъ тюрьмы... выстрѣлы... Я не пожалѣю пороху... Далѣе, ребенокъ, знатное происхожденіе котораго открывается только впоследствии... Въ концѣ концовъ опять выстрѣлы, опять пожаръ и торжество добродѣтели... Однимъ словомъ, стряпайте по шаблону, какъ стряпаются Рокамболи и графы Монте-Кристо. (*Громъ, молнія, иней, роса. Изверженіе вулкана. Лентовскій выбрасывается наружу*).

„Трагедія“, конечно,—полный сумбуръ, гдѣ сплетаются имена Карла XII, Лентовскаго, Тарновскаго, влюбленной Стеллы и т. д. Карлъ заключаетъ Тарновскаго въ тюрьму вмѣстѣ съ отцомъ Стеллы. Вотъ образчикъ этого развеселаго творчества Антоши Чехонте:

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ И ШЕСТОЕ.

СТЕЛЛА (знакомится въ тюрьмѣ съ папашей и придумываетъ съ нимъ планъ бѣгства). Я спасу тебя, отецъ... Но какъ бы сдѣлать такъ, чтобы съ нами не бѣжалъ и Тарновскій? Убѣжавъ изъ тюрьмы, онъ напишетъ новую драму!

ГЕНЕРАЛЪ ЭРЕНСВЕРДЪ (терзаеъ баронессу и заключенныхъ). Такъ какъ я злодѣй, то я не долженъ ничѣмъ походить на человѣка! (Встѣ сырое мясо).

ДЕЛАГАРДИ и СТЕЛЛА (бѣгутъ изъ тюрьмы).

Встѣ. Держи! Лови!

ДЕЛАГАРДИ. Какъ бы тамъ ни было, а мы все-таки убѣжимъ и останемся цѣлы! (Выстрѣлъ). Плевать! (Падаеъ мертвый). И на это плевать! Авторъ убиваетъ, онъ же и воскрешаетъ! (Является изъ уборной Карлъ и повелѣваетъ добродѣтели торжествовать надъ порокомъ. Всеобщее ликованіе. Улыбаеъ луна, улыбаются и звѣзды).

ПУБЛИКА (указывая Бурлю на Тарновскаго). Вотъ онъ, Спрутъ! Лови!

БУРЛЬ (душитъ Тарновскаго. Тарновскій падаеъ мертвый, но тотчасъ же вскакиваетъ. Громъ, молнія, иней, убійство Коверлей, великое переселеніе народовъ, кораблекрушеніе и сборъ всѣхъ частей).

ЛЕНТОВСКІЙ. А все-таки я неудовлетворенъ! (Провалчивается).

(„Будильникъ“, 1884, № 4).

Совершенно въ томъ же непринужденномъ жанрѣ другая пародія

Чехова на какую-то постановку Лентовскаго — „Кавардакъ въ Римѣ“ — комическая странность въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и двумя провалами („Будильникъ“, 1884, № 4).

А вотъ и шаржъ, внушенный Чехову прїездомъ Берваръ:

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ.

Телеграмма. Цѣлую недѣлю пью за здоровье Сары. Восхитительно! Стоя умираетъ. Далеко нашимъ до парижанъ. Въ креслѣ сидишь, какъ въ раю. Манькѣ поклонъ. Петровъ.

Телеграмма. Поручику Егорову. Иди, возьми у меня билетъ. Больше не пойду. Чепуха. Ничего особеннаго. Пропали только деньги.

Отъ доктора медицины Клопзона къ доктору
медицины Ферфлюхтершвейнъ.

Товарищъ! Вчера я видѣлъ С. Б. Грудь паралитическая, плоская. Костный и мышечный скелеты развиты неудовлетворительно. Шея до того длинна и худа, что видны не только *venae jugulares*, но даже и *arteriae carotides*. *Musculi sternocleidomastoidei* едва замѣтны. Сидя во второмъ ряду, я слышалъ анемическіе шумы въ ея венахъ. Кашля нѣтъ. На сценѣ ее кутали, что дало мнѣ поводъ заключить, что у нея лихорадка. Констатирую *anaemia* и *atrophia musculorum*. Замѣчательно. Слезныя жѣлезы у нея отвѣчаютъ на волевые стимулы. Слезы капали изъ ея глазъ, и на ея носу замѣчалась гиперемія, когда ей, согласно театральнымъ законамъ, нужно было плакать.

Отъ Нади Н. къ Катѣ Х.

Милая Катя! Вчера я была въ театрѣ и видела тамъ Сару Бирнаръ. Ахъ Катечка сколько у нея брильянтовъ! Я всю ночь проплакала отъ мысли что у меня никогда не будить столько брильянтовъ. О платьи ее передамъ на словахъ... Какъ бы я желала быть Сарой Бирнаръ. На сценѣ пили настоящее шинпанское! Очень странно Катя я говорю отлично по-французски, но лично не поняла, что говорили на сценѣ актеры говорили какъ-то иначе. Я сидѣла... въ галеркѣ мой уродъ не могъ достать другого билета. Уродъ! жалею что я въ понедельникъ была холодна съ С. тотъ бы досталъ въ партеръ С.

за поцѣлуй готовъ на все. На зло уроду завтра же у насъ будетъ С. достанетъ билетъ тебѣ и мнѣ.

Твоя Н.

Отъ редактора къ сотруднику.

Иванъ Михайловичъ! Вѣдь это свинство! Шляетесь каждый вечеръ въ театръ съ редакціоннымъ билетомъ и въ то же время не несете ни одной строчки. Что же вы ждете? Сегодня Сара Бернаръ злота дня, сегодня про нее и писать нужно. Поспѣшите, ради Бога!

Отвѣтъ: Я не знаю, что вамъ писать. Хвалить? Подождемъ, пока что другіе напишутъ. Время не увидетъ.
Вашъ Х.....

Буду сегодня въ редакціи. Приготовьте денегъ. Если вамъ жалко билета, то пришлите за нимъ.

Письмо г-жи Н. къ тому же сотруднику.

Вы душка, Иванъ Михайлычъ! Спасибо за билетъ. На Сару насмотрѣлась и приказываю вамъ ее похвалить. Спросите въ редакціи, можно ли и моей сестрѣ сходить сегодня въ театръ съ редакціонными билетами?!. Премного обяжете.

Примите и проч.

Ваша Н.

Отвѣтъ. Можно... за плату, разумѣется. Плата невелика: позволеніе явиться къ вамъ въ субботу.

Къ редактору отъ жены.

Если ты не пришлешь мнѣ сегодня билета на Сару Бернаръ, то не приходи домой. Для тебя значитъ твои сотрудники лучше чѣмъ жена. Чтобъ я была сегодня въ театрѣ.

Отъ редактора къ женѣ.

Матушка! Хоть ты не лѣзь! У меня и безъ тебя ходоромъ ходитъ голова съ этой Сарой!

Изъ записной книжки капельдинера:

Нонче впустилъ четверыхъ. Чтиринадцать руб.

Нонче впустилъ пятерыхъ. Пятнадцать руб.

Нонче впустилъ трехъ и одну мадамъ. Пятнадцать р.

...Хорошо, что я не пошелъ въ театрѣ и продалъ свой билетъ. Говорять, что Сара Бернаръ играла на французскомъ языкѣ. Все одно — ничего не понялъ бы...

Майоръ Ковалевъ. .

Митя! Сдѣлай милость, попроси какъ-нибудь помягче свою жену, чтобы она, сидя съ нами въ ложѣ, потише восхищалась платьями Сары Бернаръ. Въ прошлый спектакль она до того громко шептала, что я не слышалъ, о чемъ говорилось на сценѣ. Попроси ее, но помягче. Премного обяжешь.

Твой У.

Отъ слависта X. къ сыну.

Сынъ мой!.. Я открылъ свои глаза и увидѣлъ знаменіе разврата... Тысячи людей, русскихъ, православныхъ, толкующихъ о соединеніи съ народомъ, толпами шли къ театру и клали свое золото къ ногамъ еврейки... Либералы, консерваторы...

Душенька! Ты мнѣ лягушку хоть сахаромъ обсыпь, такъ я ее все равно ѣсть не стану...

Собакевичъ.

(„Зритель“, 1881, № 24).

XV.

Юмористическій журналъ считаетъ долгомъ жить по календарю. Въ календарю приспособляются рисунки и заготавливается текстъ. Молодой Антоша Чехонте очень часто привлекался къ описанію „Красныхъ горокъ“, „Встрѣчъ весны“ и т. д.—иногда подъ картинками (Москва, 1882, № 12),—а однажды въ „Осколкахъ“ долженъ былъ дать цѣлый рядъ „филологическихъ замѣтокъ“ о мѣсяцахъ, начиная съ марта по августъ.

Что единственно любопытно въ этихъ описательныхъ упражненіяхъ,—это развѣ прослѣдить, какъ молодой Чеховъ уже здѣсь нащупывалъ пріемъ описаній, позднѣе властно имъ примѣненный и увлекшій другихъ въ подражаніе. Привычный для него пріемъ импрессионизма, олицетвореній природы, проведенія пейзажа черезъ свое строеніе—можно уловить уже здѣсь.

— Деревья,—пишетъ онъ во «Встрѣчѣ весны»:—еще совершенно голы, но выглядываютъ (sic!) какъ-то бодрѣе... Солнце свѣтитъ такъ хорошо, такъ тепло и ласково, будто

славно выпило, сытно закусило и стариннаго друга увидѣло... Пахнетъ молодой травкой, навозомъ, дымомъ, плѣсенью, всевозможной дрянью, степью и чѣмъ-то этакимъ особеннымъ... Въ природѣ, куда ни взглянешь, приготовленія, хлопоты, безконечная стряпня... Суть въ томъ, что весна летить.

Въ своихъ описаніяхъ мѣсяцевъ А. П. дѣлалъ иногда и легонькія научныя экскурсіи. Вотъ, напр., объясненіе имъ первоапрѣльскаго обычая обманывать:

Обычай надувать ближнихъ въ первый день апрѣля существуетъ всюду, даже на берегу Маклая. О происхожденіи этого обычая толкуютъ различно. Одни говорятъ, что онъ получилъ свое начало въ Остѣ-Индіи, гдѣ индусы въ этотъ день занимаются невиннымъ надувательствомъ: посылаютъ другъ друга въ разныя мѣста подъ вымышленными предлогами и потомъ хохочутъ надъ обманутыми. Другіе же ставятъ этотъ обычай въ связь съ отчетами, которые въ древности изготовляли чиновники консисторіи къ первому апрѣля. Въ виду того, что взаимное надувательство стало въ наше время явленіемъ обыденнымъ, обычай этотъ утерять свою соль и сталъ постепенно ступшеываться; въ старину же, когда меньше вралъ, онъ былъ въ большой модѣ. Разсказываютъ, что въ одинъ изъ первыхъ апрѣлей труппа нѣмецкихъ актеровъ, дававшихъ представленія въ Петербургѣ во времена Петра, пообѣщала «блистательное представленіе» и, когда въ театрѣ припожаловала публика, вывѣсила на занавѣсѣ транспарантъ съ надписью: «Первое апрѣля». Спектакля не было. Петръ не разсердился на эту шутку и только, выходя изъ театра, проговорилъ: «вольность комедьянтовъ!» Если эта труппа не забыла собрать передъ спектаклемъ съ публики деньги, то нужно пожалѣть, что не всѣ наши актеры-современники знакомы съ этимъ историческимъ анекдотомъ.

Но и здѣсь чаще преобладала просто веселая шутка, въ родѣ, напримѣръ, такой справки о Венерѣ, чествуемой въ мартѣ:

Въ этомъ мѣсяцѣ римляне праздновали и именины Венеры, богини любви, брака (законнаго и незаконнаго), красоты, турнировъ и ртутныхъ мазей. Родилась эта Венера изъ пѣны морской такимъ же образомъ, какъ наши барышни рождаются изъ кисей. Была женою хромого Вулкана, чеканившаго для боговъ фальши-

вую монету и дѣлаваго тонкія сѣти для ловли храбрыхъ любовниковъ. Состояла на содержаніи у всѣхъ боговъ и безкорыстно любила одного только Марса. Когда ей надоѣдали боги, она сходила на землю и заводила здѣсь интрижки съ чиновниками гражданскаго вѣдомства: Эпемъ, Адонисомъ и другими. Покровительствуетъ дамскимъ парикмахерамъ, учителямъ словесности и доктору Тарновскому. Въ мартовскій праздникъ ей приносили въ жертву котовъ и гимназистовъ, начинающихъ влюбляться обыкновенно съ марта.

(„Осколки“, 1885 г., № 18).

Или вотъ въ томъ же родѣ (полностью) замѣтка А. П. „Объ юнѣ и юлѣ“:

Въ маѣ и въ августѣ русскіе люди ходятъ въ шубахъ и щелкають зубами, слѣдовательно русское лѣто состоитъ только изъ іюня и іюля. Среди дачныхъ буръ и штилей, въ вихрѣ Цуккъ и Монбазоншъ, эти два мѣсяца проходятъ такъ быстро, что пора уже считать ихъ за одинъ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, что оба они начинаются съ ію, стоятъ въ календарѣ рядышкомъ и оба потогонны... Соединеніе двухъ мѣсяцевъ въ одинъ повело бы за собой уменьшеніе расходовъ: 20-е число случилось бы однажды, а не дважды. Іюнь получилъ свое названіе отъ слова junior, что значитъ юноша, гимназистъ, ибо въ этомъ мѣсяцѣ гимназисты созрѣваютъ и хотя, созрѣвши, плода не даютъ, но тѣмъ не менѣе получаютъ аттестаты зрѣлости.

У римлянъ іюнь былъ посвященъ Меркурію, богу второй гильдіи, занимавшемуся коммерціей. Сей Меркурій считается покровителемъ держателей ссудныхъ кассъ, шулеровъ и купеческихъ саврасовъ. Давалъ богамъ деньги подъ проценты, плясалъ въ салонахъ «кадрель» и пилъ по девяти самоваровъ въ день; имѣлъ медаль за службу въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, куда поставлялъ бесплатно дрова, наживая при этомъ «рупъ на рупъ»; любилъ Москву, гдѣ держалъ кабакъ, ѣлъ въ балаганахъ голубей и издавалъ благонамѣренно-ѣрническую газету. Въ іюнѣ произошли слѣдующія событія: изданъ указъ, воспрещавшій продавать на базарахъ живыхъ людей, и основана училище правовѣдѣнія для разведенія на Руси товарищей прокурора... Въ этомъ же мѣсяцѣ, по свидѣтельству Иловайскаго, въ Парижѣ происходили кровавыя событія (вѣроятно, дизентерія). Іюль же, по про-

текціи Марка-Антонія, получилъ свое названіе отъ Юлія Цезаря, милаго, перешедшаго Рубиконъ и написавшаго «De bello Gallico» — произведеніе, по мнѣнію учителей латинскаго языка, достойное 12 уроковъ въ недѣлю. Былъ посвященъ его превосходительству г. директору небесной канцеляріи, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Юпитеру. Будучи происхожденія божескаго, г. Юпитеръ тѣмъ не менѣе занимался одними только чело-вѣческими дѣлами, игралъ въ винтъ, пилъ горькую и прохаживался по части клубнички. Юнымъ классикамъ не безызвѣстны его ухаживанія за короной Іо. Солнце въ іюлѣ вступаетъ въ знакъ Льва, чего ради всѣ кавалеры «Льва и Солнца» въ іюлѣ именинники. Для писателей іюль несчастный мѣсяць. Смерть своимъ неумолимымъ краснымъ карандашомъ зачеркнула въ іюлѣ шестерыхъ русскихъ поэтовъ и одного Памву Берынду. У насъ въ Россіи, велѣдствіе сильныхъ іюльскихъ жаровъ, князь Мещерскій пишетъ записки, читаемыя на провинціальныхъ спенахъ Андреевымъ-Бурлакомъ. За іюлемъ слѣдуетъ осень.

XVI.

Израсходовавъ юмористическія темы строинаго разсказа, Чеховъ иногда уходилъ въ область комическихъ мелочей, испоконъ вѣковъ обслуживавшихъ юмористическіе журналы. Такова, напримѣръ, „Контра объявленій Автоши Ч.“ („Зригель, 1881 г. №№ 15, 19, 20).

Въ обычной манерѣ юмористовъ „Шута“ или „Осколковъ“, Чеховъ сатирически проходитъ здѣсь по адресу гробовыхъ дѣлъ мастеровъ, дерущихъ съ живого и мертваго и дѣлающихъ „для умирающихъ оптомъ“ уступку, по адресу докторовъ, пользующихъ „бѣдныхъ безплатно 30-го февраля, 31 апрѣля и 31 іюня, а 29 февраля съ большою уступкой“, смѣется надъ колбасными магазинами, продающими „трихины безъ колбасъ“, и т. д.

Шутка эта скользитъ по явленіямъ и рѣдко по лицамъ, но иногда не лишена злости и ранить опредѣленное лицо. Въ „Публикаціяхъ“, напримѣръ, въ драматурга Виктора Крылова А. П. мечетъ такую стрѣлу объявленіемъ „душеприказчиковъ купца Висляева“, которые имѣютъ честь увѣдомить, что 10 рублей, оставленные покойнымъ для выдачи тому, кто нанишетъ невозможно-глупую комедію, выданы 15-го ноября автору комедіи «Городъ упраздняется».

Въ „Объявленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ Чеховъ шутитъ надъ извѣстнымъ романистомъ того времени Мор-

скимъ, часто слышавшимъ упрекъ за нескромность своихъ сюжетовъ. А. П. объявляетъ отъ его имени новый пикантный романъ— „Въ интересномъ положеніи“.

Безконечный романъ-эпопея Мельникова-Печерскаго двигаетъ его на шутку:

Въ облакахъ, романъ Андрея Печерскаго въ 14 ч. (Продолженіе «На горахъ» и «Въ дѣсахъ»).

Болѣе другихъ удачной и злой представляется шутка надъ газетой Нотовича, надъ ея языкомъ, который въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, явилъ первые образцы типично-газетнаго жаргона, оскорбляющаго ухо коренного русскаго человѣка, чувствующаго родной языкъ („Будильникъ“, 1882, №7). Вотъ все это объявленіе цѣликомъ:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1882 годъ

на большую ежедневную политическую, литературную, коммерческую и удивительную газету

**„НОВОСТИ“
и Биржевая газета,**

издаваемую акціонернымъ товариществомъ съ основнымъ капиталомъ 3.000.000 финск. мар., или около 1.200.000 р., раздѣленныхъ на 3000 акцій по 1.000 ф. м. каждая.

Газета «НОВОСТИ» имѣтъ:

Собственныя двѣ писчебумажныя фабрики, собственнаго очень остроумнаго редактора, собственную типографію, собственный книжный магазинъ

и, съ 1882 года, будетъ имѣтъ:
собственный домъ,

собственную конюшню для собственныхъ ословъ, собственный домъ для умалшенныхъ, собственное долговое отдѣленіе и собственную портерную.

Газета печатается на акціяхъ вышеупомянутаго товарищества.

Не пренебрегалъ А. П. и шуткой надъ злободневными явленіями хроника происшествій. Эти шутки теперь требовали бы уже историческаго комментарія. Такъ напримѣръ, въ тѣхъ же публикаціяхъ объявляются мнимыя книги адвоката Смирнова. Соль объявленія становится понятной, если пояснить, что Смирновъ только-что заявилъ себя кудачной расправой.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

слѣдующія сочиненія присяжнаго повѣреннаго Смирнова:

Кулачное право. Переводъ съ татарскаго. Для студентовъ-юристовъ. Ц. 1 р.

Бить или не бить? Ц. 3 р.

Физиологія кулака. Ц. 1 р.

Книгопродавцамъ и присяжнымъ повѣренными—устука.

Къ тому же жанру юмора нужно отнести „Календарь „Будильника“ на 1882 годъ“ („Будильникъ“, № 10, 11, 12 и 14). Вольно и размахисто, не зная удержу своему почти мальчишескому задору, Чеховъ пародируетъ здѣсь обычный календарный шаблонъ, быющее въ носъ невѣжество составителей, ихъ мелочность, ихъ педантизмъ, ихъ готовность съ серьезнымъ видомъ преподносить глупости или сообщать читателю рядомъ съ меню обѣда никому ненужную хронологию событій древней исторіи, поросшихъ мохомъ и покрытыхъ пылью вѣковъ.

Въ отдѣлѣ „выдающихся событій, метеорологіи, пророчествъ и исторіи“, Чеховъ подбираетъ чепуху, впрочемъ, не очень далеко ушедшую отъ подлиннаго текста календарей.

— 8 марта. Въ сей день Автолимедъ II былъ побѣжденъ персидскимъ царемъ Додономъ IV (342), и произошла судъ Париса.

— 9 марта. Затменія солнца не будетъ. Оттепель и снѣгъ. Въ Испаніи родится великій писатель, который умретъ на 7-й день послѣ рожденія.

— 10-го. Въ сей день произошла смерть пана Твардовскаго въ трактирѣ Римъ, а Цезарь перешелъ Рубиконъ.

— 11-го. Въ сей день въ Клеопатру влюбился Антоній, и Александръ Филипповичъ Македонскій ѣздилъ на Вуцефалѣ на богомолье.

— 12-го. Въ сей день, въ 148 г., Муцій Сцевола проигралъ въ ступошку свое имущество.

— 13-го. Родится великій человѣкъ. Въ Бухарѣ потонетъ 25 кораблей. Въ Карагенѣ всеобщее недоумѣніе. Всѣ Африканы именинники. По мнѣнію артистовъ Малаго театра, въ сей день въ Полтавѣ произойдетъ сѣверное сіяніе.

— 14-го. Родится великая женщина. Въ редакціи «Гражданина» затменіе солнца и засуха.

— 15-го. На островѣ Мадагаскарѣ родится великій аку-

шеръ. Въ сей день Менелай познакомился въ Аѳинскомъ клубѣ съ Аяксами, а нѣмцы выдумали обезьяну.

— 16-го. Сегодня на А.-Б.-В. жел. дорогѣ всѣ кондуктора и стрѣлочники почему-то будутъ трезвы. День рожденія Петра Боборыкина. Въ Тамбовѣ изверженіе вулкана. Столкновеніе кометы съ Лентовскимъ. Снѣжище. Въ сей день Архимедъ перевернулъ бы землю, если бы ему дали точку опоры.

— 17-го. Именинники Потѣхинъ, Суворинъ и богатырь Алеша Поповичъ.

— 18-го. Въ «Донской Пчелѣ» горячая передовая статья по поводу перехода израильтянъ черезъ Черное море. Въ Тирасполѣ борьба стихій. Именинникъ нашъ подписчикъ № 18007.

— 20-го. Выйдетъ въ тиражъ директоръ нѣкоего банка. Въ сей день китайцы разбили шведовъ на о-вѣ Исландіи.

— 21-го. Въ сей день Савонаролла предсказалъ московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ рожденіе д-ра Лохвицкаго.

— 23-го. Пахнетъ весной и чортъ знаетъ чѣмъ. Въ сей день Диогенъ въ присутствіи китайскаго посланника учинилъ неблагопристойность.

— 24-го. Родится 121 великій челоуѣкъ. Зола, Щедринъ и Боборыкинъ, разбитые архи-чудакомъ И. Н. Павловымъ, бросятъ писательство и займутся бакалейной торговлей. Въ сей день россияне, на удивленіе всѣхъ иностранцевъ, выдумали самоваръ.

— 25-го. Всѣ будутъ счастливы, кромѣ князя Мещерскаго и Баталіина, которые всегда несчастны. Въ сей день, въ 132 году, въ Португаліи ничего особеннаго не произошло.

— 26-го. Именинники поэтъ Хрущовъ-Сокольниковъ, нашъ подписчикъ № 17037 и покойникъ Державинъ. Въ сей день Александръ Пушкинъ и Виссаріонъ Бѣлинскій за неспособность къ изученію російской словесности получили по единицѣ.

Десять убористыхъ страницъ можетъ занять этотъ календаръ „Будильника“, откуда мы взяли эти блестяшки. Онъ весь полонъ такого буйнаго смѣха, хотя, конечно, въ дѣломъ и далеко не такъ забавенъ, какъ страничка приведеннаго цитатъ. Противъ каждаго дня, по обычаю календарей, указанъ обѣды. Здѣсь уже Чеховъ хохочетъ послѣдительно, какъ расшалившійся гимназистъ, не знающій удержку. Тутъ и супы съ апельсинами, и каша съ репейнымъ мас-

ломъ, и жареный гусь а-ля-князь Мещерскій, и супъ съ мокрой курицей, и корокатица съ начинкой, и снѣжки съ ванилью, и канифолевое мороженое, и вареная свинья съ рахатъ-лукумомъ, и мороженое изъ снѣгирей, и консоме съ подливкой, и укусъ-фри.

Въ канунъ пасхальнаго дня календарь рекомендуетъ совершенно исключительный обѣдъ:

- 1-е. Рюмка водки.
- 2-е. Суточные щи со вчерашней кашей.
- 3-е. Двѣ рюмки водки.
- 4-е. Поросенокъ съ хрѣномъ.
- 5-е. Три рюмки водки.
- 6-е. Хрѣнъ, кайенскій перецъ и соя.
- 7-е. Четыре рюмки водки.
- 8-е. Восемь бутылокъ пива.

«Сей обѣдъ,—говорится въ примѣчаніи,—во всѣхъ поварскихъ книжкахъ называется обѣдомъ журналистовъ».

Такими же легкомысленными шалостями полны примѣчанія Чехова къ этому календарю. Вотъ строчки отсюда:

«Всѣ врутъ календари, за исключеніемъ нашего».

«Желательно было бы по возможности скорѣй собрать въ какомъ-нибудь городѣ календарный конгрессъ, чтобы на ономъ присутствовалъ со стороны Россіи г. Сталинскій. Сей послѣдній укажетъ конгрессу мотивы, по которымъ онъ, Сталинскій, одинъ изъ нумеровъ покойнаго «Харькова», въ 1880 г., помѣтилъ 30 февралемъ».

«Сотрудники «Будильника», въ предупрежденіе могущихъ произойти недоразумѣній, симъ имѣютъ честь уведомить, что они будутъ христосоваться только съ хорошенькими, а завѣдующій календаремъ исключительно съ однѣми блондинками».

«Г-жѣ Ольгѣ Молоховецъ. Вы пишете намъ, что наши обѣды просто объяденье, и просите у насъ, чтобы мы позволили вамъ перепечатать эти обѣды въ свой «Подарокъ молодымъ хозяйкамъ». Сдѣлайте одолженіе!»

Къ этому же легкомысленному жанру надо отнести „Перепутанныя объявленія“—обычную безобидную шалость юмористическихъ листовъ, лишенныхъ права какой бы то ни было сатиры. По обыкновенію, здѣсь—„по случаю ненастной погоды, зубной врачъ Крахтеръ вставляетъ зубы. Панихиды ежедневно“. Какое-то „конкурсное управленіе продаетъ за ненадобностью ракъ желудка и костоѣду“. „Съ дозволенія начальства сбѣгать судѣль“. „Дворникъ ищетъ

мѣста гувернантки“. „Жеребепъ вороной масти, специалистъ по нервнымъ и женскимъ болѣзнямъ, даетъ уроки фехтованія“ и т. д.

Таковы же „Врачебные совѣты“, гдѣ, напримѣръ, отравившемуся мышьякомъ рекомендуется для вызова рвоты „нюхать провизию, купленную въ Охотномъ ряду“; таковъ „Словотолкователь для барышень“, гдѣ изясняются разные виды любви, при чемъ „плотскою“ называется та, когда молодые люди объясняются въ любви „на плоту“, а животною, когда старая дѣва любить собакъ и кошекъ; „Новѣйшій письменникъ“, предлагающій образцы писемъ къ начальнику, подчиненному, любовницѣ, другу и т. д. Все это—совершенные пустяки, которые, вѣроятно, не могъ безъ нѣкотораго конфуза вспоминать созрѣвшій Чеховъ.

На смѣхъ ради чистаго смѣха разсчитаны и „Задачи сумасшедшаго математика“ — жанръ, посейчасъ не умершій въ юмористикѣ лешевыхъ листковъ. Чехонте шутить такъ:

ЗАДАЧИ СУМАСШЕДШАГО МАТЕМАТИКА.

1) За мной гнались 30 собакъ, изъ которыхъ 7 были бѣлыя, 8 сѣрыя, а остальные черныя. Спрашивается, за какую ногу укусили меня собаки, за правую или лѣвую?

2) Автолимедь родился въ 223 году, а умеръ послѣ того, какъ прожилъ 84 года. Половину жизни провелъ онъ въ путешествіяхъ, треть жизни потратилъ на удовольствія. Сколько стоитъ фунтъ гвоздей, и былъ ли женатъ Автолимедь?

3) Подъ Новый годъ изъ маскарада Большого театра было выведено 200 человекъ за драку. Если дравшихся было двѣсти, то сколько было бранившихся, пьяныхъ, слегка пьяныхъ и желавшихъ, но не находившихъ случая подраться?

4) Что получается по сложеніи сихъ чиселъ?

5) Кушлено было 20 цибиковъ чая. Въ каждомъ цибикѣ было по 5 пудовъ, каждый пудъ имѣлъ 40 фунтовъ. Изъ лошадей, везшихъ чай, двѣ пали въ дорогѣ, одинъ изъ возчиковъ заболѣлъ, и 18 фунтовъ рассыпалось. Фунтъ имѣетъ 96 золотниковъ чая. Спрашивается, какая разница между огуречнымъ рассоломъ и недоумѣніемъ?

8) Моей тещѣ 75 лѣтъ, а женѣ 42. Который часъ?

Въ такихъ же настроеніяхъ А. П. смѣялся надъ „Каникулярными работами институтки“, описывавшей свои каникулы:

Я прочла много книгъ и между прочимъ Мещерскаго, Майкова, Дюму, Ливанова, Тургенева и Ломоносова. Природа была въ великолѣпіи. Молодыя деревья росли очень тѣсно, ничей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ, не густая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики (похищено изъ «Затишья» Тургенева). Солнце то восходило, то заходило. На томъ мѣстѣ, гдѣ была заря, летѣла стая птицъ. Гдѣ-то пастухъ пасъ свои стада, и какія-то облака носились немножко ниже неба. Я ужасно люблю природу. Мой папа все лѣто былъ озабоченъ: негодный банкъ ни съ того ни съ сего хотѣлъ продать нашъ домъ, а мама все ходила за папой и боялась, чтобы онъ на себя рукъ не наложилъ. А если же я и провела хорошо каникулы, такъ это потому, что занималась наукой, и вела себя хорошо. Конецъ».

Въ томъ же тоиѣ шутилъ онъ надъ манерой рѣчи и письма адвоката или провинціального пристава:

РОМАНЪ АДВОКАТА.

(Протоколь).

Тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмого года, февраля десятаго дня, въ городѣ С.-Петербургѣ, Московской части, 2 участка, въ домѣ второй гильдіи купца Животова, что на Лиговкѣ, я, нижеподписавшійся, встрѣтилъ дочь титулярнаго совѣтника, Марью Алексѣеву Барабанову, 18 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, грамотную. Встрѣтивъ оную Барабанову, я почувствовалъ къ ней влеченіе. Такъ какъ на основаніи 994 ст. Улож. о наказ. незаконное сожительство влечетъ за собой, помимо церковнаго покаянія, издержки, статьею оною предусмотрѣнная (смотри: дѣло купца Солодовникова 1881 г. Сб. рѣш. Касс. депар.), то я и предложилъ ей руку и сердце. Я женился, но недолго жилъ съ нею. Я разлюбилъ ее. Записавъ на свое имя все ея приданое, я началъ шататься по трактирамъ, ливадіямъ, эльдорадамъ и шатался въ продолженіе пяти лѣтъ. А такъ какъ на основаніи 54 ст. X т. Гражд. Суд. пятилѣтняя безвѣстная отлучка даетъ право на разводъ, то я и имѣю честь покорнѣйше просить, ваше п-во, ходатайствовать о разведеніи меня съ женою.

ИЗЪ КОПИЛКИ КУРЪЕЗОВЪ.

Его благородію г. Приставу 2-го стана
Донесеніе.

Честь имѣю донести вашему благородію, что въ Михалковской рождѣ близъ Старой балки, перейдя мостикъ, усмотрѣнъ мною безъ всякихъ признаковъ жизни повѣсившійся трупъ мертваго человѣка, назвавшійся, какъ видно изъ бумагъ, отставнымъ рядовымъ Степаномъ Максимовымъ Качаговымъ, 51 года. Изъ сумы и прочихъ рубищъ явствуетъ, что онъ индій. Кромѣ веревки никакихъ послѣдствій на тѣлѣ не оказалось, венцы же полностью при немъ. Причины такого самоубійства мною не обнаружены, но, какъ явствуетъ изъ водочнаго запаха, причины произошли отъ невоздержаннаго злоупотребленія горячительными напитками.

Урядникъ Денисъ Постниковъ

XVII.

Во времена „безземья“ Чехову приходилось отыгрываться на „хряхъ“ по известному вопросу. Такъ, онъ начиналъ юморизировать на тему о человѣческихъ характерахъ и рисовалъ карикатуры на сангвиниковъ, холериковъ, флегматиковъ и меланхоликовъ. Эти упражненія молодого писателя сдѣланы безъ блеска и захвата. Вотъ болѣе или менѣе удачныя строки изъ этихъ „Темпераментовъ“:

С а п р в и н и к ѣ. Все впечатлѣнія дѣйствуютъ на него легко и быстро: отсюда, говоритъ Гюфеландъ, происходитъ легкомысліе... Въ молодости онъ bébé и Spitzbube. Грубитъ учителямъ, не стрижется, не бреется, носитъ очки и пачкаетъ стѣны... Когда богатъ, франтить; будучи же убогимъ, живетъ по-свииски... Для любви одна природа его на свѣтѣ произвела: только тѣмъ и занимается, что любить. Всегда не прочь нализаться до положенія ризъ; напившись вечеромъ до зеленыхъ чертиковъ, утромъ встаетъ какъ встрепанный, съ чуть замѣтной тяжестью въ головѣ, не пуждаясь въ «similia similibus curantur». Живится печально... Газеты любить и самъ не прочь погазетничать. Почтовый ящикъ юмористическихъ журна-

ловъ выдуманъ исключительно для однихъ только сангвиниковъ... Спать въ одной комнатѣ съ сангвиникомъ не рекомендуется: всю ночь анекдоты рассказываетъ, а за неимѣніемъ анекдотовъ, ближнихъ осуждаетъ, или вретъ.

Холерикъ. Желчень и лицомъ желто-сѣрь... Глубоко убѣжденъ, что зимой «чортъ знаетъ, какъ холодно», а лѣтомъ «чортъ знаетъ, какъ жарко»... Ежедневно мѣняетъ кухарокъ. Ревнивъ до чортиковъ. Шутокъ не понимаетъ. Все терпѣть не можетъ... Газеты читаетъ только для того, чтобы ругнуть газетчиковъ... Женщина-холерикъ — чортъ въ юбкѣ, крокодилъ.

Флегматикъ. Милый человекъ. Наружность самая обыкновенная, топорная. Вѣчно серьезенъ, потому что лѣнь смѣяться. Ъсть, когда и что угодно; не пьетъ, потому что боится кондрашки, спитъ 20 часовъ въ сутки... Самый удобный для женитьбы человекъ: на все согласенъ, не ронцетъ и покладистъ. Жену величаетъ душенькой. Любитъ поросеночка съ хрѣномъ, пѣвчихъ, все кисленькое и холодокъ; фраза «vanitas vanitatum et omnia vanitas» (чепуха чепухъ и всяческая чепуха) выдумана флегматикомъ. Жалѣеть, что его дѣтей не сѣкутъ въ гимназін, и самъ иногда не прочь поѣсть. На службѣ счастливъ. Въ оркестрѣ опъ — контрабасъ, фаяготъ, тромбонъ. Въ театрѣ — кассиръ, лакей, суфлеръ и иногда, «pour manger», актеръ. Умираетъ отъ паралича или водянки.

Меланхоликъ. Глаза сѣро-голубые, готовые прослезиться... Любимое занятіе — стоять передъ зеркаломъ и разсматривать свой вялый языкъ. Думаетъ, что слабъ грудью и нервенъ, а потому ежедневно пьетъ вмѣсто чая декоктъ и вмѣсто водки — жизненный эликсиръ... Давно уже порѣшилъ, что его не понимаютъ доктора. Знахари, знахарки, шептуны, пьяные фельдшера, иногда повивальныя бабки — первые его благодѣтели. Шубу надѣваетъ въ сентябрѣ, снимаетъ въ маѣ. Въ каждой собакѣ подозреваетъ водобоязнь, а съ тѣхъ поръ, какъ его пріятель сообщилъ ему, что кошка въ состояніи задунить спящаго человека, видитъ въ кошкахъ непримиримыхъ враговъ человечества. Духовное завѣщаніе у него давно уже готово. Изрѣдка пьетъ теплое пиво... Во время ветлянской чумы пять разъ говѣлъ. Страдаетъ слезотеченіемъ и кошмарами. На службѣ не особенно счастливъ: далѣе помощника столоначальника не достигаетъ. Въ орке-

стрѣ онъ—флейта и виолончель. Вздыхаетъ день и ночь, а потому спать съ нимъ въ одной комнатѣ не совѣтую.

Совершенно въ такомъ же родѣ хри — „Къ характеристикѣ народовъ“, — „Изъ записокъ одного наивнаго члена русскаго географическаго общества“ —

Французы замѣчательны своимъ легкомысліемъ. Они читаютъ нескромныя романы, женятся безъ позволенія родителей, не слушаются дворниковъ, не уважаютъ старшихъ и даже не читаютъ «Московскихъ Вѣдомостей»... Женщины поступаютъ въ опереточныя актрисы и гуляютъ по Невскому, а мужчины пекутъ французскія булки и поютъ марсельезу. Много альфонсовъ: Альфонсъ Додэ, Альфонсъ Ралле и другіе...

Такъ дальше идетъ о яведахъ, грекахъ, испанцахъ (между прочимъ, занимающихся „приготовленіемъ испанскихъ мушекъ“), черкесахъ, персахъ и т. д.

...Богатые персы сидятъ на персидскихъ коврахъ, а бѣдные—на колахъ, при чемъ первые испытываютъ гораздо большее удовольствіе, чѣмъ вторые. Носятъ орденъ «Льва и Солнца», каковой орденъ имѣютъ нашъ Юлій Шрейеръ, завоевавшій себѣ персидскія симпатіи, Рыковъ, оказавшій Россіи персидскія услуги, и многіе московскіе кушцы за неослабную поддержку причинъ упомянутой войны съ насѣкомымъ.

Англичане очень дорого цѣнятъ время. «Время—деньги», говоритъ они, и потому своимъ портнымъ вмѣсто денегъ платятъ временемъ. Они постоянно заняты: говорятъ рѣчи на митингахъ, ѣздятъ на корабляхъ и отравляютъ китайцевъ опиумомъ. У нихъ нѣтъ досуга... Имъ некогда обѣдать, бывать на балахъ, ходить на рандеву, париться въ банѣ. На рандеву вмѣсто себя посылаютъ они комиссіонеровъ, которымъ даютъ неограниченныя полномочія. Дѣти, рожденныя отъ комиссіонеровъ, признаются законными. Живетъ этотъ дѣловой народъ въ англійскихъ клубахъ, на Англійской набережной и въ англійскомъ магазинѣ. Пятается англійскою солью и умираетъ отъ англійской болѣзни.

Юмористическая литературъ чужда консервативность формы. Здѣсь все хорошо, кромѣ того, что не смѣшно. И Чеховъ сочинялъ даже задачки, на которыя подписчики журналовъ должны были давать

отвѣты и разгадка которыхъ помѣщалась въ слѣдующемъ номерѣ. Вотъ одна изъ нихъ:

Предлагаю на разрѣшеніе читателя задачу.

Я, моя жена и теща вышли въ 2 часа ночи изъ дома, гдѣ всѣ трое пировали на свадьбѣ у одного нашего дальняго родственника. На свадьбѣ мы, конечно, вышли и закусили.

— Въ моемъ положеніи я не могу пѣшкомъ идти,—заявила жена. — Найми, Кирюша, извозчика.

— Богъ знаетъ что ты выдумываешь, Даша!—запротестовала теща. — При ноябрьской дороговизнѣ, когда на хлѣбъ къ чаю пѣтъ... дровъ нѣту, а ты на извозчика! Не слушай ея, батюшка!

Но я, дорожа здоровьемъ жены и плода любви своей несчастной (читатель, конечно, уже догадался, что жена моя была въ интересномъ положеніи) и находясь въ той стадіи блаженно-смирennemудраго подпитія, когда пѣшее хожденіе служитъ прекрасной учебно-вспомогательной прогулкой для уразумѣнія теоріи Коперника о вращеніи земли, я не послушался тещи и крикнулъ извозчика. Извозчикъ подкатилъ и... По тутъ начинается самая задача.

Размѣры извозничьихъ санокъ вамъ извѣстны. Я литераторъ, изъ чего явствуетъ, что я тощъ и легковѣсенъ. Моя жена—тоже тоща, но она все-таки шире меня, ибо ея поперечные размѣры волею судебъ увеличены. Теща же изображаетъ собою дистанцію огромнаго размѣра; поперечникъ ея равенъ длиннику; вѣсъ 7 пуд. 24 фун.

— Втроемъ мы не усядемся на одного извозчика,—сказала я.—Нужно нанять еще другого.

— Ты, батюшка, съ ума сошелъ, что ли?—зафордыбачилась теща. — За квартиру платить нечѣмъ, а ты захотѣлъ двухъ извозчиковъ! Не позволю! И благословенія вамъ моего не будетъ! Проклянута!

— Но поймите же, мамаша,—сказала я невозможнымъ почтительнымъ голосомъ:—втроемъ намъ усесться никакъ невозможно. Если вы сядете, то, будучи, благодаря Бога, полны, вы займете три четверти сидѣнья. Я-то, какъ худенькій, пожалуй, еще могу сѣсть рядомъ съ вами; Дашенька же, по случаю своего положенія, рядомъ съ вами усесться не можетъ. Гдѣ же ей сѣсть?

— Какъ знаете, мучители мои! — замахала руками

теща. — А нанимать другого извозчика нѣтъ вамъ моего благословенія!

— Хорошо-съ...—началь я велухъ думать.—И, какъ худощавый, сяду съ вами, но тогда Дашенькѣ негдѣ сѣсть; если же я сяду съ Дашей—вамъ нѣтъ мѣста... Хорошо-съ... Пойдите... Если, положимъ, мнѣ съ вами сѣсть, а Дашу посадить къ намъ на колѣни, но... это физически невозможно: проклятыя сани узки... Ну-съ, а если, положимъ, я сяду съ мамашей, а ты, Дана, на козлы рядомъ съ извозчикомъ... Дана, хочешь рядомъ съ извозчикомъ?

— Я благородная вдова,—разсердилась теща:—и не позволю, чтобъ моя плоть и кровь сидѣла рядомъ съ мужикомъ! Да и гдѣ это видано, чтобъ дамы сидѣли на козлахъ?

— Въ такомъ случаѣ мы вотъ какъ сдѣлаемъ,—сказала моя находчивая жена.—Мамаша сидеть, какъ слѣдуетъ, а я сяду внизу у ея ногъ, съезжусь, скорчусь и буду держаться за пустое мѣстечко, что около нея; ты же, Кирюша, сядешь на козлы... Ты не благородный тебѣ можно на козлы...

— Такъ-то такъ...—почесалъ я затылокъ:—но я выпивши и могу свалиться съ козелъ...

— Нализался!—проворчала теща.—Ну, ежели боишься съ козелъ упасть, такъ стань на зайтки и крѣпко ручищами за спинку держись... Мы тихо поѣдемъ, не упадешь...

Какъ я ни былъ шаянъ, но съ презрѣніемъ отвергъ этотъ позорный проектъ: русскій литераторъ и вдругъ—на зайткахъ?! Этого еще не доставало!.. Изнемогая отъ подпитія и головоломки, за рѣшеніемъ данной мнѣ задачи, я уже готовъ былъ плюнуть и отираться домой пѣшкомъ, какъ вдругъ извозчикъ обернулся къ намъ и сказалъ:

— Вы этакъ сдѣлайте...

И предложилъ намъ проектъ, который и былъ принять.

Въ чемъ заключался этотъ проектъ?

(„Осколки“, 1884, № 46).

PS. Единовременное пособіе для недогадливыхъ: по проекту извозчика, я сидѣлъ рядомъ съ тещей, жена же ко мнѣ была такъ близко, что могла шепнуть мнѣ на

ухо: «Ты, Кириуша, толкаешь меня локтемъ. Подайся чутьточку назадъ!» Извозчикъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Послѣ этого угадать не трудно.

Рѣшеніе было дано въ слѣдующемъ номерѣ. Оно гласитъ:

Я сидѣлъ рядомъ съ тецею, синной къ извозчику и свѣсивъ ноги наружу черезъ спинку санокъ. Жена стояла въ санкахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должны были бы быть мои ноги, если бы я сидѣлъ по-человѣчески, и держалась за мои плечи.

Такова была „лицейская“, какъ впоследствии шутилъ А. П. Чеховъ, его литература. Блестки молодого, веселаго таланта разбѣяны здѣсь повсюду. Собственно настоящему вдохновенію здѣсь почти не было нищц, и прекрасный даръ его не всегда всплывалъ въ этихъ наброскахъ-этюдахъ. Есть въ нихъ страницы вялыя, слабыя, недостойныя имени Чехова.

На рѣдкость скромный, онъ не перепечатывалъ ихъ и не передѣлывалъ. Однако онъ не вовсе ставилъ крестъ подъ своей литературой этой поры и, безъ сомнѣнія, не всему здѣсь хотѣлъ забвенія. Во время печатанія собранія своихъ сочиненій онъ самъ посылалъ книгоиздательству А. Ф. Маркъ сохранившіяся корректуры, заново сдѣланные списки, вырѣзки изъ старыхъ журналовъ. Кн. Урусову онъ писалъ:

„Я ужъ послалъ цѣлый пудъ моихъ „лицейскихъ“ рассказовъ, не вошедшихъ еще ни въ одинъ изъ сборниковъ,—мелкихъ какъ снѣтки. И все вмѣстѣ они похожи на постный борщъ со снѣтками“.

Писатель тончайшаго художественнаго вкуса, Чеховъ видѣлъ, что все это далеко до совершенства, но, какъ авторъ, онъ связывалъ съ этими мелочами воспоминанія золотой молодости, которымъ не хотѣлъ окончательнаго уничтоженія, а какъ объективный человѣкъ понималъ, что его біографъ сможетъ найти здѣсь не одну черточку для выясненія его писательскаго облика въ цѣломъ.

А. П. ЧЕХОВЪ.

(Критико-біографическій очеркъ А. А. Измайлова).

I.

Человѣчество заподозрѣло всѣ исповѣди, начиная отъ исповѣди Августина, продолжая признаніями Руссо и Толстого. Говорятъ, что человѣкъ, пишущій для потомства, уже не можетъ быть безусловно искреннимъ. Однако все-таки слѣдовало бы признать, что лучшимъ біографомъ человѣка былъ бы онъ самъ, конечно, при желаніи сказать о себѣ правду. Посторонній по оставшимся документамъ могъ бы только приблизительно угадывать истину.

Вслѣдъ за автобіографіей лучшимъ изслѣдованіемъ было бы то, которое говорило бы языкомъ дневниковъ, мемуаровъ или писемъ воспоминаемаго человѣка. Едва ли въ примѣненіи къ кому-нибудь возможно осуществленіе такого намѣренія во всей полнотѣ. Что касается Чехова, оно осуществимо въ значительной степени. Чеховъ оставилъ огромную переписку. Онъ былъ въ ней очень искреннимъ, очень разговорчивымъ и охотно касался своихъ личныхъ настроеній и высшихъ перемѣнъ жизни. Его переписка, безъ сомнѣнія, должна лечь въ основу той его будущей, глубокой и полной біографіи, для которой всѣ современныя попытки, не исключая и настоящей,—не болѣе какъ подготовленіе матеріаловъ. Предоставить ему тамъ, гдѣ возможно, говорить самому—обязанность біографа.

Чеховъ не велъ дневниковъ, не оставилъ записокъ, никогда не собирався писать свою автобіографію. Но автобіографическіе наброски онъ дѣлалъ въ своей жизни дважды: одинъ разъ по просьбѣ прив.-доц. московскаго университета д-ра Г. И. Россолимо, и совершенно серьезно, другой разъ по просьбѣ литературнаго собрата и—сбился на шутку. Вотъ эти странички:

„Я. А. П. Чеховъ, родился 17 января 1860 года въ Таганрогѣ.

Учился сначала въ греческой школѣ при церкви царя Константина, потомъ въ тагапрогской гимназіи; 1879 г. поступилъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Вообще о факультетахъ имѣлъ тогда слабое понятіе и выбралъ медицинскій факультетъ не помню по какимъ соображеніямъ, но въ выборѣ потомъ не раскаивался.

„Уже на первомъ курсѣ сталъ печататься въ еженедѣльныхъ журналахъ и газетахъ, и эти занятія литературой уже въ началѣ 80-хъ годовъ приняли постоянный, профессиональный характеръ. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. ѣздилъ на островъ Сахалинъ, чтобы потомъ написать книгу о нашей ссыльной колоніи и каторгѣ. Не считая судебныхъ отчетовъ, рецензій, фельетоновъ, замѣтокъ, всего, что писалось изо дня въ день для газетъ и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лѣтъ литературной дѣятельности было написано и напечатано болѣе 300 листовъ повѣстей и разсказовъ. Писалъ я и театральныя пьесы.

„Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ: они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣгать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня насторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочитать не писать вовсе.

„Замѣчу кетати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т.-е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность, и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу и къ тѣмъ, которые до всего доходить своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать.

„Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ Воскресенской земской больницѣ (близъ Новаго Иерусалима), у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго, потомъ недѣлю былъ врачомъ въ Звенигородской больницѣ. Въ холерные годы (1892—1893) заведывалъ меликовскимъ участкомъ Сернуховскаго уѣзда“.

Второй автобіографическій набросокъ данъ А. П.-чемъ по просьбѣ беллетриста-драматурга Вл. Тихонова, нуждавшася въ такомъ

очеркъ для журнала, который онъ редактировалъ. Но, начавшій его точными хронологическими датами, Чеховъ сразу соскользнулъ на юмористическій тонъ, такъ что эта страничка, не дающая никакихъ новыхъ фактическихъ подробностей, можетъ быть приведена не столько въ качествѣ автобиографическаго документа, сколько какъ образчикъ остроумной шутливости, какаѣ была такъ свойственна Чехову всегда.

„...Вамъ нужна моя биографія?—пишетъ Чеховъ.—Вотъ она.

„Родился я въ Таганрогѣ въ 1860 г. (17 января). Въ 1878 г. кончилъ курсъ въ таганрогской гимназiи. Въ 1884 г. кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 году получилъ пушкинскую премiю. Въ 1890 г. совершилъ путешествiе на Сахалинъ и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турнэ по Европѣ, гдѣ пилъ прекрасное вино и ѣлъ устрицъ. Въ 1892 г. гулялъ на именинахъ съ В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 г. въ „Стрекозѣ“. Сборники мои суть: „Пестрые рассказы“, „Въ сумеркахъ“, „Хмурые люди“ и повѣсть „Дуэль“. Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умѣренно.

„Переведенъ на всѣ языки, за исключенiемъ иностранныхъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы тоже одобряютъ. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постигъ я, будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачами, такъ и литераторами, пребываю въ отличнѣйшихъ отношенiяхъ. Холостъ. Желалъ бы получить пенсiю. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, лѣтомъ произвожу судебно-медицинскiя вскрытiя, коихъ не совершалъ уже года 2—3. Изъ писателей предпочитаю Толстого, изъ врачей Захарьина.

„Однако все это вздоръ. Пишите, что угодно. Если нѣтъ фактовъ, то замѣните ихъ лврикою...“

Если обѣ записки А. П-ча не даютъ ничего новаго, чего бы мы не знали,—онѣ не безынтересны въ смыслѣ показанiя, что самъ Чеховъ считалъ значительнымъ и переломнымъ въ своей жизни.

II.

Дѣдъ Антона Павловича Чехова, Егоръ Михайловичъ Чехъ, былъ изъ крѣпостныхъ. О происхожденiи его фамилiи свѣдѣнiй не сохранилось. Безспорно одно, что въ далекихъ своихъ развѣтвленiяхъ родъ Чеховыхъ теряется въ воронежскихъ нѣдрахъ. На это имѣется свидѣтельство самого Чехова. Въ одномъ изъ писемъ къ А. И. Эртелю онъ однажды писалъ: „Вы—воронежскiй уроженецъ? Моя фамилiя тоже ведетъ свое начало изъ воронежскихъ нѣдръ, изъ Острогожекаго уѣзда. Мои дѣдъ и отецъ были крѣпостными у

Черткова, отца того самого Черткова, который издасть книжки“ (т.-с. Толстого).

Человѣкъ большого характера, Егоръ Чехъ поставилъ своей цѣлью выкупъ на волю. Скопивъ нужную сумму, онъ выкупился и поступилъ на службу въ имѣнія графини Платовой—степныя слободы Кръвную и Княжую. Въ послѣдней онъ дослужился до должности управляющаго. Юный Чеховъ здѣсь иногда проводилъ свое лѣтніе мѣсяцы.

Дѣти Чеха были уже свободными. Ихъ было трое,—Михаилъ, Павелъ, отецъ писателя, и Митрофанъ.

Дѣдъ Чеховыхъ, жившій всегда въ Малороссіи и являвшійся какъ бы органической частью деревни Княжей, былъ, по разсказу товарища дѣтства Антона Павловича, писателя П. А. Сергѣенко,—на рѣдкость цѣльной, независимой и своеобразной личностью.

Даже одѣвался онъ не такъ, какъ другіе, а всегда соединялъ жилетъ и брюки, посредствомъ пуговиць, въ одно цѣлое, представляя собою какъ бы подвижную бронзовую статую.

Пріѣздъ внуковъ всегда радовалъ гостепріимнаго старика, и онъ помѣщалъ ихъ иногда, „точно графятъ“, въ огромномъ барскомъ домѣ, всячески баловалъ ихъ по-своему, возилъ на бѣговыхъ дрожкахъ по полямъ, познакомилъ ихъ съ процессомъ куренія и гонораромъ (по 3 коп.) за литературные труды въ конторѣ.

Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ строгъ и педантиченъ до неумолимости. Такъ, до извѣстнаго времени нельзя было ни подь какимъ видомъ пользоваться яблоками въ графскомъ саду. Такимъ же неумолимымъ охранителемъ былъ и его подручный Карпуша. И молодые Чеховы, невзирая ни на какія диверсіи, все-таки не могли лакомиться яблоками.

Но однажды Антонъ предложилъ нари брату Ивану, что сорветъ въ саду не только какое-нибудь, а любое яблоко, и не ночью, не тайкомъ, а днемъ и въ присутствіи дѣдушки.

Нари было принято.

Въ назначенный часъ Антонъ вызвалъ въ садъ дѣда и, поставивши брата Ивана лицомъ къ намѣченному яблоку, заявилъ дѣду, что перепрыгнетъ черезъ брата... Дѣдъ засосалъ трубку и позволилъ.

Антонъ разбѣжался и, перепрыгнувъ черезъ брата, одновременно сорвалъ и указанное яблоко... Дѣдъ былъ въ восторгѣ отъ ловкости внука и хохоталъ на весь садъ.

Старшій сынъ Егора Чеха былъ отданъ отцомъ въ ученье въ переплетчики въ г. Калугу, гдѣ скоро получилъ извѣстность, какъ лучший мастеръ. Онъ тоже назывался еще не Чеховъ, а Чоховъ. Своему отцу онъ прислалъ подарокъ—весьма сложную, искусно сдѣланную шкатулку. Этой памяткой очень дорожилъ Антонъ Павловичъ.

Дядя Антопа Павловича, Митрофанъ Егоровичъ держалъ бакалейную торговлю въ Таганрогѣ. Отъ него остались два сына—Владимиръ и Егоръ. Последний былъ любимцемъ Антопа Павловича. Дѣти Михаила, Чоховы, всѣ коммерсанты.

Павель Егоровичъ, отецъ писателя, началъ свою молодость трудной работой прасола. Опъ гонялъ скотъ въ Москву, въ Харьковъ и другіе сѣверные города. Во время путешествій съ гуртами, гдѣ верхомъ, гдѣ пѣшкомъ, онъ попалъ въ Шую и тамъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту, дочь купца, Евгенію Яковлевну Морозову.

Женившись, отецъ Чехова рѣшилъ переимѣнить полную приключеній прасольскую жизнь на осѣдлую. Въ Таганрогѣ Е. П. сначала занималъ скромное мѣсто старшаго приказчика въ одномъ бакалейномъ магазинѣ, а затѣмъ открылъ тамъ же, по примѣру брата, колониальную лавку, соединенную съ виннымъ погребоккомъ „на выносъ и распивочно“, куда обыватель заходилъ за полквартирой сапуринскаго или стаканчикомъ водки,—лавку того особаго типа, какую вызвалъ къ жизни своеобразный бытъ южнаго города съ перестрымъ населеніемъ.

Павель Егоровичъ, ставъ коммерческимъ человѣкомъ, не утратилъ вкуса къ той поэтической жилкѣ, которую пробудила въ немъ степная жизнь.

Холодный, расчетливый, практическаго ума человѣкъ, онъ одухотворялся и точно молодѣлъ, когда разговоръ переходилъ на степь, на привольную жизнь, на табуны, на казачество.

Отецъ Чехова былъ не чуждъ влеченій къ знанію и искусству. Онъ любилъ играть на скрипкѣ; въ разговорахъ цитировалъ Кольцова. Самъ А. П.—чѣ, по свидѣтельству брата М. П., считалъ свой талантъ унаслѣдованнымъ отъ отца. Скрипка, знаніе музыки и хорошій голосъ, выработанный во время степныхъ походовъ, создали новую профессію Павлу Егоровичу, тѣмъ болѣе, что торговля его шла важно.

На своячениницѣ Павла Егоровича былъ женатъ другъ и товарищъ его, А. Б. Долженко, начавшій свою дѣятельность такими же степными путешествіями по Россіи за скупкой холста и разныхъ крестьянскихъ издѣлій. Большой любитель духовнаго пѣнія. Долженко на этомъ сошелся съ П. Е. Сначала они пѣли въ греческомъ монастырѣ, потомъ во дворцѣ, въ походной церкви, и въ соборѣ. П. Е. обучалъ хоръ подъ скрипку и былъ регентомъ. Въ связи съ этимъ, въ своемъ кругу П. Е. Чеховъ пользовался уваженіемъ. Онъ даже былъ избранъ на почетную должность ратмана полиціи, а впоследствии—члена торговой депутаціи (Биографія Ф. Мускатблита, стр. 12).

Въ семьѣ Павла Егоровича Чехова и жены его Евгеніи Яковлевны 17 января 1860 г. родился сынъ Антопъ. Метрическое свидѣ-

тельство его цѣло донинѣ. Изъ него видно, что воспріемниками его были „кушечскій братъ“ С. Ф. Титовъ и кушечская жена Д. К. Сафьянопуло.

„Родился я, — писалъ А. П. городскому головѣ Таганрога П. Ф. Торданову въ 1902 году: — въ домѣ Волотова (такъ говоритъ моя мать), или Гнутова, около Третьякова В. Н. на Полицейской ул., въ маленькомъ флигелѣ во дворѣ. Дома этого, вѣроятно, уже нѣтъ“.

А. П. ошибался, — домъ этотъ сохранился донинѣ. Отъ этого крошечнаго флигеля въ три комнаты съ кухней бывшая Полицейская улица теперь называется „Чеховской“.

Всѣхъ дѣтей у П. Е. Чехова было шесть — Николай, Александръ, Антонъ, Михаилъ, Иванъ и Марія.

Первоначальное образованіе А. П. получилъ въ греческой приходской школѣ при Цареконстантиновской церкви. По воспоминаніямъ брата, главную роль въ этомъ рѣшеніи отца сыгралъ учитель греческой школы Вучина.

Братъ покойнаго писателя, А. П. Съдой, зарисовалъ съ большою подробностью и даже въ беллетристической формѣ то время, когда будущій писатель, будучи еще маленькимъ школьникомъ, помогать отцу въ его торговомъ дѣлѣ. Здѣсь передъ его глазами проходили сотни своеобразныхъ типовъ таганрогскаго обывателя, съ монашка съ Аона, зашедшаго украдкой „прокутить“ стаканъ вина, до мѣстныхъ грековъ, говорящихъ на жаргонѣ. Грекъ Дымба (изъ „Свадьбы“), по его словамъ, срисованъ съ одного изъ завсегдатаевъ, съ утра до ночи засѣдавшихъ въ лавкѣ Павла Егоровича.

Школу Вучины и атмосферу ея Александръ Чеховъ рисуетъ крайне мрачными красками. Грекъ-учитель былъ человѣкъ невѣжественный. Учителство вышло ему въ удѣлъ, какъ совершенная случайность. Тѣлесныя наказанія въ школѣ считались узаконеннымъ пріемомъ. Къ наказаннымъ примѣнялись пріемы, достойные старой бурсы. Билъ дѣтей не только учитель, но тутъ же, на глазахъ учениковъ, расправлялись съ провинившимися сыновьями отцы. Протестовать было некому. Главный составъ учениковъ были дѣти мелкихъ ремесленниковъ, матросовъ, грузчиковъ и вообще бѣдноты. Воспитаніе юнаго Чехова шло въ чисто-демократическомъ направленіи и ставило его лицомъ къ лицу съ живою и непритяжною жизнью.

Въ 1868 году Антонъ Чеховъ былъ отданъ въ приготовительный классъ таганрогской гимназіи. Съ наградою ошъ перешелъ въ первый классъ.

Когда Антонъ былъ въ четвертомъ классѣ, а Александръ въ восьмомъ — отецъ открылъ новую лавку у вокзала, надѣясь на наплывъ публики.

Семья вообще жила очень дружно. Антонъ Павловичъ былъ смир-

ше всёхъ. У него была очень большая голова, и его звали „Бомбой“, на что онъ сердился. Любимымъ занятіемъ Антона было составленіе коллекцій пасѣкомыхъ и игра въ торговлю, бывшая продолженіемъ дѣйствительныхъ и нужныхъ занятій его въ лавкѣ отца. Сохранились отъ той поры свидѣтельства, что онъ еще ребенкомъ мастерски считалъ на счетахъ. Всё тогда думали, что изъ него выйдетъ коммерсантъ.

И время каникулъ у братьевъ проходило въ лавкѣ. Единственнымъ ихъ гуляньемъ — было посидѣть на крылечкѣ и вечеромъ послушать отдаленную музыку городского сада. Былъ даже моментъ, когда отецъ собирался вовсе взять сыновей изъ гимназій и определенно пустить ихъ „по коммерческой части“.

Покупатели были бѣднота. Въ результатѣ получался вмѣсто барыша убытокъ. Къ городу подвели желѣзнодорожный путь, сократившій стараго покупателя Чехова изъ хохловъ-литвиновъ. Лавка была закрыта.

Антонъ очутился въ гимназій. Николай и Александръ были отправлены въ столицу, первый — въ московское училище живописи и ваянія, второй — въ университетъ.

Дѣла по торговлѣ становились труднѣе и труднѣе. Кончилось тѣмъ, что Чеховы, закрывъ торговлю, переселились въ Москву.

III.

Первыя „впечатлѣнія бытія“ будущаго писателя связаны съ Таганрогомъ. Нельзя сказать, чтобы краски этого города были ярче тѣхъ, что обычно отличаютъ русскій провинціальный городъ, и что Чеховъ находился въ особенно благоприятныхъ условіяхъ для своихъ первыхъ наблюденій.

„Впечатлѣніе унылой пустынности и ненужности — вотъ первое чувство, которое охватываетъ свѣжаго человѣка при въѣздѣ въ Таганрогъ“, — такъ описываетъ этотъ городъ человѣкъ, посетившій его съ мыслью о Чеховѣ (Любимовъ, „Голосъ Москвы“, 1910 года 17 января).

„Длиныя и прямыя, какъ лагерная линейка, улицы, маленькіе домики съ подслѣповатыми окнами и неизмѣнными ставнями, за которыми, кажется, навсегда остановилась и замерла жизнь, — нагоняютъ тоску. Рѣдкіе прохожіе точно сами конфузятся своего появленія на улицѣ, нарушающаго общую мертвую неподвижность. Только на главной улицѣ, Петровской, гдѣ сосредоточены всё магазины — относительное оживленіе. Эта неподвижная тишина — характерна для Таганрога. Даже въ смутные дни 1905 года жизнь здѣсь не была выбита изъ колеи. Не было ни митинговъ, ни собраній, ни

погромовъ, ни безпорядковъ. Когда въ сосѣднемъ Ростовѣ, — въ двухъ часахъ вѣды, — гремѣли пушки и въ полномъ разгарѣ было вооруженное возстаніе, — таганрожцы, какъ всегда, жили мирно“.

Ири Чеховъ Таганрогъ былъ почти такимъ же, какъ сейчасъ — мертвымъ и неподвижнымъ. А. П. близко пережилъ засасывающій ужасъ глухого провинціального болота и изъ кладезя таганрогской жизни черпалъ мотивы своихъ произведеній. Въ большинствѣ чеховскихъ разсказовъ и пьесъ можно найти таганрогскія черточки. Таганрожцы легко ихъ узнаютъ, хотя... не любятъ объ этомъ говорить.

Но Чеховъ любилъ Таганрогъ. Здѣсь были сложены его первыя впечатлѣнія, и онъ тяготѣлъ къ этому городу своими воспоминаніями до того, что уже признаннымъ писателемъ не прочь былъ пометать о временномъ поселеніи опять „тамъ“, подъ родными линами.

„Если бы не баццалы, — писалъ онъ въ 1898 г. городекому головѣ Таганрога г. Иорданову: — то я поселился бы въ Таганрогъ года на два, на три и занялся бы райономъ Таганрогъ-Краматоровка-Бахмутъ-Звѣрево. Это фантастическій край. Донецкую стень я люблю и когда-то чувствовалъ себя въ ней, какъ дома, и зналъ тамъ каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Сауръ-могилу, разсказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайскаго, вспоминаю, какъ я вѣдиль на волахъ въ Криничку и въ Крѣпкую графа Платова, то мнѣ становится грустно и жаль, что въ Таганрогѣ нѣтъ беллетристовъ, и что этотъ матеріалъ, очень милый и пѣнный, никому не нуженъ“.

Скорѣе, конечно, шутя, чѣмъ въ серьезъ, онъ писалъ тому же лицу: „Если бы въ Таганрогѣ была вода, или если бы я не привыкъ къ водопроводу, то переѣхалъ бы на житье въ Таганрогъ“...

„Когда выстроится водопроводъ, тогда я продамъ ялтипскій домъ и куплю себѣ какое-нибудь догвище на Большой или Греческой ул.“

Впрочемъ, и не только въ шутку думалъ А. П. о Таганрогѣ. Когда приступы тоски жизни въ Ялтѣ особенно одолевали его, онъ, кажется, готовъ былъ серьезно поговорить о родномъ городѣ и климатическихъ условіяхъ жизни въ немъ.

„Крымъ скученъ до безобразія, на Кавказѣ лихорадка. За границей меня всякій разъ донимаетъ тоска по родинѣ. Для меня, какъ уроженца Таганрога, было бы лучше всего жить въ Таганрогѣ, ибо дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, но о Таганрогѣ, его климатѣ, мнѣ извѣстно очень мало, почти ничего“.

Послѣдній разъ Чеховъ былъ въ Таганрогѣ въ 1898-мъ или 1899-мъ году. Онъ пробылъ тамъ всего нѣсколько дней. Былъ въ клубахъ, въ прекрасномъ городекомъ саду, и уѣхалъ, сказавъ на прощанье одному мѣстному журналисту: „Тяжело у васъ! Какъ вы живете!“

Уже славныи, Чеховъ очень интересовался тагапрогской городской библиотеккой, которую всегда поддерживалъ пожертвованіемъ книгъ изъ своей библиотеки.

Самыя яркія и благоуханныя впечатлѣнія юности Чехова связани не съ Тагапрогомъ, а съ деревней *Княжесей*.

Тутъ впервые, по словамъ Сергѣенко, онъ прикоснулся душою къ русской природѣ.

Сами по себѣ поѣздки изъ города въ деревню (около 60-ти верстъ), то на лошадахъ („все зависѣло отъ okazji“), то на волахъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ ночлегами подъ бархатнымъ небомъ Украйны, на душистыхъ коврахъ свѣжаго сѣна,—уже однѣ такія поѣздки— безъ старшихъ и безъ тягостной опеки — должны были вносить въ свободолюбивую душу высоко одареннаго мальчика цѣлыя гаммы новыхъ впечатлѣній.

IV.

Въ какомъ направленіи слагалась психика Чехова-ребенка, каковы были господствующіе тона ея въ этой обстановкѣ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью, съ ея свѣтомъ и радостями, но въ то же время подъ суровою ферулою строгаго и практическаго отца?

По воспоминаніямъ тетки Антона Павловича, Чеховъ и мальчикъ былъ довольно выдающійся. Онъ былъ всегда здоровъ, веселъ, но къ дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ его никогда не тянуло. Больше онъ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и читалъ. Дѣтской подвижности и рѣзвости въ немъ совсѣмъ не было. Любилъ онъ также велушиваться въ разговоры старшихъ. Всѣ Чеховы были люди патріархальныя, богобоязненныя. Дяди, Митрофанъ Егоровичъ, долгое время былъ даже церковнымъ старостой въ одной изъ тагапрогскихъ церквей. И знакомства у нихъ были соответственныя. „Обѣдъ уже давно отойдетъ,—записала М. И. Морозова:—а гости и хозяйева еще сидятъ за столомъ и занимаются бесѣдой. Всѣ дѣти играютъ во дворѣ, одинъ Антоша сидитъ въ комнатѣ со взрослыми и время отъ времени обращается къ частому гостю дома, протоіерею Ѳ. Покровскому, съ тѣмъ или другимъ вопросомъ“. Любилъ его и протоіерей, и добрыя отношенія сохранились между ними и потомъ, когда А. П. уже сдѣлался извѣстностью.

Обстановку тагапрогской гимназій и Чехова-гимназиста такъ вспоминаетъ П. А. Сергѣенко:

„Вольшая, до ослѣпительности выбѣленная комната тагапрогской гимназій. Въ классѣ—какъ бы ярмарка. Ожидаютъ грозу—учители ариеметики. У полуоткрытой двери, съ круглымъ стекляннимъ око-

щечкомъ, стоить небольшого роста плотный, хорошо упитанный мальчикъ, съ низко-остриженной головою и бѣлымъ, лунообразнымъ, пухлымъ, какъ булка, лицомъ. Онъ стоить, со слѣдами мѣла на синемъ мундирѣ, и флегматически ухмыляется. Кругомъ него проносятся бури и страсти. А онъ стоить около двери, нѣсколько выпятивъ свое откормленное брюшко съ отетегнувшейся пуговицей, и ухмыляется. На черной бласной доскѣ появляется вольнодумная фраза по адресу учителя. Рыхлый мальчикъ вялой походкой смахиваетъ влажной губкой вольнодумную фразу съ доски. Но улыбка все-таки остается на его губахъ.

„Когда я думаю о Чеховѣ, онъ почти всегда возникаетъ въ моей памяти именно такимъ, какимъ онъ на семейной группѣ: пухленькимъ, большоголовымъ, съ ямочками на щекахъ и слегка выпяченнымъ брюшкомъ, которое часто бывало объектомъ одной шутки, царствовавшей нѣкогда въ таганрогской гимназiи. Шутка заключалась въ слѣдующемъ: къ Чехову подходилъ, съ пресерьезиѣйшимъ видомъ, кто-нибудь изъ товарищей-шалуновъ и, внезапно хлопнувъ его ладонью по затянутому въ мундиръ животу, полуукоризненно вскрикивалъ:

„— Шутникъ, право!...

„Чеховъ поспѣшно втягивалъ животъ и, улыбаясь, лѣниво отмахивался рукою. Но самъ никогда не увлекался этимъ спортомъ.

„Вообще онъ не былъ ни рѣзвъ, ни шумливъ, ни прытокъ, ни задорливъ, но и не являлъ собою „буку“ или „нюню“. Скорѣе онъ былъ всегда нѣсколько вялъ и сыроватъ: „Ну, что жъ? Ну, и пусть!“—какъ бы говорило его полуулыбающееся, круглое лицо.

„Висоелѣдствiи и лицо его и фигура настолько измѣнились, что когда мы встрѣтились послѣ нятилѣтней разлуки, то я не узналъ его. Онъ ѣхалъ куда-то и стоялъ у окна вагона, а я—въ толпѣ на платформѣ. Поездъ задержался на нѣсколько минутъ. Я все время смотрѣлъ на Чехова и никакъ не могъ вспомнить, гдѣ я видѣлъ это милое полуулыбающееся лицо. Такъ мы даже и не поздоровались съ нимъ. И мнѣ до сихъ поръ невыразимо грустно, когда я думаю объ этомъ“.

Впечатлѣнiя исключительной яркости Чеховъ-ребенокъ, очевидно, не производилъ. Его товарищи не припоминаютъ ни одного яркаго эпизода изъ этой норы его жизни. Они отмѣчаютъ только, что все рѣшительно относилъ къ юному Антошѣ любовно. У него не было враговъ въ юности, какъ не было ихъ и въ зрѣлыхъ годахъ, хотя онъ никогда не только не подлаживался къ людямъ, но скорѣе былъ вялъ въ своихъ отношенiяхъ и не соблюдалъ иногда даже тѣхъ общепринятыхъ прiемовъ, которыми поддерживаются знакомства. Обликъ юности Чехова былъ нѣсколько двойственъ,—но началу его отла-

чаетъ то, какъ бы нѣсколько медленное развитіе, какое отличало и Пушкина.

Съ годами изъ тяжеловѣснато и малообщительнаго мальчика онъ превращается въ юншу веселаго и шутливаго. Живою родникъ юмора всегда бить въ душѣ А. П. — ча. Это настроеніе блистательно сказывается въ его письмахъ, прелестныхъ въ своей постоянной шутливости. Объ этой чертѣ говорятъ все, знавшіе его въ юности. Одинъ изъ его товарищей вспоминаетъ, что юноша Чеховъ умѣлъ какъ-то особенно удачно добывать комическіе рассказы и читать ихъ вслухъ. Въ классѣ стоялъ хохотъ, приходилъ воспитатель, и тетрадочку отнимали.

Своеобразной юмористической находчивости и любви къ шуткѣ А. П. не измѣнилъ и придя въ возрастъ. Одинъ изъ друзей его молодости, Зембулатовъ, сохранилъ забавный рассказъ изъ времени пребыванія А. П. у него въ имѣніи Котломино, недалеко отъ Таганрога, уже по полученіи аттестата зрѣлости.

Какъ извѣстно, Чеховъ былъ страстный рыболовъ. Вблизи имѣнія протекала рѣка Сухой-Еланчикъ. За немѣніемъ благоустроенной лодки, Чеховъ съ товарищемъ плавали по рѣкѣ въ большомъ корытѣ. Однажды, когда оба они сидѣли у берега въ этомъ корытѣ и углубились въ наблюденіе за поплавками, мать Зембулатова пожелала пошутить надъ ними. Она неслышно подошла къ берегу и перевернула корыто. А. П. и его товарищъ очутились по грудь въ водѣ. А. П. не остался въ долгу. Онъ вылѣзъ изъ рѣчки и какъ былъ — мокръ и грязенъ — отправился въ домъ и легъ въ гостиной на мяскомъ, дорогомъ диванѣ. Увидя эту картину, Зембулатова чуть не упала въ обморокъ, — до того было уязвлено ея чувство хозяйки.

Другой примѣръ ранней шутливости Чехова сохранилъ его братъ, М. П. По его словамъ, бывая иногда съ матерью въ таганрогскомъ театрѣ, А. П., шутя, вызывалъ вмѣсто артистовъ — зрителей, почему-либо остановившихъ на себѣ его вниманіе.

О гимназическихъ годахъ А. П. — ча такъ вспоминаетъ одинъ изъ его одноклассниковъ, М. Д. Кукушкинъ:

„Учился Чеховъ неважно и изъ 23 учениковъ выпускнаго класса занималъ одиннадцатое мѣсто. За сочиненія по русскому языку дальше тройки не шелъ, но всегда отличался въ латыни и Законѣ Божіемъ, получая за нихъ пятерки. Зналъ массу славянскихъ текстовъ и въ товарищескихъ бесѣдахъ увлекалъ насъ рассказами, пересыпанными славянскими изреченіями, изъ которыхъ многія я впоследствии встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ изъ его первыхъ литературныхъ произведеній. Несмотря на свои средніе успѣхи, Антонъ Павловичъ пользовался особымъ вниманіемъ нашего учителя русскаго языка Мадьцева и директора гимназіи, общаго любимца, Рейтлингера.

„Товарищи, всё безъ исключенія, любили Чехова, хотя ни съ кѣмъ онъ особенно не сблизался. Онъ производилъ впечатлѣнїе человѣка, ушедшаго въ себя.

„О домашней жизни Чехова мы почти ничего не знали. Всё почему-то считали его принадлежащимъ къ духовному званію. Это, вѣроятно, благодаря его слабости къ славянскимъ текстамъ, которые онъ часто декламировалъ въ гимназїи, и знанію многихъ изреченій изъ священной исторїи.

„По обычаю, существующему всюду въ школахъ, Чехова товарищи прозвали „головастикомъ“. У него была большая голова, несоответствовавшая его небольшой фигурѣ.

„Антошею Чехонте“ его называлъ нашъ батюшка, преподаватель Закона Божїя, о. протоіерей Покровскїй. Всѣмъ намъ онъ далъ особыя прозвища, которыми мы и именовались на его урокахъ.

„Онъ такъ и вызывалъ, растягивая баскомъ по слогамъ:

„— Чехонте!

„Впослѣдствїи этимъ „Чехонте“ А. П. увѣковѣчилъ память объ о. Покровскомъ“.

Любимымъ занятіемъ мальчика Чехова была ловля птицъ—щегловъ; чижей и т. п. Притапвшись за рогожною „принадю“ на большомъ пустырьѣ за дворомъ, Чеховъ съ товарищами по гимназїи, съ затаеннымъ дыханіемъ, слѣдилъ за птицами и волосянымъ силкомъ, который надо было осторожно навести на голову птицы. Пойманныхъ птицъ или вымѣнивали на такихъ же пернатыхъ, или же продавали товарищамъ по 5—10 коп. за экземпляръ.

Съ годами А. П. болѣе и болѣе пристращался къ чтенію. Оно было очень разнообразно и захватывало одинаково и научную книжку и „Будильникъ“. Въ воскресные и праздничные дни, спозаранку, Чеховъ и его товарищи собирались въ городской библіотекѣ и по нѣскольку часовъ кряду, забывая объ обѣдѣ, просиживали тамъ за чтеніемъ этихъ журналовъ, иногда вызывая своимъ смѣхомъ шikanье читающей публики.

О Чеховѣ-гимназистѣ въ официальныхъ бумагахъ, журналахъ и аттестатахъ сохранились такія свѣдѣнїя.

Онъ былъ исправнымъ ученикомъ, чрезвычайно рѣдко пропускалъ уроки. Изъ новыхъ языковъ онъ изучалъ одинъ нѣмецкїй и имѣлъ за него пятерку.

Успѣхи его были не всегда одинаковы. Въ третьемъ и пятомъ классахъ онъ оставался на повторительный курсъ. Лучшіе успѣхи А. П. обнаружилъ въ послѣднихъ классахъ.

Сочиненіе на аттестатъ зрѣлости А. П. подалъ послѣднимъ. Оно было оцѣнено четверкой.

Въ 1879 г. А. П. кончилъ курсъ въ таганрогской гимназіи. Аттестать его гласитъ:

„Данъ сей Антону Чехову, вѣроисповѣданія православнаго, сыну куица, родившемуся въ Таганрогѣ 17 января 1860 г., обучавшемуся въ таганрогской гимназіи 10 лѣтъ, въ томъ, во-первыхъ, что на основаніи наблюденій за все время обученія его въ таганрогской гимназіи поведеніе его было вообще отличное, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ весьма хорошая, прилежаніе очень хорошее и любознательность по всѣмъ предметамъ одинаковая, и, во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія...“

Далѣе отмѣчено, что въ Законѣ Божьемъ, географіи и нѣмецкомъ языкѣ Чеховъ преуспѣвалъ на 5, въ русскомъ и словесности, логикѣ и исторіи на 4, въ латинскомъ, греческомъ, математикѣ, физикѣ и географіи—на 3.

Если къ курсу прибавить и подготовительный классъ, то гимназическіе годы Чехова надо считать въ 11 лѣтъ.

Изъ влеченій молодой души Чехова, давшихъ свой откликъ позднѣе, біографъ А. П. долженъ отмѣтить рано сказавшуюся любовь молодого Чехова къ театру. Посѣщеніе зрѣлищъ тогда преслѣдовалось, и гимназистамъ приходилось ради этого прибѣгать къ извѣстнымъ уловкамъ. Въ таганрогской труппѣ тогда были интересные актеры—небезызвѣстный трагикъ старой школы Н. И. Новиковъ, старикъ Яковлевъ, Волоховъ и начинавшіе карьеру Соловцовъ и Горева. Рѣшаясь на рискъ, А. П. посѣщалъ театръ при всякой возможности.

Не чуждался А. П. и личныхъ выступленій на любительской сценѣ. Объ одномъ изъ такихъ опытовъ рассказываетъ А. Дросси. Играли въ помѣщицьемъ амбарѣ, специально приспособленномъ подъ спектакли. Участниками были мѣстные интеллигенты, учительница, Александръ, Николай и Антонъ Чеховы.

Для перваго представленія остановились на пьесѣ „Ямщики, или шалость гусарскаго офицера“. Старуху-старостиху вызвался играть Антонъ Павловичъ. Репетировали пьесу не менѣе десяти разъ, и она прошла весьма удачно. По отзыву товарища-очевидца, А. П. игралъ мастерски.

Въ околоткѣ эти спектакли, съ благотворительной цѣлью, пользовались громаднымъ успѣхомъ и всегда дѣлали полные сборы. Публика допускалась только избравшая, преимущественно обитатели квартала, и за минимальную цѣну.

Не будетъ забѣганіемъ впередъ остановиться здѣсь на этой чертѣ—прирожденной актерской способности, жившей въ Чеховѣ и исчезнувшей только съ годами возмужалости.

„Антонъ Павловичъ былъ превосходный актеръ. — писать его братъ М. П. — Очень часто, чуть не каждый день, онъ выступалъ у себя въ семьѣ, въ своихъ собственныхъ импровизаціяхъ. То онъ читалъ лекцію и изображалъ при этомъ стараго профессора, то выступалъ въ роли зубного врача, то представлялъ афонскаго монаха. Его первое произведеніе, напечатанное имъ въ „Стрекозѣ“ („Письмо къ ученому сосѣду“), представляетъ собою именно одну изъ его лекцій, которую онъ въ лицахъ разыгрывалъ передъ нами. Аккуратно каждый вечеръ за ужиномъ, измѣнивъ голосъ и становясь совершенно неузнаваемымъ, онъ разсказывалъ какую-нибудь смѣшную исторію, отъ которой у всѣхъ насъ начиналось клокотье въ бокахъ. Очень смѣшно выходило у него экзаменъ на дьякона. Антонъ Павловичъ изображалъ дьячка, а старшій братъ — архіерея. Вытянувъ шею, которая становилась отъ этого старчески-жилетной, и измѣнивъ до неузнаваемости выраженіе лица, Антонъ Павловичъ старческиимъ, дребезжащимъ голосомъ, какъ настоящій деревенскій дьячокъ, долженъ былъ пропѣть передъ братомъ всѣ икосы, кондаки и богородичны на всѣ восемь гласовъ, задыхался при этомъ отъ страха передъ архіереемъ, ошибался и въ концѣ концовъ все-таки удостоивался архіерейской фразы:— „Во діаконѣхъ еси“.

„Гримировался Антонъ Павловичъ такъ, что его не узнавали даже близкіе его родные. Разъ онъ пародился янцямъ и, написавъ просительное письмо, черезъ весь городъ, въ костюмѣ, отправился къ дядѣ и подаль ему это письмо. Дядя не узналъ его и подаль ему три копейки.

„Вообще А. П. любилъ, когда веселились другіе. Если собирались ряженые, онъ непременно помогать имъ тѣмъ или другимъ и наряжался и самъ. Уже въ Мелиховѣ, будучи больнымъ, онъ помогать моей женѣ пародиться хулиганомъ и самъ написалъ для нея просительное письмо слѣдующаго содержанія (правописаніе подлинника): „Ваше высокоблагородіе! Будучи преслѣдуемъ въ жизни многочисленными врагами и пострадалъ за правду, потерялъ мѣсто, а такъ же жена моя больна чревовѣщаніемъ, а на дѣтяхъ сынъ, потому покорнѣйше прошу пожаловать мнѣ отъ щедротъ вашихъ келькиноесъ благородному человѣку. Василій Спиридоновичъ Сволачевъ“.

Ту же черту отмѣчаетъ въ А. П.—чѣ Сергѣенко. „У Чехова,—писать онъ:— было выдающееся отъ природы актерское дарованіе. Товарищи его дѣтства и родственники до сихъ поръ не могутъ вспоминать безъ смѣха о всевозможныхъ комическихъ сценахъ, устраиваемыхъ имъ во дни юности. Путемъ незамѣтнаго грима онъ могъ до такой степени измѣнить свое лицо и весь преобразиться, что даже близкіе ему люди не узнавали его и по цѣлымъ часамъ бесѣдовали съ А. П., какъ съ новымъ лицомъ.

„Любимымъ типомъ Чехова одно время былъ выслужившійся до значительныхъ степеней чиновникъ въ бѣломъ жилетѣ и бланжевыхъ панталонахъ, державшій себя съ достоинствомъ, съ поднятой головой и говорившій докторальнымъ баскомъ. Для большаго отбѣнка его сановности, меньшій братъ, Иванъ, изображалъ обыкновенно мелкаго, заискивающаго чиновника. И невозможно было безъ хохота смотрѣть на нихъ, когда они, сохраняя типическія особенности изображаемыхъ лицъ, составляли съ барынями кадрили, при чемъ Антонъ ходилъ големь, а Иванъ сѣменилъ передъ нимъ и поминутно уступалъ ему дорогу.

„Но внѣшними видоизмѣненіями не ограничивалось артистическое дарованіе А. П. Чехова. У него еще былъ чудесный импровизаторскій даръ. И онъ по цѣлымъ часамъ могъ рассказывать различныя исторіи со всѣми типичными деталями. Особенно интересно у него выходили вариации о сотвореніи міра, когда коринка была до такой степени смѣшана съ изюмомъ, что ихъ невозможно было отличить, а лулу должны были отмывать прачки, и т. д. Любилъ еще Чеховъ „говорить по телефону“. Какъ-то мы были съ нимъ въ гостяхъ. Заговорили объ одномъ знакомомъ, которымъ очень интересовались дамы. „Я его попрошу по телефону пріѣхать сюда“, — сказалъ съ серьезнымъ видомъ Чеховъ.

„И, уйдя въ другую комнату, началъ бесѣдовать по телефону до такой степени правдоподобно, что всѣ мы были увѣрены въ подлинности переговоровъ. И только черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что въ домѣ и телефона не было.

„Постоянная веселость и неистощимая способность въ изображеніи уморительныхъ шутокъ—были отличительными чертами Чехова въ его дѣтствѣ и юности. Онъ изо всего ухитрялся дѣлать своеобразную и смѣшную забаву. Былъ одинъ уморительный номеръ въ артистическомъ репертуарѣ Чехова. Въ нѣсколько минутъ онъ измѣнялъ свой видъ и превращался въ зубного врача, сосредоточенно раскладывающаго на еголѣ свои зубоврачебные инструменты. Въ это время въ передней раздавался слезливый стоиъ, и въ комнатѣ появлялся старшій братъ Александръ съ подвязанной щекой. Онъ немилосердно воилъ отъ якобы пестерипной зубной боли. Антонъ съ пресерьезнымъ видомъ успокаивалъ пациента, бралъ въ руки щипцы для углей, совалъ въ ротъ Александру и... начиналась „хирургія“, отъ которой присутствующіе покатывались отъ смѣха. Но вотъ вѣнецъ всего. Наука торжествуетъ! Антонъ вытаскиваетъ щипцами изо рта ревущаго благимъ матомъ „пациента“ огромный „больной зубъ“ (пробку) и показываетъ его публикѣ...“

Озираясь на свое дѣтство, могъ ли А. П. воспринимать его въ особенно радужныхъ тонахъ? Въ этомъ дѣтствѣ были свѣтлыя впе-

чутлѣвнѣя. Надо учесть прежде всего уже то, что это не было дѣтство, оторванное отъ семьи и отъ природы. Чеховъ и всю свою жизнь провелъ въ лучахъ родственной ласки. Не только братья и сестры, но даже мать пережила его, и всегда для своей семьи онъ былъ гордостью и радостью и предметомъ самой нѣжной заботливости. Свѣтлыя впечатлѣннѣя природы, степи, деревни, ночевокъ на постоянныхъ дворахъ зарисованы имъ всего лучше въ „Степи“.

Но раннее дѣтство, проведенное подъ ферулой отца и въ такой чуждой ему атмосферѣ торговли, дало А. П.—чу столько впечатлѣннѣя тяжелыхъ, что они какъ бы заслонили свѣтлыя.

А. С.—ой, прозрачный псевдонимъ человѣка, который могъ знать Чехова и его годы юности, какъ никто, отмѣчаетъ, что воспоминаннѣя А. П. о дѣтствѣ обычно окрашивались темными тонами. Въ зрѣлыя годы своей жизни онъ не разъ говаривалъ въ интимномъ кружкѣ родныхъ и знакомыхъ: „въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства“. А. П. только издали видѣлъ счастливыхъ дѣтей, но самъ никогда не переживалъ счастливаго, беззаботнаго и жизнерадостнаго дѣтства, о которомъ было бы прнѣтно вспомнить, пересматривая прошлое („Вѣстн. Евр.“ 1908 г., XI).

Между прочимъ, то, что составляло предметъ такого удовлетвореннѣя и похвалы отъ А. П.—ча,—участнѣ дѣтей въ церковномъ хорѣ его и Долженко — было, повидимому, истинной мукой дѣтей. Чеховъ положительно не могъ равнодушно вспоминать этой поры, когда ему приходилось подневольно выстаивать все службы, вынѣвая альтовыя партнѣ. Взрослый, онъ совершенно ярко видѣлъ антипедагогичность принудительной молитвы и насильнаго участнѣ въ богослуженнѣ. Щеглову онъ писалъ однажды:

„Я получилъ въ дѣтствѣ религнѣозное образованнѣ и такое же воспитаннѣ—съ церковнымъ пѣннѣемъ, съ чтеннѣемъ апостола и каеннѣзмъ въ церкви, съ исправнымъ посѣщеннѣемъ утрени, съ обязанностью помогать въ алтарѣ и звоннѣть на колокольнѣ. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ: религнѣя у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли грнѣо: „Да исправится“, или же „Архангельскнѣй гласъ“, на насъ все смотрѣли съ умннѣленнѣемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжннѣками. Да, милый! Рачннѣскаго я понимаю, но дѣтей, которые учатся у него, я не знаю. Ихъ душнѣ для меня потемки. Если въ ихъ душахъ радость, то они счастливые меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданнѣемъ“.

Незбалованный въ дѣтствѣ участнѣемъ, А. П. тѣмъ выше цѣннѣлъ взрослымъ всякое проявленнѣе къ себѣ чьей-либо симпатнѣи. „Спасибо за ласковое слово и теплѣе участнѣе,—писалъ онъ В. А. Тихонову:—

меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласку, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Поэтому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивѣ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно“...

V.

Къ какому собственно моменту слѣдуетъ приурочить первое литературное выступленіе Чехова?

Сохранилось на это указаніе самого Антона Павловича и совершенно точное, вполне соответствующее имѣющимъ свидѣніямъ. Въ 1904 году Чеховъ писалъ Д. Батишкову: „увѣряю васъ, юбилей мой (если говорить о 25) еще не наступилъ и будетъ не скоро. Я пріѣхалъ въ Москву, чтобы поступить въ университетъ, во второй половинѣ 1879 года, *первая бездѣлушка въ 10 — 15 строкъ была напечатана въ мартъ или апрѣль 1880 г. въ «Стрекозъ»*; если быть очень снисходительнымъ и считать началомъ именно эту бездѣлушку, то и тогда мой юбилей пришлось бы праздновать не раньше, какъ въ 1905 г.“

А. П. ошибся только въ количествѣ строкъ. Отвѣты по его адресу въ „Ночтовомъ ящикѣ“ „Стрекозы“ начинаются съ № 2-го за 1880 г. Въ № 10-мъ (именно въ мартѣ) находимъ его „Письмо донского помѣщика“ (см. т. XXII-й, стр. 5).

Литературный талантъ обнаружился у А. П. уже въ дѣтскіе годы. Его товарищъ, А. Дросей, вспоминаетъ, что въ гимназіи издавался товарищескій журналъ подъ названіемъ, кажется, „Звѣздочка“ *), въ которомъ первое и самое почетное мѣсто занимали А. П. и товарищъ его по классу, Натанъ Богоразъ, нынѣ извѣстный поэтъ-беллетристъ и изслѣдователь якутовъ, нипуціи подъ псевдонимомъ „Танъ“.

Въ седьмомъ классѣ гимназіи, по свидѣтельству брата Михаила, Чеховъ написалъ даже цѣлую драму, подъ названіемъ: „Безотцовщина“, и смѣшной водевиль: „Не даромъ курица пѣла“.

„Онъ прислалъ ихъ къ намъ въ Москву для прочтенія. Я долго берегъ эти произведенія, но, пріѣхавъ затѣмъ въ Москву поступать въ университетъ, Ант. П. отобралъ ихъ отъ меня и „Безотцовщину“ разорвалъ на мелкіе кусочки, а водевиль спрягалъ. Куда дѣвался воде-

*) Вѣроятно, точнѣе сохраненное братомъ А. П.—ча, Михаиломъ, названіе «Зайка». Тотъ же М. П. сообщаетъ, что уже въ IV-мъ классѣ А. П. выписывалъ «Сынъ Отечества».

вить,—не знаю. Во второй же годъ по приѣздѣ въ Москву Ант. Павл. написалъ еще одну большую драму съ конокрадами, стрѣльбой, женщиной, бросающейся подъ поѣздъ, и т. д. Я переписывалъ эту драму, и у меня отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ. Какъ теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ, гимназисту, верховь совершенства. Драму эту Ант. Павл., тогда студентъ второго курса, лично отнесъ къ М. И. Ермоловой на прочтеніе и очень желалъ, чтобы она поставила ее въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила брату г-жа Ермолова, только мои старанія четко переписать драму такъ и пропали даромъ: пьеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія „Войницкій“, которая воскресла потомъ въ „Дядѣ Ванѣ“.

„Изъ другихъ пьесъ знаю очень трогательную пьесу „Баринъ“, запрещенную цензурой, нѣсколько нескромный водевилъ „Бритый секретарь съ пистолетомъ“, о судьбѣ котораго не знаю ничего. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакція журнала съ двуспальной кроватью. Кромѣ того, уже будучи извѣстнымъ писателемъ, Антонъ Павловичъ написалъ пьесу, заглавіе которой я позабылъ. Кажется, продолженіе суворинской „Татьяна Рѣпина“.

Въ статьѣ нашей „Первые шаги Антоши Чехонте“ читатель найдеть, такъ сказать, духовное содержаніе тѣхъ первыхъ литературныхъ опытовъ, какими идейно и матеріально жилъ А. П. въ эти годы. Здѣсь мы коснемся чисто-внѣшней стороны его инеательства первыхъ дней.

Это было то время „уничженія“ и смиренія, которое потомъ устами Тригорина въ „Чайкѣ“ не безъ горечи вспоминалъ и характеризовалъ А. П.

„Въ тѣ годы, молодые лучшіе годы, когда я начиналъ, мое писательство было однимъ сплошнымъ мученьемъ. Маленькій писатель, особенно когда ему не везетъ, кажется себѣ неуклюжимъ, неловкимъ, лишнимъ, нервы у него напряжены, издерганы: неудержимо бродить онъ около людей, причастныхъ къ литературѣ и къ искусству, непризнанный никѣмъ, незамѣченный, боясь прямо и смѣло глядѣть въ глаза, точно страстный игрокъ, у котораго нѣтъ денегъ“.

Пересмотрите въ Публичной бібліотекѣ старенькіе, подошедшіе и выцвѣтшіе московскіе журналы начала 80-хъ годовъ, когда въ нихъ работали Чеховъ, точнѣе сказать — работали Чеховы. — вся эта славная, талантливая семья. Займитесь всеми этими „Будильниками“, „Развлеченіями“, „Мірскимъ Толкомъ“, „Москвой“, „Свѣтомъ и Тѣнями“, „Осколками“ и т. д. — и вы не пожалѣете о потерянномъ времени.

Весело и привѣтливо глянуть на васъ оттуда молодые задорные глаза Антоши Чехонте, всѣхъ его товарищей—Агафоподора Единицына (Александръ Чеховъ), Эмиля Пупа (Ш. А. Сергѣенко), Маралы Терихонскаго (Л. Пальмина) и т. д.—и всѣхъ его въ разной мѣрѣ талантливыхъ и разнаго возраста собратій—Амфитеатрова, Гиляровскаго, Кичеева, Пушкарева, Левитана, Коровина... Намѣставшійся карандашъ Николая Чехова, настоящаго, но рано погибшаго таланта въ живописи, разбрасывалъ по этимъ страницамъ рисунки, полные жизни и юмора.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, — и теперь еще это могутъ подтвердить многіе голоса современниковъ, — что среди этихъ рисунковъ несомнѣнно часто фигурируетъ, какъ натура, не кто иной, какъ младшій братъ Николая Чехова—Антоша.

Возьмите 16-й номеръ журнала „Москва“, откройте иллюстрацію „Гулянье 1-го мая въ Сокольникахъ“. При первомъ взглядѣ на эту картину, раскинувшуюся по обѣимъ страницамъ листа, вамъ бросится въ глаза лицо молодого Антона Чехова. Юный, съ пухленькимъ, круглымъ лицомъ, съ едва пробившейся бородкой, онъ смотритъ на васъ со середины иллюстраціи въ образѣ молодого человѣка, въ рединготѣ, съ букетикомъ.

Несомнѣнно здѣсь портретное сходство и другихъ лицъ. Мы можемъ, по крайней мѣрѣ, ручаться за портретъ П. М. Певѣжина. Волѣ свѣдущіе люди, вѣроятно, угадаютъ и остальныхъ.

Нѣсколько страницъ дальше—новый рисунокъ „художника Н. П. Чехова“,—молодой человѣкъ, съ лицомъ, похожимъ до поразительнаго сходства на Антона Чехова въ молодости, въ одномъ жилетѣ и брюкахъ, сидитъ около початой бутылки. Три бутылки уже стоятъ на полу. Въ подписи подъ рисункомъ значится совершенно откровенно:

„Молодой человѣкъ, студентъ медицинскаго (!) факультета, получилъ деньги за урокъ и устроилъ товарищескую пирушку“ и т. д.

Кто скажетъ теперь, — можетъ-быть, это совсѣмъ точная фотографію изъ жизни талантливой семьи!

Въ статьѣ „Первые шаги А. Чехонте“ мы уже говорили о юбилейномъ (по случаю 25-лѣтія) номерѣ „Будильника“, — тамъ вы найдете картину „День въ редакціи „Будильника“, гдѣ несомнѣнна среди присутствующихъ фигура молодого А. П.—ча, среди другихъ фигуръ—Сергѣенки, Гурлянда и ир.

Всѣ эти картинки просятся на переизданіе. Ихъ безспорное мѣсто—въ альбомѣ памяти Чехова.

Отъ братьевъ А. П. и отъ его сверстниковъ и товарищей по литературѣ хочется ждать комментарія къ его юношескимъ вещамъ, ко

вѣсьмъ этимъ разсказами „Свѣта и Тѣней“, „Москвы“, „Развлеченія“, „Будильника“.

Молодой Чеховъ, повидимому, рассыпалъ въ эту пору автобіографическое повсюду въ своихъ разсказахъ, какъ его брать въ рисункахъ.

Въ забытомъ до послѣдняго времени разсказѣ его „Зеленая Коса“, иллюстрированномъ Николаемъ Чеховымъ, передана, повидимому, одна подлинная романтическая исторія, въ какой приняла вѣроятное участіе вся группа молодежи, группировавшейся около Чеховыхъ.

Въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ, по крайней мѣрѣ, два имени для насъ—суть несомнѣнные живыя имена.

Въ поэтическомъ домѣ княгини Микшадзе, по словамъ разсказчика, собираются—докторъ Яковлянъ, одесскій газетчикъ Мухинъ, магистръ физики, нынѣ доцентъ (какая точность!) Ойвейскій, три студента, художникъ Человъ, одинъ харьковскій баронъ-юристъ и разсказчикъ, отъ своего лица ведущій повѣствованіе, — бывшій реветиторъ барышни...

Сюда же ежедневно наѣзжаютъ „студентъ-медикъ Коробовъ“ — лицо, которому посвящена, какъ настоящему, живому человѣку, другая чеховская повѣсть: „Поздніе вѣты“, — это опять подлинный знакомый, нынѣ здравствующій московскій врачъ, товарищъ А. П. по гимназій и когда-то его „желець“.

VI.

Въ Москвѣ А. П. обучился на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. Намъ уже извѣстно изъ его автобіографій, что едва ли ясное сознаніе преимуществъ этого факультета или какое-либо прирожденное влеченіе руководило этимъ выборомъ будущей карьеры. Чеховъ не раскаивался въ этомъ шагѣ молодости, но самъ затруднялся дать позднее точную его мотивировку (см. здѣсь, стр. 152).

Медицинскій факультетъ издавна хранитъ репутацію наиболѣе серьезнаго. Медикъ не можетъ числиться студентомъ и не заниматься, какъ это возможно, напр., для юриста или естественника. Сохранились свѣдѣнія, что Чеховъ былъ исправнымъ и работающимъ студентомъ. Товарищескія отношенія его были безоблачны.

Студенческіе годы только еще начинались, а жизнь со своими предъявленіями уже стояла за плечами Чехова. Переселившійся въ Москву отецъ одинъ не могъ бы содержать семью на свое скудное жалованье амбарнаго приказчика. И съ самой ранней поры пребыванія въ Москвѣ сынъ Антонъ заводитъ отношенія съ мелкими иллюстрированными журналами/томъ/поры

Въ матеріальномъ отношеніи хлѣбъ добывался молодымъ Чеховымъ съ великимъ усиліемъ.

Свидѣтель первыхъ дней Чехова въ литературѣ и даже „товарищъ по несчастью“, А. С. Грузинскій рассказываетъ, со словъ Чехова, о томъ, какъ туго добывались имъ первые рубли.

„Вывало, придемъ къ Курешину получать гонораръ, я, Пальминъ, Кичеевъ, всей компаніей, чтобы было нескудно. „Дома?“—„Дома. Просятъ васъ подождать“. Сидимъ. Ждемъ часъ и два, затѣмъ выйдемъ изъ терѣвня и начнемъ стучать въ стѣнки, въ двери. Появится какой-нибудь заспанный малый, съ пухомъ въ волосахъ, и съ удивленіемъ спроситъ: „вамъ кого?“—„К—а!“—„Вотъ хватились! Да ужъ онъ уѣхалъ давно“.—„Какъ уѣхалъ?“—„Да такъ: вышелъ съ чернаго хода, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ“.—„А про насъ ничего не говорилъ?“—„Говорилъ: пусть зайдутъ какъ-нибудь послѣ; нынче мнѣ некогда“. Плюнемъ да всей компаніей и пойдемъ. И такимъ образомъ, сколько сапогъ, бывало, истреплешь прежде, чѣмъ удастся получить грошовый гонораръ. А Липскеровъ?—и Чеховъ начиналъ подобныя же рассказы о бывшемъ издателѣ „Новостей дня“.

Такой же рассказъ сохранилъ и братъ Антона Павловича—Михаилъ Павловичъ.

„Бывало,—пишетъ онъ:—приденъ съ документомъ брата за полученіемъ трехъ рублей и ждешь-ждешь, когда газетчики принесутъ выручку... Сидятъ сотрудники... Тутъ же дѣвочка разуливаетъ гаммы на рояли. И почему-то укасно хочется чаю.

„— Чего вы ждете?—спроситъ наконецъ издатель, которому станетъ жалко ожидающихъ.

„— Да вотъ получить три рубля...

„— У меня ихъ нѣтъ... Гдѣ жъ я ихъ возьму? Можетъ-быть, вы билетъ въ театръ хотите? Или брюки новыя? Такъ сходите къ шорному такому-то и возьмите у него брюки за мой счетъ“.

Тогда газетное дѣло далеко не было въ современномъ развитіи, и нравы въ редакціяхъ царили патріархальныя.

Изъ внѣшнихъ фактовъ этой эпохи жизни Чехова выдѣляются два—вступленіе его въ 1885 году въ „Петербургскую Газету“, бросившую имя Чехова въ широкія петербургскія читающія массы, далекія отъ юмористическихъ журналовъ, и въ 1886 году приближеніе къ редакціи „Новаго Времени“, возведшей его еще на одну ступень выше.

Ввелъ Чехова въ „Петербургскую Газету“ Лейкинъ. А. П.—чѣмъ былъ ему глубоко благодаренъ. „Насчетъ „Петербургской Газеты“,—писалъ онъ ему (28 апрѣля 1885 г.):—отвѣчаю согласіемъ и благодарственнымъ молебномъ по вашему адресу. Буду доставлять туда рассказы аккуратнѣе аккуратнаго“.

Съ момента входа Чехова въ „Новое Время“ наступаетъ въ его жизни новая эра. Не столько фактъ перехода въ большую и литературную газету, не столько улучшение его матеріальнаго положенія, сколько самое знакомство его съ А. С. Суворинымъ играло здѣсь роль.

Исторію вступленія А. П.—ча въ „Новое Время“ одинъ изъ его друзей передаетъ, съ его словъ, такимъ образомъ.

„Кое-какіе изъ моихъ „понедѣльниковъ“ „Петербургской Газеты“ обращали на себя вниманіе въ Петербургѣ. Когда въ „Петербургской Газетѣ“ появился мой „Егеръ“, рассказываютъ, что Григоровичъ поѣхалъ къ Суворину и началъ говорить: „Алекѣй Сергѣевичъ, пригласите же Чехова! Прочтите его „Егерь“! Грѣхъ его не пригласить!“ Суворинъ написалъ Курепину (А. Д. Курепинъ вель тогда московскій фельетонъ въ „Новомъ Времени“ и отлично зналъ Чехова по „Будильнику“, въ которомъ они вмѣстѣ работали уже болѣе пяти лѣтъ), а Курепинъ пригласилъ меня и торжественно, вѣжливо объявилъ мнѣ, что меня зовутъ въ „Новое Время“! И даже далъ пару совѣтовъ, что и какъ написать! Первый рассказъ, который я напечаталъ въ „Новомъ Времени“, былъ—„Панихида“^{*)}. Онъ шелъ не въ фельетонѣ, а выше, надъ фельетонами. Кажется, имъ открылся рядъ „субботниковъ“ въ „Новомъ Времени“, беллетристическихкихъ вещей, печатавшихся въ газетѣ подъ такимъ заголовкомъ по субботамъ. И „Панихиду“ я подписалъ псевдонимомъ „Чехонте“, но редація „Новаго Времени“ телеграммой просила у меня разрѣшенія поставить подъ рассказомъ фамилію. Я разрѣшилъ. Позже Суворинъ писалъ мнѣ о томъ же. Сказать по правдѣ, тогда и жалѣлъ, что такъ вышло. Я подумывалъ кое-что напечатать въ медицинскихъ журналахъ и хотѣлъ оставить фамилію для серьезныхъ статей“ (А. Грузинскій, „Рус. Правда“, 1904 г.).

До чего скромнень былъ молодой Чеховъ въ гонорарномъ вопросѣ, показываютъ его письма къ Н. А. Лейкину, съ „Осколками“ котораго А. П. установилъ отношенія съ ноября 1882 года. Его удивляетъ, что „Осколки“ высылаютъ ему гонораръ правильно. Въ „Будильникѣ“ онъ привыкъ „ходить за трехрублевкой разъ по десяти“. И это довольство малымъ—всего менѣе результатъ его матеріальнаго довольства. „Человѣкъ я семейный, неимущій... Деньги надобны... Мнѣ нельзя зарабатывать менѣе 150—180 р. въ мѣсяцъ,—иначе я банкротъ“.

„Благодаря тому, что я живу большой семьей,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ Лейкину:—у меня никогда не бываетъ на рукахъ свободной десятирублевки, а на поѣздку въ Питеръ, самую некомфортабельную и нищенскую, потребно минимумъ 50 руб. Гдѣ же мнѣ

*) «Новое Время», 1886 г., № 5581.

взять эти деньги? Выжимать из семьи я не умѣю, да и не нахожу это возможнымъ... Если я два блюда сокращу на одно, то я стану тахнуть отъ угрызеній совѣсти. Аллаху только извѣстно, какъ трудно мнѣ балансировать и какъ легко мнѣ сорваться и потерять равновѣсіе. Заработай я въ будущемъ мѣсяцѣ 20—30-ю рублями меньше, и, мнѣ кажется, балансъ пойдетъ къ чорту, я запутаюсь... Денежно я ужасно напуганъ и, вѣроятно, въ силу этой денежной, совѣстн коммерческой трусости, я избѣгаю займовъ и авансовъ“...

Въ эту пору молодому Чехову приходилось такъ мало роскошествовать, что пріобрѣтеніе новаго пальто онъ считалъ уже событіемъ, съ которымъ надо поздравить своего покровителя-редактора. „Поздравляю,—не всѣ ваши сотрудники ходятъ въ старыхъ пальто“...

Здѣсь кстати сказать, что положеніе подневольнаго работника пера и человѣка постоянно пуждающагося еще очень долго было привычнымъ положеніемъ А. П.—ча.

Уже въ 1887 г., приглашенный въ хороніе журналы, Чеховъ все еще бѣдствуетъ.

„Ужасно,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ его къ Лейкину:— у меня 53 рубля—только. Приходится обрызывать себя крылья и облизываться тамъ, гдѣ слѣдовало бы ѣсть. Ызжу теперь въ III классѣ, и какъ только у меня останется въ карманѣ 20 рублей, тотчасъ же попру обратно въ Москву, чтобы не пойти по міру. Ахъ, будь у меня лишнихъ 200—300 рублей, показали бы я кузькину мать! Я бы весь міръ избѣздилъ! Гонораръ изъ „Петербургской Газеты“ идетъ въ Москву семьѣ. Возлагаю большія надежды на осколочный гонораръ“.

Подобно письмамъ Достоевскаго, письма Чехова часто—силошной вопль на безденежье.

„Вѣрите ли, заложилъ часы и золотую монету. Ужасно глушое положеніе!..“

Онъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои таланты и знанія, чтобы добыть денегъ,—и писательствуетъ и лѣчитъ. Ему постоянно мѣшаютъ то семейныя заботы, то родня, то пациенты.

Такъ я утомленъ, очумѣлъ и обалдѣлъ, что голова кругомъ ходитъ. Въ квартирѣ у меня вѣчная толкотня, гамъ, музыка... Въ кабинетѣ холодно, пациенты“...

Всякому новому заработку онъ радъ, какъ маниѣ небесной. Лейкивъ устраиваетъ ему беллетристическій фельетонъ въ „Петербургской Газетѣ“, и Чеховъ не заставляетъ себя ждать.

„Насчетъ „Петербургской Газеты“ отвѣчаю согласіемъ и благодарственнымъ молебномъ по вашему адресу. Буду доставлять туда рассказы аккуратнѣе аккуратнаго“.

Онъ не разъ признается, что напрягаетъ свои силы елико возможно.

„Изъ того, что я пишу мало, нельзя заключать, что я лѣнтяй. Я занятъ цѣлый день до того, что въ театрѣ еще ни разу не былъ за всю осень. Слѣдить за наукой и работать — большая разница. Рукописей я не перебѣляю. Чаще всего я отсылаю черновики, перебѣляю только для „Осколковъ“.“

VI.

Самая обстановка, въ которой шла иногда работа юнаго Чехова, была поистинѣ трагикомической. Всего лучше эта пора освѣщена А. П-чемъ въ письмахъ его къ Лейкину. Этого писателя Чеховъ считалъ своимъ воспріимщикомъ. Онъ писалъ ему: „вы—мой крестный батька“. Это было не совсѣмъ точно. Еще до „Осколковъ“ Чеховъ уже печатался въ „Стрекозѣ“, „Будильникѣ“, „Зрительѣ“. Но Лейкинъ былъ дѣйствительно первымъ писателемъ съ именемъ, который пригрѣлъ начинающаго юмориста и котораго не было неловко называть, какъ литературнаго крестнаго.

Вотъ что писалъ ему А. П. о внѣшнихъ условіяхъ своей работы: „...Пишу при самыхъ гнусныхъ условіяхъ. Передо мной моя нелитературная работа, хлопающая немилосердно по совѣсти; въ соседней комнатѣ кричитъ дѣтенышъ пріѣхавшаго погостить родича, въ другой комнатѣ отецъ читаетъ матери вслухъ „Запечатлѣннаго ангела“. Кто-то завелъ шкатулку, и я слышу „Елену Прекрасную“. Для пишущаго человѣка гнуснѣй этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята пріѣхавшимъ сродственникомъ, который то и дѣло подходитъ ко мнѣ и заводитъ рѣчь о медицинѣ. Обстановка безподобная“...

Молодость и здоровье, впрочемъ, позволяютъ А. П-чу переносить тяготы первыхъ шаговъ безъ особенной горечи. Въ шуткѣ и весельѣ распыливались и самыя неудачи. Вотъ, напримѣръ, „свидѣтельство“, выданное имъ его брату Михаилу, на случай полученія гонорара:

„Дано сіе студенту Императорскаго московскаго университета Михаилу Павловичу Чехову, православнаго вѣроисповѣданія, въ удостовѣреніе, что онъ состоитъ съ 1865 года моимъ роднымъ братомъ и уполномоченъ мною брать въ редакціяхъ, въ коихъ я работаю, денегъ, сколько ему потребно, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣряю. Врачъ А. П. Чеховъ.—Москва, 1886 года, января 15 дня“.

На „свидѣтельствѣ“, дѣйствительно, была паварена сургучная печать. И М. П. Чеховъ, дѣйствительно, получалъ по этому „свидѣтельству“ гонораръ по московскимъ редакціямъ.

Чеховъ молодъ, веселъ, жизнерадостенъ, хотя ему и возвращаютъ кое-что изъ рукописей обратно, и писать ему приходится подъ чтеніе

вслухъ и визгъ домашней шарманки. Онъ еще совершенно здоровъ, а нетребователенъ настолько, что „Осколки“ готовы привести его въ восторгъ. „Не поддуливай ваши передовицы,—прелестъ былъ бы журналъ“.

Литературныя знакомства его еще крайне ограничены. Все это московскіе начинающіе маленькіе поэты и прозанки. Уже крупнѣйшіе изъ нихъ—Пушкаревъ и Пальминъ.

Скромность его прямо невѣроятна по нынѣшнимъ временамъ. Онъ посылаетъ Лейкину свои мелочи и самъ проситъ о строгости къ нимъ.

„Выбирайте и, ради Бога, не перемовьтесь. Данною вамъ отъ Бога властью херьте все неудобное и подозрѣваемое въ негодности... Если вы даже вовсе похерите мои замѣтки и скажете мнѣ: „насъ!“—то и это я приму съ легкою душою“.

Матеріалы поплонше онъ сбываетъ въ Москвѣ,—въ „Будильникѣ“, „Зритель“ и т. п. „органичкахъ“.

„Въ матушкѣ-Москвѣ все сойдетъ. Сходили мои иностранные романы, сойдутъ и рисунки брата“.

Тою же необычайною скромностью отмѣчено, напримѣръ, такое письмо:

„Быль у меня какъ-то Н. Мы, разумѣется, вышли. Послѣ выннтія онъ умиллся и вдругъ пришелъ къ заключенію, что мнѣ обязательно нужно баллотироваться въ Пушкинскій кружокъ. Въ концѣ концовъ пообѣщаль написать о моей баллотировкѣ вамъ и на другой день прислалъ мнѣ уставъ кружка. Не знаю, писалъ ли онъ вамъ объ этомъ? Я счелъ бы, какъ и каждый простой смертный, за великую честь для себя быть членомъ литературнаго кружка. Я честолюбивъ. Но я боюсь, грѣшный человѣкъ, чтобы меня не прокатили на вороныхъ. Работаю я недавно (5 лѣтъ), неизвѣстенъ, а потому нельзя будетъ упрекнуть оныхъ вороныхъ въ отсутствіи логики... На основаніи сихъ мало убѣдительныхъ данныхъ, если писалъ вамъ П., прошу васъ пока обождать. Не пишите ему: я съ нимъ, какъ и подобало, вполне согласился, и теперь неловко итти насупротивъ. Если же, наче чаянія, у васъ поднимется вопросъ объ открытіи въ Москвѣ отдѣленія кружка, то поддержите нашу бѣдную Москву. Тогда я буду убѣдительнѣе просить васъ баллотировать меня въ члены“.

Письма Чехова къ Лейкину рѣдѣютъ къ концу 80-хъ годовъ. Вошедшій въ настоящую литературу, обратившійся къ глубокому психологическому творчеству, Чеховъ, очевидно, и не хотѣлъ и органически не могъ оставаться прежнимъ вкладчикомъ „Осколковъ“. Письма стали рѣже и вовсе оборвались на 1892 году. Отъ 1900 г. въ книжкѣ есть только одно письмо Лейкину—краткій, въ нѣсколько строкъ, привѣтъ ему къ 40-лѣтнему юбилею.

Но счастье, самый литературный труд давался А. П.—чу большею частью необычайно легко.

„Онъ писалъ быстро, какъ бы мимоходомъ, какъ пишетъ журналистъ. — записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. С. Суворинъ. — Онъ мнѣ говорилъ, что одинъ изъ своихъ рассказовъ написалъ въ кушальнѣ, лежа на полу, карандашомъ, положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ. Такіе рассказы его походили на анекдоты и вращались въ публикѣ. Разъ на Волгѣ, на пароходѣ, одинъ офицеръ сталъ ему рассказывать его же рассказы, увѣряя, что это случилось съ его знакомыми и съ нимъ, офицеромъ“.

„— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе рассказы?.. — спросилъ однажды А. П.—чь Короленка.

„И онъ, — пишетъ Вл. Г. въ своихъ воспоминаніяхъ: — оглянуть стою, взявъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставилъ ее передо мною и сказалъ:

„— Хотите, завтра будетъ рассказъ, заглавіе „Пепельница“?“

„И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшіе своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ...“

Не только свои шаржи въ „Осколки“, но даже плѣнительнѣйшіе изъ своихъ „субботниковъ“ въ то время онъ писалъ набѣло, порою буквально безъ единой поправки. Но передъ тѣмъ, какъ перенести двѣ-три фразы на бумагу, Чеховъ долго и тщательно обдумывалъ ихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ писалъ Грузинскому:

„Надо, чтобы каждая фраза, прежде, тѣмъ лечь на бумагу, пролежала въ мозгу дня два и обмаслилась“.

„Прежде, бывало, я писалъ, какъ птица поетъ, — сказать разъ Чеховъ извѣстному Г. С. Петрову. — Сяду и пишу. Не думаю, какъ и о чемъ. Само писалось. Я могъ писать когда угодно. Написать очеркъ, рассказъ, сценку мнѣ не стоило никакого труда. Я, какъ молодой теленокъ или жеребенокъ, выпущенный на вольный и свѣтлый просторъ, прыгалъ, скакалъ, брыкался, махалъ хвостомъ, моталъ смѣшно головою. Смѣялся самъ и смѣшилъ окружающихъ. Я бралъ жизнь и, не задумываясь надъ нею, тормозилъ ее туда и сюда. Щипалъ ее, щекоталъ, хваталъ за бока, тыкалъ пальцемъ въ бока, пощипывалъ грудь, хлопалъ по животу. Было самому весело, и со стороны должно-быть, выходило очень смѣшно. Я самъ иногда беру теперь прежніе рассказы, читаю и очень смѣюсь. Думаю: „вотъ какъ писалъ“.

Характерно отмѣтить, что съ годами эта необычайная легкость писанія отлетѣла отъ Чехова. Еще вовсе не позднія, еще относящіяся къ порѣ полного расцвѣта таланта вещи его, какъ даже по-

Петинъ блестящая „Палата № 6“, давались ему уже съ большимъ усиленіемъ, и—что особенно характерно—самая работа не только не увлекала его, но казалась скучною. Въ 1893 г. Л. Гуревичъ описалъ:

„Давать опредѣленныя обѣщанія и держать ихъ я не могу, такъ какъ пишу вообще медленно, вяло, съ длинными антрактами, пишу и передѣлываю и часто, не окончивъ, бросаю. Работа скучная, и потому я работаю всякій разъ со скукой. Сказать, когда я кончу и пришло разсказать или повѣсть, для меня такъ же тяжело, какъ предсказать затменіе солнца“.

Въ послѣдніе годы творчество А. П. стало для него уже прямо тяжѣлымъ трудомъ. Въ послѣдній періодъ онъ не писалъ, а какъ самъ шутилъ говорилъ про себя: „рисовалъ“. Одно время, уже въ Крыму, Чеховъ поправлялъ написанный новый разсказъ черными чернилами въ первый разъ, потомъ по поправленному какими-нибудь цвѣтными чернилами—второй разъ, другими цвѣтными чернилами—третій разъ, — это онъ и называлъ: „рисую“. Затѣмъ уже разсказъ переписывался публѣо опять черными чернилами, всегда на четвертушкѣ писчей бумаги мелкимъ, угловатымъ почеркомъ, всегда самимъ авторомъ, и если не подвергался еще разъ обработкѣ, то въ такомъ видѣ „безъ помарки“ поступалъ обыкновенно въ редакцію (М. Л. въ „Туркест. Вѣд.“, № отъ 26 ф. 1910).

„Я пишу разсказъ для „Cosmopolis“а“,—пишетъ онъ въ 1897 г.:— пишу туго, урывками. Обыкновенно я пишу медленно, съ напряженіемъ, здѣсь же въ номерѣ, за чужимъ столомъ, въ хорошую погоду, когда тянетъ наружу, пишется еще хуже“.

„Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять вѣдншность разсказа,—объясняетъ онъ другому лицу:—обыкновенно въ ней я заканчиваю разсказъ и исправляю его, такъ сказать, съ музыкальной стороны“.

VIII.

Но уже и въ молодости, конечно, бывало такъ, что подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ условій самый трудъ давался Чехову далеко не съ преслаившейся его легкостью.

„Въ настоящее время,—пишетъ онъ Лейкину въ 1886 г.:— я изображаю изъ себя человѣка обалдѣлаго и замученнаго. Три недѣли выкпмалъ изъ себя святочный разсказъ для „Новаго Времени“, пять разъ начиналъ, столько же разъ зачеркивалъ, плевалъ, рвалъ, металъ, бранился и кончилъ тѣмъ, что опоздалъ и послалъ Суворину плохую тинучку, которая, вѣроятно, полетитъ въ трубу. Такъ мучился, что тысячи цѣлковыхъ гонорара мало... Сегодня у меня мать именинница, я отдыхаю и не вѣрю своимъ глазамъ, что я отдыхаю.

Въ другомъ же письмѣ онъ пишетъ тому же лицу:

„Опять я не шлю разказа... Чтò сей соиъ значить, я и самъ не знаю... Моя голова совсѣмъ отбилась отъ рукъ и отказывается сочинительствовать... Всѣ праздники я жиллся, напрягалъ мозги, пыхѣлъ, сохѣлъ, разъ сто садился писать, но все время изъ-подъ моего „бойкаго“ пера выливались или длинноты, или кислоты, или тошноты, которыя не годятся для „Осколковъ“ и такъ плохи, что я не рѣшался посылать ихъ, дабы не конфузить своей фамиліи.

„Въ „Новое Время“ я не посылалъ ни одного разказа, чѣ „Газету“ кое-какъ смерекалъ два разказа, и на какіе пиши я буду жить въ февралѣ, Богъ вѣсть. Вы вообще скептикъ и не вѣрите въ нѣмощи человѣческія, но увѣрю васъ честнѣйшимъ словомъ: вчера, отъ утра до ночи, весь день я промаялся надъ разказомъ для „Осколковъ“, потерялъ время и легъ спать, не написавъ странички... О лѣнноти или нежеланіи не можетъ быть и рѣчи... Если вы будете негодовать и браниться, то будете неправы. Виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія!“

Скромность и неувѣренность А. П. въ своихъ силахъ были настолько велики, что уже тогда, когда онъ успѣлъ напечатать сотни разказовъ подъ псевдонимомъ „А. Чехонте“, рѣшительно никто изъ его товарищей по университету не зналъ, что „А. Чехонте“ — онъ, и этимъ никто не интересовался. „Знали, что я пишу гдѣ-то, что-то и — basta. Никому не было дѣла до моихъ писаній“, — говорилъ А. П. — чѣ Грузинскому. Не посылалъ онъ со своимъ писательствомъ и въ семьѣ.

О своей матери, которую онъ очень любилъ, Чеховъ какъ-то сказаль полунутя, полусерьезно: „Мамаша до сихъ поръ думаетъ, что я пишу стихъ“.

Юмористическій жанръ требоваль такихъ жертвъ себѣ, что А. П. иногда считаль нужнымъ даже скрывать свое новое „произведеніе“ отъ домашнихъ. Въ однихъ изъ воспоминаній о немъ (А. Грузинскаго) разказанъ комическій случай, какъ А. П., самъ спрятавшій вкладной листъ „Осколковъ“, помогаль сестрѣ, заинтересовавшейся номеромъ, „найти“ его.

Были и нѣкоторыя „политическія“ соображенія, заставлявшія Чехова умалчивать о своемъ писательствѣ. Въ своихъ обзорахъ московской жизни онъ трогаль не только явленія, но и лица. Въ 1883 г. онъ писалъ Лейкину: — „я уже два раза съѣлъ за свои замѣтки „подлеца“ отъ самыхъ искреннихъ моихъ, а А. М. Д. разказываль мнѣ, что онъ знаетъ, кто этотъ Руверь (псевдонимъ, которымъ подписывался А. П.). Онъ въ Петербургѣ живетъ... Ему отсюда посылается матеріаль... Талантливъ, бестія!..“

Скоро тайну и совсѣмъ не удалось сохранить, и Чеховъ просилъ

Лейкина переменить подпись. „Теперь ужъ все знаютъ, что я Руверь. П. совсѣмъ разобидѣлся, М. обидѣлся... Все знакомы,—хоть перо бросай. Пускайте безъ подписи, а я буду говорить, что я уже бросилъ фельетоны писать. Если же безъ подписи нельзя, то подпишите какую-нибудь букву (И. В., напиримѣръ)“.

Не былъ свободенъ уже и этотъ ранній періодъ дѣятельности Чехова отъ неизбѣжныхъ тучекъ зависти и недоброжелательства. Зависть—родная сестра удачи и извѣстности. По словамъ Амфитеатрова, Чеховъ очень рано познакомился съ товарищескою завистью. „Редакторъ „Будильника“ А. Д. Курешинъ дважды показывалъ мнѣ анонимныя письма, якобы читательскія, которыя получалъ онъ—съ упрёками, зачѣмъ „Будильникъ“ помѣщаетъ такъ много „бездарной“ прозы „скучнаго“ Антоши Чехонте и мало удѣляетъ мѣста высокоталантливымъ произведеніямъ нѣкотораго псевдонима, захватывающимъ читателя, привлекающимъ публику и дѣлающимъ честь журналу“. Подобныхъ писемъ, по словамъ Курешина, онъ получалъ много. Амфитеатровъ утверждаетъ, что, по сличенію почерковъ, авторомъ продѣлокъ оказался самъ высокоталантливый псевдонимъ. И это былъ не только не чужой, но даже довольно близкій Чехову человекъ.

Оглядываясь на всю свою „лицейскую“ литературу, А. П. дѣйствительно могъ чувствовать свою высокую авторскую гибкость и видѣть свою закаленность для будущихъ литературныхъ боевъ. „И тоже не дамъ фортуны живой въ руки,—писалъ онъ Плещееву.—Хотя у меня и нѣтъ того, что есть у Короленко, зато у меня есть кое-что другое. У меня въ прошломъ масса ошибокъ, какихъ не зналъ Короленко, а гдѣ ошибки, тамъ и опытъ. У меня, кромѣ того, шире поле брани и богаче выборъ: *кромѣ романа, стиховъ и доносовъ, я все перепробовалъ.* Писалъ и повѣсти, и рассказы, и водевили, и передовыя, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда комаровъ и мухъ для „Стрекозы“. Оборвавшись на повѣсти, я могу приняться за рассказы; если послѣдніе плохи, могу ухватиться за водевилъ—и такъ безъ конца, до самой дохлой смерти“.

Была ли однако эта первая пора литературной работы „злосчастьемъ для Чехова“, „издѣвательствомъ надъ его творчествомъ“, дѣломъ, „подавляюще дѣйствовавшимъ на духовную организцію писателя“?—какъ казалось нѣкоторымъ (Звенигородцевъ, біографическій очеркъ въ книгѣ В. И. Покровскаго)—едва ли. Были часто тяжкія условія, въ какихъ приходилось нести юному Антошѣ Чехонте, но это не было насиліемъ его влеченій. Беллетристъ по существу, онъ не вынуждался на писаніе научныхъ статей, заказныхъ передовицъ или дѣловыхъ судебныхъ отчетовъ,—какая судьба вышала на долю очень и очень многихъ писателей,

ставшихъ значительными въ послѣдствіи и начинавшихъ почти съ репортажа.

Чеховъ, едва 19-лѣтній, уже писалъ то, къ чему лежало его сердце. Будь передъ нимъ совершенно свободный выборъ, — и тѣ сомнѣнія, оны естественно пришелъ бы въ юмористическій журналъ, потому что живая струна юмора была въ немъ и колокотала. Онъ учился на мелкомъ наброскѣ, „набивалъ на немъ руку“ и, разумеется, не могъ сразу начать тѣмъ совершеннымъ рассказомъ, какіе писалъ въ послѣдствіи. Нельзя не пожалѣть, конечно, что онъ долженъ былъ прійти въ *тогдашній* юмористическій журналъ, забитый цензурою, безжизненный, худосочный, — но это уже вина историческихъ обстоятельствъ. Обязательство же писать коротко, прямо хватать быка за рога, давать квинтъ-эссенцію факта, подлежащаго изображенію — сказалось высоко-благоприятнымъ результатомъ. Именно въ эту пору Чеховъ уже нащупываетъ формы рассказа-миниатюры, который позднѣе довелъ до такой рѣдкой красоты и силы.

IX.

Въ литературной жизни Чехова первого пятилѣтія есть одно крупное явленіе, пожалуй, событіе, которое странно затѣсно въ его биографіи, *совершенно* не отражено въ перепискѣ, а между тѣмъ, казалось бы, должно было имѣть большое значеніе для психики писателя и явиться въ его опытахъ своего рода рубежной чертой.

Мы разумеѣмъ написаніе и напечатаніе имъ первого и единственнаго своего романа „Драма на охотѣ“, съ которымъ русское общество познакомилось только съ выходомъ дополнительныхъ томовъ Чехова. Самъ А. Н. никогда не переиздалъ его и никогда, по крайней мѣрѣ, въ опубликованной перепискѣ своей, не сдѣлалъ на него ни одного указанія.

Какъ писался романъ, какъ его устраивалъ Чеховъ. — объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Подъ послѣднимъ фельетономъ какого-то переводнаго романа въ газетѣ Липскерова „Новости дня“ за 1884 годъ отъ 28 іюля читаемъ напечатанныя болѣе замѣтнымъ шрифтомъ строки:

„Съ будущей субботы въ фельетонъ „Новостей Дня“ начнется печатаніе романа „Драма на охотѣ“, соч. Антоши Чехонте“.

Вотъ гдѣ, — въ ходкой и бойкой, но имѣющей слишкомъ мало общаго съ литературой газеткѣ мелкой прессы, въ содѣйствіи съ „Царицей ночи“, „Женщиной-ваширомъ“, „Отцеубійцей“ и „Тайной силой, или принцемъ и воромъ“, конкурируя съ „Синимъ домино“, — на тончайшей бумагѣ, которая разсылется пылью скорѣе, чѣмъ че-

резь его *дѣль*, — выступилъ со своимъ большимъ романомъ пачинавшій писатель, которому потомъ суждено было стать красой современной беллетристики и получить европейское признаніе!

Съ № 212, отъ 4 августа, начинается, въ самомъ *дѣль*, романъ Чехова. Подъ первыми четырьмя фельетонами стоитъ полная подпись: „Антоша Чехонте“. Остальные подписаны „А. Чехонте“. Всѣхъ ихъ тридцать три. За двумя-тремя исключениями, они идутъ не подъ рядъ, но большею частью на недѣльномъ разстояніи, иногда черезъ двѣ недѣли, черезъ двадцать дней. 23 декабря романъ обрывается на срединѣ и возобновляется лишь 27 января (!) новаго 1885 г., передъ новымъ наполовину читателемъ, когда прежній, — волицѣ возможно, — или совсѣмъ забылъ о „Драмѣ на охотѣ“, или потерялъ всякую надежду дочитать ее до конца.

Романъ такимъ образомъ растянулся съ августа одного по апрѣль другого года. Въ изданіи, гдѣ предѣль писательской мечты—десятирублевый авансъ, а высшій идеаль издателя—лишній пятакъ въ розницѣ, одинаково мало церемонились и съ читателемъ и съ авторомъ.

Узнаваемъ ли Чеховъ, *наше Челоовъ*, въ этомъ раннемъ опытѣ?

Двадцать четыре года — уже не такой ранній возрастъ для настоящего таланта, чтобы работы этого періода были ничтожны. Въ 24 года Лермонтовъ уже пѣлъ свои лучшія пѣсни, а Добролюбовъ и Писаревъ зажигали умы.

Романъ Чехова въ первой, лучшей половинѣ—настоящая литературная вещь, нѣкоторыя мѣста которой ничуть не звучали бы диссонансомъ рядомъ съ его позднѣйшими произведеніями. Онъ катится по наклонной плоскости къ концу, и здѣсь не безъ основанія можно угадывать слѣды просвѣщеннаго воздѣйствія „редактора“ изданія, можетъ-быть, нашедшаго реальнѣе, съ явнымъ художественнымъ взмахомъ романъ молодого писателя недостаточно „эффективнымъ“ для той публики, которая воспитывалась на „Женщинахъ-ваширахъ“. Можетъ-быть, онъ и далъ соотвѣтственный „совѣтъ“ автору.

На первой же половинѣ „Драмы на охотѣ“ лежитъ такой отпечатокъ чуткой, вдумчивой, прекрасной чеховской души, такъ явны черточки, составившія впоследствии типическую особенность его писательства, такъ очевидны его нервы, еще робкія и подчасъ угловатыя нащупыванія самобытной манеры, — что проити мимо этого романа, какъ первой чеховской фазы, въ его біографіи нельзя.

Нужно было быть Лисскеревымъ, чтобы не почувать чего-то небывающаго въ этой дешевой кучѣ бумаги, написаннаго на которой слова были такъ мало похожи на слова, обыкновенно печатавшіяся въ писемъ этажѣ его газеты. Кто сейчасъ, по такимъ хотя бы отрывкамъ,

не угадаться въ этой пѣжной акварели, въ этомъ чуткомъ олицетвореніи природы благоуханнаго таланта Чехова?

Приближается гроза, но компанія мужчинъ ведетъ плоскій, прозаическій разговоръ о предстоящей закускѣ, ершахъ, осетринѣ...

„Словно *разсердѣясь* на эту прозу, — пишетъ Чеховъ: — поэтическія сосны вдругъ зашевелили своими верхушками, и по лѣсу понесся тихій ропотъ. Свѣжій вѣтерокъ пробѣжалъ по простѣжкѣ и *попиралъ травой*... По лѣсу еще разъ пробѣжалъ вѣтерокъ, но на этотъ разъ болѣе рѣзкій. Сосны и трава *зароптали* громче... Понесся грохотъ *не то далекаго экипажа, не то игры въ кегли*. Прогремѣлъ гдѣ-то вдаль, за лѣсомъ, громъ. Миньга, все время слѣдившій за нами, вздрогнулъ и быстро закрестился“.

„...Озеро тихо катило свои пѣнящіяся волны и, отражая въ себѣ поднимающееся солнце, *готовилось къ дневному спу*. Лѣса и прибрежныя нвы стояли недвижимы, *словно на утренней молитвѣ*“.

„...Утро было прелестное. Само счастье, казалось, висѣло надъ землею и, отражаясь въ брилліантовыхъ росинкахъ, манило къ себѣ душу прохожаго. Лѣсъ, окутанный утреннимъ свѣтомъ, былъ тихъ и неподвиженъ, *словно прислушивался*... И, окидывая восторженными глазами просторъ, я чувствовалъ весну, молодость, и мнѣ казалось, *что молодыя березки, придорожная травка и цудьшіе безъ умолку майскіе жуки раздѣляли мое чувство*“.

Нѣкоторыя изъ этихъ блестящихъ вы найдете въ позднѣйшихъ разсказахъ А. П.—ча.

Кто далѣе не угадалъ бы чеховскую манеру „характеристики по пидосинкразін“ въ такомъ, напимѣръ, описаніи эпизодической фигуры уѣзднаго врача:

„Двѣ страсти обираютъ его—страсть давать взаймы и страсть *выписывать по газетнымъ объявленіямъ*. Взаймы даетъ онъ всякому просящему, не говоря ни слова и не заикаясь объ обратной получкѣ. Никакимъ гвоздемъ не выковыряешь изъ него безшабашной вѣры въ людскую добросовѣтность, и эта вѣра еще рельефнѣе сказывается въ его постоянныхъ выписываніяхъ вещей, воспѣваемыхъ въ газетныхъ объявленіяхъ. *Онъ выписываетъ все, нужное и неужное, выписываетъ книги, зрительныя трубки, юмористическіе журналы, столовые приборы, «состоящіе изъ ста вещей», хронометры*... И немудрено, если больные, приходящіе къ нему, принимаютъ его комнату за арсеналь или музей. Его надували и надувають, по вѣра его попрежнему сильна и безшабашна“.

Федотикъ, одолеваемый страстью всемъ что-нибудь дарить, Кулыгинъ, который всегда и всемъ „доволенъ“, монашекъ изъ „Архіерея“, которому все и всегда „не идравится“, Туркинъ изъ „Юныча“,

всегда коверкающей русскую рѣчь, — все это фигуры, очерченныя тѣмъ поворотомъ карандаша, какой предносился уже 24-лѣтнему художнику Чехову.

Х.

Въ своемъ первомъ романѣ Чеховъ былъ еще очень далекъ отъ задачъ лѣтотписца. Стремленія схватить „героя нашего времени“, запечатлѣть типъ „человѣка 80-хъ годовъ“ — здѣсь нѣтъ. Его герой, провинціальный Донъ-Жуанъ — излюбленный типъ стараго романа, и въ его самоанализѣ своихъ настроеній, въ угадываніи настроеній, интересующихъ его женщинъ, есть нѣчто — и многое — отъ лермонтовскаго Печорина и авдѣевского Тамарина.

Другой герой — титулованный прожигатель жизни, представитель оскудѣвающаго дворянства, добирающій послѣднія крохи на жизненномъ пиру, наканунѣ матеріальнаго краха и физическаго разложенія — еще не являетъ на себѣ никакихъ чертъ будущаго „хмураго“ человѣка. Чеховъ, очевидно, былъ еще слишкомъ молодъ, и невеселая психологія современнаго ему банкротскаго поколѣнія не приковывала его вниманія.

Романъ Чехова окаймленъ рамкой. Молодой авторъ беретъ старый пріемъ, прикрываясь только ролью человѣка, оглашающаго чужія записки. Личную форму носятъ лишь предисловіе къ роману и заключительныя страницы къ нему.

Этому послѣсловію, съ совершенной очевидностью, должно быть приписано значеніе чисто-библіографическаго примѣчакія. Очень похоже, что Чеховъ шелъ на сокращенія, мирился съ редакторскимъ произволомъ, выговоривъ себѣ возможность только заключительнаго извиненія передъ читателемъ.

„Въ одинъ изъ апрѣльскихъ полудней 1880 г., — такъ начинается романъ: — въ мой кабинетъ вошелъ есторожъ Андрей и таинственно доложилъ мнѣ, что въ редакцію явился какой-то господинъ и убѣдительно просить свиданія съ редакторомъ.

„— Должно-быть, чиновникъ, — добавилъ Андрей: — съ кокардой.

„— Попроси его прійти въ другое время, — сказала я. — Сегодня я занятъ. Скажи, что редакторъ принимаетъ только по субботамъ.

„— Онъ и третьяго-дня приходилъ, васъ спрашивалъ. Говоритъ, что дѣло большое. Проситъ и чуть не плачетъ. Въ субботу, говоритъ, ему несвободно. Прикажите прійти...“

Разсказчикъ, вздохнувъ, кладетъ перо и проситъ посѣтителя. Описание его стодитъ привести, какъ доказательство той самостоятельности манеры, какаю отличала Чехова уже этой поры. Замѣтите преобладаніе здѣсь импрессионистскаго начала, замѣтите это настоящее

времи глаголювъ (пожалуй, отъ Лѣскова), которое позднѣе такъ широко примѣнялъ Чеховъ въ своемъ мягкомъ разсказѣ.

„Онъ высокъ, широкоплечъ и плотенъ, какъ хорошая рабочая лошадь. Все его тѣло дышитъ здоровьемъ и силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая, мускулистая, волосы густы, какъ у здороваго мальчика. Ему подъ 40. Одѣтъ онъ со вкусомъ и по послѣдней модѣ, въ новенькій, недавно сшитый триковый костюмъ. На груди большая золотая цѣпь съ брелоками. На мизинцѣ мелькаетъ крошечною яркою звѣздочкой брильянтовый перстень. Но что главнѣе всего и что такъ немаловажно для всякаго мало-мальски порядочнаго героя романа или повѣсти, — онъ чрезвычайно красивъ. И не женщина и не художникъ. Мало я смыслю въ мужской красотѣ, но господинъ съ кокардой своею паружностью произвелъ на меня впечатлѣніе. Его большое мускулистое лицо осталось навсегда въ моей памяти. На этомъ лицѣ вы увидите нагоящій греческій носъ съ горбинкой, тонкія губы и хорошіе голубые глаза, въ которыхъ свѣтится доброта и еще что-то, чему трудно подобрать подходящее названіе. Это *что-то* можно подмѣтить въ глазахъ маленькихъ животныхъ, когда они тоскуютъ или когда имъ больно. Что-то умоляющее, дѣтское, безропотно терпящее. У хитрыхъ и очень умныхъ людей не бываетъ такихъ глазъ“.

Это еще не чеховскій „мазокъ“. Это еще манера старыхъ описаний, хотя здѣсь и выдвинуты мелочи — въ родѣ звѣздочки брильянта. Но и тутъ иногда можно уловить блестящую будущаго чеховскаго писателя. Описывая необыкновенную мягкость, почти иѣжность движеній своего героя, онъ замѣчаетъ: „За дверную ручку или за шпину онъ беретъ, какъ за бабочку, иѣжно, осторожно, слегка касаясь пальцами“.

Визитеръ приноситъ рукопись и проситъ ей гостепріимства въ газетѣ. Онъ кандидатъ правъ, Иванъ Петровичъ Камышевъ. Ему нужны деньги и мало дѣла до славы и „звуковъ сладкихъ“. Это — записки судебного слѣдователя, и здѣсь все правда. Редакторъ беретъ романъ на прочтеніе безъ особенной охоты и послѣ многихъ сговорокъ.

Читатель уже прочелъ въ отдѣльномъ изданіи „Драму на охотѣ“. Нѣтъ нужды знакомить его съ содержаніемъ романа. Остается только отмѣтить въ немъ зачатки того, что впоследствии сдѣлало автора однимъ изъ наиболѣе глубокихъ и иѣжныхъ нашихъ лириковъ въ прозѣ. Позднѣе лирика Чехова приняла какой-то объективный, пантенистическій характеръ. Она разлита въ его описанія природы, въ авторскіе ремаркамы. Очень рѣдко это лиризмъ личный, субъективный, какъ у Гоголя. Въ пору писанія „Драмы“ Чеховъ не сторонился и такой, гоголевской манеры.

„Вотъ, напримѣръ, страничка раздумья героя романа по адресу „дѣвушки въ красномъ“:

„Бѣдная бѣлокурая головка! Думалъ ли я въ этотъ тихій, полныи покоя майскій вечеръ, что она въиостѣдствіи будетъ героиней моего безпокойнаго романа!

„Теперь, когда я пишу эти строки, въ мои окна злобно стучитъ осенній дождь, и гдѣ-то надо мной воеетъ вѣтеръ. Я гляжу на темное окно и на фонѣ ночного мрака силюсь создать силою воображенія мою милую героиню... И я вижу ее съ ея невинно-дѣтскимъ, наивнымъ, добрымъ личикомъ и любящими глазами. Миѣ хочется бросить перо и разорвать, сжечь все то, что уже написано. Къ чему трогать память этого молодого, безгрѣшнаго существа?

„Но гуть же, около моей чернильницы, стоятъ ея фотографическій портретъ. Здѣсь бѣлокурая головка предстоитъ во всемъ суетномъ величій глубоко павшей, красивой женщины. Глаза, утомленные, но гордые развратомъ, неподвижны.

„Она дала бурѣ поцѣлуй, и буря сломала цвѣтокъ у самаго корня. Много взято, но зато слишкомъ дорого и заплачено...“

Въ описаніи чувствъ, вызываемыхъ въ героѣ романа созерцаніемъ женской красоты, Чеховъ еще далекъ отъ той чарующей задумчивости, какую обвѣяны его позднѣйшіе рассказы, напримѣръ, „Красавицы“.

Но картина грозы и сцена перваго знакомства героя съ героиней такъ живы, реальны, красивы, что не испортили бы позднѣйшаго чеховскаго рассказа.

„Первыя капли застучали по стекламъ. И подошеть къ окну. Было уже совсѣмъ темно, и сквозь стекло я не увидѣлъ ничего, кромѣ ползущихъ внизъ дождевыхъ капель и отраженія собственнаго носа. Влелснуть свѣтъ отъ молніи и освѣтить нѣсколько ближайшихъ сосенъ.

„...Баба съ двойнымъ перегянутымъ животомъ и съ глупымъ, озабоченнымъ лицомъ вошла въ залу, низко поклонилась графу и покрыла столъ бѣлой скатертью. За ней осторожно двинулся Митька, неся закуски. Черезъ минуту на столѣ стояла водка, ромъ, сыръ и тарелка съ какой-то жареной птицей...

„— Уже начался дождь. Поглядите! — сказала я вошедшей Оленькѣ.

„Дѣвушка въ красномъ подошла къ моему окну, и въ это самое время насъ освѣтило на мгновение бѣлымъ сіяніемъ. Раздался наверху трескъ, и миѣ показалось, что что-то большое, тяжелое сорвалось на небѣ съ мѣста и съ грохотомъ покатилося на землю. Оконныя стекла и рюмки, стоявшія передъ графомъ, содрогнулись и издали свой стеклинный звукъ. Ударъ былъ сильный.

„— Вы боитесь грозы? — спросила я Оленьку.

„Она прижала щеку къ круглому плечу и поглядѣла на меня дѣтски-довѣрчиво.

„— Боюсь,— прошептала она, немного подумавъ.— Гроза убила у меня мою мать. Въ газетахъ даже писали объ этомъ. Моя мать пла по полю и плакала. Ей очень горько жилось на этомъ свѣтѣ. Вогъ сжалился надъ ней и убилъ ее Своимъ небеснымъ электричествомъ.

„— Откуда вы знаете, что тамъ электричество?

„— Я училась. Вы знаете? Убитые грозой и на войнѣ и умершія отъ тяжелыхъ родовъ попадаютъ въ рай. Этого нигдѣ не написано въ книгахъ, но это вѣрно. Мать моя теперь въ рай. Миѣ кажется, что и меня убьетъ гроза когда-нибудь, и что и я буду въ рай. Вы образованный человекъ?

„— Да.

„— Стало-быть, вы не будете смѣяться. Миѣ вотъ какъ хотѣлось бы умереть. Одѣться въ самое дорогое модное платье, какое я на-дняхъ видѣла на здѣшней богачкѣ-помѣщицѣ, надѣть на руки браслеты. Потомъ стать на самый верхъ Каменной Могилы и дать себя убить молнии, такъ, чтобы все люди видѣли. Страшный громъ, знаете, и копецъ...“

Гроза кончается. „Грозовая туча, сверкая молніями и издавая сердитый ропотъ, спѣшила на сѣверо-востокъ, все болѣе и болѣе открывая голубое, звѣздное небо. Казалось, тяжело-вооруженная сила, произведя опустошеніе и взявъ страшную дань, стремилась къ новымъ побѣдамъ. Оставшіяся тучки гнались за ней и спѣшили, *словно боялись не догнать*“.

Моментами со страницъ этого перваго, юношескаго романа на васъ вѣетъ чеховскимъ настроеніемъ.

Въ замѣчаніяхъ героя романа о деревенскомъ храмѣ и молящихся безусловно надо читать мысли самого Чехова. — такъ явственно эквотить здѣсь его чуткая, мягкая душа, исполненная какого-то прирожденнаго высокаго такта, какого-то женственнаго уваженія къ чужому настроенію, той прелестной совѣстливости и скромности, какія всегда отличали Чехова.

„Народъ стоялъ тихо, неподвижно, — описываетъ Чеховъ: — съ благоговѣніемъ вематриваясь въ открытыя царскія врата и прислушиваясь къ протяжному чтенію. Деревенскія приличія, или, вѣрнѣе, деревенская порядочность строго преслѣдуютъ всякое попятное движеніе къ нарушенію въ церкви благоговѣйной тишины. Миѣ всегда становилось совѣстно, когда меня вынуждало что-нибудь улыбаться въ церкви или разговаривать. Къ несчастью, въ рѣдкихъ только случаяхъ я не встрѣчалъ въ церкви своихъ знакомыхъ, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, было очень много. Обыкновенно же чуть только, бывало, входилъ я въ церковь, какъ ко миѣ тотчасъ же подходилъ кто-нибудь „интеллигентный“ и послѣ длинныхъ предисловіи о погодѣ начиналъ разговоръ о своихъ грошовыхъ дѣлахъ. Я отвѣчалъ

да и пѣтъ, но былъ такъ щепетилень, что былъ не въ силахъ совѣсть отказать своему собесѣднику во вниманіи. И моя щепетильность недешево мнѣ стоила: я бесѣдовалъ и конфузливо косился на молящихся сосѣдей, боясь, что оскорбляю ихъ своей праздною болтовней“.

Если хотите, эти чуткія строки, такія характерныя для Чехова, можетъ-быть, даже звучать слегка дисгармонично въ устахъ уѣзднаго Донъ-Жуана не изъ исключительныхъ, избранныхъ натуръ...

XI.

Художественное достоинство романа рѣзко падаетъ съ момента убійства героини романа.

Обычный вкусъ, обычная бытовая мѣткость какъ бы измѣняютъ Чехову, и весь конецъ „Драмы на охотѣ“ несравнимо ниже его дарованія. Его впору было написать заправскому уголовному романисту. Даже блестящіе чеховскіе мѣткости и наблюдательности вовсе исчезаютъ.

Романъ уже не представляетъ ничего, чѣмъ бы можно было заинтересоваться. Ни производство дознанія, ни даже сцена допроса умирающей, но пришедшей въ сознаніе героини не замѣчательны. Видно бѣглое, торопливое письмо, безъ настоящей „чеховской“ продуманности. Въ сценѣ предсмертнаго допроса нѣтъ ни трогательности, ни силы, ни даже эффектности.

Романъ заканчивается красивыми лирическими строками, въ которыхъ звучатъ характерныя для позднѣйшаго Чехова нотки грусти о невозвратномъ, жалоба на сѣрость, сумеречность, безцвѣтность настоящего дня. Авторъ заплесокъ говоритъ, что при оглядкѣ на прошлое герои романа ему или гадки, или отвратительны, или смѣшны.

„Но, — пишетъ онъ: — бываютъ нерѣдко минуты, когда я, вглядываясь въ стоящій на моемъ столѣ портретъ, чувствую непреодолимое желаніе пройтись съ дѣвушкой въ красномъ по лѣсу подъ шумъ высокихъ сосенъ и прижать ее къ груди, несмотря ни на что. Въ эти минуты прощаю я ей и ложь, и паденіе въ грязную пропасть, готовъ простить все для того, чтобы повторилась еще разъ хотя бы частичка прошлаго. Утомленный городской скукой, я хотѣлъ бы еще разъ послушать ревъ великаго озера и промчаться по его берегу на моей Зорькѣ.“

„Я простилъ и забылъ бы все, чтобы еще разъ пройтись по Тьневской дорогѣ и встрѣтить садовника съ водочнымъ боченкомъ и жокейскомъ картузикомъ. Бываютъ минуты, когда я готовъ уже пожать руку, обгавленную кровью, и потолковать съ благодушнымъ Урбиничемъ о религіи, урожаѣ, народномъ образованіи. Я хотѣлъ бы повидаться съ Щуромъ, съ Наденькой.“

„Жизнь бѣшеная, безпутная и безпокойная, какъ озеро въ августовскую ночь!.. Много жертвъ скрылось навсегда подъ ея темными волнами. На днѣ лежитъ тяжелый осадокъ...“

„Но за что я люблю ее въ инныя минуты? За что я прощаю ее и мчусь къ ней душой, какъ ябжный сытъ, какъ птица, выпущенная изъ кѣтки?“

„Жизнь, которую я вижу сейчасъ сквозь померное окно, напоминаетъ мнѣ сѣрый кругъ. *Сѣрый цвѣтъ, и никакихъ оттенковъ, никакихъ свѣтлыхъ проблесковъ.* Но, закрывъ глаза и припоминая прошлое, я вижу радугу, какую даетъ солнечный спектръ. Да, тамъ бурно, но тамъ свѣтлѣе...“

Эта замѣтка о „сѣромъ цвѣтѣ“ жизни не отсылаетъ ли къ Чехову послѣдующихъ лѣтъ?

Заниски Камышева кончены. Но Чеховъ хочетъ использовать еще одинъ эффектъ и въ эпилогѣ сталкиваетъ читателя лицомъ къ лицу съ убійцею, приносящимъ рукопись своего разсказа въ редакцію. Эта глава сдѣлана опять безъ блеска и яркости.

Какія библиографическія данныя можно извлечь изъ самаго романа Чехова?

Одно изъ нихъ несомнѣнно: „Драма на охотѣ“ увидѣла свѣтъ не въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ рукописи у автора. Въ послѣсловіи къ роману Чеховъ дѣлаетъ оговорку, которая имѣетъ смыслъ только въ болѣе или менѣе буквальномъ пониманіи, какъ ремарка, выговоренная у редактора писателемъ, согласившимся на нѣкоторые компромиссы при печатаніи вещи.

„Я долженъ предупредить, — пишетъ Чеховъ: — что обѣщаніе, данное мною читателю въ началѣ повѣсти, не сдержано. Романъ Камышева напечатанъ не безъ пропусковъ, не *in toto*, какъ я обѣщала, а по значительномъ сокращеніи... Редакція, давая пріютъ роману, нашла невозможнымъ печатать его безъ прыжковъ. Всякій разъ, во все время печатанія, она присылала мнѣ корректуры отдельныхъ главъ съ просьбой измѣнить. Я же не хотѣлъ брать грѣха на душу, измѣнить чужое, и находилъ лучшимъ и полезнымъ *совсѣмъ выпускать, чѣмъ измѣнять неудобное мѣсто.* По соглашенію со мною, редакція выпустила много мѣстъ, поражающихъ своимъ цинизмомъ, длиннотами и небрежностью... Эти выпуски и урѣзки требовали осторожности и времени, — причина, отчего многія главы запаздывали.“

Дальше Чеховъ детально указываетъ, что именно вычеркнуто въ романѣ: нѣсколько свиданій Ольги съ Камышевымъ, одно объясненіе съ Наденькой, описаніе ночныхъ оргій графа, описаніе библиотеки слуги Поликарпа и его манеры читать и т. п.

Совершенно очевидно, что сочинить такія строки не имѣло ника-

кого смысла, если бы этого не было въ дѣйствительности. Онъ были бы безцѣльнымъ балластомъ.

Представляется почти безспорнымъ, что редакція, дѣйствительно, требовала отъ 24-лѣтняго писателя, съ которымъ можно было не церемониться, измѣненій въ сторону большей протокольной занимательности. Почти безспорно, что Чеховъ, дѣйствительно, изъ уваженія къ себѣ предпочиталъ безжалостно кромсать романъ, сокращать и сокращать его, избѣгая передѣлокъ. Что-то насильственное, диссонансирующее, лубочное, привнесное чувствуется только въ главѣ, рассказывающей объ убійствѣ одноглазаго мужика Козьмы.

Такъ и хочется думать, что въ уши молодого Чехова кто-то напѣвалъ, что бульварной газетѣ нужно больше таинственныхъ убійствъ, нарастающихъ одно на другое, больше виѣшной эффектиности. И, противъ своего вкуса, противъ своего пониманія литературы и литературности, Чеховъ это сдѣлалъ.

Что онъ долженъ былъ выпускать?

Можетъ-быть, то, что было ему всего дороже. Психологію, описанія природы, описанія характеровъ. Все это не нужно читателю мелкой газеты. По тому, что, несомнѣнно, выпущено, ясно, что такъ именно и было. Свиданія Ольги съ Камышевымъ, Камышева съ Наденькой—это, конечно, могло быть красиво той тихой, поэтической, психологической красотой, за которой не гонятся Пастуховы и Липскеровы. Оргія у графа, что-то колоритно-бытовое, юмористическое описаніе слуги Поликарпа, второго Петрушки,—все это было не на читателя, увлекающагося „Женщинами-вампирами“ и „Принцемъ-воромъ“.

Почему никогда впоследствии Чеховъ не вспомнилъ о своемъ романѣ, не любилъ о немъ говорить (изъ десятковъ воспоминавшихъ о немъ никто не записалъ этой подробности), не подумалъ объ его переизданіи?

Отвѣтъ уже налицо въ только-что написанномъ. Одно изъ первыхъ, раннихъ созданій, куда ушло, вѣроятно, много и личного чувства и первыхъ впечатлѣній бытія, романъ не могъ не быть ему дорогъ, но онъ могъ быть настолько искалѣченнымъ, что горькое чувство могло побѣдить въ душѣ Чехова все остальные чувства. Ужъ чего стоило одно то, что романъ былъ разбитъ на два года (!), и фельетоны выходили въ лучшемъ случаѣ разъ въ недѣлю, въ худшемъ—черезъ 35 дней! Не лучшей ли это способъ похоронить, просодить, обезсмыслить, заставить не читать самое выдающееся литературное произведеніе!

Слава Богу уже за то, что, натолкнувшись въ самомъ началѣ карьеры на столь медвѣжье отношеніе къ такой хрупкой вещи, какъ талантъ, Чеховъ не получилъ на всю жизнь отвращенія отъ редакторскихъ кабинетовъ и отъ литературы!..

Вислѣдствіи, созрѣвшій и признанный, Чеховъ не могъ, конечно, желать переизданія романа. Онъ слишкомъ хорошо видѣлъ слабость его второй половины, чтобы даже мечтать о спасеніи первой и лучшей. Мы знаемъ, что онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ. Надо было бы сънова начинать работу.

Но біографъ и критикъ Чехова не можетъ пройти мимо этой ранней большой его работы, даже въ искаженномъ видѣ характерной для того „пути исканій“, каковыя шель онъ, 24-лѣтній. Этотъ романъ покажетъ изслѣдователю, что уже тогда, въ ранней молодости, будущій большой художникъ задумывался съ мягкой и вопросительной грустью надъ странной нескладницей жизни, стариками Урбенными, берущими въ жены чуть не дѣвочекъ, надъ прекрасными Олеськами, такими неприспособленными для жизни, надъ Щурами, кроткими и любящими, но обреченными на то, что любимыя женщины проходятъ мимо нихъ, не замѣчая ихъ любви и страданія, надъ богато одаренными Камышевыми, изъ которыхъ, какъ изъ Ивановыхъ, изъ Астровыхъ, изъ Войницкихъ (дядя Ваня), выходитъ только семиудовый шникъ.

Въ прекрасно обрисованной фигурѣ прожегшаго жизнь графа вы видите уже ясный прототипъ будущихъ Гаевыхъ и Шабельскихъ. Со стороны исканія художественной красоты „Драма на охотѣ“ своею первой половиною покажетъ біографу Чехова, что маленькій орленокъ, выпущенный на куринный дворъ со связанными крыльями, уже тогда мѣткостью глаза и силою крика давалъ почувствовать имбюющимъ очи и уши царственность своего происхожденія.

Мы пересмотрѣли почти все, вышедшее изъ-подъ пера Чехова поры начала, — все эти журналы мутной поры россійскаго подневолья, когда юмористу полагалось по штату обличать тецъ и шкиотовъ и начальство не выше дворника! Въ какую узельскую подворотню, на какой жалкій обывательскій дворикъ была загнана наша литература „семейнаго“ журнала 80-хъ годовъ! И проявить себя здѣсь, въ отрывочныхъ сценахъ, въ маленькихъ разсказахъ, которые не должны были обидѣть никого, — ни цензора, ни читателя, ни редактора, ни обывателя, — какое для этого нужно было еще особенное умѣніе, кромѣ таланта!

ХII.

Однимъ изъ темныхъ мѣстъ біографіи Чехова является легенда о его второмъ романѣ, который неизвѣстенъ, но на который имѣются указанія самого А. П.—ча.

Этотъ мионическій романъ никоимъ образомъ не можетъ быть отождествленъ съ „Драмой на охотѣ“, появившейся въ 1884 и

1885 г. въ „Новостяхъ дня“. Этогъ второй, повидимому, писался въ 1887—1889 г.

Въ давно опубликованныхъ письмахъ Чехова къ поэту А. И. Плещееву написано:

„Пишу понемножку свой романъ. Выйдетъ ли изъ него что-нибудь, я не знаю, но, когда я пишу его, мнѣ кажется, что я послѣ хорошаго обѣда лежу въ саду на сѣнѣ, которое только-что скосили. Прекрасный отдыхъ. Ахъ, застрѣлите меня, если я сойду съ ума и стану заниматься не своимъ дѣломъ“.

„Ахъ, если бы вы знали,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ тому же лицу (даты писемъ утрачены):—что сидятъ въ моей башкѣ! Какія чудныя женщины, какія похороны, какія свадьбы. Если бы деньги, я удралъ бы въ Крымъ, сѣлъ бы тамъ подъ кипарисомъ и написалъ бы романъ въ одинъ-два мѣсяца. У меня ужъ готовы три листа,—можете себѣ представить!“

Въ дальнѣйшихъ письмахъ:

„Романъ мой на точки замерзанія. Онъ не сталъ двигаться. Чтобы не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху. Для „Сѣвернаго Вѣстника“ дамъ повѣстунку, но романъ едва ли попадетъ на его страницы. Я такъ ужъ и порѣшилъ, что романъ будетъ конченъ года черезъ три-четыре“.

„Литомъ буду коптить надъ романомъ. Свой романъ посвящу я вамъ,—это завѣщала мнѣ моя душа... Въ мечтахъ и плапахъ моихъ вамъ посвящена моя самая лучшая вещь“.

„Романъ значительно подвинулся впередъ. Въ основу его кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды. Цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и, ксатя, показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма—мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людьми посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, чорта, свобода отъ страстей и проч.“

„Писать большое очень скучно и гораздо труднѣе, чѣмъ писать мелочь. Вы прочтете и увидите, какую уйму трудностей пришлось пережить моему неопытному мозгу...“

„Въ истекшій сезонъ я написалъ „Степь“, „Огни“ (1888), пьесу, два водевиля, массу мелкихъ рассказовъ, началъ романъ...“

„Въ ноябрѣ прїѣду въ Питеръ продавать свой романъ. Дешевле, какъ по 250 за листъ, не уступлю. Продамъ и уѣду за границу...“ („На памятникъ Чехову“, 1906, Сиб., стр. 151—3).

Таковы указанія на романъ самого Чехова.

Гоголь иъкогда затѣвалъ „Исторію Малороссіи“ въ четырехъ томахъ, „Исторію среднихъ вѣковъ“—въ девяти и „Всесообщую географію“—въ трехъ. Воображеніе увлекло его такъ далеко, что въ письмахъ онъ писалъ объ этихъ трудахъ почти какъ о конченныхъ, когда они не были еще и начаты.

На Чехова это не похоже. Съ Плещеевымъ его отношенія были дружескими, и ему едва ли была надобность набивать себѣ цѣну „въ редакторскихъ глазахъ“ общаніемъ засѣть за серьезную работу.

Правда, здѣсь есть явное желаніе никакъ не связать себя фактическимъ общаніемъ, — „едва ли понадесть въ „Сѣверный Вѣстникъ“. Есть спасительное отдаленіе конца на такой срокъ, въ какой самый журналъ въ Россіи трижды можетъ умереть, — „года черезъ три-четыре“.

Но рядомъ есть и такія опредѣленныя показанія насчетъ содержанія вещи, характера работы надъ ней, наслажденія работой, что не остается мѣста для шутки, для преувеличенія при всей шаловливости натуры молодого Чехова.

Мечта написать романъ была всегда ярка и заманчива для Чехова. Начиная съ Михайловскаго, продолжая Скабичевскимъ, кончат обозрѣвателемъ „Сериуховскихъ Вѣдомостей“,—все въ критикѣ у насъ совѣтовало Чехову перейти отъ „пустячковъ“ къ дѣлу. Именно около того времени Михайловскій прислалъ ему письмо съ совѣтомъ, во-первыхъ, оставить „Новое Время“ и, во-вторыхъ, перейти „къ крупнымъ по размѣру“ вещамъ. Есть мнѣніе, будто Чеховъ поѣхалъ на Сахалинъ, между прочимъ, для того, чтобы стяжать себѣ инокендъ репутацію „серьезнаго“ писателя.

Онъ первое время „берегъ“ свою настоящую фамилію, пряча ее за „Чехонте“, потому что „подумывать кое-что напечатать въ медицинскихъ журналахъ“.

Онъ готовъ былъ взяться за „тюремный вопросъ“ и посѣтить петербургскія и московскія тюрьмы, „съ разрѣшенія министра юстиціи“. — „Я въ прошломъ году встрѣтилъ Н. В. Муравьева на набережной. Онъ шелъ и несъ въ рукѣ моихъ „Мужиковъ“. Авось „Мужики“ составятъ мнѣ протекцію...“

Все хорошо знавшіе Чехова той поры единогласно говорить объ этой мечтѣ Антона Павловича.

„Его долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа, занисалъ Амфитеатровъ:—и, сколько разъ ни видалъ я его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекалъ на начатый или задуманный планъ романа“.

Суворинъ написалъ:

„Однимъ онъ мучился, — ему не давался романъ, а онъ ме-

чталъ о немъ и много разъ за него принимался. Широкая рама какъ будто ему не давалась, и онъ бросалъ начатыя главы. Одно время онъ все хотѣлъ взять форму „Мертвыхъ душъ“, то-есть поставить своего героя въ положеніе Чичикова, который разъѣзжаетъ по Россіи и знакомится съ ея представителями. Нѣсколько разъ онъ развивалъ предо мною широкую тему романа съ полуфантастическимъ героемъ, который живетъ цѣлый вѣкъ и участвуетъ во всѣхъ событіяхъ XIX столѣтія... Я думаю, что вѣчная забота о насущномъ хлѣбѣ и затѣмъ пристушы болѣзни не давали ему свободы для большого произведенія“.

Хорошо знавшій Чехова беллетристъ А. Грузинскій разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ А. П. однажды, по дорогѣ на его дачу, близъ Воскресенска, передалъ ему сюжетъ своего романа. Вотъ его начало въ этомъ пересказѣ:

„— Представьте тихую желѣзнодорожную станцію въ степи,—разсказывалъ онъ.— Недалеко имѣніе вдовы-генеральши. Ясный вечеръ. Къ платформѣ подходитъ поѣздъ съ двумя паровозами. Затѣмъ, стоявъ на станціи минутъ пять, поѣздъ уходитъ дальше съ однимъ паровозомъ, а другой паровозъ трогается и тихо-тихо подкатываетъ къ платформѣ одинъ товарный вагонъ. Вагонъ останавливается. Его открываютъ. Въ вагонѣ гробъ съ тѣломъ единственнаго сына вдовы-генеральши...“

„Я, — разсказываетъ Грузинскій: — вспомнилъ эту сцену, когда вагонъ съ тѣломъ Чехова, только не въ ясный вечеръ, а въ змурое утро, тихо-тихо приближался къ платформѣ Николаевского вокзала“.

Но никакого романа не появилось ни въ ближайшее къ 1887—1889 г. время, ни позднее. Сжигалъ ли Чеховъ написанное и не правившееся? Переливался ли эти замыслы въ форму позднѣйшихъ повѣстей, въ родѣ „Дуэли“, „Три года“ и т. п.?

XIII.

Письма Плещееву должны быть отнесены, по показаніямъ сына поэта Плещеева, къ промежутку между 1887—1889 гг. Плещеевъ-поэтъ завѣдывалъ тогда беллетристическимъ отдѣломъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, издававшемся подъ редакціей А. М. Евреиновой (съ 1885 по 1889 г.). Напечатаны письма безъ датъ и совершенно, очевидно, враздробь, такъ что, напримѣръ, впередъ ставится повтореніе обѣщанія посвятить романъ, а дальше слѣдуетъ первое обѣщаніе. Чеховъ рѣдко означалъ годы на письмахъ.

Въ 1888 г. Чеховъ провелъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ свои первые большіе разказы— „Степь“, „Огни“, „Именины“, въ слѣдующемъ году— „Иванова“ и „Скучную исторію“. Ни къ одной изъ этихъ

вещей ни въ какомъ случаѣ не идетъ имя романа. Самая крупная по размѣрамъ вещь Чехова— „Три года“, занявшая въ его „Собраніи сочиненій“ пять печатныхъ листовъ и, если ужъ на то пошло, могущая поэтому съ натяжкою назваться романомъ—появилась въ январской и февральской книжкахъ „Русской Мысли“ только еще въ 1895 году.

Это никоимъ образомъ не то, о чемъ пишетъ Чеховъ Плещееву,— ни по времени, ни по внутреннему содержанию, ни по тому накопецъ захвату, какой, очевидно, былъ въ „романѣ“. То казалось лучшей, наиболѣе глубокой вещью, хотя и тамъ были періоды творческаго утомленія („писать большое очень скучно“). „Три года“— одна изъ наиболѣе вялыхъ, неяркихъ, нехарактерныхъ повѣстей Чехова. Это—не „Три года“.

Что сдѣлать Чеховъ съ этой работой, несомнѣнно существовавшей, доведенной, самое меньшее, до трехъ печатныхъ листовъ,— неизвѣстно. Ясно только одно: *этотъ романъ, замышлявшійся и писанный Чеховымъ послѣ 1887 г., не есть романъ «Драма на охотѣ».*

Уже послѣ смерти А. П. въ московскихъ „Новостяхъ Дня“ появилось такое письмо въ редакцію, подписанное инициаломъ К.:

„Отъ Чехова еще при жизни ждали обширнаго романа изъ современной жизни (!). Оказывается, такой романъ А. П. Чеховымъ былъ написанъ въ самомъ началѣ его литературной карьеры, но это произведение такъ и не увидѣло свѣта. Мы узнали объ этомъ неизвѣданномъ романѣ Чехова отъ бывшаго редактора журналовъ „Эпоха“ и „Радуга“, Д. А. Мансфельда.

„— Миѣ поминтея,—разсказывалъ Д. А. Мансфельдъ:— въ 1885 или 1886 году ко миѣ въ редакцію, помѣщавшуюся тогда въ Столешниковомъ пер., въ домѣ Карзинкина, зашелъ художавый молодой человекъ съ небольшой бородкой и въ пенсене. Онъ откомендовался Чеховымъ и предложилъ миѣ просмотрѣть написанный имъ романъ, который принесъ съ собой. Это былъ громадный фоліантъ, толщиной почти въ полторы стопы бумаги. Взглянувъ на эту рукопись и даже не просматривая ея, я категорически отказалъ автору въ ея напечатаніи, потому что такой романъ долженъ былъ занять въ теченіе цѣлаго года большую часть каждаго номера журнала.

„— Если это длинно, то я могу сократить, — возразилъ миѣ А. П. Чеховъ.

„— Помилуйте, это какъ ни сокращай, хоть даже наполовину, такъ и то растянешь на цѣлый годъ, а это положительно невозможно.

Авторъ, повидимому, былъ смущенъ такимъ недружелюбнымъ приемомъ, и наша бесѣда по поводу романа велась крайне медленно. А. П. Чеховъ, между прочимъ, сообщилъ, что романъ этотъ написанъ

подъ впечатлѣніемъ крупнаго процесса Вальяно, обвинявшагося въ торговлѣ контрабанднымъ товаромъ. Процессъ этотъ въ свое время на югѣ возбуждалъ безконечныя толки. Въ дѣлѣ былъ замѣшанъ не одинъ Вальяно, а цѣлый десятокъ торговцевъ и дамъ, способствовавшихъ провозу контрабанды. Гражданскій искъ по этому дѣлу былъ опредѣленъ въ нѣсколько милліоновъ. А. П. Чеховъ объяснилъ тогда же, что онъ готовъ продать свой романъ за какую угодно сумму, такъ какъ чрезвычайно нуждается въ деньгахъ, но мнѣ для своихъ журналовъ такой романъ рѣшительно не подходилъ по объему, и я даже уклонился отъ его прочтенія. *Куда дѣвалась эта рукопись и была ли она кому-нибудь известна еще,—я не знаю, и этотъ вопросъ въ настоящее время было бы чрезвычайно любопытно выяснить*“.

Извѣстіе Мансфельда въ свое время обошло все газеты. Родными оно не было опровергнуто, но не было и подтверждено. Беллетристъ Грузинскій, хорошо знавшій Чехова съ начала карьеры, на просьбу нищущаго эти строки вспомнить что-либо по этому поводу, высказалъ увѣренность, что А. П. никогда не ходилъ къ Мансфельду, издателю „Радуги“, и никакого романа, написаннаго подъ впечатлѣніемъ процесса Вальяно и др. контрабандистовъ, ему не предлагалъ. Рассказъ Мансфельда ему представляется вздорнымъ и съ фактической и съ „психологической“ стороны.

Мансфельдъ сообщаетъ, что это было въ 1885—1886 гг. Посѣщеніе нельзя отнести къ 1886 году, такъ какъ въ 1886 г. Чеховъ уже работалъ въ „Новомъ Времени“, получая по 12 к. за строчку. Время, когда Чехову, по его собственному признанію, по десяти разъ приходилось ходить въ „Будильникъ“ за трехрублевкой—самое начало 80-хъ годовъ.

Уже съ самаго начала 80-хъ годовъ Чеховъ былъ близокъ къ редакціямъ московскихъ журналовъ: „Будильника“, „Свѣта и Тѣни“, „Зрителя“ и другихъ, а въ редакціи „Будильника“ былъ своимъ человѣкомъ. Вѣроятно ли послѣ этого, чтобы Чеховъ заѣхалъ за громадный романъ („стоны полторы писаныхъ“), а написавъ романъ, ходилъ по редакціямъ („Не напечатаете ли?“; „За цѣной не постою“; „Если это дланно, я могу сократить“) и въ скитаніяхъ своихъ забрелъ даже къ Мансфельду, падъ которымъ немало потѣшились въ тѣ дни въ литературныхъ кружкахъ. Что такое былъ г. Мансфельдъ—въ двухъ словахъ покажетъ такой случай. Во время редактированія имъ „Радуги“ его постигло какое-то семейное горе: у него умерла дочь или жена. Онъ напечаталъ объ этомъ въ журналѣ, подписчики прислали ему груды писемъ, выражая соболѣзнованіе, и все эти письма онъ печаталъ на страницахъ „Радуги“!

Престижъ нищущаго человѣка стоялъ тогда, пожалуй, выше, чѣмъ теперь. Даже молодой авторъ зналъ себя цѣну и умѣлъ дер-

жать себя передъ издателемъ съ достоинствомъ. Однажды Ник. Чеховъ запоздалъ принести рисунокъ въ редакцію, и, когда явился, редакторъ въ грубоватой формѣ началъ выговаривать ему. Чеховъ разорвалъ рисунокъ въ клочки, бросилъ клочки въ уголь и отрисъ отъ ногъ прахъ редакціи.

Растерянное поведеніе шимаго А. П. Чехова у Мансфельда съ жалкими предложеніями „сократить романъ“ не вяжется съ духомъ тогдашняго литератора, и Чехова въ частности. Онъ не могъ вести себя такъ. Тотъ первыхъ писемъ Чехова къ Лейкину, если можно такъ выразиться, „излишне вѣжливъ“. Но посмотрите, какъ во всякомъ случаѣ независимо держится онъ съ своимъ редакторомъ и какъ откровенно пишетъ о „Переломѣхъ“ и „Вездыхъ“ Марковича, о „лѣзущихъ изъ кожи“ Куренинѣ, Лукинѣ и прочей литературной братѣ.

Невѣроятнымъ для Чехова представляется и сюжетъ романа, злободневный и предположительно имѣвшій обличительныя цѣли. Если въ мелкихъ рассказикахъ, въ раннее время, Чеховъ касается злобъ дня, то въ большихъ вещахъ у него и тогда были уже совѣмъ другія задачи. Какъ художникъ, не могъ Чеховъ писать романы подъ впечатлѣніемъ процессовъ Вальяно.

„Лично мнѣ, — пишетъ А. С. Грузинскій: — Чеховъ никогда не напоминалъ объ этомъ миоическомъ романѣ. Это, конечно, не доказательство. Но вообще онъ очень много рассказывалъ мнѣ о своихъ первыхъ литературныхъ шагахъ. Онъ былъ со мною совершенно откровененъ. Въ исторіи съ Мансфельдомъ ему, конечно, нечего было скрывать. Но, съ другой стороны, какой резонъ былъ и Мансфельду сочинять эту исторію“.

Исторія съ миоическимъ романомъ Чехова такъ и осталась неразъясненною. Предположеніе, что авторомъ этого романа былъ не Антонъ Чеховъ, а его родной братъ Александръ, авторъ нѣсколькихъ романовъ, нѣкоторое время дѣйствительно служившій въ таганрогской таможнѣ, отпало послѣ того, какъ оно, печатно высказанное, было имъ самимъ рѣшительно отвергнуто.

XIV.

Студенческіе годы А. П.—ча являются наиболее темнымъ періодомъ его жизни, наименѣ освѣщеннымъ и въ его перепискѣ. Это было время упорнаго двойного труда по завоевыванію докторскаго патента и добыванію насущнаго хлѣба въ той отрасли литературы, которая всего менѣ могла нести художественныхъ удовлетвореній. Можно думать, что Чехову въ это время было просто не до писемъ, и онъ свелъ свою корреспонденцію до минимума.

Впечатлѣній молодости, типы и характеры студентовъ, наблюденіе имъ за это время, нашли богатѣйшее отраженіе въ его послѣдующихъ разсказахъ. Молодой писатель жадно ловилъ все впечатлѣнія жизни. Все это были — темы и „хлѣбъ“. Кто хочетъ найти указанія, подъ какими влияніями и подсказками дѣйствительности сложились многіе изъ его разсказовъ, долженъ обратиться къ воспоминаніямъ его брата Михаила („Памяти Чехова“, изд. „Общ. любит. русск. словесности“, 1906).

Уходившій на упорный трудъ академическій сезонъ смѣнялся болѣе спокойнымъ лѣтнимъ времяпровожденіемъ. Оно всегда проходило на лонѣ природы. Отъ нѣкоторыхъ товарищей Чехова, у которыхъ онъ гостилъ, сохранились странички воспоминаній объ этой порѣ Чехова, не вносящія, впрочемъ, чего-либо новаго въ знакомый намъ юношескій образъ его. Нѣсколько лѣтнихъ сезононъ А. П. провелъ въ Вабкинѣ, имѣніи своего знакомаго, г. Киселева. Часто онъ ѣздилъ въ Звенигородъ. Въ Новомъ Іерусалимѣ онъ полно наслаждался природою и всеми ея благами — рыбной ловлей, походами за грибами и т. д. Съ похвальбой онъ нишетъ Лейкину о монастырѣ, гдѣ, по особенностямъ его, каждое воскресенье постя насальная служба.

Зимою немногочисленные часы отдыха и развлеченія отдавались Сокольникамъ, селу Богородекому и тѣмъ дачнымъ выселкамъ, которые А. П. описывалъ въ „Дачникахъ“, „Лишнихъ людяхъ“ и т. д., а братъ Николай зарисовывалъ въ карикатурахъ.

Въ Москвѣ Чехову во всякомъ случаѣ жилось, что называется, въ тѣснотѣ, но не въ обидѣ. Въ домѣ Чеховыхъ постоянно былъ народъ. Семейные праздники свято чтились. Отъ этого веселья, но немножко не по средствамъ житія А. П.—чу иногда приходилось спасаться искусственно. „Путешествовалъ я съ корыстною цѣлью, — признается онъ Лейкину (1884, январь): — удрали отъ именинъ, которыя обходятся мнѣ обыкновенно дороже всякихъ поѣздокъ“.

Въ 1884 г. Чеховъ вышелъ въ жизнь. У него уже былъ дипломъ московскаго университета. За нимъ было четыре года литературной работы. На дверяхъ его появилась карточка — „Антонъ Павловичъ Чеховъ, врачъ“. Въ этомъ же году онъ подавалъ прошеніе въ московскую дѣтскую больницу.

Вернувшійся съ нимъ въ Москвѣ его товарищъ по гимназіи такъ описываетъ его:

„Антонъ Чеховъ былъ неузнаваемъ. Въмѣсто вялаго, рыхлаго увальня, съ пухлымъ, какъ булка, лицомъ, предо мною стоялъ высокій, стройный юноша съ веселымъ, открытымъ и необыкновенно симпатичнымъ лицомъ. Легкій пушокъ темнѣлъ на его верхней губѣ. Цѣлая волна шелковистыхъ волосъ, поднявшись у лба, закруглен-

нымъ изгибомъ уходила назадъ, съ слегка раздвинутымъ пробормомъ почти на серединѣ головы, чтó придавало Чехову характеръ русскаго миловиднаго парня, какіе повсюду встрѣчаются въ зажиточныхъ крестьянскихъ семьяхъ.

„Но болѣе всего меня поразили въ Чеховѣ его внушительная степенность, хорошій, спокойный тонъ и ровное, привѣтливое обращеніе. Онъ не суетился, не радушиничалъ и не старался во что бы то ни стало быть остроумнымъ и интереснымъ. Но отъ него такъ и вѣяло самоцвѣтностью, умомъ, привлекательностью. Особенно не нравился мнѣ его голосъ—звучный, съ басовыми нотками, какимъ говорятъ юноши, когда у нихъ начинаютъ прорастать усы. Басовый тембръ голоса, слегка только потускнѣвшій въ послѣдніе годы, и студенческое словцо „понимаешь“—остались у Чехова до послѣднихъ дней“ (П. А. Сергѣенко).

XV.

У біографа нѣтъ достаточныхъ данныхъ утверждать, что въ это время литературная карьера была уже опредѣленно намѣчена Чеховымъ. Напротивъ, его готовность послужить на поприщѣ медицинскомъ совершенно безспорна. Полученіе патента не могло не дать ему извѣстнаго удовлетворенія. „Живу съ англобомъ — писалъ онъ въ 1884 г. Лейкину:—такъ какъ ощущаю въ своемъ карманѣ лѣкарскій паспортъ“. Маленькая карточка на его дверяхъ была дѣйствительно выраженіемъ его намѣренія заняться медицинской практикой. И онъ дѣйствительно лѣчитъ, какъ можетъ и кого можетъ, и при томъ добрую ноловшу даромъ. Уже въ 1885 году онъ отмѣчаетъ въ письмѣ къ брату, что пора матеріальной нужды для него миновала, и положеніе его семьи, если онъ будетъ живъ и здоровъ, обезпечено. У него нѣтъ долговъ и не предвидится. Нѣтъ роскоши, но нѣтъ и недостатка. Въ его пріемной новая мебель и пианино.

Професія Чехова очень замѣтно отразилась въ его книгахъ. Мелоствова, взявшій на себя едва ли благодарный трудъ подсчета, сколько типовъ аристократіи, дворянства, чиновничества, духовенства, крестьянства и т. д. вывелъ Чеховъ въ своихъ разсказахъ,—съ цифрами въ рукахъ засвидѣтельствовалъ усиленную повторяемость среди его героевъ—докторовъ, фельдшеровъ, сидѣлокъ и т. д.

Нѣкоторыя впечатлѣнія первой медицинской практики должны были особенно вѣзаться въ его память на всю жизнь. Такъ запомнился ему первый поѣздка на судебно-медицинскія вскрытія. Съ захватомъ и очевиднымъ писательскимъ удовлетвореніемъ А. П. описываетъ въ одномъ письмѣ Лейкину (1884 г.) одну изъ такихъ поѣздокъ на тройкѣ, съ добродушнымъ старикомъ-слѣдователемъ и

убѣднѣмъ врачомъ. Чеховъ даетъ здѣсь художественно выписанную картину вскрытія трупа, которую потомъ не разъ отражалъ въ своихъ разсказахъ.

Одинъ характерный разсказъ „изъ практики“ Чехова сохранилъ въ своей страничкѣ воспоминаній о немъ извѣстный И. Е. Рѣпинъ. „Разъ, сяди у меня,—пишетъ онъ:—А. П. увлекся воспоминаніемъ своей практики земскаго врача. Нарисовалъ нѣсколько живѣйшихъ картинъ—въ деревняхъ, когда онъ являлся туда на вскрытіе труновъ скоропостижно умершихъ. Дѣло происходило большею частью на открытомъ воздухѣ. Зрители выползали со всѣхъ угловъ и переулковъ и все смѣѣе и смѣѣе обступали доктора, раскладывавшаго хирургическіе инструменты вблизи покойника, торжественно лежащаго на столѣ, посреди широкой улицы. Увлеченный своимъ непріятнымъ дѣломъ по обязанности, Чеховъ не замѣчалъ, какъ любознательные мальчишки, все болѣе и болѣе подвигаясь ближе къ умершему, наконецъ даже мѣшали доктору... При этомъ воздухъ! Хотя и на открытомъ воздухѣ... И вдругъ, при поворотѣ раздутаго мертвеца, полного газовъ, покойникъ сдѣлалъ губами: бр-р-р. Публикѣ показалось, что онъ оживаетъ... съ визгомъ бросились вразсыпную, кувыркаясь другъ черезъ друга во всѣ стороны, испуганные мальчишки...“

Самъ А. П. разсказывалъ, какъ однажды пережилъ мучительныя минуты изъ-за того, что на рецептѣ по разсѣянности неправильно поставилъ запятую въ дробномъ обозначеніи аптекарской мѣры, такъ что лѣкарство въ такомъ видѣ пріобрѣтало характеръ яда *). Его братъ Михаилъ передалъ случай, когда умирающая женщина въ самый моментъ агоніи схватила его руку и такъ и умерла, не выпуская ея. Этотъ случай произвелъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе.

Въ „Дядѣ Ванѣ“ докторъ Астровъ, среди безобиднаго разговора съ старой нянькой, вдругъ вспоминаетъ объ умершемъ на его глазахъ, подѣ хлороформомъ, стрѣлочникѣ. „И когда вотъ не нужно, чувства проснулись во мнѣ, и защемило мою совѣсть, точно это я умышленно убилъ его“. Въ этомъ мелкомъ блинкѣ можно чувствовать

*) Вотъ какъ рисуетъ этотъ случай М. П. Чеховъ въ своихъ воспоминаніяхъ о братѣ: «Практика его началась за тридцать земель отъ его квартиры, въ Лефортовѣ, у учителя кадетскаго корпуса, и здѣсь на первыхъ же порахъ братъ написалъ невѣрный рецептъ. Возвратившись домой, онъ провѣрилъ себя, убѣдился въ своей ошибкѣ и мучился ужасно. Кончилъ онъ тѣмъ, что въ полночь, захвативъ меня съ собою, онъ на послѣдній деньгъ нанялъ у гостиницы «Саратовъ» лихача и помчался снова въ кадетскій корпусъ, чтобы взять обратно несчастный рецептъ. Къ его удивленію, въ аптеку еще не послали.—«Ты знаешь,—показывалъ онъ мнѣ этотъ рецептъ:—запятую въ граммахъ не тамъ поставилъ. Вотъ вышла бы катавасія!»

отраженіе подлинныхъ настроеній впечатлительной чеховской души, иногда, можетъ-быть, точно такъ же сжимавшейся подъ впечатлѣніемъ какой-нибудь неудачи или признанія своего безсилія.

Работавшій сначала въ Чикинской земской больницѣ, А. П. въ-которое время замѣнялъ потомъ врача Звенигородской земской больницы. Много поздѣе, въ 1892 — 1893 гг., онъ, въ званіи санитарнаго врача, завѣдывалъ въ Мелиховѣ участкомъ борьбы съ холерой. Чехову приходилось много разъѣзжать по деревнямъ, дѣлать народу разъясненія объ эпидеміи, самому хлопотать о врачахъ, студентахъ и устройствѣ бараконъ.

Медицинскихъ познаній своихъ, во всякомъ случаѣ, Чеховъ не забывалъ никогда и никогда не отдалялся совѣтъ отъ практики,

Въ 80-хъ годахъ на дачѣ близъ Воскресенска, связанный срочной журнально-газетной работой, А. П. въ свободные дни, въ опредѣленные часы, принималъ больныхъ, и окрестные мужики приходили и прѣзжали къ нему за совѣтомъ. Лѣчилъ онъ бесплатно.

То же самое было и въ его собственномъ „Мелиховѣ“, куда онъ переселился изъ Москвы. Только, не связанный сѣтшею работой, онъ могъ больше времени посвящать медицинѣ.

Въ среднѣихъ восьмидесятихъ годовъ онъ рассказывалъ А. С. Грузинскому нѣсколько особенно характерныхъ случаевъ изъ его медицинской практики въ Москвѣ. Больше всего и чаще всего онъ лѣчилъ бѣдныхъ и бѣдствующихъ изъ литературной братіи, различныхъ газетныхъ поэтовъ и романистовъ, которые шли къ нему такъ же просто, какъ ходить въ бесплатную лѣчебницу для приходившихъ больныхъ. Зная его доброту, съ нимъ не стѣснялись. Одинъ изъ газетныхъ романистовъ, уже умершій Р—ль, однажды протащилъ его чуть не черезъ половину Москвы лѣчить горничную меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ онъ обиталъ. Приходилось ему ѣздить и къ незнакомымъ людямъ.

Сколько-нибудь замѣтнаго разочарованія областью медицинской науки, какое пришло къ болѣе молодому поколѣнію и выразителемъ котораго явился Вересаевъ, въ Чеховѣ никогда не было. Напротивъ, въ немъ всегда чувствовалась благодарность своему образованію, пріучившему его мысль къ реальному, здоровому мышленію и простому, трезвому взгляду на вещи безъ фантазій, суевѣрій и непобѣдимой мистики. Сохранились показанія не одного изъ знавшихъ его о томъ, что иногда онъ не безъ гордости подчеркивалъ, что онъ по образованію врачъ, и цѣнилъ въ себѣ эти медицинскія знанія. Между прочимъ, это отѣнено имъ самимъ въ своей автобіографіи. Когда въ Москвѣ возникла мысль объ основаніи спеціальнаго журнала „Хирургія“, — Чеховъ оказался въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ предпріятію. Самъ онъ всегда слѣдилъ за новѣйшими занесеніями медицины и выписывалъ газету „Врачъ“.

XVI.

Ко второй половинѣ 1883-го года, т.-е. къ послѣднему году пребыванія въ университетѣ, относится первая попытка изданія Чеховымъ своего перваго сборника. В. Каллашъ первый установилъ этотъ фактъ, на основаніи сохранившихся въ семьѣ Чехова первыхъ листовъ предполагаемой книжки. Цѣлкою она не сохранилась — сохранились только семь печатныхъ листовъ (112 страницъ), иллюстрированныхъ Николаемъ Чеховымъ и вмѣстившихъ двѣнадцать далеко не лучшихъ изъ первыхъ вещей А. П—ча. Между прочимъ, сюда вошли пародіи Чехова на рассказы Гюго, Жюль Верна, на испанскихъ авторовъ („Грѣшникъ изъ Толедо“) — вещицы, которыя читатель найдетъ въ дополнительныхъ томикахъ собранія его сочиненій (XXII). Сохранившіеся листы обрываются на полуфразѣ.

Вѣроятно, воплнѣ согласно съ истиной предположеніе Каллаша о причинахъ невыхода сборника въ свѣтъ. У юнаго Чехова не хватило денегъ на расплату съ типографіей. Изданіе было прервано по отпечатаніи всего лишь семи первыхъ листовъ.

Слѣдующій годъ былъ для Чехова счастливѣе. „Сказки Мельпомены“ въ этомъ году увидѣли свѣтъ. Любопытно отмѣтить, какъ показатель литературнаго роста Чехова, то, что изъ перваго предполагаемаго сборника Чеховъ ввелъ сюда всего лишь одинъ рассказъ — „Жены артистовъ“, очевидно, осудивъ всѣ остальные, какъ слишкомъ слабые.

Первый и сочувственный отзывъ объ этой книгѣ, вообще незамѣченной критикой, далъ старый товарищъ и другъ А. П—ча — П. А. Сергѣенко въ какой-то провінціальной газетѣ. Съ нея начинается огромная критическая литература о Чеховѣ, которая теперь можетъ уже составить маленькую библиотечку.

Въ 1886 г. появился сборникъ рассказовъ Чехова „Пестрые рассказы“, съ котораго собственно начинается его признаніе и извѣстность.

Въ канунъ выхода „Пестрыхъ рассказовъ“ Чеховъ далеко не чувствовалъ себя торжествующимъ. Онъ видѣлъ, что въ этихъ, правда, частозязчныхъ, смѣшныхъ, содержательныхъ рассказахъ — вылилась только незначительная часть его, проявились только наиболѣе вышнія, поверхностныя черты его таланта. Григоровичу онъ писалъ: „Поставить на книжкѣ мое настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: винетка готова, и книга напечатана. Миѣ многіе петербуржцы еще до васъ совѣтовали не портить книги псевдонимомъ, но я не послушалъ, вѣроятно, изъ самолюбія. Книжка моя миѣ очень не нравится. Это виноградъ, беспорядочный сбродъ сту-

денческих работнишекъ, оципаныхъ цензурой и редакторами юмористическихъ изданій. Я вѣрю, что, прочитавъ ее, многіе разочаруются. Знай я, что меня читають, и что за мной слѣдите вы, и не сталъ бы печатать этой книги. Вся надежда на будущее. Миѣ еще только 26 лѣтъ. Можетъ-быть, успею что-нибудь сдѣлать, хотя время бѣжитъ быстро. Простите за длинное письмо и не вѣшайте человѣку въ вину, что онъ первый разъ въ жизни дерзнулъ побаловать себя такимъ наслажденіемъ, какъ письмо къ Григоровичу“.

Эпохой въ жизни Чехова явилось письмо къ нему Григоровича (мартъ 1886 г.). Это былъ первый большой писатель, ласка котораго его согрѣла. Собственно первымъ присяжнымъ литераторомъ, съ которымъ соприкоснулся А. П. въ самомъ началѣ своей карьеры, былъ поэтъ Пальминъ. Одобрившій его Лейкинъ, самъ отбившійся отъ „большой литературы“ и двинувшійся по выгодному матеріально, но ронявшему его пути легкаго писательства, былъ литераторъ совѣсьмъ другой марки. Д. В. Григоровичъ и А. П. Плещесъ были уже, такъ сказать, поручителями его изъ большой литературы, при его входѣ въ святилище.

Получивъ отъ Чехова сборникъ „Въ сумеркахъ“, Григоровичъ прислалъ ему письмо, въ которомъ отдалъ щедрюдань его прекрасному таланту. Безъ сомнѣнія, письмо это найдется въ чеховскомъ архивѣ. Пока о немъ извѣстно по пересказу А. С. Грузинскаго, которому Чеховъ читалъ его.

Въ этомъ письмѣ слушателю запомнилось одно очень яркое мѣсто.

Григоровичъ писалъ, что, читая чеховскій сборникъ, онъ вспомнилъ свое путешествіе по югу Европы (кажется, по Испаніи). Во время какого-то праздника онъ ѣхалъ по улицѣ, а на улицу съ высоты балконовъ смотрѣли тысячи нарядныхъ женщинъ. И когда онъ сталъ отмѣчать среди нихъ прелестныя лица, лица поразительной красоты, онъ скоро бросилъ это занятіе, потому что красавиць было безконечно много, потому что онѣ встрѣчались на каждомъ шагу. Читая „Въ сумеркахъ“, онъ тоже вздумалъ отмѣчать красивыя мѣста, интересныя сравненія, блестящія фразы. И тоже бросилъ это занятіе, потому что красивыхъ мѣстъ, оригинальныхъ сравненій было безконечно много („Рус. Правда“, 1904, июль).

Извѣстное отвѣтное письмо А. П. Григоровичу въ высшей степени важно для постиженія психики Чехова того времени, его взглядовъ на себя, на свое творчество, и уясненія того перелома, который произошелъ въ немъ съ переходомъ изъ „Осколковъ“ и „Петербургской Газеты“ въ настоящій „большой свѣтъ“ литературы.

„Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовѣститель,—писалъ А. П.: — поразило меня, какъ молнія. Я едва не заплакалъ,

разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокой слѣдъ въ моей душѣ. Какъ вы приласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ вашу старость, я же не найду ни словъ ни дѣлъ, чтобы благодарить васъ! Вы знаете, какими глазами обыкновенно люди глядятъ на такихъ избранниковъ, какъ вы; можете поэтому судить, что составляетъ для моего самолюбія ваше письмо. Оно выше всякаго диплома, а для начинающаго писателя оно гонораръ за настоящее и будущее. Я—какъ въ чадѣ. Пѣтъ у меня силъ судить, заслужена мной эта высокая награда, или нѣтъ. Повторяю только, что она меня поразила. Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то, каюсь передъ чистотою вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его.

„Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ. Чтобы быть къ себѣ несправедливымъ, крайне мнительнымъ и подозрительнымъ, для организма достаточно причинъ чисто-внѣшняго свойства. А такихъ причинъ, какъ теперь припоминаю, у меня достаточно. Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно къ моему авторству и не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомаранье. У меня въ Москвѣ сотни знакомыхъ, между ними десятка два пишущихъ, и я не могу припомнить ни одного, который читалъ бы меня, или видѣлъ во мнѣ художника. Въ Москвѣ есть такъ-называемый „литературный кружокъ“, таланты и посредственности всякихъ возрастовъ и мастей собираются разъ въ недѣлю въ кабинетѣ ресторана и прогуливаютъ здѣсь свои языки. Если пойти мнѣ туда и прочесть хогі кусочекъ изъ вашего письма, то мнѣ засмѣются въ лицо. За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться этимъ общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость, скоро привыкъ снисходительно смотрѣть на свои работы и — пошла писать! Это первая причина. Вторая—я врачъ и по уши втянулся въ свою медицину, такъ что поговорка о двухъ зайцахъ никому другому не мѣшала такъ спать, какъ мнѣ. Доселѣ относился я къ своей литературной работѣ крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего разсказа, надъ которымъ я работалъ бы болѣе сутокъ, а „Егеря“, который вамъ понравился, я писалъ въ кунальнѣ. Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои разсказы: машинально, полубезсознательно, нимало не заботясь ни о читателѣ ни о себѣ самомъ. Писалъ я и всячески старался не потратить на разсказъ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему, берегъ и тщательно пряталъ.

„Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я началъ собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки вѣры въ соб-

ственную литературную путевость у меня не было. Но вот неожиданно-негадано явилось ко мнѣ ваше письмо. Простите за сравненіе, оно подѣйствовало на меня, какъ губернаторскій приказъ „выѣхать изъ города въ 24 часа“, т.-е. я вдругъ почувствовалъ обязательную потребность спѣшить, скорѣе выбраться оттуда, куда завязъ“.

Письмо Григоровича пришло Чехову, какъ вѣсть ангела съ неба. А. П. былъ имъ поднятъ, воскрешенъ, обновленъ для иной жизни. Подъ могучимъ его впечатлѣніемъ, на другой день по полученіи его, онъ писалъ В. Р. Короленко:

„Цѣню я его по многимъ причинамъ на вѣсь золота и боюсь прочесть во второй разъ, чтобы не потерять перваго впечатлѣнія. Изъ него вы увидите, что литературная извѣстность и хорошій гонораръ нисколько не спасаютъ отъ такой мѣщанской прозы, какъ болѣзни, холодъ и одиночество: старикъ кончаетъ жизнь. Изъ письма вамъ станетъ также извѣстно, что не вы одинъ отъ чистаго сердца представляли меня на путь истинный, и поймете, какъ мнѣ стыдно“.

XVII.

Успѣхъ заставилъ Чехова впервые серьезно задуматься надъ собою, надъ своимъ талантомъ, надъ отвѣтственностью предъ своимъ талантомъ. Онъ впервые созналъ, что прежнее его отношеніе къ писательству стояло вовсе не на должной высотѣ. Откровенно онъ написалъ Плещееву: „Изъ всѣхъ нынѣ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный и несерьезный; я на замѣчаніи,—выражаясь языкомъ поэтовъ,—свою чистую музу я любилъ, но не уважалъ, измѣнялъ ей и не разъ водилъ ее туда, гдѣ ей не подобаетъ быть“.

Совершенно аналогичное признаніе дѣлалъ Чеховъ и Короленко.

„Изъ всѣхъ тѣхъ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный и несерьезный. Я на замѣчаніи,—выражаясь языкомъ поэтовъ,—свою чистую музу я любилъ, но не уважалъ, измѣнялъ ей и не разъ возилъ ее туда, гдѣ ей не подобаетъ быть. Вы же серьезные, крѣпки и вѣрны“.

Къ этому времени, къ первому приѣзду въ Петербургъ, относятся наиболѣе цѣнные литературныя знакомства Чехова.

„Я чувствую себя на седьмомъ небѣ,—пишетъ онъ брату Михаилу въ 1886 г. — Улицы, извозчики, провизія — все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера, напр., съ 10 1/2 час. утра до трехъ я сидѣлъ у Михайловскаго въ компаніи Глѣба Успенскаго и Короленко: ѣли, пили и дружески болтали. Ежедневно выдаюсь съ Суворинымъ,

Буренинымъ и проч. Всѣ паперерывъ приглашаютъ меня и курятъ мнѣ овніамъ. Я за три дня повиолѣлъ. Какъ я жалѣю, что не могу всегда жить здѣсь. Воспоминаніе о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишащую NN. и ZZ., портитъ мнѣ кровь. Знакомлюсь съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашеніе. Пойду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хвалебныхъ рѣчей слышится психопатія“.

Эту же сцену знакомства Чехова съ суперъ-арбитромъ нашей тогдашней критики, Михайловскимъ и Г. Успенскимъ, такъ зарисовалъ Короленко:

„Я тогда же (т.-е. въ концѣ 80-хъ годовъ) съѣзжалъ-было попытку свести Чехова съ Михайловскимъ и Успенскимъ. Мы вмѣстѣ отправились съ нимъ въ назначенный часъ въ Пале-Рояль, гдѣ тогда жилъ Михайловскій и гдѣ мы уже застали Глѣба Ивановича Успенскаго и Александру Аркадьевну Давыдову (впослѣдствіи издательницу журнала „Міръ Божій“). Но изъ этого какъ-то ничего не вышло. Глѣбъ Ивановичъ сдержанно молчалъ (тогда у него начинали уже появляться признаки сильной душевной усталости и, пожалуй, предвѣстники болѣзни). Михайловскій одинъ поддерживалъ разговоръ, и даже Александра Аркадьевна — человѣкъ вообще необыкновенно деликатный и тактичный — задѣла тогда Чехова какимъ-то рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ тогдашнихъ его литературныхъ друзей. Когда Чеховъ ушелъ, я почувствовалъ, что попытка не удалась. Глѣбъ Ивановичъ, съ которымъ мы вмѣстѣ вышли отъ Михайловскаго, замѣтилъ, съ своей обычной чуткостью, что я огорченъ, и сказалъ:

„— Вы любите Чехова?

„Я попытался изобразить то чувство, которое у меня было къ Чехову, и то впечатлѣніе, какое онъ на меня производилъ. Онъ слушалъ съ обычнымъ своимъ задумчивымъ вниманіемъ и сказалъ:

„— Это хорошо...

„Но самъ остался сдержаннымъ. Теперь я понимаю, что беседа тогдашняго Чехова—Чехова „Пестрыхъ разсказовъ“—была чужда и непріятна Успенскому“.

Въ слѣдующемъ 1887 г. завязалась у Чехова крѣпкая дружба съ И. Л. Щегловымъ-Леонтьевымъ, который до гроба боготворилъ своего друга, состоялись знакомства съ К. С. Баранцевичемъ, Потапенко, Немировичемъ-Данченко, А. С. Грузинскимъ и всею литературною молодежью того времени—нижними авторами старѣющаго поколѣнія. Изъ старыхъ особенно сблизился Чеховъ съ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ, въ натурѣ котораго лежала рѣдкая нѣжность къ молодости.

Знакомство съ Плещеевымъ и ласка старика окрыляли молодого Чехова. Онъ былъ гордъ перепискою съ маститымъ поэтомъ и не

скрывалъ этого. „Я люблю вашу почеркъ,—писалъ онъ Плещееву:—когда я вижу его на бумагѣ, мнѣ становится весело. Къ тому же, не скрою отъ васъ, мнѣ льститъ, что я переписываюсь съ вами. Ваши и суворинскія письма я берегу и завѣщаю ихъ внукамъ: пусть с. с. читають и вѣдаютъ дѣла давно минувшія... Я запечатаю все письма и завѣщаю распечатать ихъ черезъ 50 лѣтъ, à la Гаевскій, такъ что гончаровская заповѣдь, *напечатанная въ «Вѣстникъ Европы», нарушена не будетъ, хотя я не понимаю, почему ее нарушатъ нельзя*“ *).

Но выходѣ въ свѣтъ „Пестрыхъ разсказовъ“, А. П. впервые услышалъ голосъ сколько-нибудь серьезной критики. Эти отзывы собраны и приведены г. Мускатлитомъ въ его книгѣ о Чеховѣ.

„Русская Мысль“ писала, что во всѣхъ разсказахъ молодого писателя „есть два превосходныхъ качества, дѣлающихъ г. Чехова особенно симпатичнымъ писателемъ,—это честность мысли, вложенная въ основу его разсказовъ, и полная пристойность изложенія,—пристойность во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ легкаго, правльнаго языка. Авторъ затрогиваетъ иногда весьма щекотливые вопросы, самыя грязныя стороны человѣческихъ отношеній, и при этомъ умѣетъ коснуться ихъ какъ разъ настолько, насколько это необходимо для осмѣянія того, что въ нихъ достойно осмѣянія и осужденія“.

„Русскія Вѣдомости“ говорили: „Это по большей части умные, бойкіе и глубоко-честные очерки, которые читаются дѣйствительно легко, съ живымъ интересомъ и съ большою пользою. Они не только веселятъ, но и гуманизируютъ. Отъ времени до времени въ „Пестрыхъ разсказахъ“ слышится нотка заразительнаго смѣха, а то промелькнетъ и серьезная дума. Мы съ предубѣжденіемъ начали читать книгу г. Чехова (Почему? А. И.), а по окончаніи этого чтенія рекомендуемъ ее, какъ одинъ изъ лучшихъ сборниковъ разсказовъ для легкаго чтенія...“

Въ „Петербуржскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Ладожскій отмѣчалъ: „Въ самыхъ пустенькихъ его очеркахъ, даже шаржахъ, вамъ чудятся искреннія слезы подъ виѣшнимъ смѣхомъ автора, и эти слезы тѣмъ болѣе трогаютъ васъ. Другая особенность дарованія молодого автора—прирожденный здоровый юморъ...“ „У г. Чехова будетъ своя и, видимо, хорошая дорога. Я говорю: будетъ, если газетная поденщина не доведетъ его до размѣна его крупнаго таланта на мелочь...“

Въ „Вѣстникъ Европы“ К. К. Арсеньевъ высказался о Чеховѣ

*) Въ этихъ словахъ находится какъ бы разрѣшеніе Чехова на печатаніе его переписки.

много сдержаннѣе. Здѣсь была отмѣчена и анекдотичность разсказовъ, и заурядность темъ, и неправдоподобіе ихъ, и претенціозность, и элементарная психологія. Благоклоннѣе были выдѣлены лишь тѣ разсказы, гдѣ анекдотъ переплетается съ картинкой нравовъ и „дѣйствующія лица перестаютъ быть только маріонетками“. Почтенный уже тогда критикъ возлагалъ надежду только на способность „рисовать душевныя состоянія“. Будущая сила Чехова не ускользала отъ онытнаго глаза.

Судьба повертывала свое лицо къ Чехову съ привѣтливой улыбкой. Изъ беззаботнаго юноши, сотрудника юмористическихъ листковъ, формировался настоящій писатель. „Въ его беззаботномъ настроеніи, — записалъ Короленко: — происходила замѣтная переменна: и самъ Антошъ Павловичъ и его семья не могли не замѣтить, что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка, — но великая драгоценность, обладавіе которой можетъ сказаться очень отвѣтственно. Кажется, въ то время была уже напечатана „Святою ночью“, чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже какъ небо отъ земли удаленной отъ безпредметно смѣшливаго настроенія большинства „Пестрыхъ разсказовъ“. И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника „Осколковъ“, проступало какое-то особенное выраженіе, которое въ старину назвали бы „первыми отблесками славы“... Я помню, что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ Антономъ Павловичемъ о поѣздкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ мы тамъ встрѣтимся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

„— Да, мнѣ кажется, что Антоша теперь уже не мой...“

„Какъ это часто бываетъ, у матери было вѣрное предчувствіе...“

XVIII.

Близостью къ А. Н. Плещееву, завѣдывавшему тогда литературнымъ отдѣломъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, объясняется то, что именно этотъ журналъ былъ первымъ, куда вошелъ Чеховъ, встрѣтившій первое признаніе. Журналъ издавался А. М. Еврепловой, въ редакціи преобладали бывшіе сотрудники „Отечественныхъ Записокъ“, — Н. К. Михайловскій, Плещеевъ, Г. Успенскій, Южаковъ, Скабичевскій. Сядясь за свою „Степь“, — первую большую повѣсть, напечатанную въ этомъ журналѣ (1888 г., № 3), — А. Н. едва ли видѣлъ и размѣръ повѣсти и ея значеніе. Онъ не думалъ, что напишетъ своего рода шедевръ описательной прозы, близящійся къ толстовской „Мятели“ или тургеневскому „Вурану“, — ему казалось, что результатомъ труда выйдетъ просто небольшая повѣстунка.

„Съ вашего дружескаго совѣта, — писалъ онъ Плещеву: — я началъ маленькую повѣстунку для „Сѣв. Вѣстника“. Для почива взялся описать степь, стѣнныхъ людей и то, что я пережилъ въ степи. Тема хорошая, пишется весело, но, къ несчастью, отъ непривычки писать длинно, отъ страха написать лишнее, я впадаю въ крайность: каждая страница выходитъ компактной, какъ маленькій разсказъ, картины громоздятся, тѣнятся и, заслоня другъ друга, губятъ общее впечатлѣніе. Въ результатѣ получается не картина, въ которой всѣ частности, какъ звѣзды на небѣ, слились въ одно общее, а конспектъ, сухой перечень впечатлѣній. Пишущій, напимѣрь, вы, поиметь меня, читатель же соскучится и плюнетъ“.

„Вчера далъ прочесть одной дѣвицѣ разсказъ, который готовлю для „Сѣв. Вѣсти“. Она прочла и сказала: „Ахъ, какъ скучно!“

„Въ самомъ дѣлѣ, выходитъ очень скучно. Пускаюсь на всякіе фокусы, сокращаю, шлифую, а все-таки скучно. Срамъ на всю губернію!“

„Вы ждете отъ меня чего-то особенно хорошаго, — писалъ онъ тому же автору: — какое поле для разочарованій! Робѣю и боюсь, что моя „Степь“ выйдетъ незначительной. Пишу я ее не сиѣша, какъ астрономы ѣдятъ душелей: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Откровенно говоря, выжимаю изъ себя, патужусь и надѣюсь, но все-таки въ общемъ она меня не удовлетворяетъ, хотя мѣстами и попадаются въ ней „стихи въ прозѣ“. Я еще не привыкъ писать длинно, да и лѣнивъ. Медкая работа меня избаловала“.

Первая большая вещь Чехова погребовала отъ него напряженій, какія до сихъ поръ ему не были знакомы. Чувствуется, что самъ онъ минутами чувствовалъ себя точно озадаченнымъ и едва ли отдавалъ себѣ точный отчетъ, хорошо это или слабо. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сказалъ, что это не повѣсть, а какая-то „стенная энциклопедія“. 22 января 1888 года онъ писалъ Щеглову:

„Моя повѣсть появится въ мартовской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“. Страшная она какая-то, по есть отдѣльные мѣста, которыми я доволенъ. Меня бѣситъ то, что въ ней нѣтъ романа. Безъ женщины повѣсть — что безъ паровъ машина. Впрочемъ, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы“.

„Степь“ была понята и почувствована чуткими людьми тогда же. Обычная критика, привыкшая ждать отъ вещи опредѣленной тенденціи, поученія, морали, казалась нѣсколько озадаченной, — она не видѣла ясно, что собственно хотѣлъ сказать авторъ этой явно талантливой, но безпретенціозной вещью.

Уже лучше другихъ разбирался Л. Е. Оболенскій, все же улавливавшій здѣсь общее вѣяніе философской мысли. Правда, ощущение художественной красоты рисунка Чехова, его повны пріемъ писательства не былъ имъ понятъ.

„Описанія Чехова, — пишетъ онъ: — вышли таковы, что вы нигдѣ (!) не живете поэтической жизнью степи, не любуетесь ею, не одухотворяете ее, хотя авторъ изрѣдка употребляетъ одухотворяющіе эпитеты; но такъ какъ онъ не почувствовалъ, повидимому, этой (поэтической) стороны степи, то и самыя одухотворенія или анимистическія аналогіи выходятъ у него блѣдно, не достигаютъ впечатлѣнія. Въ его описаніи восхода солнца нѣтъ красокъ, т.-е. цвѣтовъ, исключая того мѣста, гдѣ говорится о дали, что она лиловая, и что въ ней теряются холмы; но какого цвѣта сами эти холмы и степь, авторъ не сказалъ, и отъ этого увѣреніе его, что холмы теряются именно въ лиловой дали, рѣжетъ ваше воображеніе, ваше поэтическое чувство тѣмъ, что разъ упомянуто о краскѣ — вы уже хотите знать, какой же цвѣтъ переходитъ въ лиловый. Авторъ самъ этимъ, такъ сказать, лиловымъ карандашомъ подчеркнулъ недостатки описанія. Въ дальнѣйшемъ описаніи, когда онъ говоритъ, что по степи побѣжали „желто-золотыя“ полосы, подробно рассказываетъ движенія этихъ полосъ, это васъ только больше и больше раздражаетъ, ибо вы не знаете, по какому фону помѣстить эти желтыя полосы въ воображаемой вами степи. Этого недостатка, быть-можетъ, не замѣтятъ люди, бывавшіе въ степи, но, напримѣръ, я, никогда еще не видавшій, былъ раздраженъ и измученъ неясностью, нецѣльностью этого описанія. Автору надо было или совсѣмъ не говорить о цвѣтахъ, а рисовать степь только плоскостями и линіями; или, разъ онъ говоритъ о цвѣтныхъ полоскахъ, сказать и о цвѣтѣ того общаго поля, на которомъ должны помѣститься ихъ. Лишь въ самомъ концѣ описанія мы узнаемъ, что холмы имѣютъ буро-желтый цвѣтъ, а бурьянъ, молочай и конопля — побурѣвшія отъ зноя, рыжіе. Кромѣ того, у автора въ описаніи отсутствуютъ запахи, исключая самыхъ рѣзкихъ, когда, напримѣръ, Егорушка, пивній воду черезъ трубочку болиголова, чувствуетъ во рту его запахъ (или вкусъ). Такимъ образомъ степь возникаетъ передъ нами лишь почти одною своею стороною — вліяніемъ на человѣка, а именно стороною исключительно физиологическихъ вліяній, да и то не всѣхъ, а преимущественно зрительныхъ, да и тутъ въ значительной степени лишенной цвѣтовыхъ впечатлѣній, т.-е. набросанной какъ бы карандашомъ да двумя красками“

Но философскій синтезъ „Степи“ Оболенскій почувствовалъ довольно вѣрно. „Многіе спрашиваютъ и недоумѣваютъ, что же Чеховъ хотѣлъ сказать „цѣлымъ“ своимъ этюдомъ? А между тѣмъ такая идея, мнѣ кажется, была несомнѣнно. Чеховъ, повидимому, хотѣлъ изобразить величественное, покойно-безиредѣльное лоно степи, изрѣдка пробуждающееся могучей грозой, а на этомъ лонѣ мелкія, крохотныя человѣческія поползновенья, страсть жизни, взаимное

холодство и заискиваніе, мелкая борьба хищника-человѣка, разныхъ ступеней человѣческой муравьиной кучи, начиная отъ безглаголаго пѣвчаго и вообще подводчиковъ, этихъ безсознательныхъ рабочихъ муравьевъ, и кончая іерархіей паразитовъ стени, начинающейся бѣднымъ, вѣчно хлопочущимъ „угодить“ евреемъ и кончая безстрастно застывшимъ, въ сознаніи своей орлиной непобѣдимости Варламовымъ. Если такова была идея автора, то задумана она была великолѣпно: трудно придумать лучшую комбинацію для сопоставленія крохотнаго суетящагося человѣка-муравья съ могучею, широкою, какъ море, недвижною стеною. Тутъ была масса элементовъ для самаго глубокаго изображенія поэтическихъ контрастовъ, для отгѣненія ничтожества этого хищничества, хотя и въ орлиныхъ варламовскихъ размѣрахъ. Но это удалось бы автору лишь тогда, если бы онъ болѣе „прочувствовалъ“ стену, если бы глубокія, потрясающія эмоціи онъ противопоставилъ ничтожному коммерческому божку съ муравьиного населенія“.

XIX.

Редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ уже чуяла въ Чеховѣ большую силу, и, едва окончившій со „Стенью“, Чеховъ уже связалъ себя обѣщаніемъ новыхъ и новыхъ вкладовъ въ журналъ.

Въ іюньской книжкѣ того же 1888-го года прошли его „Огни“.

Щеглову, очевидно, жаловавшемуся на неясность философіи „Огней“, на ту читательскую растерянность, какую онъ почувствовалъ, закрывъ послѣднюю страницу разсказа, Чеховъ отвѣтилъ отказомъ уяснить эту философію и искреннимъ признаніемъ, что авторъ иногда и самъ не можетъ постигать того, что онъ пишетъ, хотя и не выдумалъ написанное, а наблюдалъ въ жизни.

„Относительно конца моихъ „Огней“ я позволю себѣ не согласиться съ вами. Не дѣло психолога понимать то, чего онъ не понимаетъ. Паче сего не дѣло психолога дѣлать видъ, что онъ понимаетъ то, чего не понимаетъ никто. Мы не будемъ шарлатанить и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны“.

Въ 11-й книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1888 г. появляются „Именины“, глубокая и чуткая вещь, едва ли не самый яркій образчикъ мастерства чеховскаго перевоплощенія въ женскую душу. Цѣлый сложный міръ впечатлѣній женщины, готовящейся стать матерью, проходитъ здѣсь въ изумительно-тонкомъ освѣщеніи, почти невѣроятномъ для мужчины.

„Актеры Малаго театра парасхватъ читають мои „Именины“, — писалъ А. П.—ть Плещеву: —имъ нравится. Особенно женскому полу пришлось по вкусу“.

Въ 1887 г. вышелъ сборникъ разсказовъ А. П. Чехова — «Въ сумеркахъ» (1500 экз.) и «Невинныя рѣчи». Въ слѣдующемъ 1888-мъ году, по присужденію академика Бычкова, за сборникъ „Въ сумеркахъ“ А. П.—чу была выдана Пушкинская премія Академіи наукъ. Чеховъ былъ польщенъ и не низко ставилъ эти лавры. Въ обѣихъ своихъ маленькихъ автобіографіяхъ онъ упоминаетъ объ этомъ фактѣ.

„Книга подъ заглавіемъ „Въ сумеркахъ“, — таковъ былъ окончательный выводъ ученаго, далеко не почувствовавшего всей прелести пышнаго таланта Чехова: — свидѣтельство о несомнѣнномъ талантѣ Чехова. Въ разсказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между разсказами художественно исполненныя, но также дѣланные и придуманные („Вѣдьма“), растянутые („Пустой случай“) и безсодержательные („Событіе“); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ, напримѣръ: „на травѣ висятъ тускляя, недобрыя слезы“ (!?), „прекрасно симулировалъ влюбленнаго“, „гдѣ бы я могъ стодиться“, „утеряетъ для него навсегда свое реальное значеніе“, „внутри все сарайно“, „такова ужъ планида русскаго лица“, „когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ“, „большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей“ и др.

„Принимая во вниманіе достоинства сборника разсказовъ г. Чехова подъ заглавіемъ „Въ сумеркахъ“, я, несмотря на нѣкоторыя въ нихъ недостатки, мною указанныя, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже ноошрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ б § 9 правилъ“.

Комиссія, „усматривая изъ этой рецензіи, что разсказы г. Чехова хотя и не вполне удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ однакоже выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, нашла возможнымъ присудить ему половинную Пушкинскую премію“ (См. біографію Мускатблита).

Зависть—спутница извѣстности, и Чехову пришлось испытать ея ишны. До него доходилъ ревнивый шопотъ ничтожества. Но у него было гордое сознаніе заслуженности этой преміи, и онъ спокойно парировалъ удары изъ-за угла въ своемъ письмѣ къ Плещееву:

„Теперь о зависти. Если премію мнѣ дали въ самомъ дѣлѣ не по заслугамъ, то и зависть, которую она возбуждаетъ, свободна отъ правды. Завидовать и досадовать имѣютъ нравственное право тѣ, кто лучше меня, или идетъ рядомъ со мной, но отнюдь не тѣ господа

НН. и комп., для которыхъ я собственнымъ лбомъ пробить дорогу къ толстымъ журналамъ и къ этой же преміи. Эги с. с. должны радоваться, а не завидовать. У нихъ ни патриотизма ни любви къ литературѣ, а одно самолюбьишко. Они готовы повѣсить меня и Короленко за успѣхъ. Будь я и Короленко—геній, спаси мы съ нимъ отечество, создай мы храмъ Соломоновъ, то насъ возненавидѣли бы еще больше, потому что гг. НН. не видятъ ни отечества ни литературы—все это для нихъ вздоръ; они замѣчаютъ только чужой успѣхъ и свой неуспѣхъ, а остальное хоть травой порастити. Кто не умѣетъ быть слугою, тому нельзя позволять быть господиномъ; кто не умѣетъ радоваться чужимъ успѣхамъ, тому чужды интересы общественной жизни и тому нельзя давать въ руки общественное дѣло“.

XX.

Уже въ концѣ 1887 года Чеховъ садится за свою первую пьесу— „Ивановъ“. Онъ вполне сознаетъ особенныя трудности этого новаго для него рода. „Чтобы написать для театра хорошую пьесу,—пишетъ онъ Плещееву:—необходимо имѣть особый талантъ; можно быть прекраснымъ беллетристомъ и въ то же время писать сапожничкія пьесы; написать же плохую пьесу и потомъ стараться сдѣлать изъ нея хорошую, пускаться на всякіе фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умершихъ, зарывать въ могилу живыхъ,—для этого надо имѣть талантъ гораздо большій. Это такъ же трудно, какъ купить старые солдатскіе штаны и стараться во что бы то ни стало сдѣлать изъ нихъ фракъ. Тутъ не то что захоочешь трагически, но и заржешь лошадью“.

10-го декабря 1887 г. „Ивановъ“ былъ разрѣшенъ цензурой. Только въ 1889 г., въ мартѣ, онъ былъ напечатанъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Для особаго изданія А. Н. ее сильно переработалъ.

„Я замучился,—писалъ Чеховъ Плещееву:—и никакой гонораръ не можетъ искупить того каторжнаго напряженія, какое чувствовалъ я въ послѣднюю недѣлю. Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной ироніей: написалъ, молъ, и чертъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего она плохо сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варианты, поправки, вставки, *сдѣлалъ новую Сашу, измѣнилъ IV актъ до неузнаваемости, отшлифовалъ самого Иванова...* Такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Кина—„палками Иванова, —палками!“

Какой характеръ носила эта переработка, и чтѣ собственно пере-

дѣлывалъ Чеховъ противъ первой, литографированной (непечатанной) редакціи, — это выяснено В. Батуринскимъ.

IV актъ измѣненъ до „неузнаваемости“. По первоначальному замыслу Чехова, Ивановъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, женился на Сашѣ и умираетъ (въ заключительной сценѣ пьесы) отъ разрыва сердца, взволнованный обличеніями Львова, явившагося на свадьбу со спеціальною цѣлью — объявить во всеуслышаніе, что „Ивановъ — подлець“.

Въ заключительномъ 8-мъ явленіи, Львовъ произноситъ желчный монологъ и собирался обличить Иванова. Въ отвѣтъ на его: „Николай Алексѣевичъ Ивановъ, объявляю во всеуслышаніе, что вы — подлець“, Ивановъ восклицалъ: „За что, за что? Скажите мнѣ, за что?“, въ изнеможеніи опускался на диванъ. Всѣ восклицали: „За что?“

Саша обращалась къ Львову, говоря:

— Что вы скажете? Какія тайны знаете вы? Что онъ уложилъ въ гробъ свою первую жену? Про это говорятъ всѣ. Что онъ женился на мнѣ изъ-за приданого и чтобы не платить моей матери долга? Это тоже извѣстно всему уѣзду. А, жестокіе, мелочные, ничтожные люди... Николай, поѣдемъ отсюда!.. (Беретъ его за руку, но убѣждается, что онъ мертвъ, вскрикиваетъ и падаетъ на него).

Лебедевъ кричитъ: „Батюшки! Онъ умеръ... воды, доктора!..“ Всѣ: „Воды, доктора, онъ умеръ...“

Ивановъ первой версіи и окончательной редакціи, конечно, сходны, но несомнѣнно, что Чеховъ, пользуясь его собственнымъ выраженіемъ, очень удачно „отшлифовалъ“ Иванова.

Самоубійство Иванова въ окончательной редакціи пьесы придаетъ его образу недостававшую раньше законченность. Ивановъ, изнемогавшій подъ бременемъ обывательской обидѣщины, утопавшій въ болотѣ провинціальнаго дрязгъ и непониманія, не могущій мириться со всѣмъ этимъ, предпочитаетъ смерть тусклому обывательскому существованію.

Поправки были, по мнѣнію г. Батуринскаго, не только удачны въ техническомъ отношеніи, онѣ были необходимы для логической обрисовки характера главнаго героя, для возведенія случайнаго явленія въ типъ, какимъ теперь является „Ивановъ“.

Въ „Ивановѣ“ коренной переработкѣ подверглось лишь IV дѣйствіе, первые же три дѣйствія, если не считать чисто-стилистическихъ поправокъ, остались почти неизмѣненными (кое-что измѣнено въ рѣчахъ Саши).

Въ 1888 г. „Ивановъ“ прошелъ на сценѣ московскаго театра Корша вмѣстѣ съ водевилемъ Григорьева „Салонъ для стрижки волосъ“ въ бенефисъ Свѣтлова, и пьеса имѣла успѣхъ настолько опре-

дѣланный, что петербургскій Александринскій театр рѣшилъ также поставить эту драму. Отзвѣвы печати объ этой пьесѣ читатель найдетъ въ книгѣ г. Мускатблита.

„Режиссеръ вашего театра Федоровъ-Юрковскій, — пишетъ Чеховъ Щеглову: — изъявилъ желаніе поставить въ свой бенефисъ моего „Иванова“ со Стренетовой и съ Савиной. Это, конечно, лестно для меня, и я польщенъ и радъ. Повидимому, и Потѣхнинъ желаетъ сдѣлать мнѣ пріятное и доказать вамъ въ 1001-й разъ, что я не Чеховъ, а Потемкинъ. Роли уже распредѣлены, но... но постановка едва ли состоится. Меня такъ пугаютъ недостатки въ моей пьесѣ, и такъ важны эти недостатки, что я по совѣсти не могу быть равнодушнъ. Сегодня я послалъ письмо, въ которомъ перечислилъ нѣкоторыя условія; если по мнѣнію тѣхъ, кому я писалъ, моя пьеса не удовлетворяетъ хотя одному изъ этихъ условій, то я серьезно прошу взять мою пьесу обратно. Согласитесь, голубчикъ, что пьеса, которой на глазахъ всего Питера отдается преимущество, передъ пьесами Мея и Виктора Гюго („Эрнани“), должна быть отличной; согласитесь, и вы поймете, что я не ломаюсь и не кокетничаю. Я дѣлаю то, что намось мѣстѣ сдѣлали бы и вы, и Суворинъ, и всякій мало-мальски самолюбивый человѣкъ, пишущій пьесы не часто“.

Плещееву Чеховъ тогда же писалъ:

„Кажется, мой „Ивановъ“ пойдетъ въ Александринкѣ въ бенефисъ Федорова-Юрковскаго, со Стренетовой и Савиной. Вы какъ-то предлагали мнѣ напечатать „Иванова“ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Что же? Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ. Я съ васъ очень дешево возьму, такъ дешево, что вы удивитесь. Если печатать, то въ мартовской книжкѣ. Пьеса короткая и займетъ не больше двухъ листовъ. Надѣюсь, ради вдовы моей и дѣтей, вы скалитесь надъ бѣднымъ „Ивановымъ“ и не забракуютъ его въ комитетѣ. Я еще не женатъ, но пьесы пишу исключительно для вдовы, такъ какъ рано или поздно не минуя общей участи и женюсь. Въ „Ивановѣ“ весь IV актъ пердѣланъ кореннымъ образомъ, безжалостно“.

Въ Петербургѣ успѣхъ пьесы былъ прямо шумный. Чеховъ встрѣтилъ его не безъ недovѣрія и не безъ боязни.

„Вы въ письмѣ угѣшаете меня насчетъ „Иванова“, — писалъ объ Щеглову 18 февраля 1889 г. — Спасибо вамъ, но, увѣрю васъ честнымъ словомъ, я покосилъ и совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что получилъ. Я сдѣлалъ то, что могъ и умѣлъ — стало быть, правъ: глаза выше лба не растутъ; получилъ же я не по заслугамъ, больше, чѣмъ нужно, И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышалъ я. Какого же лѣшлаго мнѣ еще нужно? А если въ Питерѣ найдется сотня человѣкъ, которая пожимаетъ плечами, презрительно ухмыляется, киваетъ, брызгаетъ ивной или лице-

мѣрно вретъ, то вѣдь я всего этого не вижу, и беспокоить меня все это не можетъ. Въ Москвѣ даже не пахнетъ Петербургомъ. Видаю я ежедневно сотню человѣкъ, но не слышу ни одного слова объ „Ивановѣ“, точно я и не писалъ этой пьесы, а нитерскія оваціи и уснѣхи представляются мнѣ безвокоиннымъ сномъ, отъ котораго я отлично очнулся. Кстати объ уснѣхѣхъ и оваціяхъ. Все это такъ шумно и такъ мало удовлетворяетъ, что въ результатѣ не получается ничего, кромѣ утомленія и желанія бѣжать, бѣжать...“

Крестнымъ отцомъ чеховскаго „Иванова“ можетъ быть названъ извѣстный артистъ В. П. Давыдовъ: онъ поставилъ пьесу первый разъ въ Москвѣ и онъ же потомъ поставилъ ее въ Петербургѣ. Давыдовъ въ тѣ годы именно покинулъ Александринскій театръ и уѣхалъ въ Москву, въ театръ Корна. Чеховъ не разъ заглядывалъ за кулисы, бывалъ у Давыдова въ уборной. Однажды, по разсказу Давыдова, зайдя къ нему въ началѣ спектакля, Чеховъ какъ будто хотѣлъ ему что-то сказать, но не рѣшался.

Только послѣ второго акта подошелъ къ Давыдову и сунулъ ему въ карманъ сюртука тетрадь.

— Не смотрите... послѣ... послѣ, дома посмотрите, Владимиръ Николаевичъ. Потомъ скажете.

Давыдовъ пытался при Чеховѣ взглянуть на рукопись, но Чеховъ удержалъ его за руку. Дома артистъ нашелъ оригиналь „Иванова“. Развернувъ пьесу и прочтя десятокъ страницъ, Давыдовъ уже не могъ оторваться отъ чтенія. Рано утромъ онъ полетѣлъ къ Антону Павловичу и уговорилъ его ставить пьесу.

Пьесу въ Москвѣ обставили, какъ только могли... Сара—Глама-Мещерская, Шурочка—Рыбинская, докторъ—Соловьевъ, Ивановъ—Давыдовъ, Лебедевъ—Градовъ-Соколовъ, Лебедева—Бороздина, Шабельскій—Киселевскій, Бабакина—Кошева, Боркинъ—Свѣтловъ, старуха—Красовская, Косыхъ—Валентиновъ.

Возвратясь въ Петербургъ, Давыдовъ рекомендовалъ драму режиссеру Александринскаго театра Ф. А. Федорову-Юрковскому.

Немедленно телеграфировали Чехову, и тотъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь была уже — сенсація и самый безспорный уснѣхъ...

Чеховъ бывалъ на репетиціяхъ, гдѣ-то тайлся по своей скромности. Ставилъ пьесу Давыдовъ.

Играли: Сару — Стрелетова, Шурочку — Савина, доктора — Аполлонскій, Иванова — тотъ же Давыдовъ, Лебедева — Варламовъ, Лебедеву — Жулева, Шабельскаго — Свободинъ, Бабакину — П. Хлѣбникова, Боркина — Далматовъ, старуху — Стрѣльская, Косыхъ — Арди.

За „Степью“, „Именинами“ и „Ивановымъ“ послѣдовала „Скучная исторія (изъ записокъ стараго человѣка)“, напечатанная въ 11-ой книжкѣ того же „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1889 годъ.

Обычнымъ художническимъ неудовлествореніемъ вѣсть отъ непродолжительнаго письма А. П-ча къ Плещееву.

„Это письмо, дорогой Алексѣй Николаевичъ, посылается на почту вмѣстѣ съ разказомъ, на который я наконецъ махнулъ рукой и сказала ему: изыди отъ меня, окалянный, въ огонь скучной критики и читательскаго равнодушія. Надоѣло съ нимъ возиться. Называется онъ такъ: „Скучная исторія (изъ записокъ стараго человѣка)“. Самое скучное въ немъ, какъ увидите, это длинныя разсужденія, которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя выбросить, такъ какъ безъ нихъ не можетъ обойтись мой герой, пишущій записки. Эти разсужденія фатальны и необходимы, какъ тяжелый лафетъ для пушки. Они характеризуютъ и героя, и его настроеніе, и его вліяніе передъ самимъ собой. Прочтите, голубчикъ, и напишите мнѣ. Прорѣхи и пробѣлы вамъ видѣте, такъ какъ разказъ не надоѣлъ еще вамъ и не намозолилъ глазъ, какъ мнѣ“.

Разсудочный характеръ „Скучной исторіи“, преобладаніе въ ней психологій, обычно тяжело воспринималомъ читателемъ, А. П. самъ сознавалъ. Щеглову онъ писалъ 3 мая 1888 г.: „Послалъ въ „Сѣверный Вѣстникъ“ разказъ. Мнѣ немножко стыдно за него. Скучища и такъ много филосомудрія, что приторно. Неприятно, но нельзя было не послать, ибо деньги нужны, какъ воздухъ. Лѣтомъ буду писать только мелочи“.

Стоитъ отмѣтить, что нѣкоторая неопредѣленность отношеній героини „Скучной исторіи“ Кати къ старому профессору породила неприятныя для Чехова нескромныя догадки, до которыхъ всегда надоѣтъ читатель изъ гурмановъ.

Съ явнымъ раздраженіемъ противъ такихъ „комментаторовъ“, готовыхъ видѣть въ „Скучной исторіи“ просто „исторію одного извращенія“, — Чеховъ писалъ Плещееву:

„При той наклонности, какая существуетъ даже у очень хорошихъ людей къ слепотѣ, ничто не гарантировано отъ нечистыхъ подозрѣній. Таковъ мой отвѣтъ на вашъ вопросъ относительно невѣрно понимаемыхъ отношеній Кати къ профессору. Ужъ коли отвыкли отъ вѣры въ дружбу, въ уваженіе, въ безграничную любовь, какая существуетъ у людей внѣ половой сферы, то хоть бы мнѣ не приписывали дурныхъ вкусовъ. Вѣдь если бы Кати была влюблена въ пожилаго старика, то, согласитесь, это было бы половымъ извращеніемъ, курьезомъ, которой могъ бы интересоваться только психіатра,

да и то только какъ неважный и довѣрія не заслуживающій апекдотъ. Будь только одно это половое извращеніе, стоило бы тогда писать повѣсть?”

Основную мысль „Скучной исторіи“, которую потомъ Чеховъ иллюстрировалъ цѣлыми десятками своихъ повѣстей и рассказовъ, тогда же вѣрно поймалъ Л. Оболенскій.

„Повѣсть, — писалъ онъ: — показываетъ наступленіе созванія, что *такъ жить*, т.-е. безъ вѣры, руководящей идеи, нельзя. Герой Чехова—состарѣвшійся знаменитый ученый, врачъ, приходитъ въ концѣ жизни къ такому выводу: „каждое чувство, каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ *не найдетъ того, что называется общей идеей* или Богомъ *живого человѣка*“. Весь рассказъ Чехова есть талантливая попытка нарисовать намъ невозможность жизни безъ такой „общей идеи или Бога“. Огромная заслуга Чехова—въ томъ именно, что онъ ясно показываетъ, какъ мученія стараго ученаго возникаютъ не изъ какихъ-либо положительныхъ недостатковъ его жены, а именно изъ отсутствія въ ней Бога. ...Въ новыя времена профессоръ никуда не годенъ безъ общей идеи, безъ Бога, связывающаго воедино его знанія, взгляды и убѣжденія, и вотъ вся семья пошла врозь, не связанная такъ же общей идеей, какъ онъ не былъ самъ ею связанъ. Ясно, что говорить о правѣ человѣка специализироваться, предоставляя вышіе вопросы жизни и смерти другимъ специалистамъ, — значить грубо непонимать жизни, грубо шутить надъ ея самыми великими и роковыми задачами. Прежде всего мы должны имѣть *человѣка живого*, человѣка со всею полнотою душевныхъ свойствъ, убѣжденій и вѣрованій, и лишь на этой почвѣ имѣть право вырасти специалистъ. Такова основная идея повѣсти талантливаго беллетриста, съ которой невозможно не согласиться. Мы до сихъ поръ наивно и дѣтски были увѣрены, что наука можетъ дать отвѣтъ на всѣ вопросы, а если она не дастъ ихъ, то и ничто не можетъ ихъ дать. Но вотъ идетъ опытъ самой жизни, и онъ говоритъ намъ, какъ мы дѣтски-легкомысленны и грубо-невѣжественны, смотря такимъ образомъ и полагая, что можно сдѣлать въ жизни что-либо глубокое, серьезное, важное безъ основнаго рѣшенія себѣ самыхъ основныхъ вопросовъ, безъ путеводящаго компаса, безъ общей идеи общественныхъ и научныхъ стремленій“.

Стоить на минуту остановиться на мнѣніи о „Скучной исторіи“ проф. Сумцова, конечно, не ради его внутренней цѣнности, но для того, чтобы читатель могъ видѣть, какихъ иногда цѣнителей и судей вынужденъ былъ терпѣливо выслушивать Чеховъ, и понять, почему

иногда его мнѣніе о профессурѣ слагалось въ такія безнадежно-презрительныя формулы.

Точно обидѣвшись за профессуру, изображенную въ „Скучной исторіи“ во всей ея жизненности, Сумцовъ находилъ, что „Скучная исторія“ и „его скучный профессоръ—деревянная, или, точнѣе, тряпичная кукла съ наклееннымъ на лбу ирлыкомъ ума, ничѣмъ въ сущности не доказаннаго“ (?). На каждомъ шагѣ,— писалъ критикъ:— въ „Скучной исторіи“ обнаруживается недостаточное и случайное знакомство автора съ университетомъ, профессорскимъ бытомъ и съ обычными пріемами и настроеніемъ профессора на кафедрѣ... Улыбку вызываетъ разсказъ о „хранителѣ университетскихъ преданій“ швейцарѣ Николаѣ. Въ изображеніи „ученаго тушицы“—трудолюбиваго прозектора Николая Степановича сквозить грубая насмѣшка надъ той же наукой, которой вescuриются оніями на другихъ страницахъ „Скучной исторіи“.

Съ явной обидой за людей своего цеха, Сумцовъ заканчивалъ:

„Ни беллетристика ни сцена не даюгъ типа ученыхъ людей; русскіе ученые, изъ среды которыхъ вышло столько знаменитыхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, въ литературномъ воспроизведеніи являюгся обыкновенно въ роли какихъ-то шаблонныхъ недагтовъ, почему-то всегда патлатыхъ, въ очкахъ, съ выговоромъ въ носъ и нарасиѣвъ. У Чехова нѣтъ такой грубой и пошлой карикатуры, но есть кое-какіе остатки отъ нея въ лицѣ „ломового коня“ прозектора и въ лицѣ филолога „не безъ странностей“, „небезопасныхъ для его знакомыхъ“ (!).

Знакомясь съ такимъ отзывомъ, вы начинаете понимать, почему Чеховъ такъ не любилъ извѣстнаго типа профессоровъ-недагтовъ и почему съ такимъ неравнодушіемъ и почти злостью онъ представилъ ученую клячу, профессора Серебрякова, въ „Дядѣ Вагѣ“.

XXII.

Въ кониѣ 1889 г. группа писателей задумала почтить память В. М. Гаршина специальнымъ сборникомъ. Къ Чехову, конечно, было сдѣлано обращеніе. Тогда же Литературный Фондъ предложилъ ему выступить на гаршинскомъ вечерѣ съ чтеніемъ. Отъ послѣдняго А. П., находившіяся тогда въ Москвѣ, отказался, на первое отвѣтилъ присылкою своего чудеснаго разсказа „Припадокъ“.

„Что касается гаршинскаго сборника, то не знаю, что и сказать вамъ,—писалъ онъ Плещееву.—Не дать разсказа—не хочется. Во-первыхъ, такихъ людей, какъ покойный Гаршинъ, я люблю всей душой и считаю своимъ долгомъ публично расписываться въ симпатіи къ нимъ; во-вторыхъ, Гаршинъ въ послѣдніе дни своей жизни много

занимался моею особой, чего я забыть не могу; въ-третьихъ, отка-заться отъ участія въ сборникѣ значить воступить не по-товарищески, сирѣчь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелѣзное положеніе. У меня рѣшительно нѣтъ темъ, сколько-нибудь годныхъ для сборника. Все, что есть, или очень по-шло, или очень весело, или очень длинно. Былъ одинъ неважный сюжетецъ, да и тотъ я уже пустилъ въ дѣло и въ образѣ небольшо-го очерка послалъ въ „Новое Время“, гдѣ я по уши залѣзъ въ долги. Впрочемъ, есть у меня еще одна тема. Быть-можетъ, мнѣ удастся написать разсказъ такъ, что онъ произведетъ, какъ бы я хотѣлъ, гнетущее впечатлѣніе; быть-можетъ, онъ выйдетъ хорошъ и пригоденъ для сборника, но поручитесь ли вы, милый, что цензура или сама редакція не выхватятъ изъ него то, что въ немъ я считаю за важное? Вѣдь сборникъ иллюстрированный, стало-быть, цензур-ный. Если поручитесь, что ни одно слово не будетъ вычеркнуто, то я напишу разсказъ въ два вечера; если же ручаться нельзя, то по-годите недѣльку, я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ: авось надумаю сюжетъ“.

Продумавъ октябрь, Чеховъ въ ноябрѣ сѣлъ за свою вещь и къ 13-му ноября успѣлъ переписать ее.

„Слѣшу уведомить васъ,—писалъ онъ А. Н. Плещееву 3 ноября 1889 г.:—что разсказъ для гаршинскаго сборника уже начать (1/4 сдѣлана), и что я не теряю надежды участвовать въ сборникѣ. Я прошу убѣдительно, если можно, дать мнѣ недѣлю сроку. Какъ только разсказъ будетъ готовъ, я дамъ вамъ знать телеграммой и успокою васъ. Прошу отсрочки и снисхожденія не изъ лѣности. Я нахожусь въ угнетенномъ состояніи. Одна маленькая семейная неурядица, о которой сообщу при свиданіи, и безденежье, которое одо-лѣваетъ меня съ сентября по сіе время, овладѣли всѣмъ моимъ су-ществомъ, и я совершенно неспособенъ быть покойнымъ и работать. На душѣ екверно, въ карманѣ ни гроша, долговъ гибель“.

„Уфъ! Кончили наконецъ переписывать разсказъ, запаковалъ и послалъ вамъ, дорогой Алексѣи Николаевичъ!—извѣщаль онъ его 13 ноября.—Получили? Прочли? Небось, сердитесь? Разсказъ со-всѣмъ неподходящій для альманашно-семейнаго чтенія, не граціоз-ный и отдастъ сыростью водосточныхъ трубъ. Но совѣсть моя, по крайней мѣрѣ, покойна: во-первыхъ, обѣщаніе сдержалъ, во-вто-рыхъ, воздалъ покойному Гаршину ту дань, какую хотѣлъ и умѣлъ. Мнѣ, какъ медику, кажется, что душевную боль я описалъ правильно, по всѣмъ правиламъ психіагической науки“.

„Принадокъ“ былъ напечатанъ въ сборникѣ „Памяти Гаршина“ (СНБ. 1889 г.) и произвелъ большое, можно сказать, могучее впе-чатлѣніе.

1889 г. ознаменованъ въ жизни А. П.—ча грустнымъ обстоятельствомъ—смертью старшаго брата его, художника Николая. Чеховъ любилъ его, и ясно приближающійся конецъ брата удручалъ его.

За послѣдніе мѣсяцы жизни Николая Павловича болѣзнь его совершенно выбивала Чехова изъ колеи, а смерть потрясла. Его письма, сюда относящіяся, чрезвычайно характерны для Чехова. Скорбь его глубока и остра, но, какъ всегда, письма чужды всякаго приподнятаго наэоса, полны какого-то мудраго философскаго спокойствія, почти удивительнаго въ человѣкѣ его возраста, а первое изъ этихъ писемъ (къ А. Н. Плещееву) онъ даже начинаеть не безъ отбѣнка грустной проиіи надъ собою:

„У меня медицинская практика. Центромъ этой злополучной, весьма непріятной и утомительной практики служить одръ моего брата-художника, страдающаго брюшнымъ тифомъ. Человѣкъ я малодушный, не умѣю смотрѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ, и поэтому вы мнѣ повѣрите, если я скажу вамъ, что я буквально не въ состояніи работать. Вотъ уже три недѣли, какъ я не написалъ ни одной строки, перезабылъ все свои сюжеты и не думаю ни о чемъ такомъ, что было бы для васъ интересно. Скучень я до безобразія“.

Старанія А. П. не спасли брата. 17-го іюня 1889 г. онъ умеръ. Вскорѣ Чеховъ писалъ тому же Плещееву: „Ваше письмо пришло на девятый день послѣ смерти Николая, т.-е. когда мы все уже начали входить въ норму жизни; теперь отвѣчаю вамъ и чувствую, что норма въ самомъ дѣлѣ настала, и что теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ аккуратно переписываться съ вами.“

„Вѣдныа-художникъ умеръ. На Лукѣ онъ таялъ, какъ воскъ, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я могъ отдѣлаться отъ сознанія близости катастрофы... Нельзя было сказать, *когда* умереть Николай, но что онъ умретъ *скоро*—для меня было ясно. Развязка произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Гостилъ у меня Свободинъ. Воспользовавшись прїѣздомъ старшаго брата, который могъ смѣнить меня, я захотѣлъ отдохнуть дней пять и поѣхалъ къ Полтавскую губ. Прїѣхали ночью, мокрые, холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная, вологодская погода: во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ прїѣхалъ изъ Миргорода мужичонка и привезъ мокрую телеграмму: „Коля скончался“. Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадахъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ... Въ Ромнахъ ждать я съ 7 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду, темно, холодище страшный, скука асиидская, а за бурой стѣною,

около которой я сижу, актеры репетируют какую-то мелодраму. Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые. Похороны устроили мы художнику отличныя. Несли его на рукахъ, съ хоругвими и проч. Похоронили на деревенскомъ кладбищѣ подъ медовой травой; крестъ виденъ далеко съ поля. Кажется, что лежать ему очень уютно“.

XXIII.

Къ 1890 году относится большое событіе жизни А. П.—ча—его поѣздка на Сахалинъ, результатомъ которой явилась его извѣстная книга.

Что было главнымъ побужденіемъ для Чехова въ этомъ тяжеломъ путешествіи, стоившемъ ему дорого и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слишкомъ дорого,—такъ какъ за него будто бы онъ заплатилъ раннею болѣзнию и преждевременной смертью?

Чеховъ любилъ смѣну мѣстъ, людей, впечатлѣній. Еще не потерявшій здоровья, онъ много ѣздилъ по Россіи, всегда его влечетъ за граница. Сахалинъ могъ маниль его своеобразіемъ, суровымъ колоритомъ природы, суровымъ укладомъ отверженныхъ.

Литературно его могла завлекать мысль написать подъ прямымъ давленіемъ обстоятельствъ книгу, устанавливающую за нимъ репутацію дѣйствительнаго изслѣдователя жизни, бытописателя необслѣдованнаго края. Надо вспомнить, какъ настойчиво въ тогдашней критикѣ звучалъ мотивъ упрека Чехову въ несерьезности труда, въ неспособности дать что-нибудь крупное. Чеховъ зналъ, что это путешествіе, можетъ-быть, не дешево дастся ему,—зато изъ него онъ привезетъ матеріалъ для цѣлой монографіи.

Въ одномъ изъ писемъ къ Щеглову есть, впрочемъ, указаніе Чехова, что литературныя соображенія не играли главенствующей роли въ поѣздкѣ на Сахалинъ.

„Я ѣду не для наблюденій и не для впечатлѣній, — пишетъ онъ:—а просто для того только, чтобы пожить полгода не такъ, какъ я жилъ до сихъ поръ. Не надѣйтесь на меня, дяди, — если усѣю и сумѣю сдѣлать что-нибудь, то слава Богу. Если нѣтъ,—не взмучите!“

Планъ путешествія сложился въ такомъ видѣ:

„Мой маршрутъ таковъ, — писалъ А. П. Щеглову отъ 16 марта 1890 г.: — Нижній, Пермь, Тюмень, Томскъ, Иркутскъ, Срѣтенскъ, внизъ по Амуру до Николаевска, два мѣсяца на Сахалинѣ, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилла, Сингапуръ, Мадрасть, Коломбо (на Цейлонѣ), Адень, Портъ-Саидъ, Константинополь, Одесса, Москва, Питеръ, Церковная улица.

„Если на Сахалинѣ не съѣдятъ медвѣди и каторжные, если не по-

гибну отъ тифонозъ у Японіи и отъ жары въ Аденѣ, то возвращусь въ декабрѣ и почию на лаврахъ, ожидая старости и ничего не дѣлая. Не хотите ли поѣхать вмѣстѣ? Будемъ на Амурѣ пожирать стерлядей, а въ де-Кастро глотать устрицы... кушимъ на Сахалинѣ медвѣжьихъ шкуръ по 4 р. за штуку для шубъ...”

Поѣздкѣ А. П.—ча предшествовало основательное изученіе имъ матеріаловъ, способныхъ подготовить его къ всестороннему обслѣдованію острова отверженныхъ. Въ послѣднюю поѣздку его въ Петербургъ его не часто можно было видѣть въ обычной „свѣтской разсѣянности“. Чеховъ сидѣлъ за книгой и напитывался впечатлѣніями.

„На меня сердятся мои петербургскіе друзья и знакомые,— писалъ онъ А. Н. Плещееву.—За что? За то, что я мало надѣдалъ имъ своимъ присутствіемъ, которое мнѣ самому уже давно надѣло. Успокойте ихъ умы, скажите имъ, что въ Петербургѣ я много обѣдалъ, много ужиналъ, но не плѣнилъ ни одной дамы, что я каждый день былъ увѣренъ, что уѣду вечеромъ съ курьерскимъ, что меня удерживали друзья и „Морской Сборникъ“, который мнѣ нужно было перелистать весь, начиная съ 1852 г. Живя въ Питерѣ, я въ одинъ мѣсяць едѣлъ столько, сколько не едѣлъ моимъ молодымъ друзьямъ въ цѣлый годъ“.

Въ перепискѣ его отражены и нѣкоторыя недоумѣнія литературныхъ друзей Чехова, не могшихъ ясно осмыслить внезапнаго намѣренія его путешествовать—и куда же?—на Сахалинъ.

„Что касается 35.000 курьеровъ, которые скакали ко мнѣ изъ министерствъ, чтобы пригласить меня въ генераль-губернаторы о. Сахалина, то это просто чепуха,—пишетъ онъ тому же поэту.—Братъ Миша писалъ Липитваревымъ о томъ, что я хлопочу попасть на Сахалинъ, а они, очевидно, не такъ его поняли. Если увидите Галкина-Враскаго, то скажите ему, чтобы онъ не очень заботился о рецензій для своихъ отчетовъ. Объ его отчетахъ я буду странно говорить въ своей книгѣ и увѣковѣчу имя его; отчеты не важны: матеріалъ прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумѣли воспользоваться имъ“.

Свои впечатлѣнія пути и остановокъ на сибирскихъ станціяхъ Чеховъ изливалъ очень обстоятельно въ письмахъ А. Н. Плещееву и Ч. А. Лейкину. Письма его къ обоимъ этимъ друзьямъ-писателямъ ломѣчены одними и тѣми же числами. Такъ ясно, что А. П. брался за перо въ тѣ часы, когда вышнія условія относительнаго комфорта позволяли ему это, и трудности переѣздовъ, иногда изнуряющія, на время отходили въ прошлое.

„Шлю вамъ душевный привѣтъ изъ Иркутска, изъ нѣдръ сибирскихъ,—пишетъ А. П.—чь Лейкину отъ 5 іюня 1890 г.—Пріѣхалъ я

въ Иркутскъ вчера ночью и очень радъ, что прїѣхаль, такъ какъ замучился въ дорогѣ и соскучился по роднымъ и знакомымъ, которыми давно уже не писалъ... Начну съ того, что дорога необыкновенно длинна. Отъ Тюмени до Иркутска я сѣлалъ на лошадахъ болѣе трехъ тысячъ верстъ. Отъ Тюмени до Томска воевалъ съ холодомъ и съ разливами рѣкъ, холода были ужасные, на Вознесенъе стоялъ морозъ и шелъ снѣгъ, такъ что полупубокъ и валенки пришлось снять только въ Томскѣ въ гостиницѣ. Что же касается разливовъ, то это казнь египетская. Рѣки выступили изъ береговъ и на десятки верстъ заливали луга, а съ ними и дороги; то и дѣло приходилось мѣнять экипажъ на лодку, лодки же не давались даромъ—хорошая обходилась пуда крови, такъ какъ нужно было по цѣлымъ суткамъ сидѣть на берегу подъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ и ждать, ждать... Отъ Томска до Красноярска отчаянная война съ невылазною грязью. Боже мой, даже вспомнить жутко! Сколько разъ приходилось починять свою повозку, шагать пѣшкомъ, ругаться, вылезать изъ повозки, опять влезать и т. д.; случалось, что отъ станціи до станціи ѣхаль я 6—10 часовъ, и на починку повозки требовалось 10—15 часовъ каждый разъ. Отъ Красноярска до Иркутска страшная жара и пыль. Ко всему этому прибавьте голодуху, пыль въ носу, слипающіеся отъ бессонницы глаза, вѣчный страхъ, что у повозки (она у меня собственная) сломается что-нибудь, и скуку... Но тѣмъ не менѣе все-таки я доволенъ и благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силу и возможность пуститься въ это путешествіе... Много я видѣлъ и многое пережилъ, и все чрезвычайно интересно и ново для меня, не какъ для литератора, а просто какъ для человѣка. Енисей, тайга, станціи, ямщики, дикая природа, дичь, физическія мучительства, причиняемая дорожными неудобствами, наслажденія, получаемыя отъ отдыха — все вмѣстѣ взятое такъ хорошо, что и описать не могу. Ужъ одно то, что я больше мѣсяца день и ночь былъ на чистомъ воздухѣ — любопытно и здорово; пѣлый мѣсяцъ ежедневно я видѣлъ восходъ солнца отъ ночи и до конца.

„Отсюда ѣду на Байкаль, потомъ въ Читу, Срѣтенскъ, гдѣ мѣняю лошадей на пароходъ, и плыву по Амуру до своей цѣли. Не спѣшу, ибо желаю быть на Сахалинѣ не раньше 1 іюля.

„Дорога черезъ Сибирь вполне безопасна. Грабежей не бываетъ“.

XXIV.

Отъ того же числа и подъ тѣми же впечатлѣніями пишетъ онъ и Плещееву:

„Наконецъ поборолъ самыя трудныя 3.000 верстъ; сижу въ приличномъ номерѣ и могу писать. Одѣлся я нарочно во все новое и

возможно щеголеватѣе, ибо вы не можете себѣ представить, до какой степени мнѣ надобно грязные большіе сапоги, полушубокъ, пахнущій дегтемъ, пли пальто въ сѣнѣ, пыль и крошки въ карманахъ. Въ дорогѣ одѣтъ я былъ такимъ с. с., что даже бродяги на меня косо посматривали, а тутъ еще рожа моя потрескалась и покрылась рыбьей чешуей. Теперь наконецъ я опять европеецъ, что и чувствую всѣмъ моимъ существомъ. Ну-съ, о чемъ же вамъ написать? Все такъ длинно и широко, что не знаешь, съ чего начать и что выбрать. Все сибирское, мною пережитое, я дѣлю на три эпохи: 1) отъ Тюмени до Томска 1.500 верстъ, страшенный холодище днемъ и ночью, полушубокъ, валенки, холодные дожди, вѣтры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война съ разливами рѣкъ; рѣки заливали луга и дороги, а я то и дѣло мѣнялъ экипажъ на ладю и плавалъ, какъ венеціанецъ на гондолѣ; лодки, ихъ ожиданіе у берега, плаваніе и проч.—все это отнимало такъ много времени, что въ послѣдніе два дня до Томска я, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, сумѣлъ сдѣлать только 70 верстъ вмѣсто 400—500: бывали къ тому же весьма жуткія, непріятныя минуты, особенно въ ту пору, когда вдругъ поднимался вѣтеръ и начиналъ бить по лодкѣ; 2) отъ Томска до Красноярска 500 верстъ, невылазная грязь; моя повозка и я грузили въ грязи, какъ мухи въ густомъ вареньѣ; сколько разъ я ломалъ повозку (она у меня собтвенная), сколько верстъ прошелъ пѣшкомъ, сколько клякъ было на моей фізіономіи и на платьѣ. Я не ѣхалъ, а полоскался въ грязи. Зато и ругался же я. Мозгъ мой не мыслить, а только ругался. Замучился я до изнеможенія и былъ очень радъ, понавѣ на красноярскую почтовую станцію; 3) отъ Красноярска до Иркутска 1.500 верстъ, жара, дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ и пыль; поглядишь на себя въ зеркало, и кажется, что загримировался. Когда по пріѣздѣ въ Иркутскъ я мылся въ банѣ, то съ головы моей текла мыльная пѣна не бѣлаго, а пепельно-гнѣдого цвѣта, точно я лошадь мылъ.

„Когда пріѣду, расскажу вамъ про Енисей и тайгу—весьма интересно и любопытно, ибо представляетъ новизну для европейца, все же остальное обыкновенно и однообразно. Вообще говоря, сибирская природа мало отличается (наружно) отъ російской; есть различіе, но оно мало замѣтно для глаза. Дорога волиѣ безопасна. Грабежи, нападенія, злодѣи—все это вздоръ и сказки. Револьверъ совершенно не нуженъ, и ночью въ лѣсу такъ же безопасно, какъ днемъ на Невскомъ. Для пѣшаго—другое дѣло.“

Плещеву же 20 іюня А. П.—чь писалъ:

„Посылаю привѣтъ изъ каюты 1 класса парохода „Ермакъ“. Плыву по Амуру. Путешествіе мое на лошадяхъ кончилось; большіе сапоги заключены подъ спудъ, рожа вымыта, бѣлье переменяно, и москов-

скій жуликъ преобразился въ барина. Пароходъ дрожить, трудно писать. Берега Амура красивы, но слишкомъ дики; мнѣ же безлюдье надоѣло. Нахожусь подъ впечатлѣніемъ Забайкалья, которое я проѣхалъ: превосходный край. Вообще отъ Байкала начинается сибирская поэзія, до Байкала же была проза“.

Отъ того же 20-го іюня сохранилось письмо и къ Лейкину. Чеховъ пишетъ:

„Пишу вамъ сіе, приближаясь къ Горбицѣ, одной изъ казацкихъ ставицъ на берегу Шилки, притока Амура. Вотъ куда меня занесло! Плыву по Амуру. Изъ Иркутска я послалъ вамъ письмо, Получили ли? Съ того времени прошло больше недѣли, въ продолженіе которой я переплылъ Байкаль и проѣхалъ Забайкалье.

„Байкаль удивителенъ, и не даромъ сибиряки величаютъ его не озеромъ, а моремъ. Вода прозрачна необыкновенно, такъ что видно сквозь нее, какъ сквозь воздухъ; цвѣтъ у нея нѣжно-бирюзовый, пріятный для глаза. Берега гористые, покрытые лѣсами; кругомъ дичь непроглядная, безпросвѣтная.

„Изобиліе медвѣдей, дикихъ козъ и всякой дикой всячины, которая занимается тѣмъ, что живетъ въ тайгѣ и закусываетъ другъ другомъ. Прожилъ я на берегу Байкала двое сутокъ. Когда плыль, было тихо и жарко. Забайкалье великолѣпно. Это смѣсь Швейцаріи, Дона и Финляндіи.

„Проѣхалъ я на лошадахъ болѣе 4.000 верстъ. Путешествіе было вполне благополучно. Все время былъ здоровъ, и изъ всего багажа потерялъ только перочинный ножъ. Далъ Богъ всякому такъ ѣздить. Путь вполне безопасный, и все эти рассказы про бѣдлыхъ, про ночныя нападеныя и проч.—не что иное, какъ сказки, преданія о давно минувшемъ. Револьверъ совершенно лишняя вещь. Теперь я сижу въ каютѣ перваго класса и чувствую себя въ Европѣ. Такое у меня настроеніе, какъ будто я экзаменъ выдержалъ. Свистокъ. Это Горбица“.

Въ самое послѣднее время оглашены письма А. П. къ Щеглову, дающія еще новыя данныя о сибирскихъ впечатлѣніяхъ Чехова.

„Путешествіе мое длинно, — писалъ онъ ему изъ Иркутска 5 іюля 1890 г.:—все до такой степени длинно и широко, что писать положительно не о чемъ. Скажу только, что ѣхать было тяжело, временами несносно и даже мучительно; разливы рѣкъ, холодъ, питаніе исключительно часмъ, грязная одежда, тяжелые сапоги, невылазная грязь — все это имѣло для меня подавляющее значеніе и отодвигало природу и сибирскаго человѣка на второй и третій планъ. Да и кстади сказать, здѣшнія природа и человѣкъ мало чѣмъ отличаются отъ російскихъ. Оригинальны только рѣка Енисей и тайга, но о нихъ можно только рассказать, а не писать, ибо письмо слишкомъ непро-

сторно для этого. Въ декабрѣ при свиданіи я выложу передъ вами все мое сибирское богатство.

„Отсюда ѣду на Байкаль, затѣмъ подамся къ Амуру, на которомъ поплыву до Сахалина. Обо всемъ расскажу вамъ, друже, если останусь живъ, и если у васъ будетъ охота слушать такого неумѣлаго рассказчика, какъ я“.

Черезъ пять мѣсяцевъ, уже изъ Москвы (отъ 10 декабря), Чеховъ писалъ тому же Щеглову:

„Описывать свое путешествіе и пребываніе на Сахалинѣ не стану, ибо описаніе, даже кратчайшее, вышло бы въ письмѣ безконечно длиннымъ. Скажу только, что я доволенъ по самое горло, сытъ и очарованъ до такой степени, что ничего больше не хочу и не обидѣлся бы, если бы трахнулъ меня параличъ или унесла на тотъ свѣтъ дизентерія. Могу сказать: пожилъ! Будетъ съ меня. Я былъ и въ аду, какимъ представляется Сахалинъ, и въ раю, т.-е. на островѣ Цейлонѣ. Какія бабочки, букашки, какія мушки, таракашки!

„Путешествіе, особенно черезъ Сибирь, похоже на тяжелую, затяжную болѣзнь; тяжело ѣхать, ѣхать и ѣхать, но зато какъ легки и воздушны воспоминанія обо всемъ пережитомъ!“

Петербургскія знакомства играли для путешественника известную роль. Нѣкоторыя бумаги и письма изъ Петербурга обезпечили А. П.—чу на Сахалинѣ не разъ содѣйствіе мѣстной администраціи.

„Не помню, какого числа, но было это въ концѣ іюля 1895 г.,— рассказываетъ нѣкто Барановичъ (въ „Восточн. Обзорѣніи):— я былъ вызванъ генераломъ Кононовичемъ съ Тихменевскаго поста у залива Терифнія, чтобы встрѣтить Чехова въ селѣ Рыковскомъ и оттуда отправиться съ нимъ на югъ по намѣченной въ то время телеграфной просѣкѣ. Встрѣтившись у нач. Тымовскаго округа Рыкова, я, по просьбѣ Ан. Пав., подробно описалъ условія передвиженія по этому пути, и условія эти показались ему до того тяжелыми, что онъ измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ перебраться на Ю. Сахалинъ моремъ на суднѣ. Затѣмъ—уже въ концѣ августа—я увидѣлъ Ан. Пав. на Ю. Сахалинѣ въ селеніи „Кресты“, переименованномъ въ „Галкино-Врасское“. Съ этого пункта я послѣдовалъ съ нимъ на сѣверъ, гдѣ онъ посѣтилъ устье рѣки Пайбы и расположенные вблизи этой рѣки айнскіе поселки. Айнцами онъ мало интересовался, все свое время посвящая изученію быта ссыльных“.

XXV.

Въ началѣ сентября А. П. вернулся въ Корсаковскій постъ и векорѣ отправился въ Россію.

Такъ создалась книга Чехова „Островъ Сахалинъ“—„изъ путе-

выхъ замѣтокъ“, печатавшаяся въ „Русской Мысли“ въ 1893 и 1894 гг. (1893 г., №№ 2, 3, 5, 6, 7, 10, 11 и 12, и 1894 г.— №№ 2, 3, 5, 6 и 7-й). Дополнительная глава „Бѣглые на Сахалинѣ“ появилась впервые въ Сборникѣ „Помощь голодающимъ“ (изд. „Рус. Вѣд.“, М. 1892 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Чеховъ былъ уже въ славѣ, А. М. Скабичевскій посвятилъ этому труду статью въ той же „Рус. Мысли“ („Каторга пятьдесятъ лѣтъ назадъ и теперь“, М. 1898, №№ 9 и 10).

Каково была роль этого путешествія въ писательствѣ Чехова, и каково мѣсто этой книги въ его наслѣдїи? Очень вѣрный отвѣтъ на это далъ г. Дивильковскій въ своей статьѣ о ней.

„Мнѣ кажется, — пишетъ онъ:— какъ это ни странно на первый взглядъ, — что о. Сахалинъ игралъ для творчества Чехова роль своего рода Италїи, гдѣ онъ стремился довернуть свое пониманіе русской жизни. Пусть такое стремленіе носить въ себѣ нѣчто болѣзненное, какъ бы извращенное, — это объясняется тѣмъ, что русское общество пробуждало въ нашемъ авторѣ творческія настроенія именно своими болѣзненными, извращенными сторонами, своимъ безобразіемъ. Грусть надъ безобразіемъ жизни (смѣнившая собою ранѣе характерный для Чехова смѣхъ) тоже вѣдь имѣетъ въ себѣ нѣчто высокопоэтическое: неудивительно, что Чехова тянуло туда, гдѣ онъ почувствовалъ наглядное и яркое воплощеніе русской грусти во всей ея полнотѣ. Вотъ почему „Островъ Сахалинъ“ представляется чрезвычайно значительнымъ произведеніемъ для пониманія всего его творчества, хотя, по формѣ, это — довольно сухой, добросовѣстный прозаическій очеркъ, въ основѣ котораго лежитъ разработка статистическихъ матеріаловъ“.

Основную мысль книги Чехова авторъ формулируетъ такъ: „По виѣшности, гуманные распорядки и жизнь сахалинцевъ — едва ли не осуществленіе мечты о фаланстерахъ, родъ государственнаго социализма, гдѣ каждому воздается по его труду, по его потребности, даже по таланту; по внутреннему же смыслу, сахалинскій бытъ — непозволительная насмѣшка надъ личностью, и грубость ея ничуть не уменьшается тѣмъ, что она не преднамѣренная. Эту-то мысль и хотѣлъ выразить Чеховъ въ своемъ „О. Сахалинѣ“: мучительства подлиннаго мало на этомъ островѣ слезъ, страстныхъ любителей мучительства — тоже, есть „только нормальный порядокъ“, „уставъ объ устройствѣ быта“, слѣдовательно прозаически-безшумно текущая обыденность, а между тѣмъ — „горя рѣченька, горя рѣченька бездонная“. Могли бы быть устранены, пожалуй, и послѣдніе слѣды мучительства, могло бы быть такъ, какъ изображалъ Чехову сахалинскія условія бар. Корфъ, т.-е. „нѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ“, — и это все же ничего не уба-

вило бы изъ картины сахалинской *нравственной* каторги. Мученіе лежитъ не въ людяхъ и не въ ихъ доброй или злой волѣ, а въ стремленіи даннаго общественнаго порядка выливаться, помимо воли людей или даже прямо противъ ихъ воли, въ такую, а не иную форму, форму, откуда заранѣе исключена всякая мысль о возможности свободы дѣйствій для человѣка“.

Прекрасный талантъ Чехова, его великолѣпная пытливая наблюдательность, мастерство психологическаго постиженія—сказались и въ „Сахалинѣ“. Но Чеховъ какъ бы намѣренно гасилъ въ этой книгѣ себя, какъ художника. Влестки художественнаго таланта прорываются здѣсь какъ бы противъ его воли. Онъ хотѣлъ остаться только спокойнымъ холоднымъ ученымъ и, видимо, насильно удерживалъ себя отъ той передачи факта, которая отличаетъ беллетриста.

Книга Чехова много проиграла отъ этого, и восторженный отзывъ о ней предвзято-либеральнаго критика А. Богдановича гремитъ безспорнымъ преувеличеніемъ

„Островъ Сахалинъ,—писалъ онъ:—безспорно, классическое произведеніе, на ряду съ которымъ можно поставитьъ развѣ „Фрегатъ Палладу“ Гончарова, и, какъ таковое, онъ долженъ бы войти въ составъ всякой образовательной библіотеки. По яркости языка очерки Чехова не уступаютъ пластичности гончаровскихъ описаній, но они превосходятъ ихъ содержательностью и живостью темы. Къ тому же очерки производятъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе благодаря тому, что авторъ, въ противность олимпійской холодности Гончарова, нигдѣ не скрываетъ своего отношенія къ описываемымъ ужасамъ. Не подчеркивая и отнюдь не стараясь ставить точки надъ і, авторъ превосходной группировкой фактовъ и личныхъ наблюденій вырисовываетъ такую потрясающую картину жизни на Сахалинѣ, что, совершенно подавленный и глубоко пристыженный, закрываешь книгу и долго не можешь отдѣлаться отъ полученнаго впечатлѣнія“.

Свое путешествіе Чеховъ находилъ для себя полезнымъ даже въ физическомъ отношеніи, какъ мы видѣли это въ письмѣ его къ Плещееву. Едва ли это было такъ, и едва ли такое впечатлѣніе сохранилъ о немъ позднѣе самъ Чеховъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ друзей его (А. Грузинскій) отмѣчаетъ, что уже вскорѣ послѣ возвращенія съ Сахалина Чеховъ свое недомоганье (тогда еще пельзя было думать, что оно окончится такъ печально) приписывалъ простудѣ, схваченной имъ на берегу одной изъ сибирскихъ рѣкъ, когда подъ дождемъ онъ нѣсколько часовъ ждалъ парома и его сильно продуло холоднымъ сибирскимъ вѣтромъ.

На Сахалинѣ, по собственному указанію, А. П. прожилъ три мѣсяца и три дня. Все время онъ былъ здоровъ. Только въ Архине-

лагѣ, гдѣ случился штурмъ и дулъ холодный нордъ-остъ (поправка къ показанію А. С. Грузинскаго), онъ простудился и съ простудой вернулся въ Москву. „Теперь я кашляю, безконечно сморкаюсь и по вечерамъ чувствую жаръ. Надо полѣчиться“, — писалъ онъ Щегловъ

XXVI.

Вторую большой пьесой Чехова былъ „Лѣшій“, потомъ переработанный въ „Дядю Ваню“. Сравненіе первой (разрѣшенной цензурою 1-го мая 1890 г.) редакціи со второй уже сдѣлано въ печати тѣмъ же г. Батуринымъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ „Лѣшемъ“ является не „дядя Ваня“, — здѣсь онъ носитъ другое имя, Егоръ Петровичъ, или „Жоржъ“, — а Хрущовъ, онъ же „Лѣшій“, превратившійся во второй версіи въ Астрова. Въ первоначальной версіи онъ не земскій врачъ, а помѣщикъ, окончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ. Помимо дѣйствующихъ лицъ, общихъ съ персонажами „Дяди Вани“, въ „Лѣшемъ“ имѣются еще четыре, исчезнушіе въ окончательной обработкѣ, очевидно, въ виду того, что они, мало помогая обрисовкѣ главныхъ характеровъ, затягивали дѣйствіе. Эти лица: Леонидъ Степановичъ Желтухинъ, не кончившій курсъ технологъ, очень богатый человѣкъ, его сестра Юля, помѣщикъ Орловскій и его сынъ-кутила, Федоръ Ивановичъ. Телѣгинъ въ „Лѣшемъ“ носитъ имя Дядина.

Самый сюжетъ „Лѣшаго“ не вполне совпадаетъ съ содержаніемъ „Дяди Вани“. Въ „Лѣшемъ“ Хрущовъ (Астровъ „Дяди Вани“) влюбленъ не въ Елену Андреевну, а въ Союю; „Жоржъ“ („Дядя Ваня“ окончательной редакціи) не покушается на жизнь профессора, а самъ застрѣливается. Послѣ его самоубійства Елена Андреевна убѣгаетъ изъ дому и двѣ недѣли скрывается на мельницѣ у Дядина (Телѣгина въ „Дядѣ Ванѣ“), который въ первой версіи не состоитъ въ „приживальщикахъ“ у Воиницкихъ, а снимаетъ въ аренду мельницу у „Лѣшаго“.

На мельницу пріѣзжаетъ Хрущовъ (Астровъ) и профессоръ, встрѣчается съ женой, и она увѣзжаетъ съ нимъ обратно домой. Сося же признается въ любви Хрущову, который думалъ, что она его не любитъ. За исключеніемъ Соши, характеръ которой претерпѣлъ въ окончательной обработкѣ крупныя измѣненія, характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ почти тѣ же, но въ „Лѣшемъ“ имѣется много эпизодовъ, исчезнувшихъ въ окончательной редакціи пьесы.

Пьеса заканчивается объясненіемъ Соши съ Хрущовымъ. Сося говоритъ ему: „Вы сказали, что любите другую... Я теперь другая...“

Я хочу одну только правду... Ничего, ничего, кроме правды! Я люблю, люблю васъ“...

„Пьеса отъ переделокъ выиграла въ сценичности, дѣйствиѣ во второй версіи идетъ быстро, развивается логически, не задерживается вводными лицами,—пишетъ Батуринскій.—Устранена несообразность, бросающаяся въ глаза въ первой версіи: какимъ образомъ чуткій, вдумчивый, ненавидящій всякіе „ярлыки“ Хрущовъ могъ полюбить Соню, являющуюся въ „Лѣшемъ“ истинной дочерью ходячей муміи, профессора? Во второй версіи Чеховъ создалъ новую Соню, одинъ изъ обаятельныхъ образовъ русской литературы, стоящій наравнѣ съ трепетно-нѣжными женскими образами романовъ Тургенева“.

Пьеса „Лѣшій“ была написана Чеховымъ чудовищно скоро — едва ли не въ четыре дня. Московскіе исполнители ея нравились Чехову.

„Мой „Лѣшій“ идетъ въ театрѣ Абрамовой 27 декабря,—писалъ онъ Плещееву. — Былъ я на репетиціи. Мужчины мнѣ понравились въ общемъ, а дамъ я еще не разглядѣлъ. Идетъ, повидимому, бойко. Актерамъ пьеса нравится. О печатаніи ея поговоримъ тоже при свиданіи. Насколько можно судить по репетиціи, пьеса шибко пойдетъ въ провинціи, ибо комическаго элемента достаточно, и люди все живые, знакомые провинціи“.

Постановка сказала другое. „Лѣшій“ не имѣлъ никакого успѣха, даже виѣшняго, даже любопытства не возбудилъ. Его поставили — и свяли съ репертуара. И Чеховъ покинулъ область серьезнаго театра на цѣлыхъ 6—7 лѣтъ, пробавляясь „Калхасами“, „Трагиками поневоли“, „Медвѣдемъ“ и „Предложеніемъ“. Онъ остался такъ недоволенъ пьесой, что даже не далъ ее въ „Сѣверный Вѣстникъ“, куда просилъ ее Плещеевъ. Позднѣе она воскресла въ „Дядѣ Ванѣ“, шумный успѣхъ котораго не понижается до нынѣшняго дня.

Вотъ чтò, между прочимъ, писалъ по поводу „Лѣшаго“ (въ Совр. Обозр. „Аргиста“ 1890 г. № 6) извѣстный критикъ И. Ивановъ:

„Г. Чеховъ принадлежитъ къ числу писателей, обладающихъ весьма завиднымъ настроеніемъ духа. Для нихъ нашъ міръ — міръ красоты и молодости, наслажденій и пріятнаго отдыха. Ихъ окружаетъ какъ будто чарующая музыка тѣхъ семи небесныхъ сферъ, о которыхъ грезилъ древній философъ. Развѣ можно быть несчастнымъ въ волнахъ этой музыки? Посмотрите, какъ Чеховъ обрушивается на людей, посвятившихъ свою жизнь наукѣ, труду, умѣвшихъ даже въ Парижѣ остаться вѣрными своей первой и единственной любви. Профессоръ въ „Лѣшемъ“ говоритъ, что онъ въ молодости былъ въ Гейдельбергѣ и не впалъ Гейдельберга, былъ въ Парижѣ и не видалъ Париза... Этихъ „удовольствій“ Чеховъ съ особеннымъ наслажденіемъ

будеть казнить во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, и въ повѣсти и въ драмѣ. Г. Чеховъ, вѣроятно, не пойметъ смысла знаменитыхъ словъ: „оувъ родину, какъ женщину, любилъ“. Г. Чеховъ пройдетъ съ видомъ недоумѣнія мимо безсмертныхъ образовъ людей, приносившихъ въ жертву излюбленной идеѣ всякій моментъ личнаго существованія. Эта мелодрама на учено-эстетической основѣ довольно своеобразна, но, какъ всякая мелодрама, неестественна и комична. Въ пьесѣ происходитъ нѣсколько казусовъ: *нудная* жена сбѣгаетъ отъ мужа, „сгубившій молодость“ Войницкій застрѣливается, „прожигающій молодость“ Оеденька женится, то же дѣлаетъ и Лѣшинъ. Но все это именно *казусы*, а не факты пьесы, необходимо вытекающіе изъ хода дѣйствія. Казусы эти переплетены въ массу семейныхъ разговоровъ, крайне длинныхъ и утомительныхъ. Повседневные разговоры за выпивкой и закуской каждому надоѣли и дома и у знакомыхъ, и для того, чтобы услышать десять разъ, какъ другіе справляются о чужомъ здоровьѣ и иногда переругиваются, вовсе не надо идти въ театръ и перетерпѣть четыре акта „комедіи“. Талантъ г. Чехова несомнѣнно выше написанной имъ пьесы, и ея странныя свойства объясняются, вѣроятно, спѣшностью работы или печальнымъ заблужденіемъ относительно самыхъ неизбѣжныхъ свойствъ всякаго драматическаго произведенія“.

XXVII.

Раннею весною 1891 г. А. П. совершилъ поѣздку за границу. Путешествіе произвело на него большое впечатлѣніе, хотя уже раньше онъ видѣлъ такіе контрасты, какъ Сахалинъ и Цейлонъ. Итогъ этихъ впечатлѣній писателя, насколько они отразились въ его периллскѣ, подведенъ Н. Эфросомъ.

Первымъ городомъ въ этой поѣздкѣ была Вѣна. 19 марта Чеховъ пріѣхалъ туда, при чемъ ѣхалъ — „какъ желѣзнодорожная Няня, въ роскошномъ вагонѣ интернаціональнаго Общества спальныхъ вагоновъ“. 20-го онъ писалъ сестрѣ:

„Ахъ друзья мои, тунгусы, если бы вы знали, какъ хороша Вѣна! Ее нельзя сравнить ни съ однимъ изъ тѣхъ городовъ, какіе я видѣлъ въ своей жизни. Улицы широкія, изящно вымощенныя; масса бульваровъ и екверовъ, дома все 6-ти и 7-этажные. А магазины, это не магазины, а сплошное головокруженіе, мечта! Однихъ галетуковъ въ окнахъ—милліарды“.

Веселу, и въ Вѣнѣ и потомъ въ Италіи, производила на Чехова большое впечатлѣніе архитектура:

„Церкви громадныя,—но онѣ не давятъ своей громадой, а ласкаютъ глаза, потому что кажется, что онѣ сотканы изъ кружева.

Особенно хороши соборъ св. Стефана и *Votiv-Kirche*. Это—не постройкы, а печенье къ чаю. Великолѣпны парламентъ, дума, университетъ. Все великолѣпно, и я только вчера и сегодня какъ слѣдуетъ понялъ, что архитектура—въ самомъ дѣлѣ искусство. И здѣсь это искусство попадаетея на кусочками, какъ у насъ, а тянется полонами въ нѣсколько верстъ.

„Въ каждомъ кварталѣ непременно книжный магазинъ. На окнахъ книжныхъ магазиновъ попадаются и русскія книги. Но—увы!—это сочиненія не Альбова, не Баранцевича и не Чехова, а всякихъ анонимовъ, пишущихъ и печатающихъ за границей. Видѣлъ я Ренана, „Тайны Зимняго дворца“ и т. п. Странно, что здѣсь можно все читать и говорить, о чемъ хочешь“.

Мелочи быта культурнаго города удивляли Чехова:—„Разумѣйте, языцы, какіе здѣсь извозчики, чортъ бы ихъ взялъ! Пролетокъ нѣтъ, а все новенькія, хорошенькія кареты въ одну и чаще въ двѣ лошади... На козлахъ сидятъ франты въ пиджакахъ и цилиндрахъ, читаютъ газеты. Вѣжливость и предупредительность“. „Женщины красивы и изящны. Да вообще все чертовски изящно“. „Все встрѣчные узнаютъ въ насъ русскихъ и смотрятъ на насъ не въ лицо, а на мою шапку съ просѣдью. Глядя на шапку, вѣроятно, думаютъ, что я—очень богатый русскій графъ“.

Венеція, разумѣется, не могла не вызвать въ немъ очарованія:

„Восхитительная, голубоглазая Венеція шлетъ всеѣмъ вамъ привѣтъ... Архитектура упоительная, все граціозно и легко, какъ птицеподобная гоццола... Такіе дома и церкви могли строить только люди, обладающіе громаднымъ художественнымъ и музыкальнымъ вкусомъ и одаренные львинымъ темпераментомъ“. „Есть улицы,—широкія, какъ Невскій, и есть такія, гдѣ, растопыривъ руки, можно загородить всю улицу. Центръ города—это площадь св. Марка со знаменитымъ соборомъ того же имени. Соборъ великолѣпенъ, особенно снаружи. Рядомъ съ нимъ—дворецъ дожей, гдѣ Отелло объяснялся передъ дожемъ и сенаторами. Вообще говоря, нѣтъ мѣстечка, которое не возбуждало бы воспоминаній и не было трогательно. Напримѣръ, домикъ, гдѣ жила Дездемона, производитъ впечатлѣніе, отъ котораго трудно отдѣлаться“.

Знаменитый переѣздъ изъ Вѣны въ Венецію, чрезъ Земмерингъ, не оставилъ въ Чеховѣ особенно большого впечатлѣнія. „Отъ Вѣны до Венеціи ведетъ красивая дорога, о которой раньше мнѣ много говорили. Но я разочаровался въ этой дорогѣ. Горы, пропасти, а свѣтловыя вершины, которыя я видѣлъ на Кавказѣ и на Цейлонѣ, гораздо внушительнѣе, чѣмъ здѣсь“.

Восторженно и умленно А. П. описываетъ Венецію.

„Самое лучшее время въ Венеціи — это вечеръ. Во-первыхъ, звѣзды; во-вторыхъ, длинные каналы, въ которыхъ отражаются огни и звѣзды; въ-третьихъ,—гондолы, гондолы и гондолы; когда темно, онѣ кажутся живыми. Въ-четвертыхъ, хочется плакать, потому что со всѣхъ концовъ слышатся музыка и превосходное пѣніе. Вотъ илываетъ гондола, увѣшанная разноцвѣтными фонариками: свѣта достаточно, чтобы разглядѣть контрабасъ, гитару, мандолину, скрипку... Вотъ другая такая же гондола... Поютъ мужчины и женщины, и какъ поютъ! Совѣтъ опера. Въ-иятыхъ,—тепло...

„Теперь представьте, что на улицахъ и въ переулкахъ вмѣсто мостовыхъ—вода; представьте, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади, что вмѣсто извозчиковъ вы видите гондольеровъ на ихъ удивительныхъ лодкахъ, легкихъ, иѣжныхъ, носатыхъ птицахъ, которыя едва касаются воды и вздрагиваютъ при малѣйшей волнѣ. И все отъ неба до земли залито солнцемъ.

„Въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ звона. Друзья мои, тунгусы, давайте примемъ католичество! Если бы вы знали, какъ хороши въ церквахъ органы, какал здѣсь скульптура, какія итальяночки, стояція на колѣняхъ съ молитвенниками!

„Однимъ словомъ,—дуракъ тотъ, кто не ѣдетъ въ Венецію... Крымъ передъ Венеціей—это каракатица и кить“.

Въ концѣ апрѣля А. П. Чеховъ пріѣхалъ въ Парижъ.

„Пріѣхалъ я въ Парижъ,—ишетъ онъ сестрѣ 21-го апрѣля:—въ пятницу утромъ и тотчасъ же поѣхалъ на выставку. Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальныя выставочныя постройки я видѣлъ только снаружи, такъ какъ внутри находилась кавалерія, приготовленная на случай беспорядковъ. Въ пятницу ожидались волненія. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, кричалъ, свисталъ, волновался, а полицейскіе разгоняли его. Чтобы разогнать большую толпу, здѣсь достаточно десятка полицейскихъ. Полицейскіе дѣлаютъ дружный натискъ, и толпа бѣжитъ, какъ сумасшедшая. Въ одинъ изъ натисковъ и я сподобился: полицейскій схватилъ меня за лопатку и сталъ толкать впередъ себя“.

Парижъ поразилъ его кипучей уличной жизнью.

„Масса движенія. Улицы роятся и кипятъ. Чтò ни улица, то Терекъ бурный. Шумъ, гвалтъ. Тротуары заняты столиками; за столиками—французы, которые на улицѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Превосходный народъ“.

„Парижа не опишешь,—заключаетъ онъ:—отложу его описаніе до моего пріѣзда“.

Въ знаменитомъ „Салонѣ“, на картинной выставкѣ, Чеховъ отмѣчаетъ себя, какъ художникъ, одну черту:

„Русскіе художники гораздо серьезнѣе французскихъ. Въ срав-

неніи со здѣшними пейзажистами, которыхъ я видѣлъ вчера, Левитая—король“.

Заграничная побывка въ связи съ неизбежными трудностями пути—была для А. П. предметомъ маленькой похвалыбы. „Извѣстно ли вамъ,—писалъ онъ въ 1891 г. Шехтелю:—что я былъ, недавно за границей? Вездѣ былъ! Въ рулетку проигралъ 900 франковъ! На Везувій взбирался и нюхалъ кратеръ. Вотъ какіе мы!“

Но всѣ симпатіи А. П. Чехова на сторонѣ родины. Всѣ наблюденія были почерпнуты отсюда. И характерно для этого человѣка, считавшаго себя въ правѣ говорить лишь о томъ, что онъ хорошо изучилъ и перечувствовалъ,—что въ своихъ произведеніяхъ Чеховъ почти не касался заграницы, Путешествія обогатили его только сравненіями, образами и эпитетами.

Другая поѣздка Чехова за границу относится къ осени 1897 г. Чеховъ снова былъ въ Италіи, снова поклонился Венеціи.

„Все лѣто,—писалъ онъ изъ Италіи роднымъ:—у насъ, господа дворяне, не будетъ денегъ, и мысль объ этомъ портить мнѣ аппетитъ. За поѣздку, которую solo совершилъ бы за 300 руб., я задолжалъ тысячу. Вся надежда на любителей, которые будутъ играть моего „Медвѣдя“. „Въ будущемъ году поѣдемъ всѣ на дачу въ Венецію“. „Я скучаю по домѣ и по всѣмъ вамъ, да къ тому же еще мнѣ совѣстно,—пишетъ онъ изъ Вѣны:—что я опять бросилъ васъ. Ну, да не бѣда! Вернусь и буду безвыѣздно сидѣть дома цѣлый годъ. Всѣмъ клянусь, всѣмъ!“

И въ новую свою поѣздку въ 1900 г. Чеховъ не разочаровался въ заграничѣ.

И природа Ниццы и ея толпа радостно удивляли его. „Уже идетъ вторая недѣля, какъ я въ Ниццѣ и около Ниццы, и—что сказать вамъ? Прожить въ Ялтѣ цѣлую зиму полезно, даже очень, потому что здѣшнія мѣста послѣ Ялты кажутся просто раемъ. Ялта—это Сибирь! Въ первые два дня послѣ пріѣзда, когда я гулялъ въ лѣтнемъ пальто, или сидѣлъ у себя въ комнатѣ перелъ открытою на балконъ дверь, то съ непривычки мнѣ было даже смѣшно. А на улицахъ народъ веселый, шумный, смѣющійся, не видно ни исправника, ни марксистовъ съ надутыми физиономіями“ (письмо Л. В. Средину).

Но, какъ всегда, родина тянула его, безъ родныхъ было скучно. Недостаточное знаніе языка стѣсняло, и—Чеховъ тянулся домой къ своей семьѣ—матери, сестрѣ, братьямъ.

XXVIII.

Литературная сторона жизни А. П.—ча въ концѣ 80-хъ годовъ принимаетъ такія очертанія. Въ 1888 г. выходитъ сборникъ

„Разказы“ (1500 экз.), въ 1890—„Хмурые люди“ (1025), въ 1891—„Дуэль“. Въ 1892 г. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ проходить „Жена“ (№ 1), въ 1892 Ан. П. входитъ въ „Русскую Мысль“ съ „Палатой № 6“, забракованной „Русскимъ Обзорѣемъ“ (!), и отсель становится постояннымъ сотрудникомъ этого журнала.

Здѣсь прошли позднѣе „Разказъ неизвѣстнаго человѣка“ (1893, 2—3), „Островъ Сахалинъ“ (см. выше), „Бабые царство“ (1894, 1), „Три года“ (1894, 1 — 2), „Убійство“ (№ 11), Ариадна (№ 12), „Домъ съ мезониномъ“ (1896, 4), Чайка“ (№ 12), „Мужики“ (1897, 4), „Человѣкъ въ футлярѣ“ (1898, 7), „Крыжовникъ“ (№ 8), „Случай изъ практики“ (№ 12), „Дама съ собачкой“, (1899, 12), „Три сестры“ (1901, 2) и „Посмертные наброски“ (1905, январь).

Участвовалъ А. П. и въ другихъ изданіяхъ, но менѣе. Въ „Артистѣ“ („Черный монахъ“ 1894 г., январь), въ „Сѣверѣ“ („Попрыгунья“ 1892, 1), „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1893—99), „Нивѣ“ („Моя жизнь“, 1896, 10 — 12), „Юнычъ“ (1898, 9), „Журналъ для всѣхъ“, „Жизни“ и сборникѣ „Знанія“ („Вишневый садъ“, 1903).

Мы прослѣдили выходъ Чехова въ жизнь и начало его призванія. Далѣе уже начиналась его слава. Разгорѣлась она особенно пышно послѣ имѣвшихъ шумный успѣхъ „Палаты № 6“ и „Мужики“.

„Палата № 6-й,— писалъ Короленко:—произведеніе поразительное по захватывающей силѣ и глубинѣ, съ какимъ выражено въ немъ новое настроеніе Чехова, которое я назвалъ бы настроеніемъ второго періода. Оно совершенно опредѣлилось, и веѣмъ стала ясна неожиданная перемена: человѣкъ, еще такъ недавно подходившій къ жизни съ радостнымъ смѣхомъ и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при болѣе пристальномъ взглядѣ въ глубину жизни неожиданно почувствовалъ себя несемистомъ“.

Биографъ на этомъ мѣстѣ долженъ передать свое дѣло критику. Размѣры нашего очерка заставляютъ насъ пока отложить задачу историческаго пересмотра мнѣній и отзывовъ о Чеховѣ.

Въ жизни Чехова второй половины 90-хъ гг. биографъ не можетъ пройти одного событія, имѣвшаго значеніе огромнаго удара для писателя и наложившаго тяжелый слѣдъ на всю его послѣдующую жизнь. Разумѣемъ неуспѣхъ его любимой пьесы „Чайка“, позднѣе, въ дни большой его славы, возстановленной въ своей чести и даже положившей начало успѣха театра К. Станиславскаго.

Въ письмахъ А. П. сохранилась точная дата, когда была окончена „Чайка“. Въ письмѣ князю Урусову отъ 21 ноября 1895 г. Чеховъ пишетъ:

„Вчера я кончилъ новую пьесу, которая носитъ птичье названіе: „Чайка“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Въ декабрѣ я буду въ Москвѣ

(Больш. Московская гостиница) и, буде пожелаете, пришлю или привезу вамъ эту пьесу. Былъ бы очень-очень радъ, если бы взяли на себя трудъ прочесть. Трудъ этотъ нѣсколько облегчится тѣмъ, что пьеса будетъ напечатана на ремингтонѣ, и не придется разбирать мой каракули“.

Нѣкоторыя подробности этой исторіи читатель найдетъ въ приложеніяхъ, въ воспоминаніяхъ И. Л. Щеглова. Здѣсь мы передаемъ вполне достовѣрную версію постановки „Чайки“ въ Александринскомъ театрѣ, сохраненную тогдашнимъ режиссеромъ, драматургомъ Е. П. Карповымъ

Въ августѣ 1896 г. по разказу Карпова, онъ получилъ отъ Аит. Пав. письмо, въ которомъ Чеховъ сообщилъ, что у него есть пьеса, и что онъ охотно отдастъ ее на Императорскую сцену. Съ согласія директора театровъ, пьеса была включена въ репертуаръ сезона. Извѣстіе о новой пьесѣ Чехова вызвало живѣйшій интересъ въ труппѣ. Давыдовъ, Савина. Писаревъ, Сазоновъ, Коммиссаржевская, Аполлонскій съ нетерпѣніемъ ждали чтенія пьесы.

У Антопа Павловича въ труппѣ было много друзей и горячихъ поклонниковъ. У всѣхъ въ памяти была жива постановка его „Иванова“.

Въ срединѣ сентября пришли оттиски „Чайки“ изъ „Русской Мысли“.

И режиссеръ и артисты прекрасно понимали, что воплощеніе на сценѣ этой пьесы представляетъ задачу весьма большой трудности. Съ робостью приступилъ Карповъ къ инсценировкѣ пьесы.

Левкѣева, юбилейный спектакль которой былъ назначенъ на 17 октября, просила отдать ей пьесу на бенефисъ. Отказать было невозможно, хотя режиссеръ предупредилъ ее, что для нея нѣтъ роли въ пьесѣ.

„Чайку“ ставили въ девять дней. Срокъ болѣе чѣмъ короткій. Вся надежда режиссера была на то, что опытные артисты, дружно, съ любовью принявшисъ за работу, въ концѣ концовъ выйдутъ побѣдителями изъ труднаго положенія.

Карповъ написалъ Аит. Пав. письмо, прося его намѣтить тѣхъ артистовъ, которыхъ онъ хотѣлъ бы занять въ своей пьесѣ. Скоро пришло письмо отъ А. С. Суворина. Онъ писалъ, что Аит. Пав. просилъ его назначить роли совмѣстно съ Карповымъ, и предлагалъ распредѣленіе ролей.

Въ общемъ назначенія ролей совпали, но роль Нины Зарѣчной Аит. Пав. назначилъ М. Г. Савиной, Карповъ считалъ болѣе подходящей для этой роли В. О. Коммиссаржевскую.

Роли были распредѣлены такъ: Аркадина — Дожикова 1-я, Трелевъ — Аполлонскій, Соринъ — Давыдовъ, Нина Зарѣчная — Са-

вина, Шамраевъ — Варламовъ, Шамраева — Абарина, Маша — Читау, Тригоринъ — Сазоновъ, Дорнъ — Писаревъ, Медвѣдяко — Панчинъ, Яковъ — Локтевъ, поваръ — Троипольскій, горничная — Нальханова.

Медлить было некогда. Восьмого октября была назначена считка пьесы „Чайка“.

Несмотря на то, что первые артисты были уже знакомы съ пьесой, всё съ напряженнымъ вниманіемъ слушали „Чайку“ и досадовали, что ее надо играть на-спѣхъ. Савина отказалась отъ роли Нины, и роль была передана Коммиссаржевской.

Репетиціи затягивалась съ 11-ти часовъ утра до пяти-шести вечера. По нѣскольку разъ повторяли одну и ту же сцену, передѣлывали планировку, добивались вѣрныхъ тоновъ, соотвѣтствующихъ пьесѣ настроеній. Актеры волновались, спорили между собой, горячились, нервничали... В. Ф. Коммиссаржевская волновалась больше всѣхъ.

Чѣмъ больше она репетировала, тѣмъ болѣе ей нравилась роль. Она очень скоро нашла вѣрный тонъ для Нины Зарѣчной и уже съ третьей репетиціи жила на сценѣ.

Давыдовъ, репетировавшій съ изумительной тщательностью, виртуозно намѣчалъ Сорина. Сазонову не давался Тригоринъ, и онъ не разъ на репетиціяхъ впадалъ въ отчаяніе... Аполлонскій тоже не сразу нашелъ тонъ для декадента-неврастеника Треплева.

На четвертую репетицію пріѣхалъ въ театръ Чеховъ. Онъ аккуратно приходилъ затѣмъ каждый день въ театръ съ И. Н. Потапенко, принималъ дѣятельное участіе въ репетиціяхъ. Онъ, видимо, очень волновался, хотя и не хотѣлъ этого показать.

Къ В. Ф. Коммиссаржевской Чеховъ вначалѣ относился недовѣрчиво и очень огорчался отказомъ М. Г. Савиной.

Но уже послѣ первой репетиціи А. П-чъ, видимо, успокоился за роль Нины и, прощаясь съ Карповымъ, на его вопросъ:—какъ ему нравится Нина — Коммиссаржевская, отвѣтилъ: — „Ничего... Она сыграетъ“...

Присутствіе на репетиціяхъ Антона Павловича оживляло, поднимало актеровъ. И чѣмъ дальше подвигались репетиціи, тѣмъ спокойнѣй становился Антонъ Павловичъ.

„Помню, мы вышли вмѣстѣ съ Ант. Павл. и Игн. Н. Потапенко изъ Михайловскаго театра, гдѣ репетировали „Чайку“.

„Коммиссаржевская уже овладѣла ролью Нины и въ этотъ разъ была, что называется, въ ударѣ.

„— Ну, если она такъ сыграетъ на спектаклѣ, будетъ очень хорошо!.. — сказалъ, пощипывая бородку, Антонъ Павловичъ. — Лучше не надо“.

Мало-по-малу артисты достигли общаго тона. Пьеса шла въ мягкихъ, жизненныхъ интонаціяхъ. Генеральная репетиція прошла гладко, съ ансамблемъ, но вяло. Чувствовалось, что у актеровъ опустились нервы, не было настроенія, огня...

Антону Павловичу понравились декорація, обстановка, гримы, но онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, чувствовалъ, что пьеса идетъ безъ подъема, безъ настроенія...

Е. И. Левкѣва, талантливая комическая актриса, съ легкой склонностью къ шаржу, была одной изъ любимиць публики Александринскаго театра. У нея была своя, особенная публика — средній обыватель, полуинтеллигентъ-чиновникъ, богатый гостиннодворецъ, домовладѣлецъ, приказчикъ. Словомъ, та публика, которая приходитъ въ театръ посмѣяться, развлечься, „съ пріятностью провести время“.

17 октября 1896 г. состоялся юбилейный бенефисъ Е. И. Левкѣвой за 25 лѣтъ службы на Императорской сценѣ.

Съ верху до низу набилъ эта публика Александринскій театръ, не смотря на весьма повышенныя цѣны.

Интеллигентная публика, за весьма малымъ исключеніемъ, отсутствовала. Въ театрѣ сидѣлъ зритель, пришедшій на бенефисъ комической актрисы повеселиться, посмѣяться, пріятно провести вечерокъ. И среди этихъ благодушныхъ обывателей торчалъ кое-гдѣ желчно-настроенный, угрюмый, вѣчно всѣмъ недовольный, скучающій газетный рецензентъ, литераторы и близкіе друзья автора.

XXIX.

Такова была зрительная зала на первомъ представленіи чеховской „Чайки“ въ Александринскомъ театрѣ, 17-го октября 1896 года.

Открыли занавѣсъ.

„Нина“ — Коммиссаржевская нервно, трепетно, какъ дебютантка, начинаетъ свой монологъ:

„— Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...“

Неудержимый смѣхъ публики...

Коммиссаржевская повышаетъ голосъ, говоритъ проникновенно, искренно, сильно, нервно... Зала затихаетъ. Напряженно слушаютъ. Чувствуется, что артистка захватила публику. Но вопросъ Аркадиной: „Сърой пахнетъ! Это такъ нужно?...“ снова вызываетъ гомерическій хохоть... Лучшія мѣста перваго дѣйствія пропали, ценою тѣя „веселой публикой“.

В. Ѳ. Коммиссаржевская, взволнованная, со слезами на глазахъ, бросилась ко мнѣ со словами:

— Что же это за ужасъ!.. Я провалила роль... Чему они смѣются?

Я успокоилъ ее, сказавъ, что она превосходно сыграла первый актъ, что если и дальше она будетъ играть съ такимъ подъемомъ, то, навѣрно, захватитъ публику.

Чудный по художественной простотѣ конецъ второго акта публика не одѣнила. Она, очевидно, ждала совсѣмъ иного, и разочаровалась. Третій актъ доставилъ публикѣ много веселья.

Выходъ Треплева съ повязкой на головѣ — смѣшокъ въ залѣ. Аркадина дѣлаетъ перевязку Треплеву — неудержимый хохоть. Конецъ сцены между Аркадиной и Треплевымъ, когда они начинаютъ надѣлать другъ друга такими эпитетами, какъ „декадентъ, кievскій мѣщанинъ, скряга, оборвышъ!“ — веселятъ публику.

По окончаніи пьесы, вызываютъ автора и артистовъ. Но Антона Павловича уже нѣтъ въ театрѣ. Актеры выходятъ одни. „И до сего дня, — замѣчаетъ Карповъ: — я не могу безъ волненія вспоминать этого знаменательнаго вечера перваго представленія „Чайки“. Вижу блѣдное лицо Ант. Павл. Чехова, съ растерянной, застывшей улыбкой, слышу тусклый, хриплый голосъ, которымъ онъ произнесъ фразу: „Авторъ провалился“. На другой день утромъ ко мнѣ въ театръ пріѣхалъ А. С. Суворинъ, разстроенный, огорченный за Чехова до болѣзни. Онъ сообщилъ мнѣ, что Ант. Павл. съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Москву и просилъ его совмѣстно со мной сократить пьесу и выбросить кое-какія ремарки“.

21-го октября „Чайка“ шла во второй разъ, со сдѣланными А. С. Суворинымъ и Карповымъ небольшими купюрами и измененными ремарками. Всего прошла она пять разъ и была снята.

Чеховъ жилъ въ этотъ пріѣздъ у А. С. Суворина, и голосъ послѣдняго объ этомъ зломъ дѣлѣ интересно выслушать. „Когда, — пишетъ Суворинъ: — послѣ первыхъ двухъ актовъ „Чайки“ на Александринскомъ театрѣ, А. П. увидѣлъ, что пьеса не имѣетъ успѣха, онъ бѣжалъ изъ театра и бродилъ по Петербургу неизвѣстно гдѣ. Сестра его и всѣ знакомые не знали, чтѣ подумать, и посылали всюду, гдѣ предполагали его найти. Онъ вернулся въ третьемъ часу ночи. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, онъ сказалъ мнѣ строгимъ голосомъ: „Назовите меня послѣднимъ словомъ (онъ произнесъ это слово), если когда-нибудь я еще напишу пьесу“. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву раннимъ утромъ съ какимъ-то пассажирскимъ или товарнымъ поѣздомъ. Потомъ онъ оправдывался, говоря, что онъ подумалъ, что это былъ неуспѣхъ его личности, а не пьесы, и называлъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ петербургскихъ литераторовъ, которые якобы высокомерно съ нимъ заговорили въ антрактѣ, видя, что его пьеса падаетъ. На представленіи слѣдующихъ своихъ пьесъ онъ почти не ходилъ“.

Слово ободренія въ этотъ тяжелый моментъ жизни А. П. было драгоцѣнно, и это слово сказалъ ему чуткій и добрый А. Θ. Кони. Сохранилось письмо Чехова, гдѣ тотъ глубоко растроганъ этимъ участіемъ старшаго собрата по литературѣ.

„Вы не можете себѣ представить, какъ обрадовало меня ваше письмо,—пишетъ онъ.—Я видѣлъ изъ зрительной залы только два первыхъ акта своей пьесы, потомъ сидѣлъ за кулисами и все время чувствовалъ, что „Чайка“ проваливается. Послѣ спектакля, ночью и на другой день меня увѣряли, что я вывелъ однихъ идиотовъ, что пьеса моя въ сценическомъ отношеніи неуклюжа, что она не умна, непонятна, даже бессмысленна и пр., и пр. Можете вообразить мое положеніе—это былъ провалъ, какой мнѣ даже не снился! Мнѣ было совѣстно, досадно, и я уѣхалъ изъ Петербурга, полный всякихъ сомнѣній. Я думалъ, что если я написалъ и поставилъ пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерять всякую чуткость, и что, значить, моя машинка испортилась въ конецъ. Когда я былъ уже дома, мнѣ писали изъ Петербурга, что 2-е и 3-е представленія имѣли успѣхъ; пришло нѣсколько писемъ, съ подписями и анонимныхъ, въ которыхъ хвалили пьесу и бранили рецензентовъ; я читалъ съ удовольствіемъ, но все же мнѣ было совѣстно и досадно, и сама собою лѣзла въ голову мысль, что если добрые люди находятъ нужнымъ утѣшать меня, то, значить, дѣла мои плохи. Но ваше письмо подѣйствовало на меня самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я васъ знаю уже давно, глубоко уважаю васъ и вѣрю вамъ больше, чѣмъ всѣмъ критикамъ, взятымъ вмѣстѣ,—вы это чувствовали, когда писали ваше письмо, и оттого оно такъ прекрасно и убѣдительно. Я теперь покоенъ и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ уже безъ отвращенія“.

Неуспѣхъ „Чайки“ очень болѣзненно подѣйствовалъ на Чехова, и къ „Чайкѣ“ онъ началъ относиться болѣе чѣмъ недружелюбно. „Въ первое время,—пишетъ В. Лавровъ:—онъ даже обижался, когда въ его присутствіи заговаривали объ этой пьесѣ, и сколько потребовалось усилій заставить Антона Павловича смотрѣть на нее, какъ на чисто-литературное, а не драматическое произведеніе. Когда явилась возможность хоть издали заговорить объ ея появленіи въ печати, Чеховъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но мало-по-малу началъ допускать, что когда-нибудь и это можетъ случиться. И вотъ какъ-то, въ добрую минуту, мы съ В. А. Гольцевымъ повели такую усиленную атаку, что „Чайка“ была намъ обѣщана (для „Русской Мысли“). Обѣщаніе было дано въ Москвѣ, но, какъ только Антонъ Павловичъ очутился у себя съ Мелиховѣ, его опять охватили раздумье и нерѣшительность. 1-го октября 1896 г. онъ писалъ:

„Печатать пьесу въ „Русской Мысли“ я не стану. Причина все

та же, что я изложилъ въ письмѣ къ В. А. Гольцеву: пьеса для журнала не годится. Скучно читать...

„Ты не сердись на меня за „Чайку“. Въ „Русской Мысли“ я хочу быть только беллетристомъ, хотѣлъ бы быть публицистомъ, драматургія же не улыбается мнѣ,—скучно“.

Неизвѣстно, подѣйствовало ли бы эти убѣжденія, если бы на помощь не пришелъ В. И. Немировичъ-Данченко, директоръ возникшаго въ Москвѣ „Художественнаго“ театра. В. И. доказывалъ даже, что неуспѣхъ „Чайки“ можно объяснить совершенно посторонними обстоятельствами, а отнюдь не ея сценическою непригодностью. Чеховъ призналъ себя побѣжденнымъ, и „Чайка“ была безповоротно отдана для „Русской Мысли“ и В. И. Немировичу-Данченко для постановки на сцену молодого театра.

Читающая публика приняла „Чайку“ болѣе чѣмъ сочувственно, а зрительная зала „Художественнаго“ театра на первомъ представленіи ея была охвачена такимъ подъемомъ, равный которому рѣдко приходится видѣть. Репутація Чехова, какъ драматическаго писателя, была утверждена разъ и навсегда.

„Чайка“ была напечатана въ „Русской Мысли“, въ декабрьскомъ книжкѣ 1896 года.

XXX.

Матеріальное положеніе А. П.—ча было уже настолько упрощено, что онъ смогъ осуществить свою завѣтную мечту о пріобрѣтеніи собственнаго уголка на землѣ.

А. П. весь ушелъ въ хлопоты и заботы. „Покупаю имѣніе,—писалъ онъ В. Тихонову (1892):—покупаю имѣніе (не къ ночи будь сказано) и цѣлые дни провожу во всякаго рода нотаріальныхъ, банковыхъ, страховыхъ и иныхъ паразитныхъ учрежденіяхъ. Покупка моя довела меня до остервенѣнія. Похожъ я на человѣка, который замешъ въ трактиръ только за тѣмъ, чтобы съѣсть битокъ съ лукомъ, но, встрѣтивъ благопріятелей, нализался, натрескался, какъ свинья, и уплатилъ по счету 142 р. 75 к. Разсчитывалъ я купить за пять тысячъ и отдѣлаться этою суммою, но—увы!..—удава, въ видѣ всякихъ купчихъ, закладныхъ, залоговыхъ и проч., съ перваго абцуга сковали меня, и я слышу, какъ трещать мои кости, и, закрывши глаза, ясно вижу, какъ мое имѣніе продается съ акціона. Увы!..“

Послѣ долгихъ хлопотъ наконецъ покупка была совершена, и Чеховъ почувствовалъ себя феодаломъ. „Хорошо быть лордомъ,—писалъ онъ Щеглову.—Просторно, тепло, никто не обрываетъ у двери звонка, но легко оборваться и изъ лордовъ угодить въ консержи или портье. Имѣніе стоитъ 13 тысячъ, а я уплатилъ только

треть. Остальное составляет долгъ, который долго-долго будетъ держать меня на цѣпочкѣ“.

А. П. очень любилъ свой тихій Мелиховскій уголокъ, гдѣ особенно хорошо было ранней весной. Мелиховскій періодъ былъ, можетъ-быть, лучшимъ временемъ въ жизни Чехова. Здоровье его тогда было еще сравнительно хорошо, онъ былъ жизнерадостенъ, любовь къ природѣ и хозяйству проявлялась во всю ширь. Литературная работа была дѣломъ любимымъ. Отдыхая, онъ цѣлыми часами копался въ саду, занимаясь посадками.

Положеніе маленькаго рантье не избавило А. П. отъ постоянныхъ заботъ. Наоборотъ, обязанности помѣщика иногда сказывались на немъ довольно тяжело. „Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ міроѣдомъ,— шутить онъ въ письмѣ (1897 г.):— у меня не бываетъ дня свободнаго. Постройки, поѣздки и прочее, и прочее. Кромѣ того, въ мартѣ предстоитъ читать корректуру новой повѣсти, которая пойдетъ въ апрѣльской книжкѣ „Русской Мысли“, и добывать тысячу рублей, для чего, вѣроятно, придется зарѣзать человѣка, ибо легальные источники всѣ изсякли“.

Чеховъ очень любилъ свое „Мелихово“, но радостное чувство, оставляемое имъ, помрачилось со временемъ. Тамъ отъ несчастнаго случая (кажется, понесли лошади) скончался его отецъ.

„Вы, вѣроятно, уже слышали,— писалъ А. П. — чь одному изъ друзей:— у меня послѣ операціи умеръ отецъ. Это событіе перевернуло всю нашу жизнь; теперь придется, пожалуй, устранивать жизнь по-новому, такъ какъ мать едва ли захочетъ жить одна въ деревнѣ зимой, когда жить вообще трудно“. Дѣйствительно, обомлѣ—и матери и самому Антону Павловичу—было слишкомъ грустно оставаться въ имѣніи. Лежавшее къ тому же въ низинѣ, лишенное проточной воды, имѣніе своими климатическими условіями едва ли благотворно могло дѣйствовать на здоровье А. П.—ча. „Мелихово“ продали. Къ тому времени подоспѣла продажа сочиненій. У Чехова явились большія деньги, и онъ купилъ дачу въ Крыму. Случилось это такъ.

Послѣ путешествія на Сахалинъ здоровье Антона Павловича настолько пошатнулось, что врачи рѣшительно потребовали отъ него проводить зимы въ тепломъ климатѣ.

Одну зиму провелъ онъ въ Ниццѣ, но, какъ извѣстно, тамъ онъ сильно скучалъ по Россіи. На слѣдующій годъ онъ поселился въ Ялтѣ, въ наемной квартирѣ, подумывая о томъ, чтобы обзавестись здѣсь собственнымъ уголкомъ.

Въ тѣ времена въ деревнѣ Ауткѣ, верстахъ въ двухъ отъ ялтинской набережной, цѣны на землю еще не были взбиты, и можно было за недорогую цѣну приобрести участокъ. Мѣсто на склонахъ Ялты, тихое, съ широкимъ видомъ на морской просторъ.

Въ ноябрѣ 1898 года Антонъ Павловичъ купилъ совершенно не-устроенную землю въ кучукойскомъ участкѣ, бывшую равьше подъ виноградникомъ.

Неприглядный, бугристый клочокъ земли съ каменною почвой тянулся по крутому скагу внизъ отъ Аутекаго шоссе. Для того, чтобы имѣть возможность выстроить самый скромный домикъ, Антонъ Павловичъ вынужденъ былъ, тотчасъ же по заключеніи купчей, заложить свое новое владѣніе и только тогда сталъ думать объ его устройствѣ.

Сестра Чехова, Марія Павловна, вызванная имъ изъ Москвы, при видѣ чеховской покупки была разочарована до слезъ. Въ ея представленіи съ этимъ дикимъ мѣстомъ никакъ не вязались будущій благоустроенный садикъ и уютная дача. Было голо, круто и вѣтрено.

Только не желая огорчать брата, она постаралась не выказывать своего грустнаго впечатлѣнія.

Какъ художница, она набросала приблизительный планъ будущаго сада и дома, а сама вскорѣ вернулась въ Москву. А. П. принялся за устройство своего гнѣзда.

Проектъ дачи разросся — она превратилась въ двухэтажный бѣлый-домъ съ нѣсколькими балконами, всеми удобствами и даже паркетными полами. Чеховъ самъ придумывалъ расположеніе комнатъ. Татары прозвали домикъ „Бѣлой дачей“.

Весной 1899 года постройка настолько подвинулась впередъ, что Антонъ Павловичъ могъ выписать изъ Москвы свою мать и сестру въ далеко еще не оконченную постройку.

Изъ прежнихъ насажденій для сада можно было оставить только три-четыре яблони и нѣсколько старыхъ лозъ,—все остальное сажалось вновь.

Лучшіе сорта плодовыхъ деревьевъ, мимозы, кипарисы, смоковницы, глицинии, даже пальмы и японскія каки нашли себѣ мѣсто на аутекомъ участкѣ. Каждое растеніе сажалось съ любовью и имѣло свою исторію.

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городомъ. Всѣ находили ее оченъ оригинальной, своеобразной, а нѣкоторые—самымъ оригинальнымъ зданіемъ въ Ялтѣ. Бѣлая, чистая, легкая и красиво-несимметричная, съ вышкой въ видѣ башни, съ неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и съ открытой террасой вверху, съ разбросанными то широкими, то узкими окнами,—она походила бы на зданія въ стилѣ модернъ, если бы въ ея планѣ не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкусъ (см. восп. Кулрина). Кругомъ былъ пѣтнникъ. За садомъ тянулось старое, заброшенно етатарское кладбище.

„Когда,—разсказываетъ В. Ладыженскій:—я навѣстилъ Чехова въ Крыму, онъ говорилъ мнѣ:

„— Тебѣ нравится моя дача и садикъ, вѣдь нравится? А между тѣмъ это моя тюрьма, самая обыкновенная тюрьма, въ родѣ Петропавловской крѣпости. Разница только въ томъ, что Петропавловская крѣпость сырая, а это сухая“.

Чеховъ долго не могъ примириться съ жизнью „не по своей волѣ“ на югѣ, но въ концѣ концовъ полюбилъ свою дачу, о которой много заботился. Онъ пѣнилъ, очевидно, результаты своихъ трудовъ. И когда, незадолго передъ его кончиной, Марія Павловна призналась ему, что и она долго не могла примириться съ Ялтой и неизбежной потерей Мелихова, а теперь ей здѣсь все дорого, — Чеховъ грустно замѣтилъ:

— Вотъ такъ не любя замужъ выходятъ. Сначала не нравится, а потомъ привыкають

XXXI.

Но Ялта манила Чехова лишь издали. Онъ горько разочаровался въ ней, когда сталъ ея обывателемъ. Письма его изъ нея полны горькихъ сѣтованій. „Мое здоровье порядочно, — пишетъ онъ В. Тихонову въ 1899 г.: — но въ Москву и въ Питеръ меня не пускають: говорятъ, что баццила не выноситъ столичнаго духа. Между тѣмъ мнѣ ужасно хочется въ столицу, ужасно! *Я здѣсь соскучился, сталъ обывателемъ* и, повидимому, уже близокъ къ тому, чтобы сойтись съ рябой бабой, которая бы меня била, а въ праздники жалѣла. Нашему брату не слѣдуетъ жить въ провинціи. Я еще допускаю Павловскъ, это аристократическій городъ, городъ государственныхъ мужей. Ялта же мало чѣмъ отличается отъ Ельца или Кременчуга: тутъ даже баццилы снятъ“.

Въ томъ же году кн. Урусову онъ жаловался: „Въ общемъ жпвется скучно. Приходится дѣлать надъ собою усилие, чтобы жить здѣсь изо дня въ день и не роптать на судьбу. Я читаю газеты, читаю про словарь Пушкина и, конечно, завидую тѣмъ, кто помогаетъ вамъ“.

Въ Ялтѣ Чеховъ не могъ забыть любимой Москвы. „Все было мило для него въ Москвѣ, — пишетъ одинъ изъ его друзей: — и люди, и улицы, и звонъ разныхъ Николь Мокрыхъ и Николь-на-Щенахъ, и классическій московскій извозчикъ, и *вся* московская безтолочь. Отдышитесь онъ отъ Москвы и отъ московскаго плевроита, проживеть въ Ялтѣ два-три мѣсяца, — и снова разговоры все о Москвѣ. И всѣ три сестры, повторяющія на разные лады: „Въ Москву, въ Москву“, то все онъ же, одинъ Антонъ Павловичъ, думавшій вѣчно о Москвѣ и постоянно стремившійся въ Москву, гдѣ постоянно получалъ онъ плевроиты и обостренія процесса и которая, имѣю основаніе думать, укоротила ему жизнь“

Раздражала его всякая мелочь жизни, и все было не по душѣ. „Въ Ялтѣ много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущихъ, но ни одного талантливаго человѣка. Много вина, но ни одной капли порядочнаго. Хороши здѣсь только море да лошади-иноходцы. Разсказъ, по случаю жары и сквернаго метаяхлическаго настроенія, выходитъ у меня скучноватый“.

Скучное однообразіе жизни Ялты, этого „татарско-парикмахерскаго“ города, какъ онъ выразился однажды, нарушалось только наѣздами интересныхъ гостей.

„Слава Богу, зима кончилась, стали пріѣзжать интересные люди, и мнѣ уже не такъ скучно. Пріѣхаль, между прочимъ, Горькій, человѣкъ очень интересный и пріятный во всѣхъ смыслахъ. Я и Елпатьевскіи живемъ въ собственныхъ дачахъ, какъ магнаты, наши дачи далеко видно, и когда къ Ялтѣ подойдетъ англійскій флотъ, то начнетъ палить прежде всего въ наши дачи. У меня ереди сада растетъ большая пальма, много цвѣтовъ: барышни присылають подушки. Одвимъ словомъ, не жизнь, а малина. Но все же я недоволенъ... Жизнь осѣдлая, правильная, да еще въ провинціи—это слишкомъ длинная жизнь, мѣсяць ея слѣдуетъ считать за годъ, какъ подъ Севастополемъ“.

Самая курортная жизнь, погоня за рублемъ пріѣзжей публики, вѣчный ажіотажъ—все это было полярно-противоположно обычнымъ настроеніямъ Чехова, и неудивительны его постоянныя жалобы на эту жизнь, на скуку, и его стремленіе въ Москву.

„— Мпшура!..—вырвалось разъ изъ устъ А. П.,—разсказываетъ одинъ изъ газетныхъ людей, жившихъ около него въ Ялтѣ. — Вы обратите вниманіе: здѣсь, во всѣхъ этихъ первоклассныхъ магазинахъ вы можете пріобрѣсти все, что вамъ угодно, всѣ предметы роскоши, всякаго рода бездѣлушки, кромѣ... кромѣ самаго необходимаго... Кромѣ того, что нужно для человѣческаго существованія... И здѣсь всѣмъ великолѣпно живется, кромѣ тѣхъ, которымъ здѣсь жить необходимо... Это ужасно!.. Вначалѣ, какъ только я здѣсь поселился, всѣ эти умирающіе чахоточные на меня производили угнетающее впечатлѣніе... Меня возмущали эти контрасты, которые нигдѣ такъ больно не рѣжутъ чувства справедливости, какъ въ Ялтѣ. Съ одной стороны, сытое довольство, жизнь, полная разгула. съ другой стороны—отчаянная и тщетная борьба со смертью... Я даже одно время весь ушелъ въ нужды и потребности этихъ бѣдныхъ чахоточныхъ; затѣялъ санаторію, собиралъ пожертвованія. Но потомъ остылъ. Это—борьба съ вѣтрянными мельницами... Въ сущности, весь міръ населенъ чахоточными... Всѣ одинаково безнадежно больны, и всѣхъ ждетъ одинъ конецъ. Всѣ одинаково жалки: и эти развлекающіеся тоже... Развлеченіе—вѣдь это не болѣе, какъ забытье...“

Первое время, очутившись въ Крыму, А. П. весь ушелъ въ это дѣло помощи умирающимъ... Призывъ его облетѣлъ всю Россію... Пожертвованія посылались со всѣхъ сторонъ. Быстро — какъ не мечталъ самъ А. П.—собрались большія деньги. А. П. въ сотрудничествѣ съ кн. Барятинской во главѣ комитета приступилъ къ сооруженію санаторіи для чахоточныхъ.

— Это было ужасно,—вспоминалъ объ этомъ времени Чеховъ:— санаторіи еще не было, а кандидатовъ было въ десять разъ больше будущихъ вакансій... Кое-какъ мы помогли кому только можно было изъ средствъ, собранныхъ для санаторіи... Пока—разсчитывали мы—санаторія будетъ строиться, растрата пополнится... Но самое ужасное насъ ждетъ впереди. Санаторія была сооружена... Черезъ недѣлю по открытіи она оказалась переполненной... А въ Ялту тянулись сотни больныхъ изъ далекой Литвы, изъ Москвы, даже изъ Сибири!..

Извѣстность, приносившая, конечно, большое удовлетвореніе А. П.—чу, была, разумѣется, и не безъ терній. Въ Ялтѣ образовался цѣлый кружокъ поклонницъ Чехова, иногда отравлявшихъ дни покойнаго писателя. Ихъ въ штуку звали „антоновками“. Онѣ пріѣзжали къ писателю на поклонъ, привозили къ нему такихъ же лаломницъ и поклонниковъ, пытались окружить Чехова своими заботами объ его житейскомъ благополучіи, звонили тридцать разъ въ день по телефону, справлялись объ его здоровьѣ, навѣщали его уютную дачку, словомъ, продѣлывали то, что продѣлывали въ Кронштадтѣ богомолки съ о. Іоанномъ Кронштадтецкимъ.

Неизбѣжнымъ терніемъ славы являлось постоянное обращеніе къ А. П. начинающихъ, спрашивавшихъ мнѣнія признаннаго художника объ ихъ писаніяхъ. Многочисленныя письма Чехова съ такими отвѣтами говорятъ о томъ, что онъ не находилъ въ себѣ рѣшимости къ отказу. Только когда его спрашивали о вещахъ, которыя онъ считалъ вѣ своей компетенціи,—онъ уклонялся. „Стихи,—писать онъ одному изъ такихъ авторовъ: — не моя область, ихъ я никогда не писалъ, мой мозгъ отказывается удерживать ихъ въ памяти, и ихъ, точно такъ же, какъ музыку, я только чувствую, но сказать опредѣленно, почему я испытываю наслажденіе или скуку, я не могу. Въ прежнее время я пытался переписываться съ поэтами и высказывать свое мнѣніе, но ничего у меня не выходило, и я скоро надоѣдалъ, какъ человѣкъ, который, быть-можетъ, и хорошо чувствуетъ, но неинтересно и неопредѣленно излагаетъ свои мысли. Теперь я обыкновенно ограничиваюсь только тѣмъ, что пишу: „нравится“ или „не нравится“.

„Дядя Ваня“ и „Три сестры“ — это уже триумфъ Чехова. Мы бѣгло проходимъ около нихъ, такъ какъ эта часть біографіи А. П. известна всѣмъ и каждому.

„Три сестры“, были напечатаны въ „Русской Мысли“, въ февральской книжкѣ 1901 г., а въ „Художественномъ“ театрѣ шли раньше. Успѣхъ пьесы былъ не только шумный, но прямо подавляющій. Публика громогласно потребовала, чтобы Чехову была отправлена телеграмма, актеровъ засыпали цвѣтами, а дирекція получила высокую награду за неподобную суетовку.

Официальнымъ выраженіемъ признанія Чехова было избраніе его въ декабрѣ 1901 г. въ почетные академики по отдѣлу изящной словесности при Императорской Академіи наукъ. Въ этомъ званіи, впрочемъ, Чеховъ пробылъ недолго. Уже въ слѣдующемъ году академическое недоразумѣніе съ Горькимъ, выборы котораго сначала состоялись, а потомъ были отмѣнены, вынудило его отказаться отъ чести.

На имя августѣйшаго президента Академіи онъ послалъ слѣдующее заявленіе:

„В. И. В.! Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики; и я не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Загѣмъ, немного погодя, въ газетахъ было напечатано, что, въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст., выборы признаются недѣйствительными; при чемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ отъ Академіи наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я же признавалъ выборы недѣйствительными, — такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ. Знакомство съ 1035 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ прийти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, покорнѣйше просить В. И. В. о сложеніи съ меня званія почетнаго академика“.

Изъ событій послѣднихъ лѣтъ жизни А. П. Чехова слѣдуетъ отмѣтить его женитьбу на Ольгѣ Леонардовнѣ Книпперъ, артисткѣ московскаго Художественнаго театра, извѣстной сейчасъ всей интеллигентной Россіи по исполненію ролей въ пьесахъ А. П.—ча. Вѣнчаніе состоялось въ Крыму. Въ церкви присутствовало всего нѣсколько человѣкъ.

Значительнымъ явленіемъ этихъ же послѣднихъ лѣтъ Чехова была

продажа имъ своихъ сочиненій. Стоившая большихъ хлопотъ по началу, она дала затѣмъ А. П.—чу то спокойствіе, которое было ему такъ необходимо въ виду усиленія болѣзни.

Сочиненія А. П. были приобрѣтены фирмою А. Ф. Марксъ за 75 тысячъ рублей съ условіемъ новой оплаты новыхъ произведеній и повышеніемъ листовой платы за каждыя новыя пять лѣтъ. Доходъ съ пьесъ оставался за Чеховымъ и его наслѣдниками.

Подробности продажи можно найти въ воспоминаніяхъ о Чеховѣ—Сергѣенка.

Покончившій съ продажей сочиненій, А. П. чувствовалъ извѣстное удовлетвореніе, слѣды котораго остались въ его письмахъ. Эти замѣтки, между прочимъ, утверждаютъ фактъ присылки А. П.—чемъ въ издательство А. Ф. Маркса множества его мелкихъ разсказцевъ и набросковъ, вошедшихъ въ изданіе не противъ его воли, а по его явно выраженному намѣренію. Кн. Урусову онъ писалъ: „Я продалъ Марксу свои сочиненія на вѣки вѣчные и ужъ послалъ ему для перваго тома цѣлый пудъ моихъ „лицейскихъ“ разсказовъ, не вошедшихъ еще ни въ одинъ изъ сборниковъ, мелкихъ, какъ свѣтки. И все вмѣстѣ они похожи на постылый борщъ со свѣтками. Изданіе, вѣроятно, будетъ хорошее“.

А. П. съ интересомъ относился къ изданію своихъ сочиненій. Онъ очень скоро сѣлъ за выpravку оригиналовъ и корректуру. „На нее,—писалъ онъ:—уходитъ вся моя потенція“

Свѣтлымъ событіемъ конца жизни Чехова была постановка „Вишневаго сада“.

Первое представленіе „Вишневаго сада“, 17-го января 1904 г., обратилось въ подлинный праздникъ и триумфъ Чехова. Это было первое публичное чествованіе писателя, отличавшагося поразительной скромностью. Для подавляющаго большинства публики было совершенно неожиданностью самое появленіе Чехова въ театрѣ. До „Вишневаго сада“ три чеховскихъ пьесы были поставлены въ Москвѣ, и ни на одномъ изъ первыхъ представленій этихъ пьесъ автора въ театрѣ не было.

Появленіе Чехова на сценѣ было встрѣчено громовыми аплодисментами всей залы.

Первую привѣтственную рѣчь ему произнесъ профессоръ А. Н. Веселовскій отъ лица Общества любителей російской словесности.

„Русскія Вѣдомости“, „Русская Мысль“ выразили свое поздравленіе писателю въ адресѣ.

Теплую рѣчь произнесъ Вл. И. Немировичъ-Данченко отъ имени Художественнаго театра.

„Привѣтствія утомили тебя,—говорилъ онъ:—но ты долженъ найти утѣшеніе въ томъ, что хотя отчасти видншь, какую непре-

дѣльную привязанность итааетъ къ тебѣ все русское грамотное общество. Нашъ театръ въ такой степени обязанъ твоему таланту, твоему вѣжному сердцу, твоей чистой душѣ, что ты по праву можешь сказать: это мой театръ. Сегодня онъ ставитъ твою 4-ю пьесу, но въ первый разъ переживаетъ огромное счастье видѣть тебя въ своихъ стѣнахъ на первомъ представленіи. Сегодня же, по случайности неисповѣдимыхъ судебъ, первое представленіе совпало со днемъ твоего ангела. Народная поговорка говоритъ: Антонъ—прибавленіе дня. И мы скажемъ: нашъ Антонъ прибавляетъ намъ дня, а стало-быть, и свѣта, и радостей, и близости чудесной весны.

Адресъ отъ артистовъ Малаго театра прочла Г. Н. Федотова.

Это были праздники. но тѣмъ, кто зналъ Чехова близко, онъ казался прощаньемъ. А. П. стоялъ слабый, какъ тѣвъ, и вся зала кричала: „Сядьте, сядьте... Пусть Антонъ Павловичъ сядетъ...“

Онъ уступилъ просьбамъ и сѣлъ въ большое кресло. И это было трогательно...

Чеховъ былъ радостно удивленъ совершившимся. „На первомъ представленіи „Вишневаго сада“ 17 января,—писалъ онъ Ѡ. Д. Ватюшкову:—меня чествовали, и такъ широко, радушно и въ сущности такъ неожиданно, что я до сихъ поръ никакъ не могу прийти въ себя“.

А проф. А. Н. Веселовскому онъ обѣщаль:

„Всю будущую зиму, при благоприятныхъ условіяхъ, я намѣренъ прожить въ Москвѣ, и тогда я предоставлю себя въ ваше полное распоряженіе. Какія бы обязанности вы ни возложили на меня, буду ли я временнымъ предсѣдателемъ, или просто членомъ Общества, я одинаково буду стараться оправдать ваше довѣріе, быть возможно полезнымъ Обществу. Я не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за 17 января. Это честь, которой я не ожидалъ и, во всякомъ случаѣ, не заслужилъ. Спасибо вамъ большое, никогда я этого не забуду“.

XXXIII.

Когда собственно началъ свои завоеванія страшный недугъ, сведшій А. П. въ преждевременную могилу?

Первое показаніе самого Чехова о своей роковой болѣзни относится къ очень ранней порѣ,—университетской. Въ письмѣ къ Сергѣенко еще отъ 1884 г. А. П., между прочимъ, упоминаетъ о грозномъ симптомѣ приближающейся болѣзни. „Работы пропасть, денегъ мало, *здоровье негодное*. Мечталъ къ празднику побывать въ Питерѣ, *но задержало кровохарканіе*“. „Не чахоточное“,—прибавляетъ онъ тотчасъ же въ скобкахъ, какъ бы самъ гоня отъ себя страшный призракъ и неизбежныя думы..

Самое начало болѣзни А. П.—ча, приведшей его къ могилѣ.

вѣрно прослѣжено Д. П. Азбукинымъ по записямъ и разсказамъ врачей клиники, гдѣ онъ лежалъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса у 24-лѣтняго А. П., раньше часто хворавшаго инфлуэнцой и приступами мигрени, появились первые признаки новой грозной болѣзни—примѣсь крови къ мокротѣ.

Это первое кровохарканье длилось три дня и повторилось въ мартѣ, затѣмъ возвращалось ежегодно весной. Такъ говорилъ самъ А. П. ординатору, записывавшему исторію его болѣзни. Въ напечатанныхъ біографическихъ статьяхъ не было точнаго и совпадающаго съ дѣйствительностью указанія на начало заболѣванія писателя.

Во время кровохарканья, начавшагося 21 марта 1897 года, А. П. обратился къ проф. А. А. Остроумову. Съ визитной карточкой профессора, на которой было написано: „Принять въ клинику Антона Павловича Чехова“, Чеховъ 25 марта поступилъ въ госпитально-терапевтическую клинику.

А. П. имѣлъ истощенный видъ, длинную, узкую грудь (окружность груди была равна 90 сант.), что особенно было замѣтно при его ростѣ, малый вѣсъ (немного болѣе 3¹/₂ пудовъ), наклонность къ зябкости, уменьшенное количество красныхъ кровяныхъ тѣлецъ.

Помѣстили Чехова въ палатѣ № 14, большой комнатѣ, освѣщаемой двумя большими окнами, имѣвшей четыре кровати, два массивныхъ кресла, ординаторскую конторку, а посреди круглый столъ. Сначала онъ долженъ былъ лежать молча, имѣя ледъ на груди. Когда количество крови стало уменьшаться, А. П. пытался шутить и смѣяться, отчего его постоянно удерживали.

На седьмой день кровохарканье прекратилось совершенно. Доктора получили возможность выслушать и выстукать больного, а онъ — ходить и разговаривать. А. П. любилъ бродить по длинному клиническому коридору, бродилъ даже ночью, спасаясь отъ бессонницы и отдаваясь своимъ думамъ. Много разговаривалъ о земской медицинѣ съ бывшимъ ординаторомъ глазной клиники П. П. Радзвипскимъ.

Вся сосѣдняя кровать была завалена газетами. Книгъ было также много. Но о томъ, что писалъ и что читалъ, А. П. не говорилъ. Газеты читалъ онъ, сидя въ массивномъ клеенчатомъ креслѣ, которое стояло около постели. Въ своей шляпѣ съ широкими полями и полу-тепломъ пальто онъ выходилъ подышать весеннимъ воздухомъ.

Сидя на скамьѣ около клиническаго подъѣзда, грѣясь на привѣтливомъ весеннемъ солнышѣ, онъ любовался на уголокъ свѣтло-синихъ небесъ, на сіяющій куполъ Новодевичьяго монастыря, красиво поднимающійся къ поднебесью. Въ извѣстные часы къ нему приходили почитатели его таланта. Бывали дамы, приносившія цвѣты — гиацинты и розы.

Быль у него Л. Н. Толстой, и они, гуляя по коридору, громко разговаривали.

А. П. поражалъ и плѣнял докторовъ своей бодростью, смѣхомъ и шутками. Свою болѣзнь онъ считалъ находящейся въ менѣе серьезной стадіи, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ *пораженіе верхушекъ было двустороннее, большое*; влажные хрипы слышались надъ углами лопатокъ.

Къ своей болѣзни А. П. въ клиникѣ относился съ чрезвычайно большимъ интересомъ и, не любя въ послѣдствіи разговоры на эту тему, теперь много разспрашивалъ ассистента и ординатора, особенно хотѣлъ знать результаты выстукиванія, выслушиванія и микроскопическаго изслѣдованія. Послѣднее обнаруживало коховскія палочки.

Антону Павловичу говорили, но не все, — многое скрывали. Проф. А. А. Остроумовъ всегда подробно справлялся о больномъ писателѣ. Къ концу второй недѣли А. П. значительно поправился, а „окончательно поправляюсь, — говорилъ онъ иногда: — когда умру“. Правда, несмотря на всѣ старанія поднять въ немъ питаніе, въ вѣсѣ онъ не увеличился ни на полфунта, но у него на 5% увеличилось количество гемоглобина крови и на 30.000 число красныхъ кровяныхъ тѣлецъ. Вообще онъ окрѣлъ замѣтно.

По выходѣ изъ клиники А. П. посѣтилъ ассистента клиники г. Ансорова, подарилъ ему со своимъ автографомъ и надписью „Островъ Сахалинъ“, а ординатору М. Н. Маслову — „Дуэль“. „Пестрые рассказы“ и свою фотографическую карточку, на которой русскими буквами написалъ латинское названіе своей болѣзни, сдѣлавъ ошибку: „гѣмофтизисъ“ (ошибочно вмѣсто „гемоитизисъ“). Въ клиникѣ ему былъ данъ совѣтъ поселиться на югѣ, что онъ и исполнилъ.

Послѣ этого пребыванія въ клиникѣ А. П. прожилъ только семь лѣтъ.

Въ юлѣ 1904 г. его, уже бездыханнаго, проносили мимо оконъ палаты, въ которой онъ лежалъ, мимо скамейки, сидя на которой онъ любовался тепломъ, лаской и свѣтомъ весны, набирался силъ и вѣры въ жизнь.

Насколько ясно сознавалъ А. П. свою болѣзнь въ 1891 г., видно изъ его письма В. А. Тихонову. Онъ писалъ ему:

„Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у меня истерія... Только моя истерія въ медицинѣ называется — „чахоткой“..

Хотя наиболѣе опасный возрастъ, когда чахотка особенно пагубна, былъ уже пережитъ Чеховымъ, и самъ Чеховъ, кажется, вѣрилъ этому, но уже послѣдній пріѣздъ А. П. — ча въ Москву изъ Ялты внушилъ серьезныя опасенія. Съ острой тревогой подходили друзья къ квартирѣ его, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, гдѣ онъ лежалъ въ жестокомъ приступѣ болѣзни, болей узнать страшное. Врачи говорили, — туберкулозъ кишекъ...

Всю осень, съ августа 1903 г., Чеховъ чувствовалъ себя больнымъ. „Меня изводилъ кашель и разстройство кишечника. Я не работала, и пришлось минувшую осень вычеркнуть изъ книги работы, какъ ненужное и лишнее время“ (Батюшкову, 1903).

Последнее пребываніе Чехова въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцъ существенно не разнилось отъ обычной его жизни здѣсь.

Плохъ былъ А. П., но, и будучи больнымъ, все время просилъ работы, просилъ посылать ему для просмотра произведенія, присылаемая въ „Русскую Мысль“, гдѣ онъ завѣдывалъ отдѣломъ беллетристики. Онъ жаловался, что ему скучно безъ дѣла, и для него выбрали четко написанныя короткія вещицы, и, несмотря на болѣзнь, А. П. поправлялъ, просматривалъ, иногда самъ отвѣчалъ авторамъ, иногда просилъ отвѣтить.

Плохо чувствовалъ себя А. П. и по возвращеніи въ Ялту. Опять его тянуло на сѣверъ. А тутъ, какъ на зло, свѣгъ смѣнялся дождемъ, скверный крымскій вѣтеръ не позволялъ больному выходить въ его любимый садъ.

Здоровье А. П.—ча настолько ухудшилось, что врачи настойчиво потребовали его отъѣзда въ заграничный курортъ. Былъ избранъ для этой цѣли Ваденвейлеръ, одинъ изъ горныхъ курортовъ поэтического Шварцвальда, а днемъ отъѣзда—3 іюня 1904 г.

XXXIV.

Берлинскіе врачи, въ томъ числѣ знаменитый Эвальдъ, уменьшили тревогу и обнадежили Чехова. Успокоенный, онъ прибылъ въ Ваденвейлеръ.

Первое время пребыванія здѣсь (іюнь 1904 г.) Чеховъ былъ очень доволенъ. В. М. Соболевскому онъ писалъ:

„Большое вамъ спасибо за „Русскія Вѣдомості“, которыя я получаю здѣсь съ перваго дня пріѣзда и которыя дѣйствуютъ на меня, какъ согревающее солнце: читаю я ихъ по утрамъ съ громаднымъ удовольствіемъ. Еще большое спасибо шлю вамъ и низко кланяюсь за знакомство съ Г. В. Юлосомъ. Это превосходный человекъ, въ высшей степени интересный, любезный и безконечно обязательный. Я три дня прожилъ въ Берлинѣ и все три дня чувствовалъ на себѣ заботу Юлоса. Къ сожалѣнію, у меня еще совсѣмъ не работали ноги, чувствовалъ я себя, особенно въ первые дни, тяжело, и мнѣ нельзя было отдать себя въ его полное распоряженіе, хотя на два часа. Онъ показалъ бы мнѣ въ Берлинѣ много хорошаго. Насколько я могъ его понять, понятія о себѣ онъ очень скромнаго и не знаетъ точно, какимъ успѣхомъ у насъ въ Москвѣ да и въ Россіи пользуются его письма изъ Берлина.

„Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами, а не зо-

лотниками. Ноги уже давно не болят, точно и не болѣли, ѣмъ я по многу и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ эмфиземы и слабость отъ худобы, приобрѣтенной мною за время болѣзни. Лѣчить меня здѣсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это д-ръ Schwöbinger, женатый на нашей московской Живаго.

„Badenweiler очень оригинальный курортъ, но въ чемъ его оригинальность, я еще не уяснилъ себѣ. Масса зелени, впечатлѣнныя горы, очень тепло, домики и отели, стоящіе особнякомъ въ зелени. Я живу въ небольшомъ особнякѣ-пансіонѣ, съ массой солнца (до 7 час. вечера) и великолѣпнымъ садомъ, платимъ 16 марокъ въ сутки за двоихъ (комната, обѣдъ, ужинъ, кофе). Кормить добросовѣстно, даже очень. Но воображаю, какъ здѣсь скучно вообще! Кстати же сегодня съ ранняго утра идетъ дождь, я сижу въ комнатѣ и слушаю, какъ подъ и надъ крышей гудитъ вѣтеръ“.

Послѣдніе часы жизни Чехова описаны Г. В. Юлосомъ, которому судьба послала эту горькую миссію. „Я лично въ Берлинѣ уже получилъ впечатлѣнныя, что дни А. П. сочтены,—писалъ Юлосъ:—такъ онъ мнѣ показался тяжело больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша.

„Помню однако, что, когда поѣздъ отходилъ, онъ, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ, высунулся изъ окна и долго кивалъ головой, когда поѣздъ двинулся.

„По пріѣздѣ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотѣлъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше. Но уже на второй недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость—комната ему не нравилась, хотѣлось другого мѣста.

„Они переѣхали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtel Sommer, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ.

„Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. „Видишь, — говорилъ онъ женѣ: — что значитъ культурная страна: всѣ выходятъ и входятъ, каждый пишетъ и получаетъ письма“.

„Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: „Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!“

„А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Д-ръ Швереръ (Schwöhrer), превосходно относившійся къ пациенту, на мой вопросъ, была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго припадка во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній, потому что послѣ впрыскиванія морфія и вдыханій кислорода пульсъ сталъ хорошъ, и больной спокойно заснулъ.

„Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ о японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: „На пустое сердце льда не кладутъ“.

„Зналъ ли онъ раньше, что умираеть? И да и нѣтъ. Когда теперь вспоминають о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона.

„А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его сужруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: „Да знаешь, на всякій случай“... Послѣднія его слова были: „Умираю“, и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: „Ich sterbe“. Пульсъ становился все тише...

„Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился набокъ,—и безъ вдоха, безъ видимаго внѣшняго звука, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ.

„Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показалась заря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись набокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человекъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями“.

XXXV.

Въ виду особой любезности къ berühmter russischer Schriftsteller, хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но на слѣдую-

щую ночь его тайкомъ, черезъ задніе коридоры, вынесли въ часовню, гдѣ онъ оставался до отхода поѣзда въ Россію.

„Здѣшняя публика, и въ особенности, конечно, находящіеся здѣсь русскіе, очень сердечно отнеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходила за телеграммой, во всѣхъ слышится неподдѣльная скорбь и сознание, что не стало великаго таланта и слишкомъ рано прекратилась эта жизнь, еще такъ много общавшая...“

Лѣчившій Чехова докторъ Швереръ изъ Баденвейлера сохранилъ о смерти А. П. такой разсказъ:

„Чеховъ жилъ здѣсь уже три недѣли. Сначала онъ было-оправился и чувствовалъ себя хорошо. Онъ былъ въ состояніи предпринимать продолжительныя поѣздки, и здѣшній климатъ дѣйствовалъ прекрасно на его здоровье, но потомъ, вслѣдствіе высокихъ температуръ, которыя вызывались прогрессировавшимъ процессомъ бугорчатки легкихъ, питаніе тѣла начало падать, вѣсъ тѣла понижался, наступило сильное расстройство кишечника, которое наблюдалось раньше.

„Возторникъ безъ видимой причины появилось ослабленіе дѣятельности сердца; поэтому пришлось давать приѣмъ наперстянки; въ среду былъ сильный припадокъ сердечной слабости, ему были прописаны большія дозы камфары; въ четвергъ онъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо, пульсъ и аппетитъ были удовлетворительны.

„Спалъ онъ хорошо до часу ночи, въ часъ ночи проснулся отъ сильнаго удушья. Несмотря на всѣ энергичныя мѣры, подкожныя впрыскиванія камфары, вдыханіе кислорода и проч., Чеховъ скончался въ 3 час. утра безъ агоніи.

„Онъ переносилъ свою тяжелую болѣзнь какъ герой. Со стоическимъ, изумительнымъ спокойствіемъ ожидалъ онъ смерти.

„Находившійся здѣсь русскій посланникъ при великогерцогскомъ дворѣ фонъ-Эйлеръ тотчасъ же прибылъ въ квартиру покойнаго писателя и сдѣлалъ всѣ распоряженія относительно перевозки тѣла Чехова въ Россію“.

„Чеховъ умеръ удивительно спокойно, — прибавлялъ позднѣе д-ръ Швереръ. — Когда ночью съ нимъ случился второй припадокъ и я былъ позванъ къ нему, я распорядился, чтобы принесли кислороду. Бывшій въ комнатѣ Чехова русскій студентъ пошелъ за кислородомъ.

„Не надо, — сказалъ Чеховъ: — пока принесутъ кислородъ, я уже умру“. Такъ оно и случилось. Онъ закрылъ глаза, и его не стало. Моя помощь и поддержка нужны были уже не ему, а его супругѣ...“

Д-ръ Швереръ былъ первымъ, кто выразилъ опасеніе за сердце А. П., которое ослабѣло вслѣдствіе чахотки. Въ Россіи никто изъ врачей не указывалъ на сердце. Что касается легкихъ, то Швереръ сказалъ, что онъ можетъ еще прожить съ ними отъ 4 до 6 мѣсяцевъ,

не долге. Самъ А. П., конечно, этого не подозрѣвалъ. Японская война угнетала его. Жена постоянно переводила ему извѣстія изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, и онъ всѣмъ интересовался.

Въ день смерти, по разсказу жены Чехова, въ половинѣ перваго часа ночи онъ проснулся и сталъ задыхаться, О. Л. послала за докторомъ. Ночью не легко было достать его тотчасъ. Когда онъ пришелъ, Чеховъ сказалъ ему по-нѣмецки одно слово:

— Смерть?

— О, яйтъ, нйтъ, успокойтесь! Что вы?—поторопился успокоить его врачъ.

Ему тяжело было дышать. На сердце положили ледъ, потомъ онъ глотнулъ шампанскаго, которое пролилось въ горло, производя странный звукъ. Онъ сталъ бредить. „Матросъ уѣхалъ?“—„Какой матросъ?“—„Матросъ,—уѣхалъ онъ?“—„Уѣхалъ“. Очевидно, это имѣло связь съ войной. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Онъ тихо угасъ, безъ агоніи, уснулъ. Докторъ сказалъ, что онъ никогда не видалъ такой тихой и спокойной смерти чахоточнаго.

Мать А. П.—ча получила отъ него въ Ялтѣ, въ концѣ іюня, радостное письмо. Онъ собирался поѣхать на Кому, „пожить тамъ немножко“. „Дѣла мои по части здравія пошли на поправку по настоящему“. Съ этимъ письмомъ она радостно встрѣтила своего младшаго сына, который звалъ уже о смерти брата. Нѣкоторое время ей не говорили. Горе ея выразилось страшнымъ отчаяніемъ, когда наконецъ ей сказали.

Какова была обстановка мѣста смерти Чехова?—шаблонный номеръ нѣмецкаго отеля. Вотъ какъ его описываетъ одинъ поздній посѣтитель. Ближе къ двери въ коридоръ двѣ постели. У фасадной стѣны, между окномъ и дверью на балкончикъ, небольшой диванъ, обитый бархатомъ, и круглый столъ. Умывальникъ, шкапъ и нѣсколько стульевъ дополняютъ обстановку. Мебель свѣжял, все въ номерѣ чистенько, а темныя обои усиливаютъ впечатлѣніе уютности.

— Послѣ смерти Чехова обстановку здѣсь не мѣняли,—посвящаетъ кельнеръ;—такъ все и осталось, какъ было. Вотъ здѣсь, на диванѣ, онъ часто сиживалъ съ своей супругой. Охотно онъ сидѣлъ на балконѣ и любовался видомъ горъ. На этой кровати, что дальше отъ двери, онъ умеръ. Вся постель, за исключеніемъ бѣлья, конечно, осталась та же...

Передъ смертью А. П. не высказалъ никакихъ послѣднихъ желаній. Тѣло его не было набальзамировано.

5 іюля, рано утромъ, останки писателя, которые сопровождала его вдова, тронулись въ далекій путь, въ Москву.

Въ субботу въ Карлсруэ была отслужена торжественная панихида по почившемъ, въ присутствіи нашего посланника.

Телеграммы извѣщали Россію о движеніи гроба съ прахомъ любимаго писателя. Рѣшено было, что тѣло прибѣдетъ черезъ Вержболово въ Петербургъ, откуда немедленно прослѣдуетъ въ Москву. Распоряженія по погребенію взялъ на себя другъ покойнаго, редакторъ „Русской Мысли“ В. А. Гольцевъ.

Ко дню прибытія въ Петербургъ тѣла А. П. почти всеѣ столичныя ученые и литературныя общества, учебныя заведенія, редакціи газетъ и журналовъ избрали изъ своего состава депутаціи для возложенія вѣнковъ на гробъ покойнаго писателя.

Но изъ-за оплошности лицъ, сопровождавшихъ гробъ, извѣстіе о прибытіи тѣла оказалось неточнымъ, — гробъ А. П. былъ встрѣченъ въ Петербургѣ на вокзалѣ лишь группою освѣдомленныхъ репортеровъ. Здѣсь же на вокзалѣ, въ присутствіи всего нѣсколькихъ десятковъ лицъ, пришедшихъ поклониться праху любимаго писателя, были возложены на металлическій гробъ, стоявшій въ вагонѣ, вѣнки отъ Литературнаго Фонда, редакцій и т. п.

Москва встрѣтила Чехова тепло, сплоченно. Ошибка Петербурга послужила ей урокомъ. Только опять и сюда тѣло писателя было доставлено въ вагонѣ, на которомъ не успѣли закрасить надпись: „для свѣжихъ устриць“.

Четыре колесницы-горки—сплошь въ вѣнкахъ—слѣдовали за гробомъ. Вѣнки были отъ цѣлыхъ городовъ, какъ, на примѣръ, отъ Клина, отъ провинціальныхъ редакцій, виленскихъ, одесскихъ, отъ частныхъ лицъ. Многотысячная толпа ждала гроба, и тысячи голосовъ пѣли „Святой Боже“.

На улицы высыпали и выстроились толпы. Всеѣ балконы были заняты, и усеяны окна домовъ. Процессія останавливалась у тѣхъ мѣстъ, которыя были освящены именемъ Чехова, и тамъ служили литіи. Служили ихъ у Тургеневской читальни, у осиротѣвшаго Художественнаго театра, у редакцій „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостей“, у памятника Широкова.

Мать Чехова съ его двумя братьями и сестрою только съ девятичасовымъ поѣздомъ успѣла прибыть съ курскаго вокзала. Она встрѣтила гробъ уже на пути слѣдованія. Тихо-тихо стало въ толпѣ, когда старушка-мать замерла въ объятіяхъ жены Чехова.

День былъ ясный и красивый, со слегка угрожающимъ небомъ, но до времени шадившій шелкъ траурныхъ лентъ. У входа въ Ново-дѣвичій монастырь и въ самыхъ стѣнахъ кладбища стояли сотни людей. Похоже было, что это храмовой праздникъ. Была, разумѣется, вся литературная и газетная Москва. Свообразнымъ звономъ монастырскій колоколъ возвѣстилъ прибытіе тѣла. Гробъ внесли въ

Успенскій соборъ, толпа расплеснулась по монастырскому двору, по кладбищу, огромнымъ кольцомъ окружила могилу, приготовленную для Чехова рядомъ съ могилою его отца, неподалеку отъ могилы Плещеева.

Дольше вѣрныхъ полчаса протискивались съ гробомъ черезъ какія-нибудь нѣсколько сажень, такъ огромна была толпа. Наконецъ гробъ донесли, опустили.

Долго ждали рѣчей, когда гробъ былъ уже засыпанъ. Долго, какъ всегда, никто не говорилъ. Передавали, что покойнымъ было выражено желаніе, чтобы надъ его могилою не было рѣчей. Дважды начинавшій накрапывать дождь вдругъ зачастилъ. Двое-трое ораторовъ изъ толпы сказали заурядныя слова, досадно нарушившія красно-рѣчивое молчаніе, которое было такъ умѣстно надъ свѣжей могилою грустнаго пѣвца сумеречной эпохи.

12 (25) іюля 1908 г. въ Баденвейлерѣ, въ юго-западномъ углу Германіи, почти на границѣ Швейцаріи, былъ освященъ памятникъ А. П. Чехову. Бюстъ писателя сооруженъ на средства, собранныя московскимъ Художественнымъ театромъ.

Памятникъ даетъ бюстъ Чехова въ натуральную величину и является произведеніемъ скульптора Шлейфера, извѣстнаго и въ Россіи и въ Германіи.

Чеховъ изображенъ такимъ, какимъ его часто видали въ баденвейлерскомъ паркѣ въ послѣднія недѣли его жизни: наживутый на плечо плащъ и мягкая, чуть сдвинутая на затылокъ шляпа съ „проломомъ“ посрединѣ. Большіе глаза испытующе глядятъ вдаль. Не хватаетъ только пенсне, которое Чеховъ, будучи очень близорукъ, носилъ постоянно.

Гранитная скала, прекрасно сдѣланная мюльгеймскимъ скульпторомъ Швабомъ, представляетъ собою тотъ могучій пьедесталь, на которомъ воздвигнуть бронзовый бюстъ.

Торжественный актъ открытія и освященія совершенъ былъ въ присутствіи многочисленныхъ русскихъ, живущихъ въ Баденвейлерѣ, и при живомъ участіи всего курорта. На памятникѣ значатся слова: „А. Чеховъ, умеръ въ Баденвейлерѣ въ 1904 г.“

Присутствовали при открытіи вдова покойнаго писателя, русскій министр-резидентъ при баденскомъ правительствѣ, проф. А. Н. Веселовскій, писатель П. Д. Боборыкинъ, артистъ московскаго Художественнаго театра Станиславскій и др.

XXXVII.

Смерть Чехова всколыхнула все то, что было чуткаго въ обществѣ, что любило красоту, дѣляло идеалы, тосковало по лучшимъ време-

намъ и лучшемъ человѣкѣ,—все, для чего Чеховъ былъ какимъ-то таинственнымъ воплощеніемъ и красоты, и изящества, и чудесной русской печали.

Сквозь дымку свѣжей скорби, можетъ-быть, даже не совсѣмъ ясно сознавалось, почему такъ дорогъ и близокъ намъ Чеховъ. Только чувствовалась мощь утраты и ощущалось, какъ отскочила отъ насъ словно какая-то опора, какъ когда-то сказалъ Толстой въ день смерти Достоевскаго. Одно было ясно, что это самая тяжелая литературная утрата, которой намъ, людямъ 80-хъ и 90-хъ годовъ, уже болѣе не переживать, что на этотъ разъ ушло что-то поразительно намъ близкое, дружественное, наше, закатилась звѣздочка, лившая трепетно-ласковый свѣтъ въ печальныя потемки жизни, что были больше его и есть больше, но нѣтъ сейчасъ ближе и нѣтъ роднѣе...

Секретъ чеховскаго обаянія, чеховской близости къ намъ былъ въ удивительной полнотѣ воплощенія имъ въ себѣ настроеній своего момента. Удивительно типическимъ человѣкомъ былъ Чеховъ для поколѣній 80-хъ и 90-хъ годовъ, съ его раннимъ утомленіемъ, надрывомъ силъ до начала труда, мукой по далекимъ идеаламъ жизни — свѣтлой, изящной и прекрасной, съ вѣчной наконецъ тоской сѣрыхъ, неинтересныхъ, унылыхъ будней.

Такъ, раньше Чехова, звенящая душа Надсона преломила въ себѣ и отразила жажду борьбы и исканіе пророка поколѣніемъ семидесятниковъ, душа Глѣба Успенскаго выразила муку сознанія тѣмъ же поколѣніемъ необходимости расплаты за старый долгъ народу, Шеллеръ—порывъ молодежи 60-хъ годовъ къ святому труду, гораздо раньше и гораздо ярче Тургеневъ—гамлетизмъ русскихъ Рудиныхъ и порывъ Базаровыхъ. Чеховскій герой явился разновидностью тургеневскаго „лишняго человѣка“, со всею суммою психологическихъ наслоеній, какія дала ему русская исторія,—политико-общественныя разочарованія шестидесятника, позднѣйшія разочарованія въ „хожденіи въ народъ“, властное цареніе посыллага бюрократическаго строя. Печальное время, давившее всякій свободный порывъ, личную самобытность интеллигента, поддѣкавшее идеалистическое стремленіе Ивановыхъ и превращавшее живыя души въ „человѣковъ въ футлярѣ“, въ Пришибеевыхъ, въ добровольцевъ сыска или, въ лучшемъ случаѣ, въ людей двадцатаго числа!

Прирожденныя настроенія Чехова, въ которыхъ таились элементы русской тоски, сгущенные и опредѣлившіеся такъ, какъ это бываетъ только въ избранныхъ, творческихъ натурахъ,—чрезвычайно благоприятствовали тому, чтобы изъ него вышелъ удивительно мѣткій отражатель преобладающихъ вѣяній и настроеній интеллигенціи его времени. И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что историческую роль Чехова будущій историкъ нашей литературы и обществен-

ности формулируетъ не иначе, чѣмъ мы: въ Чеховѣ наша литература имѣетъ самаго яркаго пѣвца нашей сумеречной эпохи, самаго сильнаго изобразителя русскаго интеллигентнаго типа 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Русскій интеллигентъ пережилъ общественно-политическія разочарованія 60-хъ годовъ. Вспыхнувшая вдругъ яркимъ и прекраснымъ огонькомъ въ свѣтлую эпоху реформъ жизнь опять пошла на минусъ. Разочарованъ и народъ, бесплодными оказались попытки 70-хъ годовъ къ „слиянію“ съ нимъ и 80-хъ годовъ къ „поученію“ отъ него. Что-то въ родѣ неприятной оскомины осталось и отъ „хожденія въ народъ“ и отъ толстовскаго преклоненія предъ народомъ со всѣми крайностями опрощенія, вплоть до выхода съ сохой на поле, до шитья сапогъ и культурнаго скитничества. На что-то несерьезное, пустяковое, кукольное свелся великій и благородный порывъ поучиться у народа и умственно поднять народъ до себя.

И тогда вышло на арену новое поколѣніе молодыхъ стариковъ, растерявшихся, упустившихъ почву, оскудѣвшихъ, надорвавшихся до выхода на работу. „Куда итти, къ чему стремиться, гдѣ силы юныя пытаться?“ Все погасло — и порывъ, и вѣра, и энергія, и путеводные огоньки. Рано и безцѣльно надорвался человѣкъ, какъ рабочій, захотѣвшій похвастать передъ дѣвками силой и взвалившій себя на спину непосильную ношу. „Въ двадцать лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, и къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся“, — страшный ивановскій ярлыкъ, применимый къ очень значительной части персонажей чеховской галереи.

Элементы рудинства, лежавшіе въ самой натурѣ Чехова, дали ему возможность удивительно полно схватить преобладающій типъ Рудина конца вѣка, того „лишняго человѣка“, трансформированнаго пѣлыми сорока-пятьюдесятью годами послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ-подъ тургеневскаго пегатива. Конечно, то не было исчерпывающее воспроизведеніе типа современности. Рядомъ съ Чеховымъ, даже въ самые унылые годы и дни нашего безвременья, шли писатели, дававшіе отраженіе бодрого и дерзющаго человѣка. Одновременно съ Чеховымъ писали Короленко, Потапенко, въ послѣдніе годы его жизни засверкала яркая звѣзда Горькаго. Но каждый писатель пишетъ по видѣнію очей и по хотѣнію сердца. Чеховъ давалъ то, что было близко и родственно его душѣ, и, во всякомъ случаѣ, типъ „хмураго“ человѣка, „сумерекъ“, „слабняка“ и „нытика“ былъ именно наиболѣе характернымъ для подавленной эпохи 80-хъ и 90-хъ годовъ.

XXXVIII.

Пѣвцомъ и поэтомъ разочарованія живой души. съ разлета хлопнувшей о стѣну человѣческой пошлости, прозы, казенщины, канце-

лярщины, чиновнаго гнета и безнадежно надломившей свои прекрасныя, но хрупкія крылья,—быль Чеховъ, и трогательно звенѣла его пѣсня въ сердцахъ „обреченныхъ“, еще не замкнувшихся въ футляры. Именно въ томъ, что у него не было темперамента негодующаго сатирика и его слова звучали не злымъ смѣхомъ и рѣзкостью осужденія, но мягкою и нѣжною грустью и жалостью къ бѣднымъ людямъ печальнаго безвременья, и падала какъ тихій весенній дождь на сохнувшія сердца, — была секретъ его особеннаго очарованія.

„Посмотрите,—какъ бы говорилъ Чеховъ, показывая на своихъ героевъ:—какіе они всё, въ сущности, славные, талантливые, умные люди, всё эти сходящіе на нѣтъ въ провинціальной типѣ Астровы, дяди Вани, Вершинины, Тригорины и Треплеты, докторъ Рагинъ изъ „Палаты № 6“, герой „Моей жизни“ и т. д., и т. д., и какъ однако ужасающе-нелѣпо, издѣвательски-мучительно слагается ихъ скучная жизнь!.. Бѣдная жизнь въ бѣдной странѣ, гдѣ молодость уходитъ на тридцативерстные переѣзды въ тряской телѣгѣ, на безумную, сумасшедшую тоску прозябанія интеллигентной души въ царствѣ мѣщанства, за водкой и картами, безъ обмѣна мыслями, безъ загоранія, безъ полета, въ роковой, вѣками установившейся розни съ себѣ равными, въ фатальномъ разобщеніи съ мужикомъ, утонувшимъ въ заботѣ о кускѣ чернаго хлѣба. Посмотрите,—говорилъ Чеховъ:—какъ русскіе люди проходятъ мимо своего счастья, мимо любви, не замѣчая, какъ на нихъ восторженно устремляютъ взоры беззавѣтно любящія ихъ Вѣрочки и Соня, милыя, юныя, прекрасныя, какъ они сходятъ на нѣтъ, выдыхаются, сливаются, какъ они одиноки въ атмосферѣ провинціальной обыденщины, и какъ здѣсь неизбежно гаснутъ ихъ идеалы. Такъ жить нельзя. И кто въ этомъ виноватъ?“

„Такъ жить нельзя“ и „кто виноватъ“ —страшные тезисы огромной художественной диссертациі, которую всю жизнь писалъ Чеховъ,—тезисы, поставленные имъ задолго до того, какъ началась въ русскомъ обществѣ и печати могучая переоцѣнка наличныхъ цѣнностей, прежде чѣмъ вопль: „такъ жить нельзя“ властно вырвался изъ загражденных и несвободныхъ устъ русскихъ людей.

Въ жизни и литературѣ все становится яснымъ и опредѣленнымъ лишь въ перспективѣ исторіи. Уже первый годъ, прошедшій со дня смерти Чехова, установилъ уголь зрѣнія на его творческое и общественное дѣло, какой едва ли самый чуткій философъ исторіи предугадалъ бы въ разгаръ дѣятельности писателя. Какіе-то таинственные, но теперь наглядно видимые проводы тянутся отъ страницъ его книгъ къ пережитой нашей общественностью страницѣ исторіи. Только тогда стало возможнымъ видѣть, какъ велика была ошибка нашей критики, долгое время не сумѣвшей разсмотрѣть настоящей

идейно-общественной роли пѣвца хмурыхъ людей и обвинявшей его въ безыдейности, безпринципности, въ „никчемности“ его таланта, въ отсутствіи въ его душѣ живого Бога и гражданственнаго идеала.

„Дайте намъ бодрыхъ людей, покажите намъ какіе-нибудь огни идеала!“—вопіяла критика. Она не видѣла того, что обратнымъ, отрицательнымъ путемъ Чеховъ именно дѣлалъ то, чего отъ него такъ настойчиво требовали. Весь ужасъ захвата челоѵѵка прозою и пошлостью, весь трагизмъ безволія и духовнаго оскуднѣнія, пассивнаго подчиненія нескладно слагающейся жизни и навязываемому сверху обезличивающему режиму,—никто не показалъ ярче Чехова. Онъ сжималъ наше сердце тоской, когда мы выходили изъ театра съ его „Дяди Ваи“ или „Трехъ сестеръ“, или закрывали его позднія печальныя повѣсти. Если бы теперь нужно было исторически оглянуться на условія, создавшія современный нравственный и матеріальный кризисъ Россіи, увидѣтъ людей, своимъ духовнымъ складомъ подготовившихъ современную пассивность однихъ, волчью хищность другихъ, плачевную и гибельную бездарность третьихъ,—нужно было бы обратиться къ Чехову. Онъ удивительно подсмотрѣлъ и отразилъ всѣ элементы, подготовившіе 1905 годъ, съ его униженіями и прорѣхами, съ трескомъ старыхъ одеждъ по всѣмъ швамъ.

Какъ истинный художникъ, Чеховъ дѣлалъ это въ наивной непосредственности таланта. Онъ отнюдь не ставилъ предъ собою преднамѣреннаго изображенія типа, какой казался ему моднымъ или выигрышнымъ. Онъ не влагалъ пламенныхъ филиппикъ по адресу сѣрыхъ людей въ уста пылкихъ студентовъ, собравшихся на товарищескую пирушку (за что, между прочимъ, его также обвиняла критика), не рисовалъ титановъ, примѣромъ своей жизни и дѣятельности осуждающихъ слабняковъ.

Онъ ни подъ кого не поддѣлывался, никому не старался угождать и едва ли мѣтилъ въ художники-историки. Но такъ выходило, что философія всѣхъ его героевъ сводилась къ одной общей чертѣ, что въ общемъ итогѣ его огромнаго труда появилась цѣлая галлерей аналогичныхъ и исчерпывающихъ время типовъ русскаго интеллигента. И удивительное изображеніе бытія заплѣсневѣвшаго русскаго челоѵѵка давало впечатлѣніе несравнимо болѣе сильное, чѣмъ дали бы разговорныя филиппики или приподнятая риторика идеализированныхъ персонажей. Да, именно оно, это поколѣніе слабняковъ, безвольниковъ, нытиковъ и плакальщиковъ, пассивныхъ рабовъ жизни и ея порядковъ, неспособныхъ ни на протестъ, ни на отпоръ, ни на борьбу, подготовило ту ниву, которую мы и сейчасъ пожинаемъ, поливая ее слезамп.

Повторяю,—„такъ жить нельзя“—совершенно опредѣленно, настойчиво и убѣжденно сказали Чеховъ задолго до того, какъ эта фраза

стала ходячей и легальной. Въ этомъ отношеніи Чеховъ былъ несравнимо либеральнѣе тѣхъ критиковъ, которые рекомендовали ему обычный шаблонъ беллетристически-гражданской работы и изъ которыхъ никто такъ рѣшительно не произнесъ этого тезиса. Можетъ-быть, онъ самъ даже не чувствовалъ, какъ цѣльна въ историко-философскомъ смыслѣ огромная часть того, что онъ далъ нашей литературѣ. Можетъ-быть, иногда его могло смущать и печалить какъ бы однообразіе его героя. Бывали какъ бы повторенія. Но повторенія эти были нужны, какъ снимки съ другой стороны, какъ пополненіе образа новой фотографіей.

Огромную отрицательную работу совершилъ Чеховъ своимъ жизненнымъ трудомъ. Безпощадно, рѣзко и мѣтко онъ ударилъ во всѣ большыя мѣста русскаго человѣка и русской дѣйствительности.

XXXIX.

... Въ „Дядѣ Ванѣ“ есть характерный и для самого Чехова символическій моментъ. Докторъ Астровъ развертываетъ передъ женою профессора Серебрякова сдѣланную имъ самимъ карту современнаго и прошлаго положенія уѣзда и говорить:

„— Смотрите сюда. Картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ. Темная и свѣтло-зеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ на зелени положена красная клѣтка, тамъ водились лоси и козы. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки, и, какъ говорятъ старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо. Рогатаго скота и лошадей было много. По голубой краскѣ видно. Въ этой волости голубая краска легла густо: тутъ были цѣлыя табуны, и на каждый дворъ приходилось по три лошади. Теперь посмотрите ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади. Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже блѣднѣе. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части: картина уѣзда въ настоящемъ. Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ, картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ“.

Поставьте на мѣсто Астрова самого Чехова, на мѣсто профессорской жены—его читателя, попытайтесь представить себѣ снѣтезь его художественныхъ показаній, развертывающихся подобно картѣ, и вы услышите изъ его собственныхъ устъ нѣчто очень похожее.

— Смотрите сюда,—какъ бы говорить Чеховъ.—Вотъ картина

нашей жизни, какова она сейчасъ. Сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ у насъ были сильные люди, дѣйствовавшіе, горѣвшіе, желавшіе. Были Вазаровы, Штольцы, Неждановы перваго періода, Молотовы, Свѣтловы, герои Шеллера. Люди стремились жить, трудиться, бороться, побѣждать, властвовать жизнью. Смотрите, какъ теперь поблѣднѣли краски, погасли огни, и въ какое страшное безвременье мы живемъ. Какая зловѣщая картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія общества! Старики съ идеалами борьбы и жизни умерли, порывъ и побужденіе схлынули, на смѣну шестидесятникамъ и народолюбцамъ приплыли безвольные, растерянные люди 80-хъ и 90-хъ годовъ, надорвавшіеся еще до выхода на работу, испытывающіе мучительное похмелье, еще не побывавши на пиршествѣ. Въ интеллигенціи—косность, бездушіе, холодный формализмъ, растерянность передъ жизнью, „кругомъ сплошь одни чудаки“, наглое хищничество, взятки, грубость, безчувственность. Народъ невѣжественъ, грубъ, бѣденъ, съ тусклымъ кругозоромъ, съ подавленнымъ воображеніемъ, съ вѣчными мыслями о сѣрой землѣ, черномъ хлѣбѣ; въ его избахъ попрежнему грязь, вонь, дымъ, телята на полу, сыпной тифъ. Ваши женщины не видятъ смысла жизни, въ интеллигенціи онѣ праздны, неудовлетворены, пусты, пошлы, въ народѣ онѣ жалки, забиты, глубоко несчастны. *Вотъ какой ужасъ жить въ тинт пошлости, безъ путевого огонька, безъ прямой жизненной задачи, безъ страстной мечты о лучшемъ человѣкѣ, для котораго все живущее теперь только подготавливаетъ дорогу и безъ вѣры въ котораго бесплоденъ и мертвъ всякій, даже самый искренній порывъ современнаго идеализма!*

Все молодое, не заглушенное, жизнеспособное рвется изъ глуши съ страстнымъ воплемъ—„въ Москву, въ Москву, въ Москву!“—въ фантастическую, прекрасную, залитую электричествомъ Москву, съ кипѣніемъ жизни, съ интересными, сильными людьми, съ музеями и галереями,—въ ту идеализованную Москву, какая мерещилась больному писателю въ знойные и скучные дни, въ длинные ночи ялтинскаго затвора, и какая была далека отъ настоящей, грубова-той, тоже провинціальной и ужъ далеко не такой заманчивой Москвы.

Вотъ синтезъ чеховскаго творчества и чеховскаго настроенія и исходный пунктъ для его опѣяки.

— Спасеніе въ интеллигенціи?—спрашивалъ онъ.—Но посмотрите на доктора Астрова, на дядю Ваню, на Иванова, Тузенбаха. Рагина изъ „Палаты № 6“, на Соляного,—все это интеллигенція, но какъ она безсильна, безвольна, какъ ее засасываетъ среда, какъ она сходитъ на нѣтъ, опускается, спивается, расходуетъ себя сплошь на пустяки и жалко коптитъ небо, проходя мимо своего и чужого

счастья, шагая куда-то въ неясную даль, безъ путеводнаго огонька, по могиламъ, по самолюбіямъ, по трупамъ!.. Народъ,—но посмотрите, что такое народъ. Это все—„раздраженные, оскорбленные люди, съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ одними и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, сѣрыхъ дняхъ, черномъ хлѣбѣ, люди, которые не умѣютъ считать, которые хитрятъ, но, какъ птицы, пряча за дерево только одну голову“... Старики ваши—плохой оплотъ будущему, съ которымъ они разошлись враждебно и навсегда („Моя жизнь“, „Скучная исторія“). Ваши женщины,—посмотрите, онѣ глубоко несчастны, непоняты, рабы мужей, сплошь утонувшія въ прозѣ и тинѣ будней, и ихъ жизнь такъ же пуста, какъ жизнь Ивановыхъ и Астровыхъ. И то же ждетъ вашихъ дѣвушекъ,—человѣческая пошлость, человѣческая подлость, непонятость, нераздѣленная любовь, та же страстная тоска уйти куда-нибудь отъ самихъ себя, въ какую-то легендарную, мнѣческую Москву, гдѣ жизнь полише, интересише, прекрасише, изящише...

Въ этой безпощадной чеховской критикѣ дѣйствительности было нѣчто отъ „страстнаго критицизма Толстого, точно такъ же не оставявшаго цѣлымъ и не сдвинутымъ съ мѣста ничего, къ чему бы онъ ни прикасался,—ни семьи, ни любви, ни общественности, ни религіозности. И титло безпросвѣтнаго пессимиста почти до самой смерти тяготѣло надъ Чеховымъ.

Если понимать подъ пессимизмомъ глубокое проникновеніе началами безнадежности, отчаянія, полнаго невѣрія въ побѣдоносный исходъ борьбы и даже въ самую возможность борьбы, —не могло быть ошибки большей, чѣмъ отнесеніе Чехова къ такой категоріи писателей. И нѣтъ надобности, какъ это иногда дѣлаютъ, видѣть въ Чеховѣ какой-то переломъ въ концѣ жизни и склонъ къ оптимистическому взгляду на дѣйствительность, котораго будто бы не было въ немъ ранѣе.

Чеховъ всегда — если ужъ примѣнять къ нему это слово—былъ пессимистомъ совсѣмъ особенной складки, и его нерадостный взглядъ на жизнь внушалъ ему—какъ это, въ сущности, ни странно—самыя смѣлыя, утопически-пламенные мечты и надежды на будущее. Принявающимъ и убивающимъ пессимизмомъ отчаянія онъ не грѣшилъ никогда, готовый вѣрить почти въ чудо грядущаго обновленія человечества, въ оживотвореніе сухихъ мертвыхъ костей по таинственному слову.

Справедливо лишь то, что въ послѣдніе годы дѣятельности Чехова эта мечта его о новомъ, лучшемъ человечествѣ, о новой прекрасной жизни, брезжущая въ раннихъ рассказахъ, владѣла имъ властно и мощно до такой степени, что почти уже не было ни одного произведе-

денія, гдѣ бы онъ удержался отъ все болѣе и болѣе страстнаго, подчасъ почти тавтологическаго выраженія своей фанатической вѣры. Одна мысль о томъ, что каждый человѣкъ хотя бы на одну миллиардную долю двигаетъ прогрессъ человѣчества, приближаетъ великое царство свѣта, правды и красоты,—трогала Чехова и наполняла его радостью. „Я иду по лѣстницѣ, которая называется прогрессомъ, цивилизаціей, культурой, иду и иду, не зная опредѣленно, куда иду, но, право, ради одной этой чудесной лѣстницы стоить жить... Надо думать о томъ великомъ искѣ, который ожидаетъ все человѣчество въ отдаленномъ будущемъ“ („Моя жизнь“).

И иногда Чехову довольно опредѣленно, безъ лукавыхъ мудрствований, предносились даже тѣ способы, какіе могли бы приблизить къ бѣдному, растерявшемуся, сбившемуся съ толку и заѣденному средой человѣчеству это свѣтлое царство. „Не успокаивайтесь! Не давайте усыплять себя,—говоритъ одинъ изъ его героев.—Пока молоды, сильны, бодры,—не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Дѣлайте добро!“ („Крыжовникъ“).

Онъ не говорилъ на этотъ разъ ничего новаго, но лишь примыкалъ къ выраженію вѣковой человѣческой мудрости, и къ этой жизни, какъ именно *къ жизни*, полной и тревогъ и радостей, а не какъ къ одному наслажденію, онъ призывалъ, настаивая на необходимости смѣлаго, цѣлостнаго и широкаго ея воспріятія. „Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку!“ („Крыжовникъ“).

XL.

У Чехова не было ни гоголевскаго сарказма и задора обличенія, ни страстности и гнѣвности сатирическаго темперамента Салтыкова, ни капризно-злой критической придирчивости и разрушительно-скептической цѣпкости Льва Толстого. Но выполненная имъ работа критики русской жизни по напряженію, глубинѣ и широтѣ захвата совершенно аналогична дѣлу Салтыкова, бичевавшаго скорпіонами русскій грѣхъ, дѣлу Гоголя, осудившаго дореформерную Россію съ ея мракомъ и безправіемъ, дѣлу Толстого, вскрывшаго фальшь, лицемеріе и условность современнаго жизненнаго уклада. Чеховъ дѣлалъ свою работу тихо и безгнѣвно, но итоги его дѣятельности въ этомъ идейномъ смыслѣ огромны. И это фактически подчеркнуто такимъ обстоятельствомъ, какъ безсильная вражда противъ Чехова реакціоннаго литературнаго лагеря,—вражда, безобразно проявившаяся даже надъ незарытою писательской могилой, когда изъ край-

нихъ притоновъ мракобѣсія слышались иныящіе голоса противъ воздаянія Чехову посмертной почести.

Этимъ голосамъ хотѣлось умалить его значеніе, хотѣлось отгнать какую-то революціонную, разрушительную роль пѣвца нашихъ сумерекъ. О, они были далеко не близоруки, представители этого лагеря, они ясно—и вѣрно—видѣли въ Чеховѣ, этомъ совершенно чуждомъ тенденціи писателѣ, своего дѣйствительнаго и несомнѣннаго врага,—врага застоя и ретроградной мути, яраго протестанта противъ ихъ излюбленнаго тезиса, что все у насъ обстоитъ благополучно и можно быть всеѣмъ довольнымъ, какъ всеѣмъ доволенъ педагогъ изъ „Трехъ сестеръ“. Чеховъ не преподносилъ своихъ тезисовъ съ прямолинейностью формулировокъ публициста. Онъ чуть-чуть не договаривалъ. Но у кого была голова на плечахъ, тотъ не могъ не понять или перетолковать основной наклонъ его міровоззрѣнія. И это поняла и въ этомъ расписалась темная реакціонная сила.

И когда съ высокимъ безпристрастіемъ и честностью Чеховъ окончилъ свое дѣло критики русской жизни,—онъ умеръ, и его могла—точка, поставленная судьбою надъ цѣлою полосою русской общественности. Отрицательная работа — діагнозъ болѣзни—была доведена до конца. Чеховъ оставилъ свое знамя для другого, положительнаго работника въ русской литературѣ и жизни.

Новаторъ формъ, Чеховъ былъ весь въ завѣтахъ прекрасной русской старины. плоть отъ плоти и кровь отъ крови старыхъ русскихъ художниковъ, прямой ставленникъ ихъ по преемству литературнаго апостольства. Гдѣ-то далеко виднѣется великая фигура Гоголя, прародителя реализма, видная со всеѣхъ улицъ и перекрестковъ современной литературы. Прямо отъ него идетъ величественный путь могучаго Толстого и обаятельнаго Тургенева. Прямо дальше—прекрасная тропа Чехова. И Гоголю, и Толстому, и Тургеневу—Чеховъ свой, родной и близкій. Родной по запросамъ духа, по тяготѣнію къ правдѣ—и только къ правдѣ, по неподкупной художнической честности, не позволявшей ни на минуту измѣнить дѣйствительность въ угоду модѣ, партіи, господствующему настроенію момента, по исканію смысла жизни, по чисто-русской, славянской одухотворенности и идеалистическому порыву кверху, къ звѣздамъ, отъ ужаса пошлости, отъ духовнаго мѣшанства, отъ рабства землѣ. Что-то исключительно общее съ Гоголемъ, съ его безоблачнымъ смѣхомъ въ началѣ, съ его напряженною думою и дрожью въ голосѣ въ концѣ, общее съ Толстымъ по фанатическому упрямству исканія, безпощадности разоблаченія всего, къ чему ни приходилось подходить, по его грубоватой прямотѣ, простотѣ манеры, перелившейся въ еще новыя, болѣе совершенныя, гармоничныя и прекрасныя формы.

И по своему вліянію и по огромности своихъ силъ, несравнимый

ни съ кѣмъ изъ писателей своего поколѣнія, онъ по праву стоялъ первымъ за творцомъ „Войны и мира“.

Кто-то, должно-быть, никогда не читавшій Джерома К. Джерома, сравнилъ юморъ Чехова—и Чехова не первыхъ его томиковъ—съ юморомъ комика-американца. Какое глубокое заблужденіе и какая безмѣрная разница между беззаботнымъ благодушнымъ смѣхомъ Твенновъ и Джеромовъ и улыбкою Чехова, отъ которой становится грустно! Конечно, рѣчь не о первыхъ, чисто-комическихъ рассказахъ Чехова, которые въ сущности обречены на совсѣмъ маленькую роль при серьезной оцѣнкѣ величины „настоящаго“ Чехова. Юморъ Чехова — тотъ типичный славянскій юморъ, въ которомъ дрожить слеза, который вызываетъ улыбку въ моментъ чтенія и смѣняется глубокимъ и долгимъ раздумьемъ, какъ только закрывается книга. Такъ не умѣли смѣяться за границей, а въ русской литературѣ до Чехова смѣялись только двое — Гоголь и Глѣбъ Успенскій, да еще, пожалуй, — безъ ихъ задумчивости, иѣжности, мягкости, но со злобой и тоскою, — Салтыковъ.

Такъ и въ остальномъ сквозили въ Чеховѣ черты чисто-русскаго литератора. Гоголь во второй половинѣ своей жизни жадно искалъ идеальнаго человѣка, Достоевскій—искру Божью въ безднахъ, Толстой пыталъ истину, Лѣсковъ тосковалъ о „праведникѣ“. Чеховъ искалъ *изячнаго, прекраснаго*, трогательнаго, поэзіи въ жизни, осмысленія жизни. Въ этомъ смыслѣ онъ не былъ вполнѣ „учителемъ жизни“, какими являлись у насъ очень многіе изъ большихъ писателей. Но этимъ искавіемъ смысла, этою критикою и судомъ мѣщанства и торжествующей пошлости, своимъ вѣчнымъ выводомъ изъ всего, что нельзя жить, не облагородивъ и не осмысливъ для себя бытія, не установивъ передъ собою, хотя бы вдали, хотя бы за сотни лѣтъ впереди, прямую и высокую цѣль, — онъ прояснял намъ жизнь, и въ этой горячности его захвата и его постоянствѣ было то, что отличало великихъ стариковъ.

Въ исканіи трогательнаго и прекраснаго лежатъ черты, роднящія Чехова съ Тургеневымъ. Отъ Тургенева у него эта иѣжность, мягкость, акварельная красота рисунка, поэтичность и романтичность настроенія, какая-то плѣнительная женственность отношенія къ людямъ. По грустно-умиленному чувству, какое проникаетъ все чеховскія изображенія женщинъ и въ особенности дѣвушекъ, по той поэтической жалости, какая вызывается въ немъ какъ бы какимъ-то неустрашимымъ предчувствіемъ, что этихъ существъ, милыхъ, хрупкихъ, прекрасныхъ, въ жизни ждетъ неизбежное соприкосновеніе съ пошлостью, съ подлостью, съ хамствомъ и деспотизмомъ, ждетъ насытость души и почти непремѣнное паденіе, — Чеховъ совершенно одинокъ въ литературѣ момента, и по своей красотѣ эти образы

имѣютъ въ прошломъ только такихъ соперниковъ, какъ тургеневскія и гончаровскія героини. Это же основное стремленіе художника Чехова къ красотѣ, чистотѣ и изяществу сдѣлало его дѣтскіе образы, благоухающіе непередаваемой наивной красотой дѣтской души, — лучшими въ нашей литературѣ, напоминающими страницы толстовскаго „Дѣтства“ и гончаровскаго „Сна Обломова“,

Они проходятъ цѣлою галлереею, всѣ эти трогательные образы Чехова — очаровательныя Вѣрочки, шепчущія холодному человѣку свои первыя признанія, милыя, тоскующія три сестры, кроткая Соня, Чайка, умирающій въ грустномъ одиночествѣ архіерей, трогательный монахъ изъ „Святой ночи“, слезно тоскующій объ ушедшемъ изъ жизни собратѣ, безнадежно наталкивающейся на грязь жизни идеалистъ Володя, несчастный священникъ изъ „Кошмара“, чистый студентъ изъ „Припадка“, судорожно мучащійся за судьбу падшей жевщины, Иванъ Непомнящій, мечтающій подь коввоемъ о лучшей долѣ, старикъ-извозчикъ, изливающій свое горе объ утратѣ сына, идеалисты изъ „Моей жизни“, бѣдная Лина изъ „Оврага“, и такъ далѣе безъ конца. Иногда они почти бѣгло набросаны, очерчены нѣсколькими страницами, но — такова сила чеховскаго таланта — они вѣзались прочно и навсегда въ память, подобно лучшимъ образамъ русскихъ корифеевъ.

XLI.

Какая поразительная сила чувства умерла съ этимъ человѣкомъ! Какъ отсюда все загоралось въ его книгахъ жизнью, грустью, освѣщалось дрожащимъ свѣтомъ любящей и жалѣющей души! Точно гуманнѣйшій, самый растроганный врачъ, какъ сказали о Чеховѣ одинъ изъ нашихъ критиковъ, подошелъ къ больному — и цукаетъ пульсъ, и слушаетъ сердце, и говоритъ осторожныя мягкія слова, и поспѣшно отвертывается, чтобы скрыть дрожащія въ своихъ глазахъ слезы безсилія и безпомощности...

Сумеречи й рисовалъ онъ жизнь и всегда поэтически-грустной и малорадостной. Въ его собственной душѣ, угнетенной постоянною работою недуга, были вѣчныя сумерки. Было что-то поэтически-трогательное, какъ въ его созданіяхъ, въ самомъ образѣ этого красивѣйшаго изъ современниковъ, вознесеннаго на высоту волнами славы и обреченнаго на медленное умираніе гдѣ-то тамъ, далеко отъ насъ, — въ самой этой отдаленности его отъ насъ, отъ нашихъ злобъ, отъ шума нашего базара. Неудивительно, что онъ улавливаетъ въ жизни не свѣтъ, а тѣни, что его положительные люди были люди грустные, скорбящіе, обиженные и обойденные, а отрицательные типы были пошляки, хищники и бездарности. Въ этомъ смыслѣ

до извѣстной степени справедливо его можно было назвать „жестокимъ талантомъ“. Большою частью передъ тяжелыми картинами останавливалъ онъ читателя. Пугающая карта Астрова, страшный Іезекіилевъ свитокъ! „Рыданіе, и жалость, и горе!“

И говорили, что онъ не любитъ человѣчества, что онъ безнадежный пессимистъ, не видящій свѣта даже въ малѣйшей щелочкѣ жизни.

Съ обвиненіемъ въ охулкѣ русскаго человѣка слѣдовало бы подождать уже просто потому, что у Чехова удастся найти — и мы отчасти это видѣли — цѣлый рядъ изумительной привлекательности образовъ. При наличности и „Мужиковъ“ и „Въ оврагѣ“, у него можно видѣть красивые снимки съ мужика почти каратаевского типа. Но главное не въ этомъ. Главное въ томъ, что не надо забывать о законѣ двойкаго служенія писателя своимъ идеаламъ.

Картинами мрака можно властно манить къ свѣту, ненавистью звать къ любви. „Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды“ — и тѣмъ властнѣе онъ зовуть къ себѣ. Ужасомъ прозы Чеховъ отрывалъ отъ пошлости и земли и звалъ смотрѣть въ небо и въ лучшую даль. Есть убивающій пессимизмъ отчаянія, и есть пессимизмъ — если только сюда идетъ это слово — не принижающій, но окрыляющій, зовущій не къ пассивному и рабьему подчиненію тому, что есть, но къ противленію, къ вмѣшательству въ зло. Такимъ пессимизмомъ водить не ненависть къ человѣчеству, какъ къ гаду и ничтожеству, но жалость къ его слабости и вѣра въ лучшее будущее. „Не оживеть, аще не умреть“. И Чеховъ ждалъ смертельнаго отвращенія къ пошлости, чтобы на расчищенномъ мѣстѣ выросъ въ человѣкѣ благородный и высокій порывъ.

Годы, бурно прокатившіеся со дня смерти Чехова, рельефно отбѣняютъ символическій смыслъ чеховской могилы. Умеръ писатель, ибо долженъ умереть печальный герой его времени. Идутъ другіе люди, другая жизнь. Стало неузнаваемо печатное слово. Пробуждаются дремлющія силы. Литература, если она чутка и впечатлительна, должна ухватывать черты этого новаго героя нашего времени, бодрого, вѣршаго, пришедшаго на смѣну хмурому и сонному чеховскому герою, съ погасшими интересами, съ водкой, преферансомъ и тоской бездѣлья. Чеховъ, можетъ-быть, предчувствовалъ близость обновленія русской жизни. Все ярче и ярче разгоралась его мечта о какомъ-то прекрасномъ, свѣтломъ и изящномъ будущемъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ... Но онъ только издали видѣлъ землю обѣтованія.

Чтобы полно почувствовать Чехова, нужно заѣхать въ глубокую провинціальную глушь, куда шумъ Петербурга долетаетъ отраженнымъ и невѣрнымъ звукомъ лишь на четвертый день, гдѣ — солнце, нылъ, песокъ и соскучившіеся, запущенные люди. Съ вами нѣтъ ни

одной книжки Чехова или о Чеховѣ. Если бы вы хотѣли, вы, вѣроятно, уже не безъ труда достали вы здѣсь его „полное собраніе“.

Но огромное значеніе Чехова, но его почти мистическій захватъ русской жизни, ея красоты и тоски—вы почувствуете здѣсь такъ, какъ никогда не подсказывала вамъ ни одна книга. Чисто-русская жизнь подготовила всѣ элементы той „красивой печали“, той мягкой, глубокой тоски, какой посвящена огромная часть оставленныхъ Чеховымъ книгъ. И нужно, кажется, быть только русскимъ человѣкомъ, чтобы во всей полнотѣ понять и почувствовать Чехова. Нужно знать русскую провинцію, пострадать въ угрюмомъ одиночествѣ нѣсколько зимъ въ занесенной снѣгомъ старой усадьбѣ, пережить тоску многоверстныхъ переѣздовъ по глухимъ русскимъ дорогамъ въ зябкихъ саняхъ или въ пыльной телѣгѣ, вкусить уныніе вынужденныхъ ночевокъ на постоялыхъ дворахъ или въ дымныхъ избахъ, изстрадать въ безмыслии, гнетущемъ, постыломъ выжиданіи на убогомъ захолустномъ вокзалѣ въ теченіи шести, а то и всѣхъ восьми часовъ, встрѣчнаго поѣзда для пересадки, въ тусклой атмосферѣ безсонной ночи, третьекласнаго буфета и дубленыхъ полушубковъ, воспринять мѣсяцами скуку изнывающей въ розни и недоброжелательствѣ провинціальной интеллигенціи, заброшенной изъ университетовъ въ унылые Конотопы, Бахмачи или Новозыбковы, наслушаться заунывной русской пѣсни, звучащей, какъ стонъ и жалоба, русской трещетки походя дремлющаго ночного сторожа, прочувствовать наконецъ русскій пейзажъ, — чтобы понять, какъ удивительно, какъ полно уловилъ и отразилъ Чеховъ эту русскую тоску.

Посейчасъ все живетъ здѣсь „по Чехову“. Все — плагиатъ изъ Чехова. По чеховскому подсказу милыя дѣвушки рвутся въ столицы, на курсы, и въ тупомъ отчаяніи выходятъ замужъ за скучныхъ и замученныхъ телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ чиновниковъ. Каждый день и въ каждомъ городѣ разыгрываются не на подмосткахъ театра, а въ жуткой дѣйствительности финальныя сцены изъ „Дяди Вани“. Мужья изъ ревности дѣлаютъ скандалы своимъ женамъ въ публичномъ мѣстѣ, и ревнивыя жены бьютъ своихъ мужей по щекамъ въ садахъ.

Въ часъ прихода единственнаго въ городѣ поѣзда идутъ на вокзалъ и смотрятъ на проносящуюся желѣзную гусеницу, и идутъ попрежнему одинокіе въ буфетъ, пьютъ скверное пиво, рисуютъ кукиши на вокзальныхъ столахъ и пишутъ плоскіе сарказмы въ жалобныхъ книгахъ.

И когда спускаются теплыя и сухія южныя сумерки,—на балконы домовъ и къ открытымъ окнамъ выходятъ молодыя скучающія женщины и слушаютъ трещетки сторожей, собачій лай, брячанье балалайки, свистки пожарнаго на каланчѣ, унылый бой церковныхъ

часовъ, и думаютъ о счастьѣ, которое имъ только снилось и котораго онѣ никогда не видѣли въ лицѣ...

Надо это видѣть, понять и прочувствовать, чтобы понять и оцѣнить всю силу Чехова, пѣвца великаго русскаго разочарованія, великой русской тоски. Для заграницы Чеховъ всегда останется переводомъ. Ни этихъ осеннихъ чувствъ въ расцвѣтѣ молодости, ни этой тоски, навѣянной лѣтомъ, степью, песками, не вѣдаетъ душа иностранца. То, что онъ воспѣлъ эту сторону русской души, болѣе значительно, болѣе *вѣчно*, чѣмъ то, что онъ исторически запечатлѣлъ девяностые годы, далъ типы безвольниковъ, предсказалъ революцію, осудилъ постылый старый режимъ.

Гончаровы, Писемскіе, Островскіе взглянули на жизнь и *разсказали* о ней, что видѣли. Гоголь посмотрѣлъ на жизнь и засмѣялся, и не всѣ разслышали дрожь въ его смѣхѣ. Салтыковъ исполнился гнѣва и поднялъ руку съ прокливающимъ жестомъ. Тургеневъ мечтательно пожалѣлъ догорающую красоту разоряемыхъ дворянскихъ гнѣздъ. Чеховъ взглянулъ на русскую жизнь, пожалѣлъ ее и заплакалъ о томъ, что въ ней болѣе всего достойно жалости, — объ оскверненной и разбитой женской мечтѣ, о пропиваемой русской талантливости, о недостижимости идеала, о ранней потерѣ радости жизни.

Чеховъ былъ созданъ, чтобы стать пѣвцомъ красивой русской тоски, безотчетной нашей печали, являющейся какъ бы шестымъ чувствомъ русской души и составляющей ея великую прелесть. Въ такой цѣльности, полнотѣ, красотѣ и силѣ никто изъ русскихъ писателей не отдалъ себя этому настроенію, — ни Гоголь, ни Тургеневъ, ни Кольцовъ, и въ этомъ — право Чехова на крупное народное значеніе, позволяющее его имени стать по достоинству слѣдомъ за великими именами нашей литературы.

Поэтическимъ воспріятіемъ этой чудесной печали Чеховъ помогъ намъ и поможетъ будущимъ поколѣніямъ перенести ее въ нашей невеселой жизни, гдѣ она часто совсѣмъ не такъ поэтична и красива, и скромный огонекъ неугасимой лампадки, что льетъ днемъ и ночью мягкій свѣтъ вокругъ его могилы, подъ цвѣтущей липой, на тихомъ кладбищѣ монастыря, гдѣ томилась царевна Софья, есть образъ того тихаго, трогательнаго, мерцающаго сіянія, какое лила и льетъ въ тоскливыя сумерки нашей прозаической жизни эта прекрасная звѣзда русскаго литературнаго неба, закатившаяся такъ безжалостно-рано...

XIII.

Какъ поняла и что дала Чехову при жизни литературная критика? Нѣсколько остротъ не искупаютъ непроходимо-пустого слово-толченія. Мы говоримъ о „Ничего не начинай“. То же о „Легендѣ“.

— Очень длинно и безцвѣтно; нѣчто въ родѣ бѣлой бумажной ленты, китайцемъ изо рта вынутой.

— Избитость эпистолярной формы не искупается новизною или юморомъ содержанія.

— Не расцвѣвъ (не расцвѣтши?) увядаете. Очень жаль. Нельзя вѣдь писать безъ критическаго отношенія къ своему дѣлу.

Таковы были первыя благословенія критики и редакцій, какія встрѣтили 19-лѣтній Чеховъ. Олимпидемъ, съ высоты величія изрекавшимъ такіе приговоры писателю, — которому впоследствии суждено было стать любимѣйшимъ въ Россіи и переведеннымъ на всѣ европейскіе языки, — былъ редакторъ или секретарь „Стрекозы“, считавшій себя, разумѣется, арбитромъ художественнаго разсказа и юмористики.

Хорошо, что Чеховъ не повѣрилъ ему и не сложилъ своего пера. Хорошо, что онъ помнилъ басню объ ослѣ и соловьѣ. Потому всю свою жизнь ему приходилось стоять приблизительно въ той же позиціи въ отношеніи критики, въ какой онъ стоялъ 19-ти лѣтъ. Совершенно съ такимъ же вкусомъ и тактомъ наши строгіе цѣнители и судьи совѣтовали чудесному русскому лирику, „чтобы болѣе навостриться“, — немного у нихъ поучиться.

Немудрено, что всю свою жизнь — къ печали Россіи, не перешагнувшую за предѣлы 44-го года — Чеховъ говорилъ о критикѣ съ раздраженіемъ и волненіемъ и не могъ забыть, какъ его „обласкали“ вначалѣ.

„Критики похожи, — написалъ онъ однажды въ письмѣ къ брату: — на слѣпней, которые мѣшаютъ лошади пахать землю. Лошадь работаетъ, все мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... а тутъ на крупѣ садится слѣпень и щекочетъ и жужжитъ! Нужно встряхивать кожей и махать хвостомъ... О чемъ это онъ жужжитъ? Едва ли ему понятно это... Просто, характеръ у него безпокойный, и заявитъ о себѣ хочетъ, — „молъ, тоже на землѣ живу... Вотъ видите, могу даже жужжать... обо всемъ могу жужжать...“ И двадцать пять лѣтъ читаю критики на мои разсказы и ни одного циннаго указанія не помню, ни одного добраго совѣта не слышалъ. Только однажды Скабичевскій произвелъ на меня впечатлѣніе: онъ написалъ, что я умру въ пьяномъ видѣ подъ заборомъ“.

Нисколько не удивительно, что Чеховъ принципиально высказывался о критикѣ такъ, а не иначе. Нисколько не удивительно, что никто изъ людей критики не могъ бы похвалиться дружбой съ нимъ. какъ это, напримѣръ, могъ сдѣлать Брандесъ въ отношеніи многихъ первокласныхъ свѣтилъ литературы.

Нигдѣ въ письмахъ Чехова, въ когорыхъ очень много сердитыхъ и мѣткихъ выпадовъ по адресу критиковъ, не прозвучала не только

нѣжность, даже просто ласковость, уваженіе въ отношеніи ихъ, хотя бы Михайловскаго. Личныя сношенія съ тѣмъ же Михайловскимъ у Чехова не укрѣпились, не перешли въ близость.

Друзьямъ Чехова извѣстенъ случай, когда оберъ-критикъ обратился къ Чехову съ письменнымъ совѣтомъ о двухъ вещахъ. Ни тому ни другому совѣту Чеховъ не послѣдовалъ, — не сталъ писать романовъ и не отказался отъ „Новаго Времени“, въ которомъ тогда печаталъ свои рассказы.

Разсуждая по-человѣчески, можно вполне понять, что Чеховъ не могъ забыть того, что о немъ писали Михайловскій и Скабичевскій, какъ бы благожелательно они потомъ ни повернулись къ нему, когда вся читающая Россія вынесла его на высокую волну славы. Нѣкоторые старики запоминаютъ свое первое крупное огорченіе въ дѣтствѣ до сѣдыхъ волосъ. Такъ писателю не забыть первой ласки и перваго щелчка.

О Чеховѣ еще нѣтъ хорошихъ книгъ. Но относительно его сдѣлано то, что не стоитъ никакого труда, т-е. собрано изъ разныхъ журналовъ и газетъ и перепечатано въ отдѣльные большіе томы многое изъ того, что о немъ писалось.

Если вы хотите хорошо посмѣяться, пересмотрите эти совѣты нашихъ аристарховъ Чехову, полюбуйтесь, какъ его оцѣнивали, куда его тащили, чего отъ него хотѣли, какимъ языкомъ съ нимъ говорили, — и послѣ этого подивитесь феноменальной мягкости этого чловѣка, который, выслушивая и слагая въ душѣ все это, умѣлъ все-таки такъ сдержанно и добродушно говорить о критикѣ, а дѣятелей ея великодушно сравнить съ такимъ... маленькимъ животнымъ, какъ слѣпень.

Смахнемъ на минуту пылъ со старинныхъ газетныхъ фоліантовъ и съ журнальныхъ томовъ и полюбоемся.

ХІІІ.

Не вѣрится, что Михайловскій, а между тѣмъ не кто, иной, какъ онъ, написалъ:

„Не знаю зрѣлища печальнѣе, чѣмъ этотъ даромъ пропадающій талантъ... Связь (между писателемъ и читателемъ) существуетъ даже для г. Лейкина, а для г. Чехова ея нѣтъ.

...Онъ пописываетъ, а читатель его почитываетъ. Г. Чеховъ и самъ не живетъ въ своихъ произведеніяхъ, а такъ себѣ гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватить то одно, то другое... Рассказъ „Почта“. Зачѣмъ онъ мнѣ?.. Отъ „Почты“ никому, рѣшительно никому, ни тепла ни радости... Г. Чеховъ съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ... Въ

„Степ“ самая талантливость является уже источником неприятного утомления: идешь по этой степи, и, кажется, конца ей нѣтъ.. Въ „Ивановѣ“, комедіи, не имѣвшей, *къ счастью* (?), успѣха и на сценѣ, г. Чеховъ явился пропагандистомъ двухъ дѣтскихъ театровъ и т. д... Что попадетъ на глаза, то онъ и изобразить одинаково холодною кровью...”

Эти строки съ обычнымъ критическимъ высокоуміемъ и съ неприятною критическою раздраженностью Михайловскій писалъ уже по выходѣ „Хмурыхъ людей“, т. е. послѣ 1890 г., когда Чеховъ былъ уже авторомъ не только „Нестрыхъ разсказовъ“ и „Невинныхъ рѣчей“, но и „Разсказовъ“ и „Въ сумеркахъ“. Это былъ ужъ не Чеховъ „Будильника“. Правда, онъ хвалилъ „Степ“, но что это былъ за тонъ! Почему „къ счастью“ „Ивановъ“ не имѣлъ успѣха?

Послѣ „Палаты № 6“ въ 1892 году Михайловскій говорилъ уже о „большомъ талантѣ“ Чехова, но повторялъ свою пѣсню объ его „безразличіи и безучастіи“.

Еще во второмъ изданіи „Исторіи новѣйшей русскои литературы“ (1893 г.) для *Скабичевскаго* Чеховъ былъ авторомъ разсказовъ, отличающихся „калейдоскопичностью и отсутствіемъ идейнаго содержанія“.

„Это не цѣльныя произведенія, а рядъ безсвязныхъ очерковъ, навязанныхъ на живую нитку (!) фабулы разсказа“. Въ нихъ „отсутствіе объединяющаго идейнаго начала“. „Авторъ весь отдается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, свѣша поскорѣе выразить ихъ въ нѣсколькихъ стахъ газетныхъ строчекъ. Вслѣдствіе этого рядомъ съ потрясающей драмой вы встрѣчаете у него рядъ анекдотовъ водевильнаго характера, написанныхъ для того лишь (!), чтобы посмѣшить читателей газеты“.

Еще слава Богу, что критикъ признавалъ хотя бы то, что „при всей ихъ фельетонной скороспѣлости они обнаруживаютъ сильный талантъ“.

Преимущество *Буренина* передъ другими только въ томъ, что, привѣтливо встрѣтивъ Чехова, онъ дѣлалъ его предметомъ своего критическаго смѣха, когда уже все было ясно, что за талантъ пришелъ въ литературу съ Чеховымъ.

По поводу, кажется, „Трехъ сестеръ“ Буренинъ писалъ о „ловкой рекламѣ“, создающей успѣхъ посредственнымъ произведеніямъ.

Сущность успѣха пьесы Чехова ему представлялась такъ:

Послѣ удачно брошенной рекламы слѣдовали еще болѣе удачныя сообщенія о передѣлкахъ, переименованіяхъ пьесы и т. д.

„Потомъ телеграммы: „написалъ 1-е дѣйствіе“, „набросалъ половину второго“, „три четверти 3-го дѣйствія окончены“, „еще не дано заглавія пьесѣ“, „заглавіе пьесы „Три синицы“, „нѣтъ,

заглавіе пьесы не „Три синицы“, а „Три тетки“, „нѣтъ, не „Три тетки“, а „Пять сестеръ“, „просто „Сестры“, „Дѣ сестры“, наконецъ—„Три сестры“... Но вотъ что, однако,—„Три сестры“ вѣдь только въ театрѣ „Станиславскаго (?) и имѣли шумный и, коли хочешь, *глупый* успѣхъ... *Успѣхъ этотъ—знаменіе рекламы и только*“. „Чеховъ въ нѣкоторой части (sic) теперешней журнальной критики втаскивается довольно усиленно на пьедесталы такой непо- мѣрной высоты, на которыхъ его, *во всякомъ случаѣ, средней величины* литературный образъ можетъ представиться, пожалуй, и совсѣмъ маленькимъ... Онъ является драматургомъ не только сла- бымъ, но почти *курьезнымъ*, въ достаточной мѣрѣ *пустымъ, вялымъ, однообразнымъ*... Его драмы—упражнения въ *книжно-вы- думанныхъ, иногда прямо глупыхъ и почти всегда безодер- жательныхъ разговорахъ*...“

Узкій, партійный и всегда противно раздражительный *А. И. Богдановичъ* именовалъ Чехова талантомъ мертвой полосы.

„Онъ напоминаетъ близорукаго художника, который не мо- жетъ охватить всей картины, и потому *центра въ ней нѣтъ, перспектива не вѣрна*, и въ общемъ его большія произведенія *страдаютъ однообразіемъ*... Картинки не слагаются въ одно стройное цѣлое, которое художникъ *осмыслилъ бы идеей (!)*, обобщилъ, представилъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія...“

То-то у Богдановича поучиться бы Чехову „дальнозоркости“ и „идейности“!

Зато „Человѣка въ футлярѣ“, по поводу котораго можно было поговорить о русскомъ подпольѣ, *А. В.* считалъ чуть не лучшимъ рассказомъ *А. П.*

Нѣкогда имѣвшій извѣстный вѣсъ, *К. Медвѣдскій* по поводу того же рассказа писалъ:

„Рассказъ *безодержателенъ, плохъ*... Въ немъ съ чрезвы- чайною ясностью раскрываются недостатки писателя, умѣющаго вос- производить *лишь внѣшнія стороны* житейскихъ явленій... Развѣ можно анекдоты называть серьезными произведеніями иску- ства?... *Заниматься долѣе г. Чеховымъ, право, неинтересно*. Напишите онъ чуточку получше, напишетъ чуточку послабѣе,—не все ли равно? Главное—писатель опредѣлился. Мы знаемъ, что отъ него ждать. Мы *не увлекаемся* несбыточными надеждами...“

К. Арсеньевъ находилъ, что „значительно большая часть (раз- сказовъ первой фазы) могла бы остаться похороненной въ летучихъ газетныхъ листкахъ, безъ всякой потери для русской литературы и самаго автора. Авторъ, очевидно, усиливался быть патетичнымъ, но результатомъ его усилій явилось только нѣчто въ родѣ пародіи...“

Мы видѣли уже, какъ профессоръ *Сулицовъ* возмущался „Скудной

петоріей“, находилъ ея героя, профессора, „деревянной, или, точнѣе, тряпичной куклой съ наклееннымъ на лбу ярлыкомъ ума“...

Оболенскій отрицалъ „Иванова“.

„Вы видите, какъ слабо, недодѣлано, непродумано произведе-
деніе Ч... Сотни ошибокъ, сотни отступленій отъ естественности,
простоты и правды... Пьеса имѣла успѣхъ, но... немало, кажется,
помогли Ч. въ Петербургѣ нѣкоторыя вліятельныя газеты, въ кото-
рыхъ онъ работалъ и имѣлъ преданныхъ друзей и хвалителей (!)...
Мы боимся, что въ (узкой точкѣ зрѣнія) лежитъ *безплодность всякъ*
крупныхъ попытокъ Ч., что эта безплодность станетъ хронической,
а изъ ея таланта родится пустоцветъ (!)“.

Перцовъ писалъ:

„Если писатель самъ не знаетъ, „лѣвая, правая гдѣ сто-
рона“, что бѣло и что черно, то это отсутствіе пониманія смысла
явленій отразится и на произведеніяхъ“.

Критикъ „Вѣстника Европы“ находилъ, что „юморъ и остро-
уміе не подъ силу таланта г. Чехова“. Онъ могъ бы „привести сотню
примѣровъ, насколько его стремленіе быть остроумнымъ оказывалось
безсильной и жалкой претензіей“. „Техника владѣетъ еще
писателемъ больше, чѣмъ писатель ею“.

Это было писано какъ разъ передъ 25-лѣтнимъ юбилеемъ Чехова!

За два года до его смерти нѣкій *Качерецъ* издалъ цѣлую книжку,
развѣнчивающую писателя.

„Добрая половина „Пестрыхъ разсказовъ“ такова, что прямо
руками разводишь,—какая это, извините за выраженіе, *чушь и*
при томъ тлзелая, лишенная всякаго проблеска таланта
чушь... За 20 лѣтъ дѣятельности не дать ни одного сколько-нибудь
крупнаго по замыслу произведенія!.. Талантъ его узокъ, ограни-
ченъ... Пусть онъ присмотрится поближе къ людямъ и къ жизни,
пусть онъ подумаетъ“...

Это сотая доля того, что выслушивалъ Чеховъ! Было отъ чего прійти
въ уныніе! А какъ онъ долженъ былъ бы растеряться, если бы на
одинъ день попробовалъ послѣдовать указкамъ гг. аристарховъ!

Оболенскій преднисывалъ ему выводить въ пьесахъ „положи-
тельныхъ земцевъ“, „основателей воскресной школы“, или просто
„идеальныхъ дѣятелей“ для противовѣса.

Шулятиковъ хотѣлъ бы, чтобы онъ рисовалъ борьбу пролетарія
за свободу. „Онъ прошелъ мимо общественнаго и экономическаго
строя современной Россіи“.

Струве, какъ и десятки другихъ, карали его за „безотрадный
пессимизмъ“.

Ивановъ каралъ его за всегдашнее его „весьма завидное состоя-
ніе духа“.

„Для такихъ писателей нашъ міръ — міръ красоты и молодости, наслажденій и пріятнаго отдыха!..“

Воиоэ называлъ его „безотраднымъ учителемъ, убаяюющимъ общественныя массы“.

Владимиръ Ж. находилъ, что онъ „сыгралъ крупную историческую роль въ общественномъ и гражданскомъ развитіи Россіи“.

Для однихъ онъ писалъ „съ холодною кровью“,— для другихъ заливалъ все „ласковымъ свѣтомъ“ (*Булмаковъ*) и казался страстно любящимъ людей (*Гиппиусъ*).

Онъ былъ „сатирикомъ эпохи мѣщанства“ для *Овсяннико-Измиковскаго* и *Иванова-Разумника* и— „совсѣмъ не сатирикомъ“ для *В. Альбова*.

Словомъ, двадцать пять лѣтъ (потому что Чеховъ могъ уже отпраздновать 25 лѣтъ своего литературнаго творчества) русская критика шла по ложному слѣду, говорила чепуху о писателѣ, давала вкуча негодные совѣты. глупо и безтолково суетилась, какъ семь нянекъ, у которыхъ всегда дитя остается безъ глазу.

И даже смерть Чехова не положила конца этому пустоглаголанію. Изъ стихотвореній воннственныхъ „поэтовъ“ неожиданно выяснилось, что Чеховъ погібъ за свободу своей родины (!), а недавно умершій Бергъ прозю возложилъ на могилу почившаго писателя такой вѣнокъ:

„Кавимъ характернымъ признакомъ давленія гипноза уличныхъ газетъ является бѣснованіе у гроба Чехова! Теперь посредствомъ еврейской и либеральной „прессы“ можно раздуть чтѣ угодно... Авторъ *самыхъ среднихъ способностей* возвеличенъ, какъ гений, прославленъ на всю Россію... Размѣры способностей покойнаго были довольны скромны...“

Единственно этой послѣдней хулы, сопровождавшей его траурную колесницу, многострадальный Чеховъ уже не слышалъ. Смерть оградила его отъ мавьячества Берговъ и бѣшеной слюны Фидэлей...

Въ заключеніе небезынтересно отмѣтить мяѣніе о Чеховѣ Льва Толстого. Чеховъ благоговѣлъ передъ великимъ мыслителемъ и въ первый разъ ѣхалъ къ нему съ непреодолимымъ волненіемъ. Какъ относился къ нему Толстой? Справедливость требуетъ сказать, что Л. Н. не сразу оцѣнилъ Чехова.

— Я прочелъ одинъ изъ его рассказовъ въ какомъ-то календарикѣ,—сказалъ Л. Н. когда-то.—Онъ живо написанъ. Но такихъ рассказовъ можно написать тысячу, и тогда даже трудно судить о степени таланта автора. А вѣдь онъ написалъ только десятки, вѣроятно.

Позднѣе было совсѣмъ не то. Въ „Кругѣ чтеній“ можно найти восторженное восхваленіе чеховскаго тина „Душеньки“. Послѣ смерти А. П.—ча Толстой говорилъ:

— Чеховъ былъ несравненный художникъ. Да, да... Именно несравненный... Художникъ жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человѣку вообще... А это главное... Я какъ-то читалъ книгу одного нѣмца, и тамъ вотъ молодой человѣкъ, желая сдѣлать своей невѣстѣ хорошій подарокъ, дарить ей книги, и чьи?—Чехова, считая его выше всѣхъ извѣстныхъ писателей... Это очень вѣрно; я былъ пораженъ тогда... Онъ бралъ изъ жизни то, что видѣлъ, независимо отъ содержания того, что видѣлъ... За то, если ужъ онъ бралъ что-нибудь, то передавалъ удивительно образно и понятно,—до мелочей ясно... То, что занимало его въ моментъ творчества, онъ воссоздавалъ до послѣднихъ черточекъ... Онъ былъ искреннимъ, и это великое достоинство; онъ писалъ о томъ, что видѣлъ и какъ видѣлъ.

Когда, незадолго до смерти Чехова, въ домѣ Толстого зашелъ разговоръ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ новыхъ писателей, Толстой выразился такъ:

— Все это не то. Чеховъ незамѣнимъ. Его съ удовольствіемъ не только читаешь, но и перечитываешь, а это и для Диккенса, напримеръ, не всегда возможно.—И, узнавши, что у одного изъ сыновей есть сборникъ съ „Вишневымъ садомъ“, онъ проговорилъ:—Ахъ, съ какимъ удовольствіемъ я его прочитаю!

Въ глазахъ просвѣщеннаго русскаго общества Чеховъ уже въ послѣдніе годы своей жизни былъ „первымъ послѣ Толстого“, роднымъ его сыномъ и вѣрнымъ ученикомъ, — и такимъ отошелъ въ исторію.

1911 г.

А. П. ЧЕХОВЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ДРУЗЕЙ.

Изъ воспоминаній В. Г. Короленко.

...Семья Чеховыхъ жила на Садовой, въ Кудринѣ, въ небольшомъ, красномъ уютномъ домикѣ, какіе, кажется, можно встрѣтить только еще въ Москвѣ. Это былъ каменный особнячокъ, примыкавшій къ большому дому, но самъ составлявшій одну квартиру въ два этажа. Внизу меня встрѣтила сестра Чехова и младшій братъ, Михаилъ Павловичъ, тогда еще студентъ. А черезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ сверху спустился и Антонъ Павловичъ.

Передо мною былъ молодой и еще болѣе моложавый на видъ человѣкъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговатымъ, правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ юношескихъ очертаній. Въ этомъ лицѣ было что-то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу и что впослѣдствіи, по-моему, очень мѣтко опредѣлила моя жена, тоже при мнѣ познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію, въ лицѣ Чехова, несмотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно пріятельно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти дѣтской непосредственностью. Простота всѣхъ движеній, пріемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка глубоко-жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которымъ были переполнены его рассказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развер-

нугься, и развернуться въ хорошую сторону. Общее впечатлѣніе было цѣльное и обаятельное, несмотря на то, что я сочувствовалъ далеко не всему, что было написано Чеховымъ. Но даже и его тогдашняя „свобода отъ партій“, казалось мнѣ, имѣетъ свою хорошую сторону. Русская жизнь закончила съ грѣхомъ пополамъ одинъ изъ своихъ короткихъ цикловъ, по обыкновенію, не разрѣшившіяся во что-нибудь реальное, и въ воздухѣ чувствовалась необходимость нѣкотораго „пересмотра“, чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій. И поэтому самая свобода Чехова отъ партій данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности,—казалась мнѣ тогда, признаюсь, нѣкоторымъ преимуществомъ. Все равно, думалъ я, — это ненадолго... Среди его рассказовъ былъ одинъ (кажется, озаглавленный „Встрѣча“): гдѣ-то на почтовой станціи встрѣчаются неудовлетворенная молодая женщина и скитающійся по свѣту, тоже неудовлетворенный, спльно избитый жизнью, русскій „искатель“ лучшаго. Типъ былъ только намѣченъ, но онъ изумительно напомнилъ мнѣ одного изъ значительныхъ людей, съ которымъ сталкивала меня судьба. И я былъ пораженъ, какъ этотъ беззаботный молодой писатель сумѣлъ мимоходомъ, безъ опыта, какой-то отгадкой непосредственнаго таланта, такъ вѣрно и такъ мѣтко затронуть самыя интимныя струны этого, все еще не умершаго у насъ долговѣчнаго рудинскаго типа... И мнѣ Чеховъ казался молодымъ дубкомъ, пускающимъ ростки въ разныя стороны, еще коряво и порой какъ-то безформенно, но въ которомъ уже угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста.

Когда въ Петербургѣ я рассказывалъ въ кружкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ о своемъ посѣщеніи Чехова и о впечатлѣніи, которое онъ на меня произвелъ,—это вызвало много разговоровъ. Талантъ Чехова признавали все единогласно, но къ тому, на что онъ направить еще не опредѣлявшуюся большую силу, относились съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Отношеніе къ Чехову Михайловскаго читателямъ извѣстно: онъ часто и съ большимъ интересомъ возвращался къ его работамъ, признавалъ огромные размѣры его таланта, но тѣмъ суровѣе отмѣчалъ нѣкоторыя черты, въ которыхъ видѣлъ неправильное отношеніе къ литературѣ и ея назначенію. Ни о комъ однако изъ сверстниковъ Михайловскій не писалъ такъ много, какъ о Чеховѣ, а въ послѣдніе годы, какъ это тоже извѣстно, онъ относился къ Чехову съ большой симпатіей... Во всякомъ случаѣ, въ то время, о которомъ я рассказываю, „Сѣверный Вѣстникъ“ Михайловскаго хотѣлъ бы видѣть Чехова въ своей средѣ, и мнѣ пришлось выслушать упрекъ, что во время своего посѣщенія я (тогда еще новичокъ въ журнальномъ дѣлѣ) не позаботился о приглашеніи Чехова, какъ сотрудника.

Черезъ нѣкоторое время первый журнальный разсказъ А. И. Чехова былъ напечатанъ. Назывался онъ „Степью“. „Не знаю, что выйдетъ, но только чувствую, что вокругъ меня лхнутъ степными цвѣтами и травами“,—такъ приблизительно (цитирую на память) опредѣлялъ Чеховъ настроеніе этой своей работы, и это же несомнѣнно чувствуется въ чтеніи. На этомъ первомъ „большомъ“ разсказѣ Чехова лежалъ еще, правда, отпечатокъ привычной ему формы. Нѣкоторые критики отмѣчали, что „Степь“—это какъ бы нѣсколько маленькихъ картинокъ, вставленныхъ въ одну большую раму. Несомнѣнно однако, что эта большая рама заполнена однимъ и очень выдержаннымъ настроеніемъ. Читатель какъ будто самъ ощущаетъ вѣяніе свободнаго и могучаго степнаго вѣтра, насыщеннаго ароматомъ цвѣтовъ, самъ слѣдитъ за сверканіемъ въ воздухѣ степной бабочки и за мечтательно-тяжелымъ полетомъ одинокой хрипящей птицы, а всѣ фигуры, нарисованныя на этомъ фонѣ, тоже проникнуты оригинальнымъ степнымъ колоритомъ. Младшій Чеховъ (Михаилъ Павловичъ) говорилъ мнѣ, вскорѣ послѣ того, какъ разсказъ появился въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, что въ немъ очень много автобіографическихъ личныхъ воспоминаній.

Есть въ немъ, между прочимъ, одна подробность, которая казалась мнѣ очень характерной для тогдашняго Чехова. Въ разсказѣ фигурируетъ Дениска, молодой крестьянскій парень. Выступаетъ онъ въ роли кучера, но дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ темпераментѣ. Бричка съ путниками останавливается въ степи на привалѣ въ знойный, удушливый полдень. Горячіе лучи жгутъ головы, откуда-то несется пѣсня, „тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачь и едва уловимая слухомъ... Точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ“, или сама она, „выжженная, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну... вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя“... Въ это время Дениска просыпается первымъ изъ отдыхающихъ путниковъ. Онъ подходитъ къ ручью, пьетъ, аппетитно умывается, плескаясь и фыркая. Несмотря на зной, на тоскливый пейзажъ, на еще болѣе тоскливую пѣсню, неизвѣстно откуда несущуюся и говорящую о неизвѣстной винѣ, Дениска переполненъ ощущеніемъ бодрости и силы.

— А ну, кто скорѣе доскачетъ до осоки!—говоритъ онъ Егорушкѣ, главному герою разсказа, и не только одерживаетъ побѣду надъ усталымъ отъ зноя Егорушкой, но, не довольствуясь этимъ, предлагаетъ такъ же скакать обратно.

Я какъ-то шутя сказалъ Чехову, что онъ самъ похожъ на своего Дениску. И дѣйствительно, въ самый разгаръ 80-хъ годовъ, когда

общественная жизнь такъ похожа была на эту степь съ ея безмолвной истомой и тоскливой пѣснью, онъ явился беззаботный, веселый, съ избыткомъ бодрости и силы. То и дѣло у него неизвѣстно откуда являлись разные проекты и при томъ какъ-то сразу, въ готовомъ видѣ, съ мелкими деталями... Однажды онъ сталъ развивать передо мною планъ журнала, въ которомъ будутъ участвовать беллетристы, числомъ 25, „и всѣ начинающіе, вообще молодые“. Въ другой разъ, устремивъ на меня свои прекрасные глаза съ выраженіемъ внезапно созрѣвающей мысли, онъ сказалъ:

— Слушайте, Короленко... Я приѣду къ вамъ въ Нижній.

— Буду очень радъ. Смотрите же—не обманите.

— Непремѣнно приѣду... Будемъ вмѣстѣ работать. Напишемъ драму. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ двѣ недѣли.

Я заемѣлся. Это былъ опять Дениска.

— Нѣтъ, Антонъ Павловичъ. Мнѣ за вами не ускакать. Драму вы пишете одинъ, а въ Нижній все-таки приѣзжайте.

Онъ сдержалъ слово, приѣхалъ въ Нижній и очаровалъ всѣхъ, кто его въ это время видѣлъ. А въ слѣдующій свой приѣздъ въ Москву я засталъ его уже за писаніемъ драмы. Онъ вышелъ изъ своего рабочаго кабинета, но удержалъ меня за руку, когда я, не желая мѣшать, собрался уходить.

— Я дѣйствительно пишу и непременно напишу драму,—сказалъ онъ:— „Иванъ Ивановичъ Ивановъ“... Понимаете? Ивановыхъ тысячи... обыкновеннѣйшій человѣкъ, совсѣмъ не герой... И это именно очень трудно... Бываетъ ли у васъ такъ: во время работы, между двумя эпизодами, которые видишь ясно въ воображеніи,—вдругъ пустота...

— Черезъ которую,—сказалъ я:—приходится строить мостки уже не воображеніемъ, а логикой?..

— Вотъ, вотъ...

— Да, бывастъ, но я тогда бросаю работу и жду.

— Да, а вотъ въ драмѣ безъ этихъ мостковъ не обойдешься...

Онъ казался нѣсколько разсѣяннымъ, недовольнымъ и какъ будто утомленнымъ. Дѣйствительно, первая драма далась Чехову трудно и повлекла за собою первыя же серьезныя, чисто-литературныя волненія и огорченія.

Вспоминается мнѣ одинъ разговоръ съ Чеховымъ о Гаршинѣ. Не помню, было ли это послѣ смерти Гаршина или подъ конецъ его омраченной жизни... Я недавно вернулся изъ Сибири, и во мнѣ еще живы были я свѣжи глубокія впечатлѣнія отъ ея величаво-угрюмой природы и ея людей. И мнѣ казалось, что, если бы можно было отвлечь Гаршина отъ мучительныхъ впечатлѣній нашей дѣйствительности, удалить на время отъ литературы и политики, а главное—

снять съ усталой души то сознаніе общей отвѣтственности, которое такъ угнетаетъ русскаго человѣка съ чуткой совѣстью.. если бы, взамѣнъ этого, поставить его лицомъ къ лицу только съ первобытной природой и первобытнымъ человѣкомъ,—то, думалось мнѣ, больная душа могла бы еще расправиться. Но Чеховъ возразилъ съ категоричностью врача:

— Нѣтъ, это дѣло непоправимое: раздвинулись какія-то молекулярныя частицы въ мозгу, и ужъ ничѣмъ ихъ не сдвинешь...

Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминались эти слова. Черезъ годъ-два „раздвинулись частицы“ у Успенскаго, и, сколько ни искалъ онъ исцѣленія во „врачующемъ просторѣ“ родины, какъ ни метался по степямъ и ущельямъ Южнаго Урала, по горнымъ хребтамъ Кавказа, по Волгѣ и „захолустнымъ рѣкамъ“ средней Россіи,—ему не удалось страхнуть все глубже въѣдавшейся въ душу тоски, какъ и сознанія „общей отвѣтственности“ передъ правдой жизни за всѣ ея неправды. А затѣмъ „раздвинулись частицы“ и у Чехова. Правда, это были частицы легкихъ, а не мозга, ясность котораго онъ сохранилъ до конца. Но кто скажетъ, какую роль въ физической болѣзни играла та глубокая развѣдающая грусть, на фонѣ которой совершались у Чехова всѣ душевные, а значить, и физическіе процессы...

Мои встрѣчи съ Чеховымъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ уже были не часты и случайны. Въ періодъ уже опредѣлившейся болѣзни мы встрѣтились только 3—4 раза. Одинъ разъ, это было въ 1897 г., въ редакціи „Русской Мысли“. Въ то время я тоже былъ боленъ. Чеховъ спрашивалъ меня со вниманіемъ товарища и врача и, выйдя изъ редакціи, на улицѣ задушевно пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ничего... вы поправитесь, увѣряю васъ,—вы поправитесь.

— И вы тоже поправитесь, Антоиъ Павловичъ!..—сказалъ я съ вѣрой, истекавшей изъ сильнаго желанія вѣрить.

— Да, да, надѣюсь... Мнѣ и теперь лучше,—отвѣтилъ онъ, и мы разстались.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его два года назадъ, въ Ялтѣ, куда я пріѣхалъ для разговора объ одномъ общемъ заявленіи. Чеховъ написалъ мнѣ, что хочетъ заѣхать въ Полтаву, и я предупредилъ его, зная, какъ ему это трудно. Онъ жилъ на своей дачѣ, которую построилъ (по-художнически непрактично) подъ Ялтой; съ нимъ жили сестра и жена. Какъ и въ первую нашу встрѣчу, сестра Чехова встрѣтила меня внизу, какъ и тогда, Чеховъ спустился по лѣстницѣ сверху. У меня сжалось сердце при этомъ воспоминаніи. Это былъ тотъ же Чеховъ, но куда дѣвалась его увѣренная, спокойная жизне-радостность? Черты обострились, стали какъ будто жестче, и только глаза все еще порой дучились и ласкали. Но и въ нихъ чаще видѣлось застывшее выраженіе грусти. Сестра разсказывала, что по вре-

менамъ онъ сидитъ цѣлые часы, глядя въ одну точку... Во время разговора онъ взялъ лежавшую на столѣ книгу, недавно рекомендованную русскому читателю Л. Н. Толстымъ.

— Поленца „Крестыянннъ“. Читали? Хорошая книга, — сказалъ онъ. — Вотъ если бы мнѣ еще написать одну такую книгу... я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть.

Онъ умеръ раньше...

Изъ воспоминаній М. Горькаго.

...Мнѣ кажется, что всякій человѣкъ при Антоѣ Павловичѣ невольно ощущалъ въ себѣ желаніе быть проще, правдивѣе, быть болѣе самимъ собой, и я не разъ наблюдалъ, какъ люди сбрасывали съ себя пестрые наряды книжныхъ фразъ, модныхъ словъ и всѣ прочія дешевенькія штучки, которыми русскій человѣкъ, желая изобразить европейца, украшаетъ себя, какъ дикарь раковинами и рыбьими зубами. Ант. Павл. не любилъ рыбы зубы и пѣтушья перья; все нестрое, гремящее и чужое, надѣтое человѣкомъ на себя для „пущей важности“, вызывало въ немъ смущеніе, и я замѣчалъ, что каждый разъ, когда онъ видѣлъ передъ собой разряженнаго человѣка, имъ овладѣвало желаніе освободить его отъ всей этой тягостной и ненужной мишуры, искавшей настоящее лицо и живую душу собесѣдника. Всю жизнь А. Чеховъ прожилъ на средства своей души, всегда онъ былъ самимъ собой, онъ былъ внутренно свободенъ и никогда не считался съ тѣмъ, чего одни ожидали отъ Ант. Чехова, другіе — болѣе грубые — требовали. Онъ не любилъ разговоръ на „высокія“ темы, разговоръ, которыми этотъ милый русскій человѣкъ такъ усердно потѣшаетъ себя, забывая, что смѣшно, но совѣмъ не остроумно разсуждать о бархатныхъ костюмахъ въ будущемъ, не имѣя въ настоящемъ даже приличныхъ штановъ.

Красиво-простой, онъ любилъ все простое, настоящее, искреннее, и у него была своеобразная манера опрощать людей.

Однажды, я помню, его посѣтили три пышно одѣтыя дамы; наполнивъ его комнату шумомъ шелковыхъ юбокъ и запахомъ крѣпкихъ духовъ, онъ чинно усѣлся противъ хозяина, притворились, будто бы ихъ очень интересуютъ политика, и начали „ставить вопросы“.

— Антоѣ Павловичъ! А какъ вы думаете, чѣмъ кончится война?

Ант. Павл. покашлялъ, подумалъ и мягко, тономъ серьезнымъ, ласковымъ, отвѣтилъ:

— Вѣроятно, миромъ...

— Ну, да... конечно! Но кто же побѣдитъ? Греки или турки?..

— Мнѣ кажется, побѣдятъ тѣ, которые сильнѣе...

— А кто, по-вашему, сильнѣе?—наперебой спрашивали дамы.

— Тѣ, которые лучше питаются и болѣе образованы...

— Ахъ, какъ это остроумно!—воскликнула одна.

— А кого вы больше любите—грековъ или турокъ? — спросила другая.

Ант. Павл. ласково посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ съ кроткой, любезной улыбкой:

— Я люблю—мармеладъ... а вы любите?

— Очень!—оживленно воскликнула дама.

— Абрикосовскій!—солидно подтвердила другая.

А гретья полузакрyla глаза и вкусно добавила:

— Онъ такой ароматный!

И всѣ три оживленно заговорили, обнаруживая по вопросу о мармеладѣ прекрасную эрудицію и тонкое званіе предмета. Было очевидно—онѣ очень довольны тѣмъ, что не нужно напрягать ума и притворяться серьезно заинтересованными турками и греками, о которыхъ онѣ до этой поры и не думали.

Уходя, онѣ весело пообѣщали Антону Павловичу:

— Мы пришлемъ вамъ мармеладу!

— Вы славно бесѣдовали!—замѣтилъ я, когда онѣ ушли.

Антонъ Павловичъ тихо разсмѣялся и сказалъ:

— Нужно, чтобъ каждый человѣкъ говорилъ своимъ языкомъ...

Другой разъ я засталъ у него молодого, красивенькаго товарища прокурора. Онъ стоялъ предъ Чеховымъ и, потряхивая кудрявой головой, бойко говорилъ:

— Разкажомъ „Злоумышленникъ“ вы, Антонъ Павловичъ, ставите предо мной крайне сложный вопросъ. Если я признаю въ Денисѣ Григорьевѣ наличность злой воли, дѣйствовавшей сознательно, я долженъ, безъ оговорокъ, упечь Дениса въ тюрьму, какъ этого требуютъ интересы общества. Но онъ дикарь, онъ не сознавалъ преступности дѣянiя... мнѣ его жалко! Если же я отнесусь къ нему, какъ къ субъекту, дѣйствовавшему безъ разумѣнiя, и поддамся чувству состраданiя,—чѣмъ я гарантирую общество, что Денисъ вновь не отвинтитъ гайки на рельсахъ и не устроитъ крушенiя? Вотъ вопросъ! Какъ же быть?

Онъ замолчалъ, откинулъ корпусъ назадъ и уставился въ лицо Антону Павловичу испытующимъ взглядомъ. Мундирчикъ на немъ былъ новенькій, и пуговицы на груди блестяли такъ же самоувѣренно и тупо, какъ глазки на чистенькомъ личикѣ юнаго ревнителя правосудiя.

— Если бъ я былъ судьей, — серьезно сказалъ Антонъ Павловичъ:—я бы оправдалъ Дениса..

— На какомъ основанiи?

— Я сказала бы ему: ты, Денись, еще не дозрѣлъ до типа сознательнаго преступника, ступай—и дозрѣй!

Юристъ засмѣялся, но тотчасъ же вновь сталъ торжественно-серьезенъ и продолжалъ:

— Нѣтъ, уважаемый Антонъ Павловичъ,—вопросъ, поставленный вами, можетъ быть разрѣшенъ только въ интересахъ общества, жизни и собственности котораго я призванъ охранять. Денись—дикарь, да, но онъ—преступникъ.—вотъ истина!

— Вамъ нравится граммофонъ?—вдругъ ласково спросилъ Антонъ Павловичъ.

— О, да! Очень! Изумительное изобрѣтеніе!—живо отозвался юноша.

— А я терпѣть не могу граммофоновъ!—грустно сознался Антонъ Павловичъ.

— Почему?

— Да они же говорятъ и поютъ, ничего не чувствуя... И все у нихъ карикатурно выходитъ... мертво... А фотографіей вы не занимаетесь?

Оказалось, что юристъ—страстный поклонникъ фотографіи, онъ тотчасъ же съ увлеченіемъ заговорилъ о ней, совершенно не интересуясь граммофономъ, несмотря на свое сходство съ этимъ „изумительнымъ изобрѣтеніемъ“, тонко и вѣрно подмѣченное Чеховымъ. Снова я видѣлъ, какъ изъ мундира выглянулъ живой и довольно забавный человѣчекъ, который пока еще чувствовалъ себя въ жизни, какъ шенокъ на охотѣ.

Проводивъ юношу, Антонъ Павловичъ угрюмо сказалъ:

— Вотъ этакіе прыщи на... сидѣны правосудія—распоряжаются судьбой людей...

И, помолчавъ, добавилъ:

— Прокуроры, должно-быть, очень любятъ удить рыбу... особенно—ершей!

Онъ обладалъ искусствомъ всюду находить и отгнѣять пошлость,—неискусствомъ, которое доступно только человѣку высокиихъ требованій къ жизни, которое создается лишь горячимъ желаніемъ видѣть людей простыми, красивыми, гармоничными. Пошлость всегда находила въ немъ жестокаго и остраго судью.

Кто-то рассказывалъ при немъ, что издатель популярнаго журнала, человѣкъ, постоянно разсуждающій о необходимости любви и милосердія къ людямъ—совершенно неосновательно оскорбилъ кондуктора желѣзной дороги, и что вообще этотъ человѣкъ крайне грубо обращается съ людьми, зависимыми отъ него.

— Ну, еще бы,—сказалъ Антонъ Павловичъ, хмуро усмѣхаясь:—

вѣдь онъ же аристократъ... образованный... онъ же въ семинаріи учился! Отецъ его въ лаптяхъ ходилъ, а онъ носить лаковые ботинки...

И въ тонѣ этихъ словъ было что-то, что сразу сдѣлало „аристократа“ ничтожнымъ и смѣшнымъ.

— Очень талантливый человѣкъ! — говорилъ онъ объ одномъ журналистѣ. — Пишетъ всегда такъ благородно, гуманно... лимонадно... жену свою ругаетъ при людяхъ душой... комната для прислуги у него сырая, и горничныя постоянно наживаютъ ревматизмъ...

— Вамъ, Антонъ Павловичъ, нравится NN.?

— Да... очень... Приятный человѣкъ... — покашливая, соглашается Антонъ Павловичъ. — Все знаетъ... читаетъ много... У меня три книги зачиталъ... Разсѣянный онъ... сегодня скажетъ вамъ, что вы чудесный человѣкъ, а завтра кому-нибудь сообщить, что вы прислугу обсчитываете и у мужа вашей любовницы шелковые носки украли... черные, съ синими полосками.

Кто-то при немъ жаловался на скуку и тяжесть „серьезныхъ“ отдѣловъ въ толстыхъ журналахъ.

— А вы не читайте этихъ статей, — убѣжденно посовѣтовалъ Антонъ Павловичъ. — Это же дружеская литература... литература пріятелей... Ее сочиняютъ гг. Красновъ, Черновъ и Вѣловъ. Одинъ напишетъ статью, другой возразитъ, а третій примиряетъ противорѣчія первыхъ. Похоже, какъ будто они въ винтъ съ болваномъ играютъ... А зачѣмъ все это нужно читателю, — никто изъ нихъ себя не спрашиваетъ.

Однажды пришла къ нему какая-то полная дама, здоровая, красивая, красиво одѣтая, и начала говорить „подъ Чехова“:

— Скучно жить, Антонъ Павловичъ! Все такъ сѣро: люди, небо, море, даже пѣты кажутся мнѣ сѣрыми... И вѣтъ желаній... душа въ тоскѣ... Точно какая-то болѣзнь...

— Это — болѣзнь! — убѣжденно сказалъ Антонъ Павловичъ. — Это болѣзнь... По-латыни она называется morbis prittvoralis...

— Дама, къ ея счастью, видимо, не знала по-латыни, а можетъ-быть, скрыла, что знаетъ...

— Критики похожи на слѣпней, которые мѣшаютъ лошади пахать землю, — говорилъ онъ, усмѣхаясь своей умной усмѣшкой. — Лошадь работаетъ, всѣ мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... а тутъ на крупѣ садится слѣпень и щекочетъ, и жужжитъ... нужно встряхивать кожей и махать хвостомъ. О чемъ онъ жужжитъ? Едва ли ему понятно это... просто — характеръ у него безпокойный. п заявить о себѣ хочется, — моль, тоже на землѣ живу!.. Вотъ видите, — могу даже жужжать... обо всемъ могу жужжать!.. Я двадцать пять лѣтъ читаю критики на мои рассказы, а ни одного цѣннаго

указанія не помню, ни одного добраго совѣта не слышалъ... Только однажды Скабичевскій произвелъ на меня впечатлѣніе... онъ написалъ, что я умру въ пьяномъ видѣ подѣ заборомъ...

Въ его сѣрыхъ, грустныхъ глазахъ почти всегда мягко искрилась тонкая насмѣшка, но порою эти глаза становились холодны, остры и жестки: въ такія минуты его гнѣбнѣй, задушевнѣй голосъ звучалъ тверже, и тогда мнѣ казалось, что этотъ скромный, мягкій чловѣкъ, если онъ найдетъ нужнымъ, можетъ стать противъ враждебной ему силы крѣпко, твердо и не уступить ей.

Изъ воспоминаній И. Л. Щеглова.

...Первый періодъ чеховской извѣстности—1886 по 1896 годъ— можно считать наиболѣе счастливой половиной его личной жизни, при чемъ самая безоблачная полоса захватываетъ первые три года (полученіе Пушкинской преміи, шумный успѣхъ „Иванова“, сближеніе съ А. С. Суворинымъ, А. Н. Плещеевымъ, Д. В. Григоровичемъ и друг.). Зато и промелькнули эти первые годы нелѣпо, неумовимо, точно сладкій майскій сонъ, промелькнули въ безоглядной сумасбродной суетѣ, оставивъ въ воспоминаніи какіе-то свѣтлые праздничные клочки...

...Вспоминается мнѣ одно пиршество въ „Большой Московской“ въ обществѣ А. П. Чехова и А. С. Суворина. Какъ ни былъ послѣдній въ то время удрученъ своей недавней семейной потерей, Чеховъ сумѣлъ такъ его расшевелить и зажечь. Надо и то сказать—тема, тронутая Чеховымъ (о рутинѣ и тенденціозности, заѣдающихъ современную русскую литературу и искусство), пришлась особенно по душѣ Суворину, и онъ распахнулся, что называется, во-всю, рѣшительно увлекаемая своей художественной чуткостью, заразительной искренностью и чисто-юношеской занальчивостью... Тема оказалась однако чересчуръ обширной, и было неудивительно, что, когда мы покинули „Большую Московскую“ гостиницу, на улицѣ свѣтало и въ московскихъ церквахъ звонили къ ранней обѣднѣ. А между тѣмъ Суворинъ все еще продолжалъ „горѣть“, и махать руками, и что-то доказывать... до самаго подъѣзда „Славянскаго Базара“, куда мы его довели. Со стороны нашу компанію смѣло можно было принять за московскихъ студентовъ, слушающихъ профессора-шестидесятника, и меньше всего, конечно, подумать... объ издателѣ „Новаго Временіа“ и его сотрудникахъ!

Чеховъ сдѣлался драматургомъ, можно сказать, нечаянно, попавъ однажды въ театръ Юрша на представленіе заигранной одноактной

пьески „Побѣдителей не судятъ“ (сюжетъ пьески вертится на укрупненіи грубаго, но добродушнаго моряка великосвѣтской красавицей). „Побѣдителей не судятъ“ — передѣлка съ французскаго, и довольно таки топорная, изящной салонной вещицы Пьера Бертона „Les jurons de Cadillac“, въ которой восхищали въ шестидесятыхъ годахъ въ Михайловскомъ театрѣ петербургскую публику г-жа Нанталъ-Арно и г. Дьедонне. У Корша отличались г-жа Рыбчинская и г. Соловцовъ, находившійся, кстати сказать, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Чеховымъ. Соловцовъ своей дюжей фигурой, зычнымъ голосомъ и рѣзкой манерой, подходившей какъ нельзя болѣе къ заглавной роли, настолько понравился Чехову, что у него, какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ, явилась мысль написать для него „роль“... нѣчто въ родѣ русскаго медвѣдя взамѣвъ французскаго.

Такимъ образомъ появился на свѣтъ водевиль „Медвѣдь“ — чеховскій театральнй первенецъ, жизненностью и оригинальностью оставившій далеко за флагомъ своихъ шаблонныхъ водевильныхъ сверстниковъ.

Сценическій успѣхъ „Медвѣдя“ не помѣшалъ однако Чехову критически отнестись къ самому исполненію. „Соловцовъ игралъ феноменально, — пишетъ онъ мнѣ, цитируя любимое словечко режиссера театра Корша:—Рыбчинская была прилична и мила. Въ театрѣ стоялъ непрерывный хохотъ; монологи обрывались аплодисментами. Въ 1-е и 2-е представленіе вызывали и актеровъ и автора. Всѣ газетчики, кромѣ Васильева, расхвалили... Но, душа моя, играютъ Соловцовъ и Рыбчинская не артистически, безъ отгѣнковъ, дуютъ въ одну ноту, трусятъ и проч. Игра топорная“. И заключаетъ съ обычнымъ добродушнымъ юморомъ: „Послѣ перваго представленія случилось несчастье: кофейникъ убилъ моего медвѣдя. Рыбчинская пила кофе, кофейникъ лопнулъ отъ пара и обварилъ ей лицо. Второй разъ играла Глама, очень прилично. Теперь Глама уѣхала въ Питеръ, и такимъ образомъ мой пушной звѣрь поневолѣ издохъ, не проживъ и трехъ дней“.

Почти одновременно явился на свѣтъ непредвидѣнный „драматическій выкидышъ“ (слово Чехова) уже въ видѣ большой четырехъ-актной комедіи... Чеховъ недаромъ называлъ своего Иванова „выкидышемъ“: если „Медвѣдь“ написанъ былъ для Соловцова, что называется, въ одинъ присѣсть, то „Ивановъ“ былъ набросанъ чуть ли не на пари съ Коршемъ въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, тотъ самый „Ивановъ“, который впоследствии произвелъ такой фуроръ на Александринской сценѣ. Въ этотъ же „сезонъ“, по его собственному свидѣтельству (письмо А. Н. Плещееву), онъ написалъ „Степь“, „Огни“ и массу мелкихъ разсказовъ... Это былъ ослѣпительный взрывъ чеховскаго таланта, окрыленнаго шумнымъ литературнымъ

успѣхомъ!.. Добавьте къ этому, что въ промежутокъ, между дѣломъ, онъ еще выпустилъ преуморительнѣйшій одноактный водевиль „Предложеніе“, сдѣлавшійся сразу любимѣйшимъ дѣтищемъ провиціальныхъ сценъ.

Вообще, надо сказать, къ веселому остроумному водевилю Чеховъ питалъ явную слабость и въ театрѣ особенно любилъ смотрѣть веселыя пьесы. И мнѣ и другимъ онъ не разъ повторялъ, что „написать хорошій водевиль—труднѣйшая штука“, подразумѣвая подъ словомъ „хорошій“ искреннюю веселуху человѣческаго смѣха...

Когда нѣсколько лѣтъ спустя, въ одно изъ нашихъ московскихъ свиданій, я попенялъ Чехову, отчего онъ не написалъ обѣщаннаго водевиля („Сила гипнотизма“), Чеховъ задумчиво, какъ бы про себя, проговорилъ:

— Ничего не подѣлаешь... пужнаго настроенія не было! Для водевиля нужно, понимаете, совсѣмъ особое расположеніе духа... жизнерадостное, какъ у свѣжеиспеченнаго прапорщика; а гдѣ его возьмешь, къ лѣшему, въ наше поскудное время?.. Да, Жанъ, написать искренній водевиль далеко не послѣднее дѣло!..

„Водевиль“ является нѣкоторымъ образомъ въ роли мирового посредника между Чеховымъ и театромъ. Что же до нашихъ личныхъ пріятельскихъ отношеній съ Чеховымъ, то тутъ онъ сыгралъ негласную роль свата, и самъ Чеховъ признавался, что первую симпатію ко мнѣ и желаніе познакомиться возымѣлъ, посмотрѣвъ въ театрѣ Корша мою комедію „Въ горахъ Кавказа“, которую, впрочемъ, онъ отнюдь не считалъ комедіей, видя въ ней лишь „счастливыи образчикъ русскаго оригинальнаго водевиля“ (что для меня тѣмъ болѣе лестно).

Кстати сказать, наше послѣднее „петербургское“ свиданіе, по странному совпаденію свмнатій, вышло какъ разъ „водевильное“, т.-е. произошло въ ложѣ во время представленія моего водевиля „Автора въ театрѣ нѣтъ“. Все время Чеховъ очень смѣялся и, по паденіи занавѣса, подъ гулъ послѣднихъ аплодисментовъ, дружески-наставительно мнѣ замѣтилъ:

— Вотъ, Жанъ, вашъ настоящій жанръ... Не бросайте, милый, водевили... повѣрьте, это благороднѣйшій родъ, и который не всякому дается!

Возвращаясь однако къ „Иванову“.

Слѣдующій, еще болѣе спѣшно разыгранный артистами театра Корша и возбудившій разногласію въ московской прессѣ, „Ивановъ“ въ конецъ разстроилъ нервы Чехову, когда авторъ, въ виду постановки пьесы на петербургской казенной сценѣ, принялся за передѣлку и взглянулъ на нее строгимъ окомъ художника... Впрочемъ, каждому оригинальному драматургу извѣстно, что

гораздо легче написать новую пьесу, чѣмъ передѣлать старую, а Чехову пришлось вдобавокъ переработать все кореннымъ образомъ... Разница между московскимъ и петербургскимъ „Ивановымъ“ получилась разительная, доходившая до послѣдней корректурной крайности, если вспомнить, что у Корша „Ивановъ“ умиралъ отъ разрыва сердца, а на Александринской сценѣ застрѣливался изъ револьвера... „Я замучился, и никакой гонораръ не можетъ искупить того каторжнаго напряженія, какое я чувствовалъ послѣдніи недѣли.—повѣряетъ Чеховъ Плещееву по окончаніи передѣлки.—Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной ироніей: написалъ, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понималъ, до чего плохо она сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варианты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ 4-й актъ до неузнаваемости, отшлифовалъ самого Иванова — и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Кина: „Палками, Иванова палками!..“

Едва ли авторъ могъ подозрѣвать, что въ Петербургѣ „Иванова“ встрѣтятъ оваціями!..

На его авторское счастье, пьеса шла въ бенефисъ режиссера Александринскаго театра Ѳ. А. Ѳедорова-Юрковскаго (бенефисъ за 25-лѣтнюю службу), въ виду чего роли были распределены между лучшими силами труппы, безъ различія ранговъ и самолюбій. Ансамбль вышелъ чудесный, и успѣхъ получился огромный.

Публика принимала эту пьесу чутко и шумно съ перваго акта, а по окончаніи третьяго, послѣ заключительной драматической сцены между Ивановымъ и больной Саррой, съ увлеченіемъ разыгранной В. Н. Давыдовымъ и П. Я. Стрепетовой, устроила автору, совместно съ юбиляромъ-режиссеромъ, восторженную овацію. „Ивановъ“, несмотря на многія сценическія неясности, рѣшительно захватилъ своей свѣжестью и оригинальностью, и на другой день всѣ газеты дружно разсыпались въ похвалахъ автору пьесы и ея исполненію. Исполненіе, дѣйствительно, должно было польстить Чехову; даже такая незначительная эпизодическая роль, какъ роль помѣшаннаго на картахъ акцизнаго Косыхъ, въ лицѣ покойнаго Арди вылилась въ яркій комическій типъ. Превосходны были Варламовъ и Жулева (супруги Лебедевы) и прямо великолѣпнень Свободинъ въ роли опустившагося язвительнаго графа Шабельскаго.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ четырехъактнаго „Иванова“, шелъ старинный классическій фарсъ „Адвокатъ Пателенъ“ (въ 3-хъ дѣйствіяхъ), такъ что спектакль, состоявшій въ общемъ изъ семи актовъ,

затянулся до второго часа ночи и не далъ мнѣ возможности поздравить Чехова послѣ спектакля.

Я увидѣлся съ нимъ на другой день на веселомъ банкетѣ, устроенномъ въ честь его помѣщикомъ С., восторженнѣйшимъ поклонникомъ Чехова. Видъ Чеховъ имѣлъ сіяющій, жизнерадостный, хотя нѣсколько озадаченный размѣрами „ивановскаго успѣха“. На обѣдѣ было нѣсколько литераторовъ, артистъ Свободина и дальній родственникъ послѣдняго, приставъ Василеостровской части, оказавшійся не только горячимъ почитателемъ А. П., но и вообще тонкимъ знатокомъ литературы. Обѣдъ вышелъ на славу, при чемъ славили Чехова, что называется, во всю ивановскую, а самъ хозяинъ, поднимая бокалъ шампанскаго въ честь Чехова, въ заключеніе тоста торжественно приравнивалъ чеховскаго „Иванова“ къ грибоѣдовскому „Горе отъ ума“.

Я взглянулъ искоса на Чехова: онъ густо покраспѣлъ, какъ-то сконфуженно осунулся на своемъ мѣстѣ, и въ глазахъ его мелькнули чуть-чуть замѣтные юмористическіе огоньки—дозорные писательскіе огоньки, свидѣтельствовавшіе о непрерывной критикѣ окружающаго... „И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышала я!“—не безъ ироніи писалъ онъ мнѣ потомъ изъ Москвы.

Но русскіе поклонники родныхъ талантовъ неумолимы.

Несмотря на то, что Чеховъ, переутомленный столичной суетой, спѣшилъ въ Москву, восторженный помѣщикъ, вопреки всякимъ традиціямъ, наканунѣ отъѣзда А. П., собралъ всѣхъ снова „на гуся“.

Снова шампанское, снова шумные „шекспировскіе тосты“...

Все это могло вскружить голову хоть кому, только не Чехову. Возвращаясь вмѣстѣ съ Чеховымъ послѣ „прощальнаго гуся“ на извозчикѣ, я былъ озадаченъ странной задумчивостью, затуманившей его лицо, и на мой попрекъ онъ какъ-то машинально, не глядя на меня, проговорилъ:

— Все это очень хорошо и трогательно, а только я все думаю вотъ о чемъ...

— Есть еще о чемъ думать послѣ такихъ овацій!—невольнo вырвалось у меня.

Чеховъ нахмурился, что я его прервалъ, и продолжалъ:

— Я все думаю о томъ... что-то будетъ черезъ семь лѣтъ?—И съ тѣмъ же хмурымъ видомъ настойчиво повторилъ: — что-то будетъ черезъ семь лѣтъ?

Какъ разъ черезъ семь лѣтъ было въ Петербургѣ... первое представленіе чеховской „Чайки“.

Незадолго до представленія „Чайки“, я получилъ отъ него изъ Мелихова сообщеніе объ этомъ въ самомъ жизнерадостномъ тонѣ:

„Около 6—жалда славы повлечетъ меня въ Сѣверную Пальмиру на репетиціи моей „Чайки“. Предполагается, что эта пьеса пойдетъ 17-го октября въ бенефисъ Левкѣевой, при чемъ роль героини семнадцати лѣтъ, тоненькой барышни, будетъ играть сама бенефициантка“ (Левкѣева, нынѣ покойная, была очень толста, съ усиками на губахъ и отличалась послѣднее время въ роляхъ комическихъ старухъ).

Но уже наканунѣ спектакля я видѣлъ Чехова далеко не въ розовомъ настроеніи. Онъ только-что вернулся съ репетиціи „Чайки“ и имѣлъ видъ совсѣмъ нездоровый, нилъ усиленно содовую воду и въ антрактахъ рѣзко критиковалъ исполнителей (кромѣ В. Ѳ. Коммиссаржевской, которая, по его замѣчанію, одна вела роль въ надлежащемъ тонѣ).

Что же такое случилось?

А вотъ возьмете наудачу любую изъ петербургскихъ газетъ, вышедшихъ на другой день юбилейнаго бенефиса Левкѣевой...

„Вчерашнее юбилейное торжество омрачено было безпримѣрнымъ скандаломъ. Такого головокружительнаго паденія пьесы мы не запомнимъ...“—читаю въ одной газетѣ.

Разворачиваю другую: „Давно не приходилось присутствовать при такомъ полномъ провалѣ“.

Быть-можетъ, еще хотите взглянуть третью?

„Чехова „Чайка“ погибла: ее убило одногласное шканье всей публики. Точно миллионы пчелъ, осъ и шмелей наполнили воздухъ зрительной залы — до того сильно и ядовито было шпифнье...“

Перечитывая теперь эти театральныя злыдни, прямо глазамъ не вѣришь! Чего тутъ только нѣтъ? „Птичья пьеса“, „нелѣпица въ лицахъ“, „кляуза на живыхъ людей“, „экземпляръ для театральной кушеткамеры“ и т. п.

„Присутствовалъ весь литературный міръ“, — оповѣщалось въ газетахъ. Но это очень громко звучитъ въ печати, а на дѣлѣ представляетъ какой-нибудь десятокъ добрыхъ литературныхъ именъ. Прибавьте сюда дожину чуткихъ восторженныхъ поклонницъ Чехова... вотъ и все!.. Это капля въ широкомъ морѣ бенефисной публики, той особенной петербургской бенефисной публики, которая, заплативъ тройную плату за мѣста, шцетъ на сценѣ вовсе не литературы, а любимой актрисы въ ослѣпительныхъ бенефисныхъ туалетахъ и раздражительно-любовытнаго зрѣлища — зрѣлища и зрѣлища прежде всего!..

Въ третьемъ актѣ, во время глубоко-трогательной сцены между Аркадиной и Треплевимъ, въ бенефисной публицѣ, Богъ вѣсть съ чего, вызываетъ веселое настроеніе бѣлая повязка, похожая на чалму, которую мать накладываетъ на голову раненаго сына (въ

последнемъ изданіи „Чайки“ Чеховъ сдѣлалъ очень тонкую поправку въ этомъ мѣстѣ).

Слѣдующая за ней сцена между Аркадиной и ея сожителемъ — литераторомъ Тригоринымъ—прямо великолѣпна по реализму и оригинальности замысла. Но сцена разыграна была Сазоновымъ и Дужиковой грубо и банально, и моментъ, когда Аркадина падаетъ на колѣня передъ Тригоринымъ, показался большинству смѣшнымъ и неестественнымъ.

А сцена послѣдней встрѣчи Треплева съ Ниной Зарѣчной въ четвертомъ актѣ? Она исполнена такого захватывающаго лиризма, что ее невозможно читать безъ слезъ, и Нина—Коммиссаржевская начала эту сцену прекрасно; но въ концѣ сцены незначительная авторская ремарка все испортила. Декламируя монологъ, Нина стаскиваетъ съ постели простыню и накидываетъ на себя, какъ театральную тогу—и эта мелочь непредвидѣнно вызвала въ публикѣ глухой хохотъ. На второмъ представленіи „роковая простыня“ сдана была въ театральную гардеробную, но конецъ пьесы—этотъ удивительнѣйшій въ своей трагической простотѣ конецъ—на первомъ представленіи пропалъ, какъ проглоченная театральная реплика, возбудивъ послѣднее недоумѣніе и... шипѣніе.

„Чайка“ кончена, и я выхожу изъ театра точно въ дурманѣ. Впереди меня протискивается къ выходу литераторъ Б. Онъ блѣдеетъ, какъ полотно, я на его обычно многодоговольной физиономіи написанъ ужасъ.

О, какъ я понимаю этотъ ужасъ истиннаго литератора послѣ того, что случилось!

Для Чехова обидна была тѣмъ чувствительнѣе, что именно „Чайка“—одно изъ субъективнѣйшихъ произведеній этого на рѣдкость объективнаго русскаго писателя.

Изъ воспоминаній С. Елпатьевскаго.

...Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ не о Чеховѣ-писателѣ, а о человѣкѣ — Автонѣ Павловичѣ. Публика знаетъ веселаго рассказчика, какимъ былъ Чеховъ въ молодости, и хмураго человѣка, бытописателя русской скуки, пошлости—позднѣйшихъ лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы освѣтить уголокъ души его, самый теплый и трогательный.

Какъ-то разъ, давно, у насъ зашелъ разговоръ о прекрасныхъ и удивительныхъ русскихъ словахъ,—народныхъ словахъ. Что значить „тоска“, какъ звучитъ у бабы, только-что всунувшей себѣ ножъ въ грудь, слово „скушно было“, какое многозначное и полновѣдное слово „хорошо“ и проч. и проч.

Я говорилъ, что для меня самое удивительное русское слово „жалѣть“, приводилъ въ примѣръ, что баба никогда не скажетъ, что мужъ любить ее, а отвѣтитъ: „жалѣеть“... и иногда прибавитъ: „больно“ жалѣеть...

И это „больно“ вмѣсто „очень“ и „жалѣеть“ вмѣсто „любить“ не только характерно для пониманія своеобразнаго содержанія русской любви, но даже до известной степени опредѣляетъ русскую литературу. Помню, Антонъ Павловичъ необыкновенно воодушевился и рассказалъ мнѣ случай изъ деревни, гдѣ онъ жилъ въ Московской губерніи, — кажется, въ той самой, гдѣ жили описанные имъ „мужики“. Назначенъ былъ въ приходъ новый дьяконъ, котораго никто не зналъ. А отъ стараго дьякона осталась сука, которая оценилась многочисленными щенятами. И то обстоятельство, что новый дьяконъ не утопилъ по деревенскому обычаю, липшихъ щенятъ, а сталъ кормить, сразу опредѣлило положеніе его въ селѣ. „Пожалѣть щенятъ-то!..“ — улыбаясь, говорили мужики и рѣшили, что дьяконъ — человекъ хорошій. И было такъ много ласки въ его обычной насмѣшливой улыбкѣ, когда Чеховъ рассказывалъ исторію про дьякона.

Всѣ, близко соприкасавшіеся съ Чеховымъ, знаютъ, какъ много доброты и жалости лежало въ немъ и сколько добра, стыдливаго, хоронящагося добра дѣлалъ онъ въ жизни. Я помню, какое горячее участіе принималъ онъ въ бѣдѣ, приключившейся съ сыномъ моего знакомаго, и какъ спрашивалъ онъ моего знакомаго воспользоваться тѣми обширными связями, которыя имѣлъ въ разнообразныхъ петербургскихъ кругахъ Антонъ Павловичъ. И, кажется, не было для него большаго удовольствія, какъ устроить кого-нибудь, поддержать молодого писателя, дать возможность прожить въ Ялтѣ бѣдному учителю, найти мѣсто, занятія...

Эта переминая почувствовалась мнѣ еще тогда, когда онъ далъ мнѣ прочитать въ рукописи свою „Невѣсту“, но новое настроеніе ярко и опредѣленно сгустилось весной 1904 года, когда сумерки русской жизни стали разсѣиваться, когда стала проходить русская скука.

Помню, — въ февралѣ или мартѣ рано утромъ ко мнѣ позвонилъ по телефону Чеховъ. Я только накануне поздно вечеромъ вернулся въ Ялту изъ Петербурга и удивился, что Чеховъ уже успѣлъ узнать о моемъ приѣздѣ. Ему было необходимо, — совершенно необходимо увидаться со мной, — и не послѣ обѣда, какъ я общалъ-было ему, а какъ можно скорѣе, непременно утромъ, такъ какъ есть неотложныя дѣла, нужно сейчасъ что-то или кого-то устроить... И просилъ онъ настойчиво, и голосъ былъ возбужденный. Я поѣхалъ утромъ.

За тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которыя я не видѣлъ Чехова, онъ очень похудѣлъ и осунулся, но я никогда не видѣлъ его такимъ

возбужденнымъ и такимъ не то что веселымъ, а радостнымъ. Никакихъ слѣпыхъ дѣлъ, которыя бы надо немедленно рѣшать, не оказалось, и совсѣмъ мы объ ялтинскихъ дѣлахъ не говорили,—очевидно, ему было необходимо видѣть меня и разспросить о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и Москвѣ, и, должно-быть, совершенно необходимо было подѣлиться своими новыми мыслями, новыми чувствами. И разспрашивалъ онъ не о литераторахъ и не о свѣжихъ литературныхъ новостяхъ, которыми всегда преимущественно интересовался,—а о томъ, что говорилось и чувствовалось на Пироговскомъ съѣздѣ врачей въ Петербургѣ, о томъ, что дѣлается въ союзѣ „Освобожденіе“. какое настроеніе въ передовыхъ общественныхъ кругахъ Москвы и Петербурга, когда и какъ ждутъ паденія стараго строя, и какія мѣры къ тому принимаются.

И когда самъ онъ разсказывалъ, не то и не такъ говорилъ, какъ говорилъ раньше, — и когда иллюстрировалъ фактами изъ газетъ, было видно, что за зиму онъ не такъ читалъ газеты, какъ раньше, и другое искалъ въ нихъ,—не проявленія скуки, хмурости и сумеречности русской жизни, а факты подъема и роста оппозиціоннаго настроенія въ Россіи. И про „мужиковъ“ не попрежнему говорилъ.

И тонъ его былъ другой и манеры другія. Не было прежней мягкости и терпимости, и неслыханныя раньше реплики вырывались у него по адресу людей, къ которымъ онъ такъ недавно относился съ большою мягкостью!

— Мерзавецъ, — прямо мерзавецъ! Да вы еще не знаете, Сергѣй Яковлевичъ, что они поддецы...

И отъ поддецовъ и мерзавцевъ переходилъ къ тому превосходному, что дѣлается въ Россіи, и все убѣждалъ меня, что теперь ужъ конечно, что все тронулось съ мѣста и назадъ не воротится, и чудесно все устроится...

Мнѣ было и радостно и немножко смѣшно слушать Антопа Павловича. Я вспоминалъ короткія размовки, какія бывали между нами именно изъ-за моихъ рѣзкихъ отзывовъ о тѣхъ же самыхъ людяхъ, которыхъ онъ теперь честилъ мерзавцами, вспоминалъ, какъ быстро уставалъ и какъ скучалъ онъ такъ недавно отъ разговоровъ на политическія темы, какъ называлъ меня оптимистомъ, когда я начиналъ говорить ему о глубокомъ сдвигѣ, о коренномъ измѣненіи мыслей и чувствъ въ низшихъ и въ среднихъ слояхъ населенія. Теперь выходило, что я скептикъ, и не я его, а онъ меня убѣждалъ, что все скоро, очень скоро образуется...

И не уходилъ онъ въ свой укромный фонарикъ, все возбужденно шагалъ по кабинету и, повидимому, негодовалъ, что я спокойно сижу въ мягкомъ обширномъ креслѣ и, хотя и изрѣдка, дѣлаю оговорки и выражаю сомнѣнія.

— Да что вы? — наступалъ онъ на меня. — Вѣдь это такъ ясно. Развѣ вы не видите?

Для меня много было еще тогда не ясно, но ясно и несомнѣнно было одно. — что А. П. ждалъ новой, свѣтлой и счастливой жизни не черезъ 200—300 лѣтъ, а гораздо раньше, скоро и даже очень скоро, что онъ звалъ это будущее и былъ увѣренъ, что вотъ завтра-послѣзавтра случится нѣчто, что сразу прогонитъ печаль и скуку русской жизни. И я знаю, что тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые протекли отъ этого нашего разговора до его смерти, онъ всякое утро лихорадочно захватывалъ газету, чтобы прочитать, что случилось то, чего онъ такъ напряженно ждалъ, чего онъ такъ горячо желалъ...

Оглавленіе

XXII ТОМА.

	стр.
Письмо донского помѣщика Степана Владимировича Н. къ ученому сосѣду д-ру Фридриху	5
Мои жены. Письмо въ редакцію—Рауля Синей Бороды.	10
Праздничная повинность	17
Извлеченіе изъ путевого журнала	21
Въ вагонѣ. Разговорная перестрѣлка	27
Жизнь въ вопросахъ и восклицаніяхъ	30
Сборникъ для дѣтей	33
Французскій балъ. Сонная фантазія.	37
Летающіе острова. Соч. Жюля Верна	41
Тысяча одна страсть, или страшная ночь. Романъ въ одной части съ эпилогомъ	49
Жены артистовъ. Переводъ съ португальскаго	53
Грѣшникъ изъ Толедо. Переводъ съ испанскаго	67
Письмо	73
Путевой разсказъ. Изъ письма къ М. П. Чехову	79
Первые шаги „Антоши Чехонте“. Статья <i>А. А. Измайлова</i>	82
А. П. Чеховъ. Критико-біографическій очеркъ <i>А. А. Измайлова</i>	151
А. П. Чеховъ въ воспоминаніяхъ друзей.	280

Общее оглавление

XVII—XXII томовъ сочиненій Ант. П. Чехова.

	стр.		стр.
Томъ XVII.		Два скандала	49
Ненужная побѣда	5	Нарвался.	60
Корреспондентъ	91	Баронъ	63
Живой товаръ.	108	Мечь.	72
Цвѣты запоздалые	142	„Свиданіе хотя и состоялось, но...“ Изъ дачныхъ разска- зовъ	78
Зеленая Коса. Маленькій ро- манъ	182	Неудачный визитъ	83
Барыня	197	Идиллія—увы и ахъ!	84
За двумя зайцами ного- нишья, ни одного не пой- маешь. Романъ въ одной части безъ пролога и эпи- лога.	218	Добрый знакомый	87
Папаша	223	Заблѣть!!!	89
За яблочки.	230	На волчьей сажѣ	93
Передъ свадьбой.	237	Скверная исторія. Нѣчто ро- манообразное	98
Двадцать девятое іюня. Шутка	242	Исповѣдь, или Оля, Женя, Зоя. 107	
Сельскія картинки. Судь.	256	Пережитое. Психологическій этюдь	114
Пропавшее дѣло. Водевиль- ное происшествіе	261	Ряженые.	116
Двадцать девятое іюня. Раз- сказъ охотника, никогда въ цѣль не попадающаго. 266		Гадальщики и гадальщицы. Подноводніа картинки . 118	
Который изъ трехъ. Старая, но вѣчно новая исторія	274	Мошенички поневолѣ. Ново- годняя побрехунка	120
Сельскіе эскулапы	281	Двосъ въ одномъ	124
Онъ и она	287	Исповѣдь.	127
Томъ XVIII.		Единственное средство.	131
Огни	5	Два романа. I. Романъ доктора.	134
Ярмарка.	42	II. Романъ репортера.	135
		Темною ночью.	136
		Ушла	138
		На гвоздѣ	140
		Благодарный. Психологиче- скій этюдъ	142
		Совѣтъ	145

Баранъ и барышня. Эпизодикъ изъ жизни „милостивыхъ государей“	147
Размазня	149
Въ нашъ практической вѣкъ, когда и т. д.	151
Разсказъ, которому трудно подобрать названіе	153
Братецъ	155
Женщина безъ предразсудковъ. Романъ	157
Ревнитель	161
На магнетическомъ сеансѣ	163
Патріотъ своего отечества	166
Хитрецъ	168
Влагодѣтели	171
Рыцари безъ страха и упрска	174
Ядовитый случай	176
Верба	178
Воръ	182
Слова, слова и слова	186
Листъ. Кое-что пасхальное	189
Закуска. Приятное воспоминаніе	191
Двадцать шесть. Выиски изъ дневника	194
Теща-адвокатъ	196
Дуракъ. Разсказъ холостяка	199
Филантропъ	203
Случай изъ судебной практики. Уголовный разсказъ	205
Котъ	208
Бенефисъ соловья. Рецензія	211
Моя Наиа	213
Депутатъ, или повѣсть о томъ, какъ у Дедемонова 25 рублей пропало	216
Герой-барыня	220
О томъ, какъ я въ законный бракъ вступилъ. Разсказецъ	224
Весь въ дѣдушку	227
Въ гостиной	229
Сушая правда	231
Козель или негодяй	233
Добродѣтельный кабатчикъ. Плачь оскудѣвшаго	234
Прогекція	236
Осенью	238
Дура, или Капитанъ въ отставку. Сценка изъ несуществующаго водевиля	244
Въ ландо	247

Die russische. Natur. Къ рисунку	249
Признавательный нѣмецъ	250
Разъ въ годъ	251
Дочь коммерціи совѣтника. Романъ	255
Опекунъ	258
Знаменіе времени	261
Изъ дневника одной дѣвицы	262
Юристка	263
Начальникъ станціи	264
Въ Рождественскую ночь	268
Гордый человѣкъ	275
Изъ дневника человѣка „подающаго надежды“	279
Отставной рабъ	282
Онъ понялъ!	285

Томъ XIX.

Драма на охотѣ. Истинное происшествіе	5
Двѣ ночи. Совсѣмъ прозаическая исторія	185
75.000.	182
Дядюшкина собака. По случаю выставки собакъ	190
Марья Ивановна	192
Изъ дорожныхъ разговоровъ	195
Либераль. Новогодній разсказъ	198
Комикъ	203
Молодой человѣкъ	205
Местъ женщины	206
Ванька	209
Наивный лѣшій. Сказка	212
Прощеніе	215
Два письма	
I. Серьезный вопросъ	216
II. Стоятельный отвѣтъ	217
Трифонъ	218
Самообольщеніе. Сказка	222
Дачница	224
Съ женой поссорился. Случай	227
Дачное удовольствіе	228
Бѣда	229
Водевилъ	233
Русскій уголь. Правдивая исторія	237
Невидимыя міру слезы. Разсказъ	241
Идиллія	246

Затменіе луны. Изъ провинціальной жизни.	247
Гусиный разговоръ	249
Языкы до Кіева доведеть	250
Въ пріютѣ для неизлѣчимо-больныхъ и престарѣлыхъ.	252
О драмѣ. Сценка	256
И прекрасное должно имѣть предѣлы	258
Речь и ремешокъ	260
Картинки изъ недавняго прошлаго	262
У постели больного	265
Свадьба съ генераломъ. Разсказъ	266
Елка	272
О женщины, женщины!	274
Либеральный душка	277
Разговоръ челоуѣка съ собакой	280
Оба лучше. Разсказъ	282
Безнадежный. Эскизъ	287

Томъ XX.

Скука жизни	5
Въ Сокольникахъ. Сценка.	18
Дипломатъ. Сценка	21
Бумажникъ. Басня въ прозѣ.	25
Кулачье гнѣздо	27
Дачный казусъ. Изъ воспоминаній идеалиста.	31
Вверхъ по лѣстницѣ	35
Стража подъ стражей.	36
Интеллигентное бревно. Сценка	40
Въ аптекѣ. Сценка.	45
Женихъ и папенька. Нѣчто современное.	49
Не судьба	54
Необходимое предисловіе.	58
Свистуны	59
Стѣна.	63
Два газетчика. Неправдоподобный разсказъ	66
Гость. Сценка.	69
Конь и трепетная лань.	73
Утопленникъ. Сценка	77
Староста. Сценка.	81
Послѣ бенефиса. Сценка.	86
Общее образованіе. Послѣдніе выводы зубо-врачебной науки	90

Психопаты. Сценка	94
Индійскій пѣтухъ. Маленькое недоразумѣніе	98
Контрабасъ и флейта. Сценка.	102
Ниночка. Романъ.	107
Безъ мѣста.	112
Талеръ	116
Бракъ черезъ 10 — 15 лѣтъ.	121
Тряпка. Сценка	124
Святая простота. Разсказъ	131
Циникъ. Сценка	136
Magi d'elle	140
Сонъ. Святочный разсказъ	145
Разсказъ безъ конца	150
На рѣкѣ.	158
Любовь	165
День за городомъ	171
Отъ-нечего-дѣлать	177
Чужая бѣда	182
Ты и вы	188
Недобрая ночь. Наброски.	193
На мельницѣ	198
Заказъ	204
Ночь на кладбищѣ. Святочный разсказъ	210
Открытіе.	214
Первый дебютъ	217
Глупый французъ	223
Персона	226
Отрава	230
Въ Парижъ!	235
На дачѣ	240
Въ пансіонѣ	245
Серьезный шагъ.	248
Розовый чулокъ	252
Свѣтлая личность. Разсказъ „идеалиста“	256
Ахъ, зубы!	259
Жилецъ № 31.	261
Драматургъ.	266

Томъ XXI.

Невѣста	5
Кто виновать?	24
Новогодніе великомученики.	28
Бесѣда пьянаго съ трезвымъ чортомъ	31
Мой разговоръ съ почтмейстеромъ	33
Грачъ.	36
Предложеніе. Разсказъ для дѣтви	38

Нытье	40
О бренности. Масленичная тема для проповѣди.	44
Встрѣча	45
Рано!	57
Казакъ	62
Удавъ и кроликъ.	67
Критикъ.	71
Обыватели	76
Одинъ изъ многихъ.	82
Непріятная исторія	89
Докторъ	96
Передъ заглавіемъ. Отрывокъ изъ фееріи	101
Добрый нѣмецъ	104
Злоумышленники. Разсказъ очевидцевъ	108
У знакомыхъ	112
Новогодняя пытка. Очеркъ новѣйшей инквизиціи	130
Весной. Сцена-монологъ	135
Разстройство компенсаціи. Не- оконченный разсказъ	137
Наброски:	
I. У Зелениныхъ	145
II. Калѣка	147
III. Волкъ	148
По Сибири	156
Вишневы садъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ	189
Лѣтній. Комедія въ 4-хъ дѣй- ствіяхъ	236

Письмо донскаго помѣщика Степана Владимировича Н. къ ученому сосѣду д-ру Фридриху	5
Мои жены. Письмо въ редак- цію—Рауля Синей Бороды.	10
Праздничная повинность.	17
Извлеченіе изъ путевого жур- нала	21
Въ вагонѣ. Разговорная пе- рестрѣлка	27
Жизнь въ вопросахъ и вос- клиданіяхъ	30
Сборникъ для дѣтей	33
Французскій балъ. Сонная фантазія	37
Летающіе острова. Соч. Жюля Верна	41
Тысяча одна страсть, или страшная ночь. Романъ въ одной части съ эпилогомъ.	49
Жены артистовъ. Переводъ... съ португальскаго	53
Грѣшникъ изъ Толедо. Пере- водъ съ испанскаго	67
Письмо	73
Путевой разсказъ. Изъ письма къ М. П. Чехову.	79
Первые шаги „Антоши Че- хонте“. Статья А. А. Из- майлова	82
А. П. Чеховъ. Критико-біо- графическій очеркъ А. А. Измайлова	151
А. П. Чеховъ. Въ воспоми- наніяхъ друзей	280

Алфавитный указатель

полнаго собранія сочиненій Ант. П. Чехова

въ 22-хъ томахъ.

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
Агафья	IV	213	Бумажникъ	XX	25
Актерская гибель	IV	54	Вѣглицъ	III	118
Альбомъ	I	25	Вѣда	VII	28
Америка въ Ростовѣ-на-Дону	XXII	109	Вѣда	XIX	229
Анна на шеѣ	XI	10	Вѣллобый	IV	29
Антрепренеръ подъ диваномъ	I	202	Ванька	V	59
Анюта	III	8	Ванька	XIX	209
Аптекариша	I	47	Вверхъ по лѣстницѣ	XX	35
Ариадна	X	188	Верба	XVIII	178
Архіерей	XII	165	Весной	IV	23
Ахъ, зубы!	XX	259	Весной. (Сцена-монологъ)	XXI	135
Бабы	VIII	193	Весь въ дѣдушку	XVIII	227
Бабѣ царство	IX	104	Винтъ	II	151
Баранъ и барышня	XVIII	147	Вишневый садъ	XXI	189
Баронъ	XVIII	63	Водевиль	XIX	233
Барыня	XVII	197	Волкъ	XXI	148
Беззаконіе	IV	40	Володя	VII	3
Беззащитное существо	II	72	Володя большой и Володя маленький	X	3
Безнадежный	XIX	287	Ворона	III	82
Безпокойный гость	IV	164	Воръ	XVIII	182
Безъ заглавія	VI	133	Воры	VI	76
Безъ мѣста	XX	112	Восклицательный знакъ	II	164
Венефисъ соловья	XVIII	211	Воспоминанія объ А. П. Чеховѣ	XXII	280
Весѣда пьянаго съ трезвымъ чортомъ	XXI	31	Враги	V	3
Благодарный	XVIII	142	Встрѣча	XXI	45
Благодѣтели	XVIII	171	Встрѣча весны	XXII	135
Бракъ по расчету	I	63	Въ аптекѣ	XX	45
Бракъ черезъ 10—15 лѣтъ	XX	121	Въ банѣ	I	5
Братецъ	XVIII	155	Въ вагонѣ	XXII	27
Вроженіе умовъ	I	76	Въ гостиной	XVIII	229
			Въ ландо	XVIII	247

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Въ морѣ	XII	126	Дачный казусъ	XX	31
Въ Москвѣ на Трубно-			Два газетчика	XX	66
ной площади	III	13	Двадцать девятое		
Въ нашъ практиче-			юни. (Разгазъ		
скій вѣкъ. Когда			охотника, никогда		
и т. д.	XVIII	151	въ цѣль не пона-		
Въ померахъ	I	185	дающего)	XVII	266
Въ оврагѣ	XII	78	Двадцать девятое		
Въ пансіонѣ	XX	245	юни. (Шутка).	XVII	242
Въ Парижѣ!	XX	235	Двадцать шесть	XVIII	194
Въ потемкахъ	I	42	Два письма	XIX	216
Въ почтовомъ отдѣ-			Два романа	XVIII	134
леніи	I	178	Два скандала	XVIII	49
Въ приютѣ для неиз-			Двое въ одномъ	XVIII	124
лѣчимо-больныхъ			Двѣ ночи	XIX	182
и престарѣлыхъ	XIX	252	День за городомъ	XX	171
Въ родномъ угду	XI	42	Депутатъ, или по-		
Въ Рождественскую			вѣсть о томъ,		
ночь	XVIII	268	какъ у Дедемо-		
Въ сараѣ	III	172	нова двадцатьять		
Въ Сокольникахъ	XX	18	рублей пропало	XVIII	216
Въ ссыльѣ	VII	148	Дипломать	XX	21
Въ судѣ	IV	156	Die russische Natur.	XVIII	249
Въ усадьбѣ	X	39	Длинный языкъ	II	23
Въ ширюльѣ	II	48	Добродѣтельный ка-		
Вывѣска	XXII	109	батчикъ	XVIII	234
Выигрынный би-			Добрый знакомый	XVIII	87
летъ	III	183	Добрый нѣмецъ	XXI	104
Вѣдьма	IV	130	Докторъ	XXI	96
Вѣрочка	IV	143	Дома	IV	120
Гадальщики и га-			Домъ съ мезонномъ	XI	23
дальщицы	XVIII	118	Дорогая собака	I	134
Гамлетъ на Пушкин-			Дорогіе уроки	III	165
ской еписѣ	XXII	130	Дочь Альбіона	II	109
Герой-барыня	XVIII	220	Дочь коммерціи со-		
Глуный французъ	XX	223	вѣтника	XVIII	255
Гордый человѣкъ	XVIII	275	Драма	II	127
Горе	IV	75	Драма на охотѣ	XIX	5
Господа обыватели	I	105	Драматургъ	XX	266
Гость	XX	69	Дура, или капитанъ		
Грачъ	XXI	36	въ отставкѣ	XVIII	244
Гриппа	I	188	Дуракъ	XVIII	199
Грѣшникъ изъ То-			Душечка	XII	14
ледо	XXII	67	Дуэль	VIII	19
Гусевъ	VIII	179	Дѣло о 1884 годѣ	XXII	105
Гусиный разговоръ	XIX	249	Дѣтвора	III	137
Дама съ собачкой	XII	61	Дядюшкина собака	XIX	190
Дамы	II	77	Дядя Ваня	XIV	3
Дачники	I	74	Егеръ	IV	91
Дачница	XIX	224	Единственное сред-		
Дачное удовольствіе	XIX	228	ство	XVIII	131
			Елка	XIX	272

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Жалобная книга	I	206	Изъ дорожныхъ разгово- ровъ	XIX	195
Жена	VII	165	Изъ записокъ вспыльчиваго че- ловѣка	II	5
Женихъ и паненка	XX	49	Изъ конячки курье- зовъ	XXII	145
Женскій гостъ	XXII	104	Изъ огни да въ по- льмя	III	111
Женское счастье	I	21	Именины	VI	100
Женщина безъ пред- разсудковъ	XVIII	157	Индѣйскій пѣтухъ	XX	98
Жены артистовъ	XXII	53	Интеллигентное бревно	XX	40
Живая хронологія	II	161	Интеллигенты - ка- батчики		
Живой товаръ	XVII	108	Интриги	I	173
Жизнь въ вопросахъ и восклицаніяхъ	XXII	30	И прекрасное долж- но имѣть предѣлы	XIX	258
Жилецъ № 31	XX	261	Исповѣдь	XVIII	127
Житейская мелочь	III	36	Исповѣдь или Оля, Женя, Зоя	XVIII	107
Житейскія невзгоды	I	130	Юнычъ	XII	42
Заблудшіе	I	94	Казакъ	XXI	62
Забудь!!!	XVIII	89	Календарь „Будиль- ника“ на 1882 г.	XXII	140
Загадочная натура	I	221	Калѣвка	XXI	147
Задача	V	86	Каникулярныя ра- боты институтки Наденьки N.	XXII	144
Задача	XXII	148	Кавитель	II	144
Задачи сумасшед- наго математика	XXII	143	Каштанскій мун- диръ	II	155
За двумя зайцами погонялись, ни одного не пой- малъ	XVII	218	Картинки изъ не- давняго прошлаго	XIX	262
Заказъ	XX	204	Капитанка	VI	138
Закуска	XVIII	191	Клевета	II	187
Затменіе луны	XIX	247	Книгиня	VII	16
За яблочки	XVII	230	Козель или негодий	XVIII	233
Зеленая коса	XVII	182	Коллекція	XXII	120
Зеркало	IV	65	Комикъ	XIX	203
Зипочка	III	148	Комическія рекла- мы и объявленія	XXII	139
Злой мальчишкѣ	I	165	Контра объявленій Антони Ч.	XXII	138
Злоумышленники	XXI	108	Контрабасъ и флей- та	XX	102
Злоумышленникъ	III	132	Конь и третяная лапа	XX	73
Знакомый мужчина	I	159	Корреспондентъ	XVII	91
Знаменіе времени	XVIII	261	Который изъ трехъ	XVII	274
Ивановъ	XIII	37	Коть	XVIII	208
Иванъ Матвѣичъ	II	66			
Идиллія	XIX	246			
Идиллія увы и ахъ!	XVIII	84			
Извлеченіе изъ пу- тевого журнала	XXII	21			
Изъ дневника одной дѣвицы	XVIII	262			
Изъ дневника по- мощника бухгал- тера	I	163			
Изъ дневника чело- вѣка „подающаго надежды“	XVIII	279			

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
Кошмаръ	V	17	Молодой человѣкъ	XIX	205
Красавицы	IV	3	Морозъ	III	188
Краткая анатомія че- ловѣка			Мошенники поне- волъ	XVIII	120
Крестъ	XXII	98	Моя бесѣда съ Эди- сономъ	XXII	106
Кривое зеркало	II	31	Моя жизнь	XI	118
Критико-биографич. очеркъ А. А. Из- майлова	XXII	151	Моя Нана	XVIII	213
Критикъ	XXI	71	Моя „она“	XXII	101
Крыжовникъ	XII	144	Метитель	I	89
Кто виновать?	XXI	24	Мужики	XI	87
Кулачье гнѣздо	XX	27	Мужъ	I	180
Кухарка женится	II	117	Мыслитель	II	105
Къ характеристикѣ народовъ	XXII	147	Наброски	XVI	145
Лебединая пѣсня	XIII	99	На волчьей садкѣ	XVIII	93
Левъ и солнце	I	197	На гвоздѣ	XVIII	140
Летающіе острова	XXII	41	На дачѣ	XX	240
Либераль	XIX	198	Надлежащія мѣры	I	139
Либеральный душка	XIX	277	Надуль	XXII	90
Листъ	XVIII	189	Наивный лѣшій	XIX	212
Литературная та- бель о рангахъ	XXII	99	Накануиъ поста	III	31
Лишніе люди	I	208	На кладбищѣ	II	34
Лошадиная фамилія	III	17	Налимъ	II	178
Лѣшій	XXI	236	На магнитическомъ сеансѣ	XVIII	163
Любовь	XX	165	На мельницѣ	XX	198
Майонезъ. „Астро- номы сильно“... „Чиновникъ бралъ“... „Когда козелъ“...	XXII	113	На подводѣ	XI	78
Майонезъ. Примѣр- ная находчивость	XXII	93	На пути	IV	177
Мальчики	II	59	Нарвался	XVIII	60
Mari d'elle	XX	140	На рѣкѣ	XX	158
Марья Ивановна	XIX	192	На святкахъ	XII	116
Маска	III	42	На Страстной не- дѣлѣ	III	65
Медвѣдь	XIII	5	Нахлѣбники	III	154
Мелюзга	IV	61	Начальникъ стан- ціи	XVIII	264
Мертвое тѣло	III	143	На чужбинѣ	II	113
Мечь	II	19	Невидимыя міру сле- зы	XIX	241
Мечь	XVIII	72	Не въ духѣ	I	137
Мечь женщины	XIX	206	Невѣста	XXI	5
Мечты	IV	96	Недобрая ночь	XX	193
Много бумагъ	I	153	Недоброе дѣло	IV	115
Мои жены	XXII	10	Ненастье	III	106
Мои остроуты и из- реченія	XXII	112	Ненужная побѣда	XVII	5
Мой разговоръ съ почтмейстеромъ	XXI	33	Необходимое предъ- словіе	XX	58
			Необыкновенный	I	192
			Неосторожность	III	87
			Неприятная исторія	XXI	89
			Неприятность	VI	164
			Нервы	II	27

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
Не судьба	XX	54	„Одному офи-		
Несчастье	IV	194	церу“...	XXII	91
Не тлетворныя мы-			О томъ о семь.		
сли	XXII	111	„Одинъ помъ-		
Неудача	I	113	щикъ“...	XXII	92
Неудачный визитъ .	XVIII	83	О томъ о семь „Одна		
Нечистые трагикки и			изъ пьесъ“...	XXII	94
прокаженные драма-			Отравы	XX	230
матурги	XXII	132	Отставной рабъ . . .	XVIII	282
Ниночка	XX	107	Отъ-вечего-дѣлать .	XX	177
Нищій	III	200			
Новая дача	XI	64	Палата № 6	VIII	124
Новогодніе велико-			Панихида	IV	171
мученики	XXI	28	Палаша	XVII	223
Новогодняя пытка .	XXI	130	Нари	VI	92
Ночь на кладбищѣ .	XX	210	Пассажиръ I-го клас-		
Ночь передъ судомъ .	I	68	са	VI	69
Ну, публика!	II	169	Патріотъ своего оте-		
Нытье	XXI	40	чества	XVIII	166
			Первый дебютъ	XX	217
Оба лучше	XIX	282	Первый любовникъ .	I	143
Оберъ-верхи	XXII	114	Первые шаги „Ан-		
О брѣнности	XXI	44	тоши Чехонте“	XXII	82
Общее образованіе .	XX	90	Передъ затменіемъ .	XXI	101
Объ апрѣлѣ	XXII	136	Передъ свадьбой . . .	XVII	237
Объ юнѣ и юлѣ . . .	XXII	137	Пережитое	XVIII	114
Обыватели	XXI	76	Перекажи--поле . . .	V	71
О вредѣ табака . . .	XIV	142	Переполохъ	III	48
Огни	XVIII	5	Переселилъ	II	173
Одинъ изъ многихъ .	XXI	82	Perpetuum mobile . .	III	70
О драмѣ	XIX	256	Персона	XX	226
О женщинахъ	XXII	123	Печенѣгъ	XI	54
О, женщины, жен-			Писатель	III	61
щины!..	XIX	274	Письма и теле-		
О любви	XII	155	граммы	XXII	133
О мартѣ	XXII	136	Письмо	VI	39
Онъ и она	XVII	287	Письмо	XXII	73
Онъ понялъ!	XVIII	285	Письмо Донского по-		
Онекунъ	XVIII	258	мѣщика Степана		
Опять о Сарѣ Бер-			Владимировича N		
наръ	XXII	129	къ ученому сосѣду		
Ораторъ	I	53	д-ру Фридриху	XXII	5
Орденъ	II	137	Письмо къ репор-		
Осенью	XVIII	238	теру	XXII	97
Островъ Сахалинъ .	XVII	XVI	Плоды долгихъ раз-		
Отецъ	VII	157	мышлений	XXII	111
Отецъ семейства . .	I	109	По дѣламъ службы .	XII	27
Открытіе	XX	214	Полинья	II	81
О томъ, какъ я въ			Попрыгунья	IX	144
законный бракъ			По Сибири	XXI	156
вступилъ	XVIII	224	Послѣ бенефиса . . .	XX	86
О томъ о семь „Ак-			Последняя мори-		
теръ притааетъ“...			канша	IV	44

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
Послѣ театра	III	103	Руководство для желающихъ жениться	XXII	125
Подѣлуй	VI	51	Русскій уголь	XIX	237
Почта	VI	158	Рыбье дѣло	XXII	120
Правила. (Для начинающихъ авто- ровъ)	XXII	94	Рыцари безъ страха и упрека	XVIII	174
Праздничная повин- ность	XXII	17	Рѣпка	XXII	106
Предложеніе	XIII	21	Рѣчь и ремешокъ	XIX	260
Предложеніе. (Раз- сказъ для дѣвицъ).	XXI	38	Ряженые	XVIII	116
Предисловіе	XXII	108	Салонъ де Варьере	XXII	115
Приданое	II	87	Самообольщеніе	XIX	222
Призвательный гѣ- мецъ	XVIII	250	Самый большой го- родъ	XXII	92
Принадокъ	VII	119	Сапоги	II	37
Произведеніе искус- ства	II	133	Сапожники и нечи- стая сила	II	52
Проществіе	III	126	Сборникъ для дѣтей	XXII	33
Пропавшее дѣло	XVII	261	Свадебный сезонъ	XXII	119
Протекція	XVIII	236	Свадьба	II	93
Прощеніе	XIX	215	Свадьба. (Сцена въ 1 дѣйствіи)	XIV	49
Психопаты	XX	94	Свадьба съ генера- ломъ	XIX	266
Пустой случай	IV	105	„Свиданіе хотя и состоялось, но...“	XVIII	78
Путевой разговоръ	XXII	79	Свирѣль	V	63
Пьяные	III	206	Свистуны	XX	59
Пѣвчіе	IV	39	Свѣтлая личность	XX	256
Радость	II	42	Святая простота	XX	131
Разговоръ человѣка съ собакой	XIX	280	Святою ночью	V	31
Размазня	XVIII	149	Сельскіе эскулапы	XVII	281
Разсказъ безъ конца	XX	150	Сельскія картинки. Судъ	XVII	256
Разсказъ госпожи NN.	III	178	75,000.	XIX	185
Разсказъ, которому трудно подобрать названіе	XVIII	153	Серьезный шагъ	XX	248
Разсказъ неизвѣст- наго человѣка	IX	16	Сильныя ощущенія	III	195
Разсказъ старшаго садовника	XII	121	Симулянты	I	101
Разстройство ком- пенсаци	XXI	137	Сирена	I	13
Разъ въ годъ	XVIII	251	Сказка	XXII	98
Рапо!	XXI	57	Скверная исторія	XVIII	98
Rara avis	XXII	90	Скорая помощь	I	215
Ревнитель	XVIII	161	Скрипка Ротшильда	IX	201
Репетиторъ	I	98	Скука жизни	XX	5
Розовый чулокъ	XX	252	Скучная исторія	VII	59
Романъ адвоката	XXII	141	Слова, слова и слова	XVIII	186
Романъ съ контра- басомъ	I	57	Случай изъ прак- тики	XII	3
			Случай изъ судеб- ной практики	I	205
			Случай съ класси- комъ	XVIII	28

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Слѣдователь	IV	12	Тысяча одна страсть, или страшная ночь . . .	XXII	49
Смерть чиновника	II	141	Тяжелые люди	VIII	11
Событіе	IV	207	Убийство	X	159
Совѣтъ	XVIII	145	Угроза	XXII	92
Сонная одурь	I	80	Удавъ и кроликъ	XXI	67
Совѣ	XX	145	У Зелениныхъ	XXI	145
Соебди	X	52	У знакомыхъ	XXI	112
Спать хочется	VII	35	Умный дворникъ	II	45
Справка	I	156	Унтеръ Пришибеевъ	III	3
Средство отъ запоя	I	124	У постели больного	XIX	265
Староста	XX	81	Уираздили!	II	218
Старость	IV	70	У предводителями	IV	35
Старый дождь	IV	17	Устрицы	IV	81
Стень	V	93	Утопленникъ	XX	77
Страдалица	III	25	Учитель	VIII	3
Стража подъ стра- жей	XX	36	Учитель словесно- сти	X	15
Страхи	III	97	Ушла	XVIII	138
Страхъ	IX	3	Филантропъ	XVIII	203
Страшная ночь	I	31	Философскія опре- дѣленія жизни	XXII	113
Студентъ	X	48	Финтифлюшки	XXII	110
Стѣна	XX	63	Французскій багъ	XXII	37
Супруга	XI	3	Жамелеонъ	II	483
Сущая правда	XVIII	231	Хирургія	II	147
Счастливчикъ	I	119	Хитрецъ	XVIII	168
Счастье	V	48	Холодная кровь	VII	41
Съ женой поссо- рился	XIX	227	Хористка	III	91
Тайна	I	84	Хорошіе люди	IX	93
Тайный совѣтникъ	VI	21	Хорошій конецъ	I	148
Талантъ	III	160	Художество	II	212
Танеръ	XX	116	Цвѣты запоздалые	XVII	142
Темнота	II	100	Цинкъ	XX	136
Темною ночью	XVIII	136	Чайка	XIII	117
Темпераменты	XXII	145	Человѣкъ	XXII	107
Тенца-адвокатъ	XVIII	196	Человѣкъ въ фут- лярѣ	XII	130
Тина	VI	3	Черный монахъ	IX	169
Тифъ	V	52	Чтеніе	I	38
То была она!	I	168	Что лучше	XXII	111
Толстый и тонкій	I	19	Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣ- стяхъ и т. п.з.	XXII	160
Торжество побѣди- теля	III	78	Чужая бѣда	XX	182
Тоска	IV	85			
Тость прозаниковъ	XXII	103			
Трагикъ	III	21			
Трагикъ поневолю	XIII	109			
Три года	X	71			
Три сестры	XIV	81			
Трифонъ	XIX	218			
Тряпка	XX	124			
Тесе!	II	15			
Ты и вы	XX	188			

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
Шампанское	VII	142	Юбилей	XIV	65
Шведская спичка	II	192	Юбилей „Будиль- ника“	XXII	102
Шило въ мѣшкѣ	II	122	Юристка	XVIII	263
Шуточка	III	56	Ядовитый случай	XVIII	176
Экзамень на чинъ	I	115	Языкъ до Кіева до- водитъ	XIX	250
			Ярмарка	XVIII	42

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA**
00 330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

— Контора „Нивы“ считает долгом обратить внимание гг. подписчиков на то, что на изготовленных нашу переплетную крышках к соч. А. П. Чехова, А. Ф. Писемского, и Л. А. Мея вытиснены надписи „Заявленъ Отдѣлу Промышленности“ и утвержденная марка Товарищества, и что нашего изготовления являются только переплеты съ указанной надписью и маркой и только того рисунка, который изображенъ на помѣщенныхъ здѣсь снимкахъ. Съ своей стороны, Контора будетъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ всякую поддѣлку.

КРЫШКИ НА ПРИЛОЖЕНІЯ „НИВЫ“ 1911 г.,

изготовленная изъ лучшаго англійскаго колленкора, съ красивыми тиснениями золотомъ и красками по рисунокъ художника Я. Я. Бельзена и др.

3 крышки на до-
полнительныя 12 кн.
полн. собранія сочин.
А. П. ЧЕХОВА

(по одной крышкѣ на каждыя 4 книги).

Цѣна: 3 крышкамъ 75 коп., съ перес. въ Европ. Россіи 1 рубль, а вмѣстѣ съ 6 крышками на первые 16 томовъ, вышедшіе въ 1903 г., — 2 р. 25 к., съ перес. въ Европ. Россіи 2 р. 75 к.

4 крышки на
остальныя 20 книгъ
полн. собранія сочин.
А. Ф. ПИСЕМСКАГО

(по одной крышкѣ на каждыя 5 книгъ).

Цѣна: 4 крышкамъ 1 рубль, съ перес. въ Европ. Россіи 1 р. 25 к., а вмѣстѣ съ 4 крышками на первыя 18 книгъ, вышедшія въ 1910 г., — 2 руб., съ перес. въ Европ. Россіи 2 р. 50 к.

2 крышки на 8
книгъ полн. собранія
сочиненій
Л. А. МЕЯ

(по одной крышкѣ на каждыя 4 книги).

Цѣна: 2 крышкамъ 50 коп., съ перес. въ Европ. Россіи 75 коп.

Крышки имѣются красн., зелен., коричне., бордо, кремъ, орѣхъ и синяго цвѣтовъ. При выпискѣ полныхъ комплектовъ крышекъ просимъ обозначать 2—3 желательныхъ цвѣта на случай замѣны распроданнаго цвѣта другимъ, а при выпискѣ крышекъ на книги соч. Чехова и Писемскаго за 1911 г. — цвѣтъ уже ранѣе выписанныхъ крышекъ на первые томы сочиненій этихъ авторовъ.

1 крышка на

журналъ „НИВА“ 1911 г.

Цѣна этому перепл. на полн. томъ журн. за весь годъ — 75 к., съ перес. въ Европ. Россіи 1 р.

Выписывающіе одновременно крышки на соч. Чехова, Писемскаго и Мея, на „Ниву“ и „Литер. Прилож.“ платятъ за совмѣстную перес. въ Европ. Россіи лишь 1 р.

КРЫШКИ НА „НИВУ“ И ПРИЛОЖ. за прошлыхъ лѣтъ:

Соч. ГАРШИНА. Ц. 1 крышки на полн. собр. соч. 25 к., съ перес. въ Европ. Рос. 40 к. Соч. ГОРБУНОВА. Ц. 2 крышк. на полн. собр. соч. 50 к., съ перес. въ Европ. Рос. 75 к. Соч. ГАУПТМАНА, ЖУКОВСКАГО. Ц. 3 крышк. на соч. каждаго автора 75 к., съ перес. въ Европ. Рос. 1 р. Соч. гр. А. ТОЛСТОГО, ГЕНР. ИБСЕИА. Ц. 4 крышк. на полн. собр. соч. кажд. автора 1 р., съ перес. въ Европ. Рос. 1 р. 25 к. Соч. ГАМСУНА. Ц. 5 крышк. на полн. собр. соч. 1 р. 25 к., съ перес. въ Европ. Рос. 1 р. 50 к. Соч.: УСПЕНСКАГО, ГЕЙНЕ, ГОГОЛЯ, ГРИГОРОВИЧА, БОБОРЫКИНА. Цѣна 6 крышкамъ для полнаго собр. сочиненій каждаго изъ означенныхъ 5 авторовъ 1 р. 50 к., съ перес. въ Европ. Россіи 2 руб. Соч. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО, ДАНИЛЕВСКАГО, ГОНЧАРОВА, ТУРГЕНЕВА. Цѣна 7 крышк. для полн. собр. соч. каждаго изъ означенныхъ 4-хъ авторовъ 1 р. 75 к., съ перес. въ Европ. Россіи 2 р. 25 к. Соч. САЛТЫКОВА-ШЕДРИНА, СТАНИУКОВИЧА, ЛѢСКОВА, ДОСТОЕВСКАГО. Цѣна 12 крышк. для полн. собр. соч. каждаго изъ этихъ 4-хъ авторовъ 3 руб., съ перес. въ Европ. Россіи 3 р. 50 к. Соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА. Цѣна 16 крышкамъ на полн. собр. соч. 4 руб., съ перес. въ Европ. Россіи 4 р. 75 к.

3 крышки на 12 книгъ

„Литературныхъ Приложений“ за 1911 г.

(по 1 крышкѣ на 4 книги). Цѣна 3 крышкамъ 75 к., съ перес. въ Европ. Россіи 1 р.

Выписывающіе одновременно крышки на соч. Чехова, Писемскаго и Мея, на „Ниву“ и „Литер. Прилож.“ платятъ за совмѣстную перес. въ Европ. Россіи лишь 1 р.

Цѣна 1 крышки на полный томъ журн. „Нива“ за каждый изъ прошлыхъ годовъ — 75 к., съ перес. въ Европ. Россіи — 1 руб. Цѣна одному комплекту крышекъ на 12 книгъ „Литер. Прилож.“ за каждый изъ прошлыхъ годовъ — 75 коп., съ перес. въ Европ. Россіи — 1 руб.

Требованія адресовать въ Контору журнала „НИВА“, Спб., ул. Гоголя, 22.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ СПБ.

Сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ:

I. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ,

въ 12 томахъ. 16 изданіе.

Редакція Н. С. Тихонравова. Съ біографією, составл. В. И. Шенрокомъ, 2 портретами, факсимиле и автографомъ Гоголя, нѣсколькими собственноручными его рисунками и съ примѣчаніями редактора. 2660 стр., in 8.

Учен. Комит. М. Н. П. допущено въ безпл. народн. читальни и бібліотеки, а также въ ученич., старшаго возраста, бібліотеки средн. учебн. заведеній.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ 6 переплетахъ 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

II. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ,

въ 1 большомъ томѣ, 17 издан.

Редакція Н. С. ТИХОНРАВОА и В. И. ШЕНРОКА. Съ портретомъ Гоголя, біограф. очеркомъ В. И. Шенрока и съ примѣч. редактора.

1) Учен. Ком. М. Н. П. допущено въ ученич. бібліотекъ низш. учебн. завед. 2) Учен. Ком. при Св. Синодѣ одобрено для учен. бібліотекъ дух. семин. и женск. духовно-учебн. заведеній. 3) Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Импер. Маріи допущено въ фупд. бібліотеки всѣхъ учебн. завед. 4) Гл. Упр. Военно-учебн. завед. рекоменд. для чтенія кадетъ старш. клас. кадетскихъ корпусовъ.

Большой томъ, компактно напечат. въ 2 столбца (1636 столбцовъ въ больш. 8-ю д. . . на превосходной бумагѣ, четкими шрифтомъ.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ перепл. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 30 к.

III. 15 КНИЖЕКЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНИЙ

слѣдующихъ произведеній **Н. В. ГОГОЛЯ** (съ художественно-исполненными рисунками и виньетками М. Зичи, П. Соколова, Р. Штейна, И. Храброва и др.):

	Брош.	Пер.
1. Коляска. (15 рис.)	5 к.	8 к.
2. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. (30 рис.)	6	9 "
3. Вій. (38 рис.)	9	12 "
4. Майская ночь или утопленница. (31 рис.)	7	10 "
5. Сорочинскіе ярмарка. (37 рис.)	6	9 "
6. Носъ. (17 рис.)	6	9 "
7. Страшная исторія. (37 рис.)	8	12 "
8. Тарасъ Бульба. (28 рис.)	18	23 "
9. Пронавшая грамота. (12 рис.)	5	8 "
10. Ночь передъ Рождествомъ. (46 рис.)	10	14 "
11. Женитьба. (13 рис.)	8	12 "
12. Шинель. (45 рис.)	8	12 "
13. Заколдованное мѣсто. (14 рис.)	5	8 "
14. Ревизоръ. (30 рис.)	20	25 "
15. Старосвѣтскіе помѣщики. (50 рис.)	6	9 "

Всего 15 книжекъ, цѣною 1 р. 27 к., въ папковыхъ переплетахъ 1 р. 80 к. Выписывающіе 1 книжку прилагаютъ на перес. заказ. бандеролью 10 к., отъ 2—4 книжекъ — 20 коп., отъ 5—9 книжекъ—30 коп., отъ 10—15 книжекъ—43 коп.

Всѣ 15 книжекъ: 1) Учен. Ком. М. Н. П. допущены въ ученичскія бібліотеки средн. учебн. заведеній и въ безпл. читальни и бібліотеки; 2) Одобрены Военно-Учебн. Ком. и включены въ каталогъ книгъ, одобренныхъ къ обращ. въ войскахъ; 3) Гл. Упр. военно-учебн. заведеній рекомендованы для чтенія воспитанниковъ кадетск. корпусовъ, и 4) Учебн. Ком. при Св. Синодѣ книжки: 3, 4, 5, 8, 10, 12, 14 и 15 одобрены для ученич. бібліотекъ духовн. семинарій, мужск. училищъ и женск. духовно-учебн. заведеній.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ уличн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, № 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

F

24.113/
22